

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

7/2011

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

эксклюзивно
для
tutkaskes.org

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

- В преддверии полного раскола. Противоречия и конфликты в российской социал-демократии 1908—1912 гг. 3

СТАТЬИ

- А.В. Майоров — Даниил Галицкий и Фридрих Вин-
ственный: русско-австрийские отношения в сере-
дине XIII в. 32

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- И.В. Курукин — Артемий Петрович Волынский 53

СООБЩЕНИЯ

- Е.Н. Соколов — Чрезвычайный революционный на-
лог 1918 года. Идея и практика 79
- А.А. Хисамутдинов — Старообрядцы: из России в Аме-
рику через Китай 90

...водит
...года
...ция
...ила
...РОСЫ
...РМИ
...а

.. Чернова-Дёке — Миграционная политика и становление немецких колоний на Кавказе в начале XIX в.	103
Е.А. Осипов — Советско-французские отношения в период президентства Ж. Помпиду (1969—1974 гг.)	114
В.В. Прилуцкий — Движение американских националистов-нативистов. 1830—1860-е годы	121

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

В.П. Гарматный — Ликвидация чересполосицы на землях Западной Беларуси в 1921—1929 гг.	135
И.В. Зимин — Мария Петровна Фредерикс	140
М.Б. Щавелёва — Арзамас: от провинциального города к уездному центру	149
Ж.В. Кагазежев — Этнотерриториальная сепарация адыгов в позднем средневековье	154
В.В. Мионов — Представление о воинском долге в Австро-Венгрии в 1914—1918 гг.	159

ИСТОРИОГРАФИЯ

И.С. Бакланова — Осмысление русской эмиграцией исторического опыта гражданской войны	163
Ю.А. Поляков — Я.Г. Рокитянский. Гуманист октябрьской эпохи: академик Д.Б. Рязанов — социал-демократ, правозащитник, ученый	171

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

В преддверии полного раскола.

Противоречия и конфликты в российской
социал-демократии 1908—1912 гг.

IV. Раскол общепартийных центров. Борьба за созыв общепартийной конференции.

Конец мая — начало августа 1911 г.

Документы №№ 81—94

81. Г.В. Чичерин — И.С. Биску

Париж, 30 мая 1911 года

Лично. От одного меня

В связи с борьбой 1) из-за созыва ЦК в России или пленума за границей] (б[ольшевик]ки требуют последнего ради возвращения денег) и 2) из-за отказа держателей сумм ¹ дать деньги ЗБЦК для субсидии «Правде» произошло след[ующее]: А) в ЗБЦК ² было голосование о пленуме; за созыв пл[енума] за гр[аницей] б[ольшевик] и п[оляк]; за то же, с оговоркой: «если выяснится в ближ[айшем] буд[ущем] невозможность созыва ЦК в Р[оссии]» — м[еньшевик] и л[атыш]. Воздерж[ался] б[ундовец]. В) м[еньшевик], бу[ндовец], л[атыш] против б[ольшевика] [и] п[оляка] постановили обратиться к иностранным хранителям денег по поводу поведения рус[ских] хранителей.

На след[ующий] день 1) полька [С. Гольденберг] заявила, что отстраняется и ее заменит Т[ышко]; 2) б[ольшевик] заявил, что ЗБЦК, не принимая немедл[енно] загр[аничного] пл[енума], стало на незаконную почву и потому перестало существовать, и он не желает заседать с несуществующим учреждением.

Одновременно б[ольшевик]ки и п[оляк]ки-ц[е]к[и]сты пригласили других на совещание загр[аничных] ц[е]к[и]стов (очевидно, с целью созыва внеуставного, помимо ЗБЦК, загр[аничного] пл[енума]). (Все кас[ающееся] созыва пл[енума] особо конспиративно).

Член ЗБЦК б[ольшевик] был кассир и ушел с кассой. М[еньшевик], бу[ндовец] и л[атыш] пока продолжают заседать, вызывают кассира для возвр[ращения] кассы, б[ольшевиков] для приглашения заседать в ЦК, п[оляка] на заседание. Вот пока ситуация.

С тов. приветом *Орнатский*

Повторяю: созыв пл[енума] есть факт весьма конспиративный. Об остальных же фактах можно покамест говорить лишь очень осторожно, с большим разбором.

Сами решайте, кого и как информировать.

[6 июня 1911 года]

...Решение прошлогоднего пленума нашего ЦК о порядке заведования и расходования партийных денег, находящихся на руках у Ленина. Эта мера должна будет затруднить, а то и вовсе помешать осуществлению им переворота, о котором он давно мечтает. Правда, люди, весьма заслуживающие доверия, утверждают, что Ленин и К^о утаили от партии для целей своей клики по крайней мере 100 тыс. руб.^{*4}, что, конечно, дает ему возможность проводить свои планы и без официальных партийных фондов. Но, во-первых, это все же не освобождает нас, равно как и тебя, от обязанности выступить против использования принадлежащих партии фондов для целей, направленных во вред партии. А во-вторых, если после этого Ленин все же пустит в ход денежные средства для осуществления своих дезорганизаторских планов, то этим он даже самым наивным и доверчивым товарищам покажет, что в прошлом году он и его преторианцы циничнейшим образом ввели в обман ЦК и партию. Это сильно способствовало бы прозрению наивной массы насчет движущих мотивов ленинской «партийной политики», что может только быть полезно в смысле восстановления каких-то нормальных отношений в нашей партии.

Чтобы составить себе объективное представление о наших внутренних раздорах, наши иностранные товарищи, как ты, Меринг, Адлер¹ и т.д., должны были бы внимательно выслушать также...^{*4а}, или еще лучше — вызвать к себе для допроса обе фракции, предложив им явиться с их партийно-литературными документами на руках. Что касается нас, то мы с радостью согласимся подвергнуть себя такому допросу со стороны элиты наших интернациональных друзей и весьма охотно подчинимся требованию отвечать на все вопросы с представлением, в устной или письменной форме, нужных документальных данных. Говорю: также и партийно-литературные документы, так как Ленин и К^о (и — стыдно сказать — также и Плеханов, после того как мы не подчинились его приказу объявить Потресова ревизионистом и предателем, — Потресова, который так же далек от оппортунизма и предательства и т.п., как и любой из известных марксистов, как и Плеханов сам), обвиняют нас в ревизионизме, реформизме и т.д... Но довольно об этом. По крайней мере на сегодня.

Я собираюсь скоро поехать в Швейцарию. Не думаешь ли и ты с Луизой провести там каникулы, или, быть может, вы уже останетесь на юге Германии? Я бы в таком случае подъехал туда, чтобы повидаться с вами, но ни в коем случае не с тем, чтобы докучать вам нашими русскими делами.

Если ты и Луиза ответите мне на это письмо, то очень прошу сообщить мне о себе, в особенности о вашем здоровье, и также сообщите мне, где вы будете летом.

Сердечный привет вам и вашим «мальчикам».

Дружески, твой Павел^{*5}

83. А.Н. Потресов — Ю.О. Маргову²

12 июня (30 мая) 1911 года

...Сейчас с величайшим нетерпением жду от Вас статей: как полит[ическое] обозрение, так и из заграничного отдела. Приходится употреблять чрезвычайные усилия, чтобы собрать номер, ибо те немногие, что остались в живых, расплозаются, чтобы пастись на травке и лечиться (как, например, М. Балаб[анов]^{*6}). После июньского номера, очевидно, придется сделать перерыв и следующую двойную — июль-августовскую книжку — выпустить в конце августа. Это единственная возможность — в частности для меня —

выбраться из Петерб[урга] хотя бы на некоторое время, чтобы повидать свою дочь в Крыму. Подумываю я также самым серьезным образом о том, как бы устроиться так, чтобы повидаться с Вами и другими друзьями. Чувствую, что это необходимо, но пока еще не реализую себе, как это сделать. Напишите, каковы Ваши планы на лето. Вы, должно быть, уже прочли теперь последний номер «Звезды» со статьями Дневничного, и особенно Н-ва (очевидно, Негорева *7). В «Н[ашей] з[аре]» и «Д[еле] ж[изни]» появится одинаковое фактическое опровержение, по поводу которого могу только сказать, что Негореву не поздоровится *8. Вот дурака сваял, дав нам благодарнейший повод разоблачить поведение «Звезды». А если Вы затем со своей стороны посвятите «Звезде» несколько теплых слов, то и это будет неплохо.

Подумываю о том, чтобы в одной из ближайших книжек популяризовать Вашу брошюру *9, поговорить о содержащихся в ней фактах и напасть одновременно и на «Мысль». А то сейчас ее сравнительно еще мало знают — эту Вашу брошюру. В ней только одна Ахиллессова пята: это непонятность для всякого читателя Вашего долготерпения, возможности и допустимости — после подобных фактов — ради каких бы то ни было соображений вступать в компромиссы с героями подобных поступков. Тут надо было с самого начала во имя спасения п[ар]тии сказать громко — *heraus!* [вон!] Ну, до следующего раза.

Жму крепко руку.

Ваш А. Попр[ечов].

Бьюсь в числе прочего над финансовым положением «Н[ашей] з[ари]». Черт его знает, как сейчас трудно найти деньги...

84. Д.З. Мануильский — Г.А. Алексинскому

Около 12 июня 1911 года *10

Дорогой Григорий Алексеевич,

Простите, что не сейчас же Вам ответил, но я ждал собрания группы, на котором мог узнать очень много нового, но не знаю, для Вас интересного [ли]. Все это новое — те же комбинации из свистящих и шипящих *11, комбинации в верхах, едва ли имеющие в судьбах рабочего движения хоть какое-либо значение. Начну Вам описывать «ликвидаторскую» политику Ленина.

Ильич настолько зарвался, что решил взрывать даже тот формальный оттенок единства, который как будто еще существовал. Дело началось с того, что Семашко (да, Григорий Алексеевич, Семашко!) распустил ЗБЦК, т.е. ушел с него, забрав всю кассу и объявив, что это почтенное собрание больше не существует. ЗБЦК потребовал деньги, но Семашко объявил себя их держателем, при этом я Вам прилагаю листок ЗБЦК *12, в котором почтенные мужи «Avenue d'Orléans» с недоумением спрашивают, что это за новые нравы. Действительно, нравы вполне оригинальные; раньше, когда кассиры забирали кассу, они хоть скрывались в Америку, а теперь разгуливают в Fontenay aux Roses *13. Кроме того, в Париж съехались те остатки заграничных цекистов, которые имелись в русских колониях, и свой *vacuum* объявили чем-то вроде пленума *14; призвали к отчету Ленина. Ленин решил действовать по рецепту Игоря [Горева] (помните, когда он советовал в Москве все распустить): они с Григорием [Зиновьевым] заявили, что уходят из ЦО с явным намерением взорвать и ЦО, но тут случилось то, чего никто не предвидел: поляки отказались следовать за Ильичом [Лениным], на другой день Григорий и Ильич снова вступили в ЦО, и, по-видимому, пойдут на уступки. Постановили созвать конференцию и порешили создать Организационную комиссию, но до сих пор неизвестно, будет ли эта ОК в России или за границей, будет ли она выбрана организациями или создана центральными учреж-

дениями и, наконец, в-третьих, какие течения в ней будут представлены. Вот те пертурбации, которые взволновали наше болотное царство.

Вторым вопросом, волнующим заграничные круги, является «общепартийная» (с позволения сказать) школа *¹⁵. До сих пор съехалось девять человек и три вольнослушателя из Парижа: понятно, ленинца (для нейтрализации). Все девять человек находятся в постоянном общении со Станиславом и Луначарским; те не раз были у нас, вели беседы и т.д. В школьной комиссии решили в лекторы провести Станислава и Луначарского, а также и Вас. Ваше имя в качестве лектора имеет для нас принципиальное значение, хотя Вы и не будете принимать в ней участия. Нужно, чтоб они проводили не тех, кого они хотят, а кого группа делегирует. В среде слушателей уже наметились группировки: есть три явных впередовца (из Екатеринослава, Петербурга и Сормова), пять нейтральных, четыре ленинца (причем три парижских вольнослушателя). «Правда» прислала Аркадию [Ф. Калинин] очень любопытный документ *¹⁶: три петербургских района приняли единогласно (а другие районы тоже, наверное, примут) резолюцию протеста против того, что «общепартийная» школа стала на явно фракционный путь, что никаких выборов в Петербурге не производилось, а просто-напросто агент ЦК *¹⁷ назначил по своему усмотрению трех лиц (причем один все же оказался впередовцем). Резолюция составлена во впередовском духе: ясно, что ленинцы потеряли свое значение в Петербурге, судя по тому единодушию, с каким резолюция везде проходила и проходит. Вот, дорогой Григорий Алексеевич, какие новости у нас, и, кажется, больше ничего нет нового.

Теперь перейду к нашим делам: от школьников никакого известия нет, особенно большой свиньей оказался Арсений [Степанченков] ³, который не прислал ни строки *¹⁸, а только стороной узнали, что Глеб [Н. Глебов-Авилов] ⁴ сел *¹⁹, о других ни слуху ни духу. В этом отношении дела обстоят неважно, № 2 сборника [«Вперед»] переправлен, но лежит на складе, так как некому организовать распространение. Только на днях поехал сочувствующий человек, которому даны кой-какие директивы снестись с Петербургом. Третий сборник еще не пошел, ждут, пока наладится связь между «Вперед» и русскими работниками. Вообще в этой области мало могу сказать утешительного. Карл *²⁰ писал, что проездом через Питер слышал об Арсении [Степанченкове], который якобы слег в больницу.

Новый, 4-й сборник *²¹, вероятно, будет предметом обсуждения ближайших собраний, но я, право, не знаю, имеет ли смысл за него приниматься до тех пор, пока не налажены связи. Главное, никого нельзя винить. Аркадий [Ф. Калинин] писал много раз, но никто почему-то не отвечает; писал заказными письмами — эффекта ни малейшего. Хотя в последнее время как будто начинают вырисовываться кое-какие перспективы.

Был я у Мастера [Я. Страуяна], и вместе читали его брошюру *²²: я бы стоял за то, чтобы ее выпустить, но почему-то в группе медлят, считают ли несвоевременным, или просто на них повлияло мнение Менжинского, уверявшего, что брошюра слаба.

Да, вот еще к Вам просьба, которую просил написать Луначарский. Буршев должен группе 800 фр. и до сих пор не отдает — не можете ли Вы как-нибудь повлиять на него, чтобы он отдавал хоть по частям, например, по 100 фр. *²³?

Крепко жму Вам руку обоим.

Вас любящий Митя.

Не удивляйтесь моему стилю: пишу это письмо два дня на службе, пользуясь обеденным перерывом.

14 июня 1911 года

Лично. Неофициально

Уважаемый товарищ!

Держат ли голосовцы Вас в курсе дела всего происходящего? Положение — очень мрачно. И Игорь [Горев], и затем бундовец [Либбер] ушли с «совещания» вследствие его превращения в учреждение *²⁴. Итак, б[ольшеве]вки по собственному рецепту состряпали учреждение, и это учреждение по собственному рецепту состряпает новый ЦК. В их руках деньги, кресло в Интернационале, ЦО, и они будут кричать: «единственное средство спасти партию, ликвидаторы срывают» и т.д. Мне лично кажется абсолютно необходимым организовать широкую кампанию протестов. В Париже будет на днях общепартийное собрание протеста. Как настроено в Швейцарии «общественное мнение»? Б[ольшеве]вки поставят м[еньшеви]ков в положение отщепенцев: М[ихаил], Р[оман] и Ю[рий] не пошли-де в ЦК, теперь воссоздается ЦК, и м[еньшеви]вки срывают, м[еньшеви]вки сами себя ставят-де вне партии. Таким образом фирма и аппарат останутся в руках Ленина. Выборы в Четвертую Думу будут проводиться б[ольшеве]вками. М[еньшеви]вки окажутся бессильной кучкой не у дел, вроде впередовцев. Возрождающееся рабочее движение будет вливаться в ленинские организационные рамки. Положение мне представляется ужасно печальным. Правда, я вообще Schwarzseher [пессимист], но от таких гадостей можно действительно прийти в отчаяние.

С тов. приветом Орнатский.

Мартов будет около 8-9 июня в Мюнхене и может вернуться через Цюрих и прочесть реферат. Это важно для свидания с публикой.

86. Г.В. Чичерин — И.С. Биску

21 июня 1911 года

Лично. Конфиденциально

Уважаемый товарищ!

В «Совещ[ании] загр[аничных] ЦК[и]стов» были смешаны разные принципы. Каждый («ЦК[и]сты вообще», «участники прошлого пленума», «им[е]ющие право уч[аствовать] в буд[ущем] пленуме») был применен, *поскольку это нравилось устроителю* *²⁵.

В результате пять лиц — три б[ольшеве]вка, два пол[яка] *²⁶ (латыш был «для информации») — захватили власть, объявили себя высшим учреждением, создали избират[ельный] комитет *²⁷, агентуру ЦК («Техн[ическую] ком[иссию]» *²⁸), ОК *²⁹, кот[орые] будут *под их контролем*. У них деньги: они свезут тот пленум и ту конференцию, *кот[орые] им удобны*. «Представители течений» приглашены в ОК для «совместной работы», их права неясны, «директивы прошлого пленума» будут истолковывать те пять бонапартов. Эти пять могут посадить в ОК еще своих людей, «прошлых» и «будущих» «ЦК[и]стов». Этим пятерым будут подчинены представители организаций в России.

Они могут это делать потому, что у них деньги; на б[ольшую] ч[асть] партии им наплевать, п[отому] что нет денег. Это беспримерная в истории раб[очего] движения всех стран плутократия, диктатура посредством капитала, взятие на откуп социал-демократического движения, худшее разращение партии.

Необходимы повсемест[ные] протесты (также по поводу прис[утствия] в Межд[ународном] б[юро] Ленина ⁵, поставившего себя вне партии). Париж скоро вынесет протест.

С тов. приветом Орнатский.

24 июня 1911 года

Ко всем членам партии

Товарищи! Происшедшие за последние дни события в ЗБЦК вынуждают нас обратиться с настоятельным заявлением к тем, кому дорого партийное единство, кто готов дать решительный отпор всякой попытке раскола.

27 мая вышел из ЗБЦК его кассир, б[ольшевик] А. [Н. Александров-Семашко], причём *захватил с собою кассу ЗБЦК, кассовые книги и отчеты и все дела, находившиеся в его заведовании, в том числе сношения с Россией и транспорт.* Этот беспримерный поступок сопровождался следующим письмом А., адресованным трем членам ЗБЦК: м[еньшеви]ку И. [Гореву], представителю Бунда Б. [Либеру] и представителю СДК Ш. [Шварцу] *31.

«Товарищам Б., И. и Ш.,

Констатируя, что последнее (26 мая) голосование ЗБЦК по вопросу о созыве пленума было последним шагом в вашей политике срыва ЦК; что этим решением вы окончательно завершили ту политику раскола и поддержки антипартийных фракций, которую вы вели при нашем с представителем П[ольской] С[оциал-]д[емократии] противодействии все время и особенно с декабря месяца прошлого года; что этот последний шаг ЗБЦК является уже прямым издевательством не только над духом, но и прямой буквой решений последнего пленума, я заявляю, что ЗБЦК, окончательно отказавшись исполнять партийные законы, тем самым ликвидировало само себя как партийное учреждение. Поэтому я считаю отныне ЗБЦК, как сорванное вами учреждение, не существующим, и от совместного заседания с вами, как членами несуществующего учреждения, отказываюсь.

Н.А.

27 мая 1911 года».

Одновременно с этим представитель СДПил в ЗБЦК — тов. С. [С. Гольденберг — «Станислав»] — был заменен тов. Т[ышко], который участвовал в заседании ЗБЦК после ухода б[ольшевик]а А.

Таким образом, б[ольшевик] А. один, своей властью, объявил ЗБЦК распущенным, предусмотрительно унеся с собою при этом кассу.

Переходя к его «мотивировке», необходимо упомянуть и о другом документе *32, poslanном в тот же день некоторым членам ЗБЦК и исходящем от трех б[ольшевик]ов: товарищей Ленина, Г. [Зиновьева] и В. [Власова-Рыкова], писавших от своего имени и по доверенности двух членов СД[К]Пил — товарищей Т[ышко] и Д[зержинского]. Это — приглашение на «собрание ц[е]кистов, живущих за границей», которое должно взять на себя инициативу по созыву пленума ЦК ввиду того, что ЗБЦК «вопреки прямому смыслу устава ЦК (см. п. 10/3)» *6 вновь отклонило предложение о созыве пленума ЦК».

Эта ссылка на устав, равно как и на отклонение будто бы Заграничным бюро ЦК созыва пленума заключают в себе *заведомую неправду*. Устав ЦК, и именно пункт 10/3 гласит (см. № 11 ЦО): пленум ЦК созывается «в случае провала более половины русской части ЦК, если арестованные не могут сейчас же быть заменены наличными кандидатами». *Такого положения сейчас в России нет*, и наличных кандидатов для созыва Русской коллегии ЦК достаточно *33. Но несомненно тем не менее, что если Русскую коллегию ЦК почему-либо в ближайшем будущем собрать нельзя, то пленум ЦК является единственным выходом из создавшегося положения.

Поэтому когда в ответ на предложение тов. И. [Горева] о созыве предусмотренной прошлым пленумом комиссии для разбора вопроса о деньгах б[ольшевик]а А. предложил: «комиссии на созывать, а созвать пленум», члены ЗБЦК И. и Ш. (товарищ бундист воздержался) заявили, что будут голосовать за это

предложение в случае принятия следующей поправки: «если в ближайшем будущем выяснится невозможность собрать Русскую коллегию ЦК». Это означало, что раньше, чем предпринять столь ответственный шаг, как созыв пленума, ЗБЦК должно запросить оставшихся в России членов Бюро ЦК, созывают ли они в ближайшем будущем Русскую коллегию или нет. Эта поправка была *отвергнута* голосами б[ольшеви]ка и представителя ПСД [С. Гольденберг], чем они ясно доказали, что не желают допустить не только собрания Русской коллегии ЦК, но даже запроса членам Русского б[юро] ЦК³⁴. При таких условиях товарищи И. и Ш. голосовали против предложения о созыве пленума без предварительного запроса русских членов ЦК, и ни одно предложение не получило большинства в ЗБЦК.

Итак, совершенно очевидно, что ссылка на голосование ЗБЦК есть лишь первый попавшийся предлог, и притом предлог, основанный на искажении фактов: ЗБЦК *от созыва пленума*, если бы это оказалось необходимым в данном случае, *отнюдь не отказывалось*.

Чтобы еще ярче представить себе поступок б[ольшеви]ка А. и тех, кто его поддерживает, нужно упомянуть, что накануне захвата кассы б[ольшеви]ком А., 26 мая, в ЗБЦК была предложена и потом принята следующая резолюция: «Принимая во внимание: 1) что последний пленум ЦК поручил ЗБЦК хранение партийного имущества, за которое, следовательно, ЗБЦК несет ответственность перед ЦК и перед партией в целом; 2) что уполномоченные пленумом ЦК для хранения “держательских” денег три иностранных товарища, несущие моральную ответственность за эти суммы, не только этих сумм не получили, но до сих пор не осведомлены даже о том, сколько из них уже истрачено, равно как и о возникших денежных претензиях и протестах по поводу их расходования и хранения; 3) что на сообщенную тов. Ленину резолюцию ЗБЦК от 3 марта, предлагавшую передать имеющиеся у тов. Ленина и составляющие предмет спора деньги для фактического хранения назначенным пленумом “держателям”, ЗБЦК до сих пор никакого ответа не получило; 4) что ввиду нового протеста ред. “Правды” по поводу незаконного лишения ее благодаря ультиматуму трех б[ольшеви]ков назначенной ей пленумом субсидии, ЗБЦК должно, наконец, снять с себя ответственность за это самоуправство, — ЗБЦК *постановляет*: немедленно довести до сведения трех иностранных товарищей отчет в количестве израсходованных уже из “держательского” фонда сумм вместе с имеющимися денежными претензиями и со всей относящейся к тому перепиской и резолюциями ЗБЦК.

Настоящая резолюция доводится до сведения трех большевиков и редакции “Правды”. 26 мая 1911 года».

И вот, чтобы дискредитировать ЗБЦК перед этим его решительным шагом, и предпринята эта беспримерная попытка раскола: б[ольшеви]к А. забыл лишь, что, как ни велика «власть денег» в некоторых кругах нашей партии, но захватом кассы не мстят учреждению, ответственному лишь перед назначившим его ЦК.

Первыми шагами ЗБЦК были попытки разрешения вопроса внутриорганизационным путем: оно вызвало живущего в другом городе тов. Ш.³⁵ (так как адрес нового представителя ПСД тов. Т[ышко] был ему еще неизвестен), предложило А. [Семашко] явиться на ближайшее заседание ЗБЦК для сдачи кассы и всех дел и, наконец, обратилось к другим большевистским кандидатам, тов. М. [А. Любимову — «Марку»] (бывшему члену ЗБЦК) и тов. Г. с предложением заменить А. Но ни А., ни Г. [Зиновьев] ничего не ответили. Товарищ же М. представил следующее заявление:

«Товарищам Б., И. и Ш. Уважаемые товарищи! Я не могу принять сделанного мне вами предложения войти в ЗБЦК, ибо не считаю себя членом

этого учреждения, из которого я вышел уже несколько месяцев назад. С тов. приветом *М[арк]*».

Тогда ЗБЦК категорически потребовало у А. сдачи кассы и пригрозило ему поднять вопрос о предании его партийному суду. Вместе с тем, ввиду наступления начала месяца и связанных с этим временем обычных расходов, ЗБЦК предложило тов. Ленину послать чек на сумму 1000 фр. по адресу временного кассира ЗБЦК тов. Б. [Либер] (представителя Бунда). Тов. Ленин ничего не ответил, а бывший кассир А. оставил в ЗБЦК следующую записку:

«Меня крайне изумляет ваше настойчивое требование отдать кассу несуществующему учреждению, закончившему свои дни неслыханным нарушением партийных законов. Чтобы не волновать вас больше, категорически заявляю вам, что кассу и дела я сдам единственно правомочному в данный момент собранию — созываемому на понедельник (5 июня) совещанию ц[е]-кистов. А. [*Н. Семашко*]. 2 июня 1911 года».

Наконец, заведующий экспедицией и типографией б[ольшевик] М. *36 отказался подчиниться контролю ЗБЦК и заявил, что считает партийное имущество «находящимся в распоряжении держателей».

Ввиду того, что как помещение ЗБЦК, так и партийная типография фактически захвачены большевиками, ЗБЦК вынуждено снять с себя всякую ответственность за это партийное имущество.

Что же касается «совещания членов ЦК, живущих за границей», то оно после долгих проволочек наконец состоялось, но с самого начала приняло такой характер, что сперва м[еньшевик], а потом представитель Бунда вынуждены были его покинуть *37.

Теперь, когда напечатаны его «резюми», всем очевидно, что оно открыто стало на путь раскола и захвата власти в партии несколькими никем не уполномоченными кандидатами ЦК. Само собой понятно, что ЗБЦК считает *незаконными* как само совещание, так и все созданные и созываемые им «учреждения».

ЗБЦК будет продолжать свою деятельность до тех пор, пока оно не сможет отдать в ней отчет перед ЦК, и в первую очередь оно ставит именно вопрос о созыве законного пленума ЦК.

Заграничное бюро ЦК.

88. Заявление Б.И. Горева («Игоря») о «Совещании членов ЦК» *38

[24 июня 1911 года]

Письмо в редакцию

1. В «Извещении» так называемого «Совещания членов ЦК, живущих за границей», говорится, что «голосовец И. покинул собрание немедленно после конституирования — до принятия каких бы то ни было решений». И только. Эта скромность авторов «Извещения» заставляет меня довести до сведения товарищей несколько подробнее о моем поведении на этом «Совещании». Я согласился пойти на него, так как не имел официального подтверждения, что инициаторы его одобряют произведенную А. [Александровым-Семашко] экспроприацию партийной кассы и документов. Но я заранее заявил им в письме, что их ссылка на голосование ЗБЦК, нарушившее будто бы устав, сделана совершенно всуе. На собрании я прежде всего поставил вопрос о его составе, так как для меня непонятно было, каким критерием руководствовались инициаторы, приглашая одних и не приглашая других.

Ответы инициаторов меня нисколько не удовлетворили и показали лишь, что у них в полном смысле была «своя рука владыка». Тогда я внес следующий протест: «Заявляю решительный протест против состава данного собра-

ния. Не являясь ни собранием лондонских кандидатов, живущих за границей (так как не приглашены ни тов. Д., ни тов. М., ни тов. З. *³⁹), ни собранием участников прошлого пленума (так как нет товарищей М., Дн., М., К. и Т. *⁴⁰, и есть товарищи, на прошлом пленуме не бывшие *⁴¹), ни, наконец, собранием участников возможного будущего пленума (так как представители Бунда и СДЛК *⁴² делегируются каждый раз их ЦК и не могут быть никем «приглашены» *^{42а}, а тов. В[ласов-Рыков] никаким правом участия в пленуме, согласно уставу ЦК, не обладает *⁴³), — данное собрание является совершенно случайным и произвольно, в кружковых интересах составленным совещанием членов партии и потому лишь как таковое может рассматриваться».

Между тем, из поднявшейся дискуссии для меня выяснилось, что инициаторы «совещания» стоят на почве произведенного «переворота» и готовы присвоить себе весьма широкие полномочия, далеко выходящие за пределы совещания нескольких кандидатов ЦК. Тогда я внес нижеприведенное заявление о своем уходе, но, ввиду некоторых замечаний, что оно преждевременно, я сделал последнюю попытку поставить точки над *i* и внес резолюцию, что данное собрание есть чисто совещательное и что оно не может принимать никаких практических шагов. Эта резолюция была отвергнута путем перехода через нее к очередным делам. Тогда я окончательно внес следующее заявление: «Решительно протестую против попытки частной группы лиц захватить власть в партии. Созыв пленума ЦК может быть произведен лишь законно существующими организациями, т.е. Бюро ЦК в России, ЗБЦК или, в крайнем случае, если предыдущие инстанции почему-либо не могут это сделать, центральными комитетами национальных организаций, совместно с областными организациями, и совещание, подобное настоящему, может лишь высказать пожелание и направить его в соответственное партийное учреждение. Всякая же попытка любого частного собрания членов партии *^{43а} присвоить себе организационные функции есть самозванство и издевательство над партийным правом, есть попытка раскола, особенно если она организована так, как настоящее собрание. В подобной попытке я, представитель меньшевиков, участвовать не желаю и уйду».

II. Выпущенный знаменитым отныне А. [Семашко] листок *⁴⁴ состоит из ряда лживых утверждений и «обвинений» по адресу ЗБЦК, и некоторые из них я, как секретарь ЗБЦК и единственный член его, находящийся в нем с самого пленума ЦК, не могу оставить без ответа, так как всегда могут найтись наивные люди, не представляющие себе предела, до которого могут пасть субъекты вроде А., думающие, что «нет дыма без огня».

1. ЗБЦК будто бы ничего не сделало для объединения заграничных групп. Это ложь. Тотчас же после пленума ЗБЦК устроило ряд совещаний с [Центральным] б[юро] з[аграничных] г[рупп], выбранным на Базельском съезде огромным большинством групп и пользующимся полным их доверием. Вполне приемлемый модус соглашения, предложенный ЦБЗГ, был отвергнут тогдашним большевистским большинством ЗБЦК (не без содействия самого А., не бывшего тогда членом ЗБЦК и зачем-то приглашенного на совещание в качестве наемного секретаря прежнего, «дореформенного» ЗБЦК, которое именно и создало раскол за границей). Результаты совещаний были тогда же доведены до сведения всех заграничных товарищей как ЗБЦК, так и ЦБЗГ *⁴⁵.

2. ЗБЦК постановило распространять в партийном транспорте «Голос социал-демократа» в России. Если бы ЗБЦК это сделало, оно, по существу, сделало бы весьма полезное дело. Но суть не в этом теперь, а в том, что и тут А. искажил факты. ЗБЦК с самого начала постановило для осведомления русских товарищей перевозить «Дневник социал-демократа» Плеханова в количестве 200-300 экземпляров. Затем, на таких же основаниях, оно согла-

силось перевозить 500 экз. «Раб[очей] газ[еты]». Поэтому, когда администрация «Голоса социал-демократа» предложила ЗБЦК перевозить в Россию 300 экз. «Голоса социал-демократа», то ЗБЦК, конечно, не могло отказать «Голосу» в том, что оно сделало для «Рабочей газеты»^{45а}. Но решение это осталось платоническим: администрация «Голоса» не воспользовалась разрешением, зная, что транспортеры фактически не исполнили бы постановления ЗБЦК, так как большевики давно уже захватили в свои руки как переписку с Россией, так и транспорт, который оставался без всякого контроля со стороны ЗБЦК^{*46}.

3. ЗБЦК потворствовало «впередовской» школе и мешало «комитету партийной школы». Ложь. Оно лишь не желало применять к «впередовским» ученикам скалозубовских приемов, и, когда перевезенные в Париж в «партийную» школу ученики «впередовской» школы обратились в ЗБЦК с жалобой на «комитет партийной школы» (*в котором хозяйничал тот же А.*, грозивший ученикам изгнанием с квартиры и другими видами экономического террора, если они не откажутся от требования «школьной автономии»), ЗБЦК попыталось явиться посредником и уладить конфликт. Но большинство «школьного комитета» отвергло его посредничество, и тогда ЗБЦК вынесло резкую резолюцию по поводу поведения «школьного комитета», являющегося верным подражателем Кассо^{*47}.

4. Но верхом бесстыдства является утверждение А., что ЗБЦК «широкой рукой, прямо по-мотовски расходовало партийные средства». Это говорит бывший кассир, сам тративший деньги и хорошо знающий, что нормальные расходы все до мелочей были определены пленумом ЦК, а если ЗБЦК расходовало деньги сверх бюджета, то *исключительно* по требованию Ленина и К^о или в их интересах, при моих протестах или воздержании, причем широко субсидировались покровительствуемые Лениным легальные издания и столь же широко практиковалось «радение родным человечкам» большевиков. Также были ассигнованы 10 тыс. франков на партийную школу, на которую пленум не назначил ничего и которая превратилась в новый фракционный центр большевиков.

Были случаи, когда деньги тратились *одним А.* при воздержании всех остальных членов ЗБЦК.

И теперь этот рыцарь обвиняет большинство ЗБЦК в мотовской трате партийных денег! Прием, вполне приличествующий тому, кто экспроприировал партийную кассу в пользу своих «хозяев», Ленина и К^о, достойным агентом которых он является.

И.

89. А.Н. Потресов — Ю.О. Маргову⁷

25 (12) июня 1911 года

Дорогой Ю.О.!

Только что получил Ваш ответ Н[егоре]ву. Он прямо превосходен. Жалко делать в нем какие-либо изменения, но, очевидно, придется, потому что он запоздал к 5-й кн. «Н[ашей] з[ари]» и может пойти только в следующей, а следовательно, должен будет считаться со статьями в «Д[еле] ж[изни]» и «Н[ашей] з[аре]», дающими ответ от имени тех, кто вел в П[етербур]ге петиционную кампанию: кое-что придется сократить, кое-что дополнить или несколько иначе сказать. Вы сами увидите это из прилагаемой Вам статьи Юрия Чацкого (кн[ижка] «Н[ашей] з[ари]» выходит послезавтра). Только не испортите своего настроения и сохраните в Вашей статье весь ее первоначальный колорит. Не беда, что некоторые аргументы Ваши совпадают с аргументами Ю. Чацкого. Не выбрасывайте их, ибо они лучше бьют противника, чем это делает Чацкий. Нужна только ретушевка в смысле согласования статей...^{*48}

Задал нам работу В. Розанов^{*49}. Из прилагаемого Вам номера «Звезды» Вы увидите, что Ленин и К^о воспользовались его статьей в № 4 «Д[ела] ж[изни]». Статья, действительно, неприятная — я ее, признаться, до сего дня и не читал, а когда прочел, то был неприятно поражен. Не подлежит сомнению, что у В. Розанова есть действительно какой-то уклон к ревизионизму. У меня возникает мысль, не воспользоваться ли редакционным ответом, присланным Вами на его статью о подготовке к выборам^{*50}, и ответить заодно на его статью в «Д[еле] ж[изни]». Его перенос центра тяжести с подсчета числа голосов избир[ателей] на число мандатов проскальзывает и в статье о подгот[овке] к выборам^{*50а}. Затем следовало бы, может быть, ответить ему в более решительном тоне. Публика, которая на днях собиралась^{*51} (еще до ст[атьи] в «Звезде»), была настолько недовольна его статьей о подготовке к выборам, что настаивала либо на ее непомещении, либо по крайней мере на ее отложении до июль-август[овской] книжки. На днях будет еще раз обсуждаться этот вопрос, и тогда напишу Вам опять^{*52}.

Статья Ф.И. [Дана] (я пишу ему) идет уже в июльскую книжку^{*53}. Хочу его теперь просить написать статью — Итоги думской сессии^{*53а}. Не знаю, как быть с иностр[анным] отделом. По этой части сейчас плохо. Прислал статью Нахимсон о разногл[асиях] в лев[ом] крыле герм[анской] социал-демократии, но статья оказалась неудачна. Хотел просить Розанова написать вторую статью об австр[ийских] выборах (о их результатах), но сейчас у меня встают Bedenken (сомнения, размышления. — Ю.Ф., Г.Ч.). Хорошо бы, если бы Вы дали статью об эльзас-лот[арингском] вопросе^{*54 8}, а также если бы была прислана статья Констанса^{*55} о страхо[овом] вопр[осе] во Франции. А. Мартынову я написал, не даст ли он заметку о Ключевском^{*56}, но пока еще нет ответа. Идет у нас в июльской книжке статья Кнуньянца⁹ «Старое и новое»^{*57}, об избират[ельной] кампании статья Чацкого^{*58}, полит[ическая] статья Маевского и, возможно, Заславского^{*59}. К. Дмитриев [П.Н. Колокольников] обещал серию статей о проф[ессиональном] движении, Velox [А.Н. Гинсбург] — экон[омический] обзор. От Пилецкого до нас дошла пока только статья о дороговизне жизни, которую, вероятно, пустим в июньской книжке^{*60}.

Вы спрашивали о франц[узской] статье одного автора^{*61}, статью, о которой Вам одобрительно писал и Влад. Ос. [Левицкий]. Эта статья, по-видимому, осталась у Вл. Ос., я, по крайней мере, ее не могу сейчас нигде найти, а в свое время я ее передал ему... К вопросу о том, когда бы мы могли с Вами встретиться, вернусь в следующий раз. Сейчас никак не могу еще распутать клубок своих личных дел и дел по устройению «Н[ашей] з[ари]».

Ну, кончаю. Всего хорошего.

Жму крепко руку. А. Потрес[ов]

P.S. Заодно уж посылаю и коррект[урный] оттиск статьи Радина-Кнуньянца.

90. Вопрос о созыве пленума в ЗБЦК^{*62}

27 июня 1911 года

Ко всем членам партии

Ввиду того, что большевиками упорно выдвигается против ЗБЦК обвинение в том, что оно «срывало» созыв пленума ЦК, мы считаем необходимым восстановить перед товарищами в кратких чертах документальную «историю» этого вопроса.

5 декабря 1910 г. три б[ольшевика], Ленин, Г. [Зиновьев] и К. [Камнев] подали в ЗБЦК заявление, что они требуют возвращения фактически хранящихся у них спорных денег и для разбора тяжбы, в которой одной стороной являются эти три б[ольшевика], а другой — ЦК, настаивают на созыве пленума ЦК.

Вопрос этот стал предметом обсуждения ЗБЦК. Б[ольшевик] [Семашко] и представитель ПСД [С. Гольденберг] требовали немедленного исполнения требования трех большевиков. М[еньшевик] [Горев] высказался против созыва пленума, полагая, что нет налицо тех условий, при которых созыв его *обязателен*, а по существу считая его попыткой раскола со стороны Ленина. Наконец, представители Бунда и СДЛК запросили свои центральные комитеты. Так как сноситься приходилось с Россией, то получение ответов затянулось. Наконец, ЦК СДЛК сообщил следующую резолюцию: «Принимая во внимание, что в настоящее время, когда еще не существует Русская коллегия ЦК РСДРП, на пленарное заседание ЦК РСДРП могли бы явиться из России в лучшем случае лишь некоторые *отдельные* товарищи и даже последние не смогли бы дать верного отчета о состоянии организаций в России; что вследствие этого нельзя надеяться на то, что пленум, который будет состоять главным образом из эмигрантов и который не будет иметь даже определенных сведений о состоянии организаций в России, сможет вынести решения, которые действительно могли бы быть проведены в жизнь и быть применены к настоящим нуждам организаций, ЦК СДЛК высказывается *против* созыва пленума ЦК РСДРП в настоящее время и настаивает на необходимости организовать Русскую коллегию ЦК РСДРП, и, дабы добиться этого, ЦК СДЛК обещает приложить со своей стороны все свои силы».

При этом представитель СДЛК писал в ЗБЦК: «Что касается эмигр. пленума, то, если он все же состоится, наш ЦК примет в нем участие с *совещательным* голосом в целях *информации*. Причем он сохраняет за собой право не подчиниться решениям подобного заграничного, эмигрантского пленума, ибо в голосовании его представитель участия не примет».

Против созыва Заграничного пленума высказался и ЦК Бунда, противопоставляя ему созыв Русской коллегии ЦК, и это было всецело одобрено состоявшимся в конце февраля совещанием при ЦК Бунда (см. № 1 «Информационного листка ЗО Бунда») *63.

Наконец, против пленума высказались и б[ольшевик]ки, члены Временного бюро ЦК, жившие в России и занятые созывом Русской коллегии *64.

При таких условиях в конце января 1911 г. в ЗБЦК была предложена и принята следующая резолюция: «Признавая, что предложение большевиков о созыве пленума для решения вопроса о деньгах находится в согласии с решением последнего пленума, ЗБЦК вместе с тем находит, что, ввиду организации в близком будущем заседания узкого состава ЦК, созыв пленума является нецелесообразным, и во всяком случае само решение вопроса о созыве пленума предлагает перенести на решение узкой коллегии ЦК».

В поданном при этом заявлении б[ольшевик]к А. [Семашко], протестуя против первой части резолюции и указывая, что, когда вопрос первоначально был выдвинут, не было надежды на созыв русского ЦК, в конце говорит: «Что касается предложения тов. Б. [Либеря], ввиду близкого созыва русского ЦК, передать на его решение вопрос о пленуме, то против этого, при данном положении дела, я не возражаю».

А три б[ольшевик]ка, Л. [Ленин], Г. [Зиновьев] и К. [Каменев], в письме от 31 января в ответ на сообщенную им резолюцию ЗБЦК о пленуме писали: «За срыв пленума, таким образом, вся ответственность ложится на Вас, и против такого Вашего образа действий мы решительно протестуем, оставляя за собой право бороться против него прежде всего путем опубликования всей процедуры. Но вместе с тем предстоящий созыв узкого состава ЦК есть, конечно, очень важное *новое* обстоятельство. Его нельзя было предусмотреть, когда мы подавали нашу заявку и когда казалось, что усилиями русских и заграничных ликвидаторов ЦК парализован надолго. Решениям хотя бы

узкого состава ЦК мы, разумеется, придаем очень большое значение, и мы соглашаемся поэтому на то, чтобы трехмесячный срок (см. резолюцию пленума) считался с момента принятия резолюции ЗБЦК, дабы узкий состав ЦК не был слишком стеснен во времени».

Итак, продолжая кричать о «срыве», как б[ольшеве]к А., так и его хозяйка на самом деле признали данное решение ЗБЦК соответствующим обстоятельствам и не протестовали против его резолютивной части.

Между тем Русскую коллегию ЦК собрать не удалось, и тогда член ЗБЦК тов. И. [Горев] внес в середине мая предложение о созыве предусмотренной прошлым пленумом комиссии для разбора вопроса о деньгах *⁶⁵, так как считал недопустимым дальнейшее существование того положения, при котором фактическими распорядителями партийных денег являются три частных лица *⁶⁶, а ЗБЦК играет лишь роль регистратора тех расходов, которые угодны Ленину. Это предложение не получило большинства в ЗБЦК: б[ольшеве]к и представитель ПСД голосовали против, а товарищи бундовец и латыш воздержались. Взамен этого предложения б[ольшеве]к А. [Семашко] внес предложение о созыве пленума. Судьба этого предложения известна из предыдущего обращения ЗБЦК. Оно прошло бы в ЗБЦК, если бы б[ольшеве]к и представитель ПСД не голосовали против предварительного запроса оставшимся в России членам Бюро ЦК.

Наконец, после уже известных событий, 15 июня в ЗБЦК была предложена тов. И. [Горевым] и *принята* (всеми голосами против тов. Т[ышко]) следующая *резолюция*: «Ввиду того, что

1. попытка ЗБЦК созвать пленум ЦК, снесясь предварительно с членами ЦК, живущими в России, относительно возможности созвать Русскую коллегию ЦК, не могла осуществиться благодаря голосованию б[ольшеве]ка А. и представителя СДПиЛ тов. С. [«Станислава» — С. Гольденберга], высказавшихся против этого предварительного шага,

2. что после того попытка взять в свои руки созыв пленума сделана была созданным по инициативе большевиков и ПСД так называемым «Совещанием членов ЦК, живущих за границей», т.е. никем не уполномоченной группой лиц,

3. что, помимо явной незаконности и самозванного характера этой попытки, как состав, так и характер самого «совещания» указывают, что попытка эта или затеяна с целью раскола, или неизбежно приведет к нему,

4. что при таких обстоятельствах единственным выходом из создавшегося положения является созыв пленума ЦК Заграничным бюро его, как единственным в настоящий момент законно существующим центральным учреждением партии —

ЗБЦК *постановляет*: не откладывать больше созыва пленума ЦК за границей и употребить все усилия, чтобы он собрался в *ближайшем будущем*.

С этой целью оно обращается за содействием к Ц[ентральным] к[омитетам] национальных организаций и областным организациям нашей партии и напоминает, что, согласно уставу, в первую очередь приглашаются на пленум, после членов действующей в России коллегии, все работающие в России «лондонские» кандидаты ЦК».

Заграничное бюро Центрального комитета.

91. Ю.О. Мартов и Ф.И. Дан — о расколе в редакции «Социал-демократа» *⁶⁷

Париж, 28 (15) июня 1911 года

Заявление

Ввиду имевших место за последнее время попыток расколоть партию путем образования произвольно подобранных новых центральных учреждений, независимых от партии и не подчиняющихся решениям ЦК, нижепод-

писавшиеся предложили редакции ЦО выступить публично с протестом против раскольнической попытки и с заявлением о признании законности ЗБЦК, как учреждения образованного ЦК и могущего быть распущенным лишь последним.

От З. Ледера — делегированного социал-демократией Польши и Литвы члена редакции ЦО — мы получили на наше письмо ответ, гласивший, что он не считает нужным выступать с таким заявлением, ибо «по существу вполне солидарен» с тем «Совещанием», которое пыталось узурпировать права партийных центров. В то же время З. Ледер указывает, что остальные два члена редакции ЦО — Ленин и Зиновьев — в качестве участников «Совещания», естественно, не могут быть согласны подписать заявление, протестующее против образа действий этого «Совещания».

Таким образом, большинство редакции ЦО, полномочия которой имеют *единственным* своим источником волю последнего пленума ЦК, открыто становится на сторону группы, окончательно ликвидирующей решения этого пленума.

Но такая ликвидация имеет свою логику: грубо нарушая установленный пленумом порядок образования и функционирования партийных учреждений и ставя на место учреждений, избранных пленумом, произвольно подобранные новые, большинство редакции ЦО тем самым *делает недействительными полномочия*, полученные от пленума и не могущие быть замененными никакими частными сделками между отдельными членами партии.

Отказываясь признавать законное существование ЗБЦК, большинство редакции тем самым формально *уничтожает контроль* этого учреждения, признанный пленумом в известных вопросах *необходимым условием* функционирования Центрального органа.

Лишая ЗБЦК денежных средств, большинство редакции тем самым *приостанавливает издание ЦО*; ибо всякий орган, издаваемый помимо ЗБЦК, может быть лишь *частным* органом отдельных партийных групп и организаций, но никак не тем *Центральным* органом, издание которого было поручено пленумом именно ЗБЦК и к участию в редакции которого мы были приглашены.

Поэтому, *сохраняя за собою полученные от пленума полномочия* и предоставляя свой литературный труд в распоряжение законных центральных учреждений партии, мы вместе с тем заявляем, что не будем впредь принимать никакого участия в редакции газеты «Социал-демократ», которая является в наших глазах лишь *частным* изданием узурпаторской группы, *до тех пор*, пока её редакция не откажется от поддержки партийного переворота, не подчинится законным учреждениям партии и не передаст всей издательской части в руки ЗБЦК.

Немедленно по конституировании Русской коллегии ЦК или законно составленного пленума мы внесем предложение о назначении новой редакции ЦО, а пока приглашаем всех товарищей направлять все письма, материалы и т.д., предназначенные для будущей законной коллегии ЦО, в ЗБЦК или лично нам.

Члены редакции ЦО *Л. Мартов, Ф. Дан*

P.S. Копию настоящего заявления мы направляем иностранным «держателям» и в Международное социалистическое бюро.

92. Бунд — о расколе Заграничного бюро ЦК *68

28 июня 1911 года

Ко всем членам Заграничной организации Бунда

Товарищи! В самое последнее время в заграничной части РСДРП произошли события, грозящие уничтожить в корне всякое партийное единство.

Заграничный комитет Бунда считает необходимым познакомить вас со своим отношением к этим событиям.

Началось с решительного нападения на Заграничное бюро, которое, как известно, является представителем ЦК РСДРП и в известных, довольно широких, пределах уполномочено действовать от его имени. Учреждение это, в котором большевистское течение, при наличном соотношении сил, обречено на роль меньшинства, не могущего проводить в нем свою политику, давно уже возбуждает неудовольствие большевиков и признается ими одним из сильнейших препятствий к упрочению и расширению их власти в партии.

Повод для сведения окончательных счетов с этим мешающим им учреждением выбран был ими в связи с голосованием, относившимся к пленарному собранию ЦК. Представитель большевиков в ЗБЦК, его кассир, воспользовавшись тем, что ни одно предложение по вопросу о созыве пленума не получило большинства, заявил о своем выходе из ЗБЦК, совершив при этом действия, беспримерные в летописях партии: законно выбранное учреждение, в котором остались представленными меньшевики, СДПиЛ, Бунд, СДЛК, т.е. подавляющее большинство партии, он объявил «несуществующим» и, чтобы вырвать из-под него материальную основу, унес кассу, кассовые книги, отчеты и разные дела, включая все, что касается сношений с Россией и транспорта.

Ответственность за эти неслыханные поступки большевистского уполномоченного падает не на него одного, но прежде всего и главным образом на его доверителей. В листке *69, обращенном к членам РСДРП, он заявляет во всеуслышание, что действовал «по соглашению с представителями делегированного его течения». Ни это заявление, ни его поведение не было дезавуировано посланными его большевиками. Они солидаризировались с действиями своего представителя. Таким образом, сделана была открытая попытка разрушить единственный законно существующий центр, единственное учреждение, служащее теперь связующим звеном между отдельными частями партии и воплощающее ее единство.

За этой попыткой последовал вскоре в том же направлении шаг еще более решительный. Частное совещание нескольких «членов ЦК, живущих за границей», созданное по инициативе некоторых большевиков и членов ПСД, после ухода с него меньшевика и бундовца, вступило уже на путь ничем не прикрытого раскола и явного нарушения партийной конституции: оно присвоило себе права высшей партийной инстанции и создало ряд центральных учреждений — «комитет» для устройства пленума ЦК, «Организационную комиссию» по созыву конференции, «Техническую комиссию» для ведения текущих дел, распределив между ними функции и полномочия существующего и действующего ЗБЦК и даже самого ЦК. Совещание действовало при этом тем смелее, что сами инициаторы его лишили ЗБЦК всякой возможности распоряжения партийным имуществом, надеясь таким образом парализовать его деятельность.

Такой образ действий, вызвавшийся в попытке ликвидации органа, созданного верховною партийною властью в лице пленарного собрания ЦК, и в постановке на его место учреждений, образованных в порядке частной инициативы, опрокидывает все основы партийного права и партийной дисциплины и открывает широко двери политике личного усмотрения.

Положение, при котором на место воли правомочного коллектива становится произвол частных, никем не уполномоченных групп, ни в каком случае терпимо быть не может. Единственно законным центром в партии является в настоящий момент ЗБЦК. До тех пор, пока не собралась так называемая Русская коллегия ЦК, ему одному принадлежит исключительное

право созыва предусмотренной уставом инстанции (плenums), ему же, и только ему, предоставлено заведование текущими делами — по издательству, транспорту и пр. Всякие другие учреждения, создаваемые частным образом рядом с ним и в замену его, незаконны.

Организационные шаги, предпринятые частным совещанием, не только не имеют ни малейшего основания в партийном законе, но и не могут быть оправданы теперь даже той «неотложной необходимостью», к которой апеллировали вначале большевики, так как ЗБЦК на своем заседании 15 июня постановило «не откладывать больше созыва пленума ЦК за границей и употребить все усилия, чтобы он собрался в ближайшем будущем». После этого сохранение созданной частным совещанием организации, в которую вошли представители большевистской Заграничной группы и СДПиЛ, может иметь только одну цель: ценою открытого раскола обеспечить за определенным фракционным течением господство в партии.

Заграничный комитет Бунда

93. Ф.И. Калинин — Г.А. Алексинскому

28 июня 1911 года

Дорогой Григорий Алексеевич!

...Вы, конечно, знаете о вакханалии, которая творится в наших Центрах и о том совещании, устроенном ленинцами, на котором решали вопрос о созыве пленума и о праве лиц, которые могут принять участие в нем. На этом совещании решали также вопрос о созыве конференции [и] о способе ее организации. Меньшевиками по этому поводу на прошлой неделе было устроено собрание с приглашением всех членов партии *70. Мне, между прочим, на этом собрании быть не пришлось по той же причине, по которой я не мог тотчас же ответить на Вашу открытку *71. На этом собрании официально от группы выступал Луначар[ский]. Речь его имела большой успех. Ко мне заходили представители всех течений и все без исключения восхищались ею. Он отчитывал, главным образом, примиренцев *72 и ленинцев и излагал наши взгляды на созыв конференции в духе выпущенного нами манифеста *73. Сегодня будет продолжение собрания *74, на нем выступит от нас Станислав [Вольский], воздаст должное меньшевикам и разовьет свои положительные взгляды, т.е. взгляды группы.

После первого собрания, на другой день, к Луначарскому приходили Тышко, Власов [Рыков] и Лева [М. Владимиров] вести переговоры о соглашении. После их посещения по городу стали усиленно распространяться слухи, что мы вступили в блок с ленинцами, распространяли такие слухи главным образом ленинцы. Мы на публичном собрании заявили, что ни с кем ни в какие келейные разговоры вступать не намерены. Если кто хочет совместно с нами работать, тот может публично излагать свои взгляды по организационному вопросу и по вопросам политическим, тогда всем будет видно, возможно ли с данным течением то или иное соглашение.

Нами в школьную комиссию было подано заявление о желании в нее ввести представителя группы «Вперед». Через некоторое время мы получили от школьной комиссии ответную резолюцию, в которой высказывается порицание устройству сепаратной школы и [заявлено] что если мы признаем резолюцию прошлогоднего пленума по поводу школы, то они ничего не имеют против нашего выступления. Мы решили им ответить резолюцией, в которой от вступления в школьную комиссию отказываемся ввиду продолжения ими неприличной прошлогодней политики, а постановления пленума считаем незаконными и для себя необязательными, резолюцию же их считаем верхом неприличия. Когда составится резолюция, я вам пошлю *75.

У меня на днях был знаменитый ленинский Сема [С.М. Семков], который вначале обходил всех лидеров, уверяя их в своей нефракционности *76. Он организовывал в России выборы в теперешнюю ленинскую школу. Ему пришлось быть в целом ряде городов, я спрашивал его о положении организаций и настроении рабочих. Настроение, рассказывал он, растет всюду, интерес к партии тоже, состояние организаций находится в периоде конструирования. В Питере, по его мнению, преобладают впередовцы, а в других городах ленинцы. Он приходил, очевидно, что-нибудь вынюхать. Вел разговор на ту тему, что в России и здесь возможно работать только с впередовцами, а от ликвидаторов необходимо отделиться. На другой день приходили другие ленинцы и пели те же песни. Они говорили: вот и слушатели все говорят, что в России с впередовцами мы работаем вместе, а с ликвидаторами не можем работать.

Тышко спрашивал Ваш адрес. Как идут Ваши дела? Как здоровье? Двигается ли болезнь к окончательному выздоровлению? Что с Вашими литературными работами? Что Вы слышите нового из России? От Арсения [Степанченкова] ни слуху, ни духу, также и от других слушателей.

Мне в России, очевидно, придется готовить выборы на конференцию *77.

Тышко у Ленина взял субсидию в 6 тыс. франков, это за то, что подписал листок на совещании *78. У ленинцев осталось денег 80 тыс. фр. *79, 40 тысяч они думают оставить на избирательную камп[анию]. Скоро, значит, им наступит конец, в особенности при их расходах.

Вкладываю в письмо листки *80...

Жму руку. Ваш Аркадий

94. Резолюция цюрихской группы

[Около 29 июня 1911 года]

Ко всем членам партии

Цюрихская группа РСДРП констатирует:

1) Группа членов тайного от партии сообщества БЦ, руководимая Лениным, воспользовавшись данной ей условной амнистией в 1910 г., занималась систематически в течение полутора лет дезорганизацией партийной работы: она вероломно удержала в своих руках деньги, которые по договору должны были перейти в распоряжение «держателей», равно как удержала в своих руках все заграничные технические средства партии, благодаря чему официальное учреждение партии, ЗБЦК, очутилось у нее в униженной зависимости и было парализовано в своих действиях; она превратила ЦО и «Дискуссионный листок» из органов общепартийных в орудие односторонней и беспримерной фракционной травли. Она, злоупотребив доверием Русского и Заграничного бюро ЦК, против воли обоих воспользовалась фактом отказа трех меньшевиков вступить в ЦК, а равно и правом своим отвода кандидатов для того, чтобы сделать невозможным созыв ЦК в России для работы и необходимым его созыв за границей для склоки. Она при первой же попытке агитации за созыв общепартийной конференции подняла травлю против инициатора агитации тов. Троцкого, возведши на него клеветническое и лицемерное обвинение в том самом, что она теперь откровенно сама совершает, т.е. в том, что конференция созывается помимо ЦК. Она открыла поход против единственной нелегальной рабочей газеты «Правда», полезность которой признана была единодушно всеми фракциями на пленуме ЦК, и самовольно наложила руку на назначенную ей субсидию потому лишь, что «Правда» отказалась стать орудием партийной склоки. Она, доказав на опыте свое бессилие создать партийную школу, в то же

время систематически травила школу, организованную группой «Вперед». Она путем интриг помешала совместной работе всех фракций на поприще легальной печати в России, вопреки точному постановлению пленума, пользуясь тем, что оно не подлежит опубликованию *82. Она своей систематической травлей, насколько могла, дезорганизовала работу в открытых рабочих организациях в то время, как эти организации подвергались жесточайшим гонениям со стороны правительства и проявляли героические усилия в борьбе за свое существование. Она, наконец, вставляла палки в колеса первому после многих лет открытому выступлению рабочих в защиту коалиционных прав (петиционная кампания), вызвавши этим возмущение в широких рабочих кругах.

2) Упомянутая группа лиц, таким образом, в течение полутора лет по мере своих сил старалась разрушать все партийные начинания в области нелегальной и легальной работы из страха, что самостоятельность рабочего класса и тесно связанных с ним социал-демократических групп окончательно подорвет основы бесконтрольного; интендантского ¹⁰ хозяйничанья этой группы. Когда же она убедилась, что законные партийные рамки слишком тесны для ее разрушительной работы, когда ЗБЦК решило, наконец, апеллировать к иностранным «держателям», затронув, таким образом, главный жизненный нерв группы — *кошелек*, она немедленно, на другой же день совершила открытое нападение на партию, так сказать, нападение «со взломом». Через агента своего А. она захватила у ЗБЦК партийную кассу, экспедицию, транспорт, конспиративные связи и пр., самовольно объявив ЗБЦК несуществующим. Одновременно она организовала «Временное правительство», так называемое «Совещание Ц[ентральных] к[омитет]ов», в состав которого входят четыре члена старого БЦ *83, Т[ышко] (поляк, одновременно заседающий и в ЗБЦК, и в «Совещании», упразднившем ЗБЦК) и, наконец, латыш, не являющийся представителем латышского ЦК. Этот воскресший БЦ, вопреки воле огромного большинства партии (меньшевиков, плехановцев, бундистов, латышей, группы «Вперед», группы «Правда») узурпировал, наряду с деньгами, также права и функции ЦК и приступил, никем не уполномоченный на это, к организации подтасованного пленума, подтасованной избирательной кампании, подтасованной общепартийной конференции и подтасованного Заграничного бюро.

Все перечисленные преступления группы лиц, руководимой Лениным, завершившиеся переворотом первых чисел июня, угрожают самому существованию РСДРП. Однако наша партия имеет достаточно славных революционных традиций. Огромное большинство ее членов слишком уважает себя, чтобы дать себя терроризировать кучке авантюристов, слишком честны, чтобы преклониться перед силой их кошелька, слишком стойки, чтобы беспомощно опустить руки, когда в крайне трудную минуту у партии похищены ее материальные ресурсы.

Ввиду этого Цюрихская группа РСДРП призывает единственное в настоящий момент законное центральное учреждение партии — ЗБЦК — встать на защиту прав партии в расчете на моральную и всяческую поддержку огромного большинства ее членов и немедленно принять следующие решительные меры:

1) Объявить, что упомянутая кучка авантюристов поставила себя вне партии.

2) Оповестить Интернациональное социалистическое бюро, что Ленин, совершивший *coup d'état* и тем восстановивший против себя огромное большинство партии, не может больше считаться ее представителем в Интернационале.

3) Обратиться к «держателям» партийных денег с предложением отобрать эти деньги у Ленина и взять их в свое фактическое распоряжение впредь до решения вопроса в порядке, предусмотренном прошлым пленумом.

4) Создать немедленно ЦК в России; в случае же невозможности созвать неподдельный пленум ЦК за границей из лиц, имеющих право в нем участвовать на точном основании устава прошлого пленума, без всяких произвольных ограничений в правах кого бы то ни было ^{*83а}, дабы это учреждение, опираясь на доверие огромного большинства партии, положило конец смуте, учиненной самозванцами.

II. Для выхода из создавшегося положения и главным образом в целях воссоздания партии и решения стоящих на очереди вопросов политической работы партии группа считает необходимым скорейший созыв общепартийной конференции на началах, выработанных последним пленумом. Отвергая созыв конференции так называемой «ОК», созданной «Совещанием Центральных комитетов», группа находит, что действительно общепартийная конференция (без всяких фракционных подтасовок), могущая выражать мнение партии, может быть в данное время созвана Организационным комитетом в России из представителей областных, национальных и более крупных местных организаций (п. 9 парт[ийного] уст[ава]), создание которого является неотложной задачей.

Принимая во внимание, что находящиеся за границей идейные центры всех течений партии путем соглашения могли бы ускорить созыв ее, группа предлагает ЗБЦК, как единственной общепартийной организации за границей, взять на себя немедленно инициативу в деле создания при ЗБЦК комиссии из представителей *всех течений и национальных организаций* в целях содействия имеющему образоваться Организационному комитету в России.

(За эту резолюцию голосовало 14; двое воздержалось; против — никто) ^{*84}.

Примечания

Б.И. Николаевского к док. №№ 81—94

1. Чичерин имсет здесь в виду *русских «держателсей»* (Ленина, Зиновьева и Каменева).
2. Речь идет о заседании 26 мая 1911 г., на котором присутствовали от большевиков Н. Семашко («Александров»), от поляков С. Гольденберг («Станислава») ¹¹, от латышей Х. Элиас («Шварц») ¹², от Бунда Либер («Бер») и от меньшевиков Б. Горев («Игорь»). Особенно энергично против созыва пленума ЦК за границей был представитель Бунда, так как он был связан решением последнего совещания Бунда (см. док. № 72 и примеч. к нему).
3. См. док. № 46а и примечания к нему.
4. Рассказы о том, что Ленин после пленума ЦК в январе 1910 г. скрыл значительную часть находившихся у него на руках средств Большевицкого центра, не поставив ее под контроль иностранных «держателей», были в то время широко распространены среди ответственных партийных деятелей всех фракций. Точных данных по этому вопросу до сих пор не опубликовано. (К этому вопросу редакция «Материалов» вернется при комментировании дальнейших документов.)
- 4а. Одно-два слова не разобраны; несомненно, что-то вроде: «другую сторону». — *Ред. (Примеч. Б.Н., А.Б.)*.
5. Ответное письмо Каутского не сохранилось.
6. В ночь на 7 мая ст.ст. 1911 г. в Петербурге были произведены большие аресты среди меньшевиков: [были схвачены] В.О. Левицкий, Б.О. Богданов, И.С. Астров, А.Э. Дюбуа, Ю. Зорохович ¹³ и многие другие. Из не захваченных арестами, кто имел возможность, уехали в провинцию.
7. В № 24 «Звезды» от 27 мая (9 июня нов.ст.) 1911 г. были напечатаны две статьи о петиционной кампании: П. Дневницкого (Ф. Цедербаум) ¹⁴: «Рутиня или прогресс?» и Н-ва (Н. Негорев, т.е. Н.И. Иорданский): «Петиционная шумиха», в которых редакция «Звезды» впервые делала попытку обосновать отношение газеты к петиционной кампании. Авторы обеих

статей были меньшевики-«пыхановцы», из которых первый жил тогда в эмиграции (он был секретарем Плеханова), а второй в Петербурге. Дневнички к вопросу подошел с принципиальной точки зрения и высказался (правда, с некоторыми оговорками) за петиционную кампанию, рассматривая ее как шаг в направлении европеизации русского рабочего движения. Центр тяжести статьи был в полемике против тех, кто ведет борьбу против петиционной кампании, т.е. против большевиков, которые выступали против последней как в легальной печати («Мысль»), так и в нелегальной («Социал-демократ» и особенно «Рабочая газета»). Особое внимание Дневнички уделял полемике против тех, кто боролся против петиции под предлогом, что в ней выставлено лишь частное требование свободы коалиций при умолчании о «всей сумме наших требований», что было основным аргументом большевиков. Большевики в этой статье не были названы, но читателю было ясно, что вся статья направлена против них.

Совсем под иным углом брал вопрос Иорданский, который, высказываясь «в принципе» за петиционную кампанию, пытался защищать поведение в этом вопросе «Звезды» и ее отказ поддержать петиционную кампанию начала 1911 года. Иорданский доказывал, что эта петиционная кампания была организована крайне неудачно, политически и организационно не подготовлена, была начата незадолго перед перерывом думской сессии и притом как раз в период, когда внимание Государственной думы было отвлечено на сторону конфликта между Столыпиным и Государственным советом. «Петиции как одна из форм политической борьбы рабочего класса должны будут найти место в нашем рабочем движении», — резюмировал позицию «Звезды» Иорданский, — но защищал поведение этой газеты в прошлом.

Это выступление «Звезды» было результатом большой борьбы как внутри думской фракции, так и внутри редакции «Звезды» (Бонч-Бруевич, Иорданский и депутат Покровский), а также внутри фракции «Плехановцев» (Иорданский был за большую уступчивость в отношении большевиков, но Плеханов настоял на выступлении) и было фактически актом разрыва с большевиками-«ленинцами»: после этого номера под большевистско-плехановской редакцией вышел еще только один номер (№ 25 от 11 июня ст.ст.), после чего выход газеты был приостановлен до осени, когда она возобновилась уже с чисто ленинской редакцией.

8. Такого «одинакового фактического опровержения» в «Нашей заре» и «Деле жизни» не появлялось. Вместо него были напечатаны в «Нашей заре» статья Ю. Чацкого (П. Гарви) «Жизнь побеждает» (№ 5, с. 81—91) и в «Деле жизни» «Ответ “Звезде”» (№ 5 от 31 мая, с. 19—28). Обе эти статьи, конечно, были напечатаны в защиту петиционного движения и критиковали выступление «Звезды», но к вопросу подходили под разными углами зрения. Статья Чацкого основное внимание сосредоточивала на анализе политической позиции «плехановцев», которые свой блок с ленинцами построили на отрицательном лозунге «борьба с ликвидаторством», обходя все положительные вопросы, выдвигаемые рабочим движением, и потому были вынуждены замалчивать в «Звезде» петиционное движение, в отношении к которому они резко расходились со своими компаньонами по «антиликвидаторскому блоку». «Ответ» же «Дела жизни» более подробно разбирает обвинения, выдвинутые Иорданским против организаторов петиционного движения, и приводит фактические данные о возникновении этого движения (инициаторами были рабочие-печатники, начавшие эту кампанию после закрытия их союза в декабре 1910 г.), а также о переговорах представителей рабочих союзов с редакцией «Звезды», результатом которых явился протест «крупнейших рабочих организаций столицы против политики замалчивания, практиковавшейся газетой» (с. 19).
9. То есть брошюру Мартова: «Спасители или упразднители?»
10. Дата устанавливается по содержанию: автор письма в момент его написания уже знал содержание заявления ЗБЦК, помеченного 11 июня (см. ниже примеч. 12), но еще не знал об уходе Горева с «совещания членов ЦК» (10 июня 1911 г.). Вернее всего, письмо это было написано именно 11 июня.
11. «Комбинациями из свистящих и шипящих» Мануильский называет сокращенные наименования различных партийных организаций — ЦК, ЦО, ЗБЦК, ЦБЗГ и т.д.
12. Листок от 11 июня 1911 г., в котором ЗБЦК впервые предало гласности факт «переворота», совершенного Н.А. Семашко («Александров») в ЗБЦК, и обращалось «ко всем товарищам» с призывом оказать ЗБЦК «энергичную и материальную поддержку в начинающейся борьбе за единство против раскола», — см. Библиографич. указатель Валка, № 1445. Листок этот нигде не перепечатан, но его содержание полностью покрывается листком ЗБЦК от 24 июня 1911 г. — см. ниже, док. № 87. «Мужами с Avenue d'Orléans» Мануильский называет членов ЗБЦК, потому что прежним официальным адресом для сношений с ЗБЦК был адрес партийной типографии на Avenue d'Orléans, 110 (в листке от 11 июня был указан уже новый адрес — на Чичерина, секретаря ЦБЗГ).
13. Н.А. Семашко тогда жил под Парижем в Chatillon, 17 rue du Plateau (точный адрес дан в «Прожекторе» № 23 за 1927 г., с. 13, где воспроизведено факсимиле открытого письма

- Плеханова к Семашко от 5 июля 1911 г.): В Fontenay-aux-Roses, недалеко от Chatillon, Семашко в это время бывал часто, потому что он, секретарь комитета по устройству ленинской партийной школы, устроил там первых учеников, приехавших из России (позднее они переселились в Longjumeau, откуда название «школа в Лонжюмо»).
4. Так называемое «совещание членов ЦК», прошедшее фактически раскол общепартийных центров, заседало 10—17 июня 1911 г. в Париже. Но Мануильский имеет в виду не официальные заседания этого совещания, а предшествовавшие ему подготовительные частные совещания членов ЦК — большевиков и поляков, на которых Ленин вел борьбу против Рыкова, с одной стороны, и поляков — с другой, так как все они оказывали некоторое сопротивление планам Ленина, настаивавшего на немедленном проведении раскола в самых решительных формах. Подробностей об этих предварительных совещаниях в литературе не имеется, единственным источником о них были упоминания в докладе Брядинского, агента Московского охранного отделения, составленном 9(22) августа 1911 года. Напечатан в сб. «Большевики», с. 48—49. Хотя и с оговорками, но заслуживающим доверия, этот доклад признают и историки-большевики (см. Ленин. Соч., т. XV, с. 630, прим. 101). Перед составлением этого доклада Брядинский довольно долго пробыл за границей, где был связан с рядом виднейших большевиков, включая Рыкова, Пятницкого¹⁵ и др. (см. О. Пятницкий. Записки большевика, 1956, с. 141). Сведения, содержащиеся в письме Мануильского, существенно дополняют общую информацию об этих предварительных совещаниях: о том, что уже на них шла борьба между Лениным и поляками, пишет и Брядинский, но что эта борьба доходила до заявлений о выходе Ленина и Зиновьева из редакции «Социал-демократа», становится известным лишь теперь. К какому именно моменту частных совещаний относится этот эпизод с заявлением Ленина и Зиновьева об их выходе из редакции ЦО, точно неизвестно, но очень похоже, что он был связан с отказом поляков выйти из ЗБК вместе с Семашко. О том, что Ленин настаивал на таком уходе и что это его предложение было принято частным совещанием, но затем не выполнено поляками, говорится в докладе Брядинского. Необходимо добавить, что у Мануильского были тогда хорошие личные отношения с рядом большевиков из группы Ленина, и он имел полную возможность получать от них в доверительном порядке достоверные сведения о внутренних отношениях в этой группе, причем, как можно судить по передаче этих сведений в письмах к Алексинскому, информатор Мануильского был настроен против поляков и с особой охотой передавал сведения, неблагоприятные для последних.
5. Речь идет о партийной школе, организованной Лениным в Лонжюмо под Парижем. Сведения о ней, приводимые Мануильским, не вполне точны. Вся информация об этой школе будет дана ниже, в разделе...¹⁶, в комментариях к документу № 141.
6. В самой «Правде» об этом документе ничего нет, но в «Листке ЗБК» № 1 от 8 сентября 1911 г. помещена резолюция «О школе ЦК», принятая единогласно на расширенном заседании Василеостровского районного комитета, с протестом против методов организации этой школы.
7. Этим «агентом ЦК» был Семен Моис. Семков («тов. Сема»), 1885—1928. «Агентом ЦК» он никогда не был, но выступал в качестве такового, будучи в действительности послан в частном порядке группой Ленина в февралю 1911 г. в Петербург и другие города для подбора и отправки за границу учеников для партийной школы в Лонжюмо. Был преданным ленинцем. Это о нем писал Ленин 22 февраля 1911 г. депутату Полетаеву: «К вам явится через некоторое время один парень: низкого роста, плотный (еврей), будет рекомендация от меня. Чем можете, помогите ему»¹⁷ (Ленинский сборник, т. XXV, с. 321). Редакция «Ленинского сборника» не расшифровала, к кому относится это замечание.
8. Позднее было получено сведение, что у Степанченкова открылся туберкулез и он был вынужден лечь в больницу, под Петербургом.
9. Н.П. Авиллов («Глеб», «Глебов»), 1887—1937, уехавший в Россию от «впередовцев» в конце марта или начале апреля 1911 г. для подпольной работы, был арестован в Петербурге в связи с митингом 29 апреля ст.ст. 1911 г. на Путиловском заводе и затем сослан в Тобольскую губернию. От него «впередовцами» было получено письмо из Петербурга (написанное 18—19 апреля ст.ст.) с описанием перехода границы и первыми впечатлениями о Петербурге. «Добрался благополучно, — писал он, — но еще не устроился, гастролирую от одних к другим. Петербург производит впечатление хорошее. Здесь, оказывается, не все спят... Здесь нас хотят игнорировать в школе, имея в виду наличность фракции, они также будут действовать как фракция, и кооптировать своих, но безусловно им придется считаться с [петербургской] организацией» (письмо сохранилось в архиве Алексинского).
10. Карл (настоящую фамилию установить не удалось) — латыш-экспроприатор, рабочий из Риги, волнослушатель «впередовской» школы в Болонье (См. Пролетарская революция, т. 50, с. 122).
11. № 4 сборника «Вперед» в свет не выходил.
12. Эта брошюра группой «Вперед» издана не была.

23. Насколько удастся установить, этот долг Бурцевым возвращен не был.
24. Мотивы своего ухода с «совещания членов ЦК» Горев и Либер изложили в своих заявлениях (см. ниже, док. №№ 88 и 106).
25. «Устав ЦК», принятый пленумом ЦК в январе 1910 г. (ВКП(б) в резолюциях, т. 1, 1936, с. 160—161)¹⁸, основной коллегией ЦК, облеченной полнотой власти, признавал коллегию ЦК, действующую в России (п. 1). На этом настаивали прежде всего *все* члены ЦК, прибывшие на пленум из России, особенно Дубровинский, Гольденберг и Ногин (большевики-примиренцы) и Юдин (бундовцы). «Пленум ЦК», собирающийся за границей, в качестве регулярно функционирующей коллегии этим уставом был не предусмотрен. Его созыв «устав ЦК» признавал возможным лишь в качестве чрезвычайной меры и притом лишь в трех случаях: «1) по постановлению Русской коллегии (большинством двух третей голосов, но не меньше пяти); 2) по единогласному постановлению ЗБЦК; 3) в случае провала более половины членов русской части ЦК, если арестованные не могут сейчас же быть заменены наличными кандидатами» (п. 10).

Ни одного из этих трех условий в мае—июне 1911 г. не было. Доказывая обязательность созыва пленума, Ленин в эти дни ссылаясь на п. 3, но этот пункт имеет в виду провал больше половины членов всей коллегии, работающей в России, которая номинально состояла из семи человек, в том числе по два представителя большевиков и меньшевиков и по одному представителю от поляков, латышей и Бунда. Арестованы же были в это время только два представителя большевиков (Ногин и Линдов) и один представитель латышей (Рудзит). Заменить последнего латыши были готовы немедленно же. Таким образом, говорить о провале половины членов действующей в России коллегии ЦК ни в коем случае не было права. Провалились только два большевика, составлявшие исполнительный орган Русской коллегии, а не эта коллегия.

В случае его созыва, состав пленума ЦК уставом был определен следующим образом: «11. В пленум (из 15 членов) привлекаются: 1) члены действующей в России коллегии; 2) члены Заграничного бюро ЦК, за исключением тех его членов, которые не состоят членами ЦК; 3) если те и другие не дают числа 15, то привлекаются к работам пленума и остальные кандидаты в следующем порядке: а) кандидаты Лондонского съезда, выполняющие какую-либо партийную работу в России; б) члены ЦК и кандидаты, живущие за границей и занятые на работе, порученной им ЦК. При замещении кандидатур соблюдается пропорциональность течений. Вопрос о том, кто именно из кандидатов имеет право присутствовать на пленуме, решается имеющимися налицо действительными членами ЦК данного течения».

«Совещание членов ЦК» было создано якобы в согласии с требованиями этого пункта «устава ЦК». «Приглашены были *все* товарищи, — говорится в официальном «Извещении» совещания, — имеющие (по уставу, выработанному пленумом в 1910 г.) право участия и находящиеся в данный момент за границей». Это утверждение не соответствует действительности.

Прежде всего из большевиков к участию в «совещании» был привлечен Рыков, который после пленума ЦК в январе 1910 г. никакой партийной работы в России не нес: арестованный 7 сентября ст.ст. 1909 г. в Москве, он был сослан в Архангельскую губернию, откуда бежал в январе 1911 г., вызванный Лениным, и сразу же проехал за границу, куда прибыл в начале февраля н.ст. (Ленинский сб., т. XVIII, с. 16). Он имел полномочия от Ногина и Линдова для ведения за границей переговоров от имени временного Русского бюро ЦК. Дать ему такое полномочие Ногин имел право. Но в состав этого бюро Рыков не входил, так как в январе 1910 г. он в него избран не был, а заседание, которое было бы правомочно для проведения такой кооптации, в начале 1911 г. не состоялось.

Из меньшевиков к участию в «совещании» не был привлечен не только К.М. Ермолаев («Роман»), который весь 1911 г. жил за границей, но и Мартов, который полностью подошел под пункт «а» параграфа 11 и находился совершенно в том же положении, что и Ленин с Зиновьевым, а именно, на Лондонском съезде был избран кандидатом в ЦК (см. ВКП(б) в резолюциях, т. 1, с. 100)¹⁹ и за границей состоял в редакции ЦО.

Совершенно произвольным было приглашение на «совещание» от латышей М. Озолина, который не был избран в ЦК на Лондонском съезде (см. ВКП(б) в резолюциях, т. 1, с. 100), а был одним из членов Заграничного комитета СДЛК и в качестве такового был приглашен большевиками для участия в пленуме ЦК в январе 1910 г., но не имел никаких полномочий ни от нового ЦК СДЛК, ни от Заграничного комитета последний; в апреле 1910 г. эти организации свое представительство в ЗБЦК доверили Х. Элиасу («Шварцу»), который шел вместе с меньшевиками; этого последнего организаторы «совещания» не пригласили.

Если бы все требования «устава ЦК» были соблюдены на совещании «законного» состава, Ленин не мог бы провести своего плана раскола.

26. Этими пятью были большевики Ленин, Зиновьев и Рыков и поляки Тышко и Дзержинский; из них трое были эмигрантами (Ленин, Зиновьев, Тышко).

27. Избирательный комитет «совещанием» избран не был, было лишь принято решение о созыве особого совещания по выборам в Государственную думу.
28. «ТК» была создана «совещанием» в составе М. Владимиров («Лева», большевик-примиренец), М. Владимирского («Камский», ленинец) и В. Ледера (поляк).
29. Вокруг состава ОК немедленно же после окончания работ «совещания» началась борьба между ленинцами (Ленин, Зиновьев и Камснев, выступавшие как группа «Рабочей газеты»), с одной стороны, большевиками-примиренцами (Любимов, Владимиров, Лозовский и др.), с другой стороны, и поляками (группа Тышко) — с третьей. Несмотря на отчаянное сопротивление, Ленин должен был уступить блоку примиренцев с поляками, и 19 июня 1911 г. ОК была избрана в составе Зиновьева (единственный ленинец в Комиссии), Рыкова (занимал положение между ленинцами и примиренцами), Любимова (примиренец), Ледера и С. Гольденберг (поляки) (Ленин. Соч., т. XV, 630—631). Борьба вокруг вопроса о составе этой комиссии заставила Ленина осуществить его старую угрозу и апеллировать против Тышко к Главному правлению ПСД (Ленинский сб., т. XXV, с. 94—95)²⁰. Ленин своего добился обходным путем: после того как деньги от «держателей» были получены (при помощи поляков), Ленин фактически свел на нет роль ОК, противопоставив ей так называемую РОК, составленную сплошь из его агентов, посланных в Россию для организации конференции.
30. Листовка, выпущенная ЗБЦК (Библиографич. указатель Валка, № 1446 — нигде не перепечатана). В состав ЗБЦК в это время (после ухода Семашко) входили представитель меньшевиков Б.И. Горев («Игорь») (он был избран секретарем ЗБЦК), представитель Бунда Либбер («Бер»), представитель латышских социал-демократов Х. Элиас («Шварц») и представитель ПСД. Последний, входивший в «совещание членов ЦК», продолжал в то же время оставаться в ЗБЦК, в состав которого он вошел сейчас же после ухода Семашко (заменив С. Гольденберг) с явной задачей разлагать это партийное учреждение изнутри.
31. Тот факт, что это письмо Семашко адресовано лишь трем членам ЗБЦК без упоминания о представителе ПСД, который формально в ЗБЦК оставался, является косвенным подтверждением сообщения Бряндинского (см. примеч. 14) о том, что на предварительных совещаниях большевиков с поляками, которые предшествовали выступлению Семашко, был решен уход из ЗБЦК не только большевиков, но и поляков.
32. Полный текст этого документа напечатан в «Ленинском сб.», т. XXV, с. 80—81. Второй представитель ПСД фигурирует в нем под псевдонимом «Домбровский», каковым на Лондонском съезде пользовался А. Краевский; но это, как указывает редакция «Ленинского сборника», ошибка; в действительности в «совещании» участвовал Ф.Э. Дзержинский, выступавший в Лондоне под псевдонимом «Доманский».
33. Позиция, которую меньшевики в начале 1911 г. занимали по отношению к созыву заседания Русской коллегии ЦК, сформулирована в письме Б. Горева в ЗБЦК от середины февраля 1911 г. (напечатано в кн. Ленинский сб., т. XVIII, с. 16—17). В этом письме, фиксируя важнейшие моменты своих переговоров с Рыковым, Горев сообщает, что 10 февраля он передал Рыкову «официальное письмо от меньшевиков — участников пленума», обращенное к «членам Русской коллегии ЦК», в котором указывалось, что на лондонских кандидатов мы никогда особенно не рассчитывали, а лишь на вновь кооптированных, что кандидаты для кооптации у нас имеются, и мы можем их представить к первому же заседанию ЦК. При этом мы выставляли требование, чтобы эти новые кандидаты были кооптированы на первом же заседании и затем точно так же допущены к участию в ЦК. «В отдельной записке, врученной мною тов. Власову [Рыкову], я сообщал, что, если ЦК соберется в России, то из лондонских кандидатов мы можем указать лишь одного тов. Адрианова; если же Русская коллегия ЦК соберется за границей, то мы обязуемся доставить лондонских кандидатов, но лишь для того, чтобы предложить кандидатов для немедленной кооптации».

Под псевдонимом «тов. Адрианов» (или, точнее, «Андриаинов», откуда пошла сокращенная подпись: «Ан», ставшая его обычным тогдашним литературным псевдонимом) в те годы выступал Н.Н. Жордания, который после пленума ЦК в январе 1910 г. несколько месяцев провел за границей, в Италии, а затем вернулся в Россию и жил сначала на родине, в г. Ланчхути, затем, с осени 1911 г., в Баку (этот его псевдоним не раскрыт редакцией «Ленинского сборника»).

Из этого письма видно, что меньшевики в то время склонялись к устройству собрания Русской коллегии ЦК за границей. Именно этот план принял и Ногин, внесший соответствующее предложение на заседание совещания членов Русского бюро ЦК, которое состоялось в Туле в марте 1911 г. в составе Ногина, Линдова и Юдина. Но Юдин возражал против этого плана, настаивая на устройстве заседания обязательно в России. Линдов его поддержал²¹, и заседание было назначено в Туле, где члены Бюро находились под самым тщательным наблюдением и филеров, и секретных сотрудников Московского охранного отделения (членов большевистских организаций Москвы, состоявших тогда агентами ЦК, Р. Малиновского и А. Полякова), а потому, как только в орбите наблюдения появились

новые лица (латыш Рудзит и бундовец Юдин), полиция арестовала их всех, кроме успешно ускользнуть от наблюдения Юдина. Жордания, получивший неправильную информацию о месте собрания, приехал в Киев и, прождав напрасно некоторое время, должен был вернуться (см. рассказ в его воспоминаниях, которые изданы в 1933 г. в Париже на грузинском языке)²².

- Таким образом, из всех групп, посылавших представителей в Русскую коллегию, речь о невозможности послать заместителей могла идти только в отношении большевиков (по-ляки арестованы не были), но и относительно их было известно, что Рыков согласен войти в коллегию и готов хоть немедленно возвратиться в Россию, а его кандидатура всеми признавалась, по существу, бесспорной (возражения Горева на «совещании членов ЦК» касались лишь неформальной стороны: включение его в Русскую коллегию после января 1910 г. не было надлежащим образом оформлено, а большевики, бывшие крайне придирчивыми в отношении всевозможных формальностей к меньшевикам, совершенно не считали себя связанными формальностями, когда речь шла о них самих).
34. Тов. бундовец [Либер] воздержался потому, что недавно было совещание при ЦК Бунда решительно высказалось против заграничного пленума, противопоставляя ему созыв Русской коллегии ЦК (*Примеч. документа. — Ю.Ф., Г.Ч.*). См. док. № 72 и примечания к нему. (*Примеч. Николаевского.*)
 35. О ком идет речь, установить не удалось.
 36. Речь идет, по-видимому, о «Марке» (А.И. Любимов), который летом 1911 г. входил в ОК, созданную «совещанием членов ЦК».
 37. См. ниже, док. №№ 88 и 106 и примечания к ним.
 38. Мотивы своего поведения на «совещании членов ЦК» Б.И. Горев («Игорь») изложил в особом письме, напечатанном в № 2 «Листка “Голоса социал-демократа”» от 20 июля 1911 г., с. 5—7. Письмо это нигде перепечатано не было, поэтому приводим его среди «Документов».
 39. То есть Домов (М.Н. Покровский), Максимов (А.А. Богданов) и Зимин (Л.Б. Красин).
 40. То есть Мартова, Днепровского (А.С. Мартынова), Максимова (А.А. Богданова), Каменева и Троцкого.
 41. В «совещании членов ЦК» участвовали А. Власов (Рыков) и Доманский (Дзержинский), не участвовавшие в пленуме января 1910 года.
 42. Официальным представителем СДЛК в ЗБЦК был Х. Элиас («Шварц»), примаыкавший к меньшевикам, а для участия в «совещании членов ЦК» был приглашен «большевик-примиренец» М. Либавский (М. Озолин), который представлял Заграничный комитет СДЛК прежнего состава на пленуме января 1910 года.
 - 42а. Между прочим, от латышей приглашен не представитель их в ЗБЦК, а тот, который был на прошлом пленуме (*Примеч. документа. — Ю.Ф., Г.Ч.*)
 43. О правах Рыкова см. примеч. 25.
 - 43а. Согласно новому уставу, у нас нет больше звания «член ЦК, живущий за границей». Всякий кандидат ЦК, не состоящий в данный момент в Русской коллегии ЦК, приравнивается к обыкновенным смертным. (*Примеч. документа. — Ю.Ф., Г.Ч.*)
 44. См. Библиографич. указатель Валка, № 1237. Более подробно аргументация Семашко развернута в его письме в ЗБЦК (см. Ленин. Соч., т. XV, с. 581—584).
 45. Центральная организация всех социал-демократических групп за границей (ЦБЗГ) была создана в январе 1907 г. по соглашению между представителями этих групп и представителем ЦК Л.Г. Дейчем и затем была утверждена как ЦК, так и группами (Протоколы Базельского съезда Заграничных групп РСДРП, Париж, 1909, с. 6). Она носила название ЗЦБ (Заграничное центральное бюро). Эта организация была признана и ЦК, избранным на Лондонском съезде, который в декабре 1907 г. поручил этому ЗЦБ расследование дела о размене большевиками тифлиских пятисотрублевков. Следствие, выяснившее целый ряд действий большевиков, грубо нарушавших партийную дисциплину, было крайне опасно для большевиков, а потому они повели кампанию против ЗЦБ, стремясь подчинить заграничные группы своему контролю. Для этой цели большевики в союзе с ПСД на пленуме ЦК в августе 1908 г. создали ЗБЦК, которое вступило в борьбу с ЗЦБ, требуя ликвидации последнего как выборного центра всех заграничных групп. В декабре 1908 г. в Базеле состоялся съезд заграничных групп, который огромным большинством постановил сохранить выборную центральную организацию, под новым названием ЦБЗГ (Центральное бюро Заграничных групп). Весь 1909 г. был заполнен борьбой ЗБЦК (секретарем которого был сначала Таратута, а затем Семашко) против ЦБЗГ (секретарь Чичерин). После пленума 1910 г. между ними начались переговоры о соглашении, которые, однако, не привели ни к каким результатам, так как большевики, выступавшие в феврале—апреле 1910 г. от имени ЗБЦК, стояли на прежней позиции, стремясь подчинить себе ЦБЗГ (об этих переговорах говорится в листках ЗБЦК, зарегистрированных в Библиографическом указателе Валка под №№ 1431, 1433 и 1434, а также в листках ЦБЗГ, зарегистрированных под №№ 1495, 1497 и 1498).

- 45а. При этом даже представитель ПСД не решился голосовать против и воздержался (*Примеч. документа. — Ю. Ф., Г. Ч.*)
46. С конца 1908 г. всем транспортом от ЦК заведовал О. Пятницкий (И.О. Таршис), крайний левонец (автор «Записок большевика»).
47. См. док. №№ 64—66 и комментарии к ним.
48. Статья Мартова «Несколько слов о нечистой совести» (Наша заря, 1911, № 6, с. 69—72).
49. В № 4 «Дела жизни» В.Н. Розанов, живший тогда в Германии, напечатал статью «Вопрос об избирательных соглашениях в Германии», в которой рассказывал о спорах в немецкой социал-демократической печати по вопросу об избирательных соглашениях, причем по его изложению было видно, что его личные симпатии склоняются на сторону сторонников допустимости для социал-демократов избирательных соглашений с либеральными буржуазными группами. На эту статью напал Г. Зиновьев в № 25 «Звезды» от 11 июня ст.ст. 1911 г. («Бebelь и журнал “Дело жизни”»).
50. См. док. № 80 и комментарии к нему.
- 50а. Да и вообще статья приобретает совсем другой характер — гораздо более определенно оппортунистический в свете его статьи в «Д[еле] ж[изни]». Но именно, может быть, нам и нужно посчитаться с ней и теперь же ответить более резко, чем предполагалось (*Примеч. документа. — Ю. Ф., Г. Ч.*)
51. Редакция «Нашей зари» устраивала регулярные собрания ближайших сотрудников для совместного обсуждения состава ближайших книжек.
52. Статья Розанова не была напечатана, и Розанов временно перестал писать в «Нашей заре» (до начала 1913 г.).
53. Статья Ф.И. Дана «Антиликвидаторство и рабочее движение» (Наша заря, 1911, № 6, с. 32—38). Об «Итогах думской сессии» Ф. Дан не написал. В № 7-8 «Нашей зари» за 1911 г. появилась его статья «К постановке избирательной кампании».
- 53а. Статья нужна до разреза, а писать ее сейчас некому (*Примеч. документа. — Ю. Ф., Г. Ч.*)
54. Она нам особенно нужна из заграничных статей (*Примеч. документа. — Ю. Ф., Г. Ч.*). Статью на эту тему Мартов не написал (*Примеч. Николаевского*).
55. Под псевдонимом Констанс в «Голосе социал-демократа» писал В. Серезников (в эмиграции выступал под псевдонимом Викторский). В «Нашей заре» им была напечатана статья «Французский закон о страховании от старости» (1910, № 4, с. 41—49) за подписью В. Константинов. В 1911 г. статьи для «Нашей жизни» он не написал.
56. Смерть Ключевского осталась вообще не отмеченной в «Нашей заре».
57. Б. Кнуньянц («Б. Радин», он же «Рубен»), весьма крупный большевистский деятель 1903—1907 гг., представитель их Петербургского комитета в Совете рабочих депутатов 1905 года. В 1908—1909 гг., работая в Баку, перешел к меньшевикам. Арестованный в октябре 1910 г., он умер 14 мая 1911 г. в тюремной больнице в Баку от тифа. В тюрьме им были написаны две статьи: «Один из итогов» и «Старое и новое», в которых Кнуньянц давал объяснение своему уходу от большевизма и переходу в лагерь меньшевиков. Обе эти статьи были напечатаны в «Нашей заре», №№ 5—8 за 1911 год. Его памяти были посвящены некрологи в «Нашей заре», 1911, № 5, с. 47—49 (автор В. Ежов — С.О. Цедербаум) и в «Деле жизни», 1911, № 5, с. 49—52 (автор В. Городецкий — В.К. Иков).
58. Статья Ю. Чацкого (П. Гарви) «Пора начать» (Наша заря, 1911, № 6, с. 39—54) открывала в «Нашей заре» обсуждение вопросов, связанных с избирательной кампанией.
59. Ни статей Маевского и Заславского, ни серии статей П.Н. Колокольниково, ни обзора А.М. Гинсбурга в № 6 «Нашей зари» не появлялось.
60. Статья Я. Пилецкого «О дороговизне жизни» (Наша заря, 1911, № 6, с. 27—32).
61. Речь идет, несомненно, о той самой статье про союзы промышленников во Франции, которую упоминает Мартов в письме к Потресову от 28 апреля 1911 года (док. № 75). Кто был автором этой статьи, установить не удалось. По-видимому, она была захвачена полицией при обыске у Левицкого.
62. Библиографич. указатель Валка, № 1447. Эта листовка нигде перепечатана не была.
63. См. док. № 72 и комментарии к нему.
64. То есть Ногин и Лидцов. Это категорическое утверждение ЗБЦК никогда в большевистской литературе опровергнуто не было, а оно имеет решающее значение для всей истории тогдашнего раскола: Ленин борьбу вел не только против большинства ЗБЦК, состоявшего из представителей других фракций, но и против большевиков, входивших в Русскую коллегия ЦК. Требование созыва пленума исходило не от всей фракции большевиков, а только от той ее части, которая составляла кружок Ленина и которая с самого начала, еще до пленума ЦК в январе 1910 г., была против объединения. Большевики-практики, ведущие центральную работу в России, были против созыва пленума — явно потому, что они не одобряли планов Ленина.
65. Пленум ЦК постановил, что в случае если представители фракции большевиков предъявят требования о расторжении заключенного на пленуме соглашения и если созыв пленума в

течение трех месяцев окажется невозможным, то для рассмотрения этого вопроса созывается «комиссия из пяти членов ЦК (один большевик, один меньшевик и по одному от «национальных организаций») (ВКП(б) в резолюциях, т. 1, с. 163)²³. Ссылаясь на это решение пленума, Горев предложил создать комиссию из пяти человек; в особом заявлении, поданном ЗБЦК, Горев следующим образом формулировал позицию меньшевиков по вопросу о созыве пленума (документ относится к середине мая 1911 г.): «Что касается меня, то я протестую против созыва Заграничного пленума, и притом по следующим основаниям.

Последний пленум ЦК имел своей целью устранить всякую надобность в заграничных пленумах, состоящих в огромном большинстве из эмигрантов, и для этого передал всю полноту власти Русской коллегии ЦК и обставил созыв Заграничного пленума совершенно исключительными условиями.

Опыт последних лет привел меня к убеждению в правильности этого решения, то есть в полной ненужности и бесцельности подобных эмигрантских пленумов, стоящих массу денег и не дающих никаких *практических* результатов. Тем менее можно ожидать этих результатов теперь, когда в течение года ни разу не собралась Русская коллегия ЦК, одна лишь достаточно авторитетная в вопросах практической партийной политики, и созыв Заграничного пленума до созыва Русской коллегии означал бы снова создание Заграничного центра. Для разрешения же специального вопроса о «держательских» деньгах прошлый пленум предусмотрел и указал также другой выход: комиссии из пяти членов ЦК. Созыв этой комиссии я и предлагаю, как наиболее целесообразный и наименее дорогостоящий способ решения вопроса, тем более что окончательное решение все равно зависит от «держателей», а разные точки зрения определяются в комиссии вполне.

В крайнем случае предлагаю ожидать созыва Русской коллегии ЦК, которая большинством двух третей голосов может решить созвать пленум.

Это мое предложение в двух его частях, то есть созыв комиссии или же ожидание созыва Русской коллегии, я и ставлю на голосование ЗБЦК» (Ленин. Соч., т. XV, с. 582).

66. То есть Ленин, Зиновьев и Каменев.
67. Заявление это, адресованное в ЗБЦК, было опубликовано в № 2 «Листка «Голоса социал-демократа»» (от 20 июля 1911 г., с. 1—2) и нигде перепечатано не было.
68. Воспроизводится по печатному листку, 1 лист, 2 столбца, издано в Женеве, Imprimerie Israélite, rue de Carouge, 81 (типография Бунда). Перепечатана в № 2 «Листка «Голоса социал-демократа»» и в № 2 «Информационного листка Заграничной организации Бунда».
69. «Листок», выпущенный этим представителем большевиков (Н. Семашко), зарегистрирован в Библиографич. указателе Валка, № 1237. Вопрос о поведении Семашко был предметом расхождения даже между Лениным и поляками, причем Ленин заявил, что он «вполне солидаризуется» с поведением Семашко (Ленинский сб., т. XXV, с. 93).
70. Речь идет о собрании, которое состоялось 26 и 30 июня 1911 г.; принятая этим собранием резолюция была выгнута отдельным листком с приложением резолюций ряда других заграничных групп (Женева, Вена, Лозанна, Нанси, Базель и Мюнхен) — см. Библиографич. указатель Валка, № 1798; перепечатана в № 2 «Листка «Голоса социал-демократа»».
71. У Ф.И. Калинина в эти дни тяжело заболел «близкий человек».
72. Большевики-«примиренцы», которые к тому времени оформились как группа «большевиков-партийцев» (Любимов, Владимиров, Лозовский и др.), понимали раскольнический характер политики Ленина и на закрытых собраниях вели против нее борьбу. Но в дни «совещания членов ЦК» они поддержали блок Ленина с поляками. Получив вместе с поляками большинство в ТК и в Заграничной ОК, они надеялись держать Ленина под своим контролем, но на деле были использованы последним и затем отброшены в сторону.
73. См. док. № 63.
74. Это ошибка: продолжение собрания состоялось 30 июня (см. Листок «Голоса социал-демократа», № 2).
75. В литературе эта резолюция неизвестна.
76. С.М. Семков, работавший перед тем в большевистской организации Баку, а затем в объединенной организации Харькова, в Париж приехал осенью 1910 г. и вначале держал себя как сторонник объединения всех социал-демократов. Об этом его приезде и затем его переходе в лагерь крайних «ленинцев» имеется рассказ в неизданных воспоминаниях Т.И. Прозинной, которые уже цитированы в разделе II. Так как этот рассказ крайне характерен для того времени, то приводим его здесь полностью:

«Кажется, в 1910 г. приехал в Париж Сема. Пришел ко мне и сообщил, что прислан в Париж от Харьковского комитета (насколько помню) с мандатом сделать все возможное, чтобы объединить все фракции. Рассказал, что в России почти повсюду (насколько помню) фракции работают вместе и что совершенно недопустимо такое положение, когда там одна тактика, а за границей другая. Просил меня познакомить его с Мартовым и Богдановым. Так как Богданова, кажется, уже не было в Париже, я его свел сначала с Алексинским, а потом с Мартовым. Он остался очень доволен свиданиями, говорил мне, что оба настроены

примиренчески и что очень легко будет найти компромисс. И закончил тем, что теперь, во всеоружии, он отправится к Ленину. Попутно он, вероятно, повидал и правых оппозиционеров (то есть большевиков-«примиренцев». — *Ред. [Б.Н., А.Б.]*), таково было его намерение, но тут он в моей помощи не нуждался. Обещал дать мне полный отчет о своих переговорах и очень скоро, так как приехал ненадолго. Прошло несколько дней, а Сема не пришел. Настал день собрания. Прихожу (на собрание большевистской группы. — *Ред. [Б.Н., А.Б.]*)... и вижу Сему в компании Ленина, Зиновьева и др. Не желая беспокоить, сама его не позвала и ждала, что он первый подойдет, — мы были такие большие приятели! Он ни с места, будто меня и нет. Началось заседание. Не помню, о чем говорили и с самого ли начала Ленин “выпустил” Сему, но помню, что настал момент, когда Ленин предоставил слово “товарищу, только что приехавшему из России, который познакомит нас с работой и настроениями в России”.

Сема взял слово и начал говорить. Я просто ушам своим не верила. Яростные нападки на отзовистов и меньшевиков и вообще совершенно ленинская линия. Не удержавшись, помню, я ему крикнула: “Этим выступлением Вы нарушаете данный Вам мандат”. Но он все продолжал и говорил довольно долго. В перерыве я все-таки его поймала, хотя он явно меня избегал, и, видя, что он одет во все новенькое, вплоть до высоких сапогов, сказала ему в сердцах большую пошлость: “мол, за сапоги продали Ваши убеждения!” и пошла... Он был очень смущен и стал оправдываться тем, что, мол, настоящего мандата не было. Поручено было на месте ознакомиться с положением и действовать соответственным образом; что Ленин убедил его в ошибочности тактики на местах и т.д. Я ушла, даже с ним не попрощавшись. Потом мне рассказали, что Ленин буквально секвестрировал его. Несколько дней не выпускал от себя и все убеждал, и не один Ленин, а вся клика. Его одели, обули, кормили и всячески обласкивали. Я знала, что Сема, очень неглупый, был крайне бесхарактерным, и понимаю, что Ленину было не очень трудно его переубедить. Больше я его не видела и не знаю до сих пор, что он натворил, вернувшись в Россию. Безусловно, ему было поручено раскалывать те организации, где работали совместно, и не допускать единения там, где еще существовали разьединенные организации».

77. Ф.И. Калинин, ездивший нелегально в Россию в конце 1910 г. для проведения выборов во вторую «впередовскую» партийную школу, летом 1911 г. собирался ехать туда еще раз. Эта поездка не состоялась.
78. Тышко, который еще с 1908 г. установил практику получения от Ленина крупных денежных субсидий за каждую услугу, которую он оказывал большевикам в их борьбе за власть над партией (см. раздел I, вводная статья), продолжал эту политику и в последующие годы. «Субсидию от Ленина» (конечно, безвозвратную) в июне 1911 г. он получил не только за свою подпись под резолюциями «совещания членов ЦК», но и за содействие в переговорах с иностранцами «держателями» в деле получения от последних денег на работу органов, созданных указанным «совещанием членов ЦК». Только с помощью Тышко (а через него была получена и помощь Розы Люксембург²⁴, которая имела большое влияние на Клару Цеткин) Ленин получил нужное ему решение «держателей».
79. Это были только те суммы, о которых было более или менее широко известно в кругах эмигрантов-большевиков.
80. Ф.И. Калинин посылал Алексинскому, который тогда находился в санатории в Шварцвальде, все русские листки, которые попадали в его руки.
81. Печатается с отдельного листка — см. Библиографич. указатель Валка, № 1893 (перепечатана в № 2 «Листка “Голоса социал-демократа”»). Автором был, несомненно, А.С. Мартынов. В состав Цюрихской группы тогда входили И.С. Биск, Бельядзе, А. Валентинов, Раф. Григорьев²⁵, И.Г. Смидович (Димка), И.И. Шраг²⁶ и др.
82. Резолюция имеет в виду решение пленума о создании легальной еженедельной газеты, редакция которой должна была состоять из одного большевика, одного меньшевика (таким пленум, по предложению меньшевиков, утвердил А.Н. Потресова, вокруг имени которого тогда шла ожесточенная борьба) и одного представителя думской социал-демократической фракции.
83. Ошибка: в состав «совещания членов ЦК» входило только три члена бывшего Большевистского центра (Ленин, Зиновьев, Рыков).
- 83а. Заговорщики из БЦ могут быть допущены на пленум, конечно, лишь в том случае, если встанут на законный путь и сделают захваченные ими во время последнего переворота денежные средства партии (*Примеч. документа. — Ю.Ф., Г.Ч.*).
84. Кроме этой резолюции, Цюрихская группа 29 июня приняла особое решение с требованием предания Семашко партийному суду «за экспроприацию партийной кассы». Около того же времени в Цюрихе было устроено общее собрание не только членов группы, но и всех вообще российских социал-демократов; резолюция, осуждающая группу Ленина, была принята 33 голосами против 27 при 1 воздержавшемся.

1. Адлер Виктор (1852—1918) — один из лидеров австрийской социал-демократии. По профессии врач. С 1905 г. депутат парламента. Редактор ряда социалистических газет. Один из руководителей II Интернационала. Стоял на умеренных позициях. В октябре 1918 г. государственный секретарь по иностранным делам.
2. См. также: Ю. О. Мартов и А. Н. Потресов. Письма. 1898—1913, с. 395—396.
3. Степанчиков М. Т. («Арсений») (1866—?) — рабочий-печатник. В 1905 г. был арестован за принадлежность к нелегальному кружку московских типографских рабочих. В 1910 г. слушатель партийной школы в Болонье. Позже стал осведомителем Охранного отделения.
4. Авилов Николай Павлович («Глебов», «Глеб») (1887—1937) — социал-демократ с 1904 года. Подвергался репрессиям. В 1917 г. участвовал в февральских событиях в Петрограде. Затем большевик, один из организаторов Красной гвардии. В первом составе Совнаркома РСФСР нарком почт и телеграфов. Позже занимал второстепенные должности. Расстрелян.
5. Речь идет о Международном социалистическом бюро — информационно-распорядительном органе II Интернационала. Решением январского пленума ЦК 1910 г. представителем РСДРП в МСБ был утвержден Ленин.
6. КПСС в резолюциях, т. 1, с. 294.
7. См. также: Ю. О. Мартов и А. Н. Потресов. Письма, с. 397—398.
8. Эльзас-лотарингский вопрос — вопрос о государственной принадлежности областей Эльзас и Лотарингия, населенных близкими между собой народами, говорящими на немецком и французском языках. На владение Эльзасом и Лотарингией в течение длительного времени претендовали оба государства. Региональным центром Эльзаса является Страсбург, а Лотарингии — Мец.
9. Кнунянц Богдан Мирзаджанович («Радин», «Рубен», «Русов») (1878—1911) — социал-демократ с 1897 года. Работал вначале в Петербурге, затем в Ереване, Москве и других городах. В 1907 г. бежал из ссылки и эмигрировал. Был близок к большевикам. В 1910 г. возвратился в Россию. Был арестован и скончался в тюрьме в Баку.
10. Намек на проходившие перед тем в России громкие судебные процессы против провинциальных чиновников интендантского ведомства.
11. Гольденберг С. («Станислав») — участница польского социал-демократического движения, деятель СДКПил. В 1910 г. входила в Заграничное бюро ЦК РСДРП.
12. Элиас (Шварц) К. Я. (1880—?) — латышский социал-демократ, меньшевик. После революции 1905—1907 гг. был причислен к «ликвидаторам». В 1909—1913 гг. член ЦК социал-демократии Латышского края. С 1911 г. представитель этого органа в Заграничном бюро ЦК РСДРП. С 1917 г. жил в Риге. Являлся депутатом Сейма независимой Латвии, редактором ряда социал-демократических газет.
13. Зорохович Юрий Исаакович (1899—1938) — меньшевик. Член Бунда. После 1917 г. занимался адвокатской деятельностью. Расстрелян.
14. Цедербаум Федор Исаевич («Дневницкий») (1883—1937) — социал-демократ. Меньшевик с 1904 года. В 1909—1914 гг. секретарь Плеханова, работал в газете Плеханова «Единство». Двоюродный брат Ю. О. Мартова. После Октябрьского переворота 1917 г. подвергался арестам и ссылкам. Расстрелян.
15. Пятницкий (Таршис) Иосиф Аронович (1882—1939) — социал-демократ с 1901 года. С 1903 г. большевик. Участвовал в революционных событиях 1905 г. в Одессе. После революции эмигрировал. Являлся руководителем технического центра связи большевистской эмиграции с Россией. В 1917 г. возвратился в Россию. Член Боевого центра большевиков в Москве в октябре 1917 года. С 1921 г. работал в Исполкоме Коминтерна. В 1923—1928 гг. секретарь Исполкома Коминтерна. В 1933—1936 гг. заведовал политическо-административным отделом ЦК ВКП(б). На пленуме ЦК ВКП(б) в июне 1937 г. выступил против массового террора и чрезвычайных полномочий, предоставленных НКВД. Вслед за этим был арестован и обвинен во вредительстве и шпионаже. Во время следствия отказался дать признательные показания. Скончался в застенке.
16. Номер и название раздела пропущены. Имеется в виду раздел V.
17. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 48, с. 22—24.
18. Текст «Устава ЦК» см. в кн.: КПСС в резолюциях, т. 1, с. 293—294.
19. Т. 1 8-го изд. «КПСС в резолюциях» не содержит персонального состава ЦК, избранного съездом.
20. Этот документ ни в «Полное» собрание сочинений Ленина, ни в сб. ЛЕНИН В. И. Незвестные документы (М. 1999) не включен.
21. К этому месту Николаевским сделано примечание: «Об этом факте сообщается в редакционном введении «Ленинского сборника» к переписке Ленина с Рыковым (Ленинский сб.,

- т. XVIII, с. 10). Источник при этом не указан, но так как в литературе сообщения об этом эпизоде не имеется, то нет никакого сомнения, что он почерпнут из неизданной переписки Ленина и др. представителей Заграничного центра большевиков с Ногиным и др. представителями Русской коллегии. Эта группа документов, в какой-то части, несомненно, хранящаяся теперь в Москве, историками-коммунистами не публикуется, очевидно, потому, что в ней имеется много неприятных для Ленина страниц.
22. Воспоминания изданы в США на рус. яз.: ЖОРДАНИЯ Н.Н. Моя жизнь. Stanford. 1968.
 23. В «Уставе ЦК», утвержденном январским пленумом ЦК РСДРП 1910 г., такого положения нет (КПСС в резолюциях, т. I, с. 293—294).
 24. Тышко состоял с Люксембург в гражданском браке.
 25. Григорьев Рафаил (Крахмальник Рафаил Григорьевич) (1889—1968) — меньшевик. В 1917 г. меньшевик-интернационалист, сотрудничал в газете «Новая жизнь». После Октябрьского переворота выступал против большевистской власти. Переехал из Петрограда в Харьков. Был одним из руководителей Главного комитета РСДРП на Украине. После гражданской войны в политической деятельности не участвовал. Судьба неизвестна.
 26. Шраг И.И. — меньшевик. В начале второго десятилетия XX в. секретарь цюрихской группы РСДРП.

Даниил Галицкий и Фридрих Воинственный: русско-австрийские отношения в середине XIII в.

А.В. Майоров

Сведения русских и западноевропейских источников о попытке Романа Даниловича овладеть престолом австрийских герцогов. Под 6762 (1254) г. в Галицко-Волынской летописи помещен рассказ об участии Даниила Галицкого в борьбе за «австрийское наследство». По сообщению летописи, венгерский король Бела IV (1235—1270) прислал к Даниилу своих послов с предложением выдать за его сына Романа вдовствующую австрийскую герцогиню Гертруду, и тогда Роман Данилович получит и все австрийские земли: «Посла (король Бела. — А.М.) к Данилови, рекыи, пошли ми сна Романа, да вдам за нь сестроу герциковоу и вдамъ емоу землю Немецкую». Даниил Романович с готовностью принял предложение короля и отправил к нему своего сына Романа, после чего Бела вместе с Романом выехал в Австрию и устроил бракосочетание: «Еха (Бела. — А.М.) в Немце с Романом и да сестру герцоковоу за Романа»¹.

Сведения русской летописи о походе венгерских войск в Австрию, завершившемся браком герцогини Гертруды с князем Романом, подтверждаются несколькими иностранными источниками и относятся к лету 1252 года. У хрониста из Гарстена (Верхняя Австрия) читаем: «1252. По совету и с помощью Бела, короля Венгрии, король Руси, который в это время находился при нем... взял в жены Гертруду, вдову герцога Германа, чтобы таким образом этот король (король Руси. — А.М.) мог вполне законно взять герцогство Австрии и Штирии»². У первого продолжателя Клостернойбургских анналов русский муж Гертруды назван по имени: «Гертруда, дочь герцога Генриха взяла себе третьего мужа по имени Роман, короля Руси, от которого родила дочь»³. Одна из австрийских хроник приводит имя дочери Гертруды и Романа — Мария⁴.

Чтобы помочь Роману Даниловичу удержать австрийский престол, Бела IV и Даниил Галицкий создали военную коалицию, направленную против чешского короля Вацлава (Венцеслава) I (1230—1253) и его сына и преемника Пржемысла II Оттокара (1253—1278), также претендовавшего на наследие Бабенбергов. Летом 1253 г. против них одновременно выступили войска вен-

Майоров Александр Вячеславович — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой музеологии исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

герского короля и его союзников — баварского герцога Оттона II (1231—1253), а также объединенные русско-польские силы⁵. Венгерские войска вторглись в Австрию и, почти не встречая сопротивления, дошли до Тульна (город на Дунае к северо-западу от Вены)⁶.

Анналист из Хайлигенкройца (Нижняя Австрия) рассказывает, что венгры, убив и захватив в плен множество жителей, разграбили немало монастырей и сожгли несколько храмов вместе с укрывавшимися там людьми⁷. Войска союзных половцев Бела направил в Моравию, где они перебили «многие тысячи христиан, не щадя ни пола, ни возраста», в том числе и многих клириков⁸.

С русской стороны поход описан в Галицко-Волынской летописи: в нем участвовали войска Даниила Романовича, его брата Василька и сына Льва, литовских и польских князей — краковского Болеслава Стыдливого и опольского Владислава⁹. Войска Даниила и Болеслава Стыдливого соединились в Кракове, а Владислав Опольский присоединился к ним у силезского города Козел на Одере. Оттуда объединенные силы двинулись в Моравию и подошли к городу Опаве. Однако противоречия между русскими и польскими участниками кампании не позволили добиться желаемых результатов¹⁰.

Впрочем, масштаб русско-польского вторжения в Чехию не может идти в сравнение с военными действиями; открытыми тогда же венгерским королем. В Пражских анналах — источнике, современном описываемым событиям, — о русско-польском походе не говорится ни слова, тогда как нападение на моравские земли венгерско-половецких войск изображается как тяжкое испытание для всего народа: «Многие укрепления, которыми они смогли овладеть, они опустошили и сожгли, церковные колокола и реликвии из разбитых алтарей захватили и увезли с собой, обратив церкви в пепел, надругались над церковными святынями, распяли на крестах множество людей в поношение распятия»¹¹.

В итоге венгерские войска, как и русско-польские, потерпели поражение. Оставшись без военной поддержки союзников, Роман Данилович не смог удержаться в Австрии. Осажденный войсками Пржемысла Оттокара в замке Гимберг неподалеку от Вены, Роман во второй половине 1253 г. должен был вернуться на Русь¹².

В Австрии бегство Романа было оценено как предательство. По словам современника — венского анналиста-доминиканца, русский князь «вернулся на родину, недостойным образом бросив свою жену»¹³. Ему вторит продолжатель Гарстенских анналов: Роман «бежал, оставив свою жену брошенной, как бы вдовой»¹⁴.

Вмешательство галицко-волынского князя Даниила Романовича в борьбу за австрийский престол может выглядеть безрассудной авантюрой. Зачем было Даниилу, недоумевал М.С. Грушевский, участвовать «в таком далеком и неинтересном для него деле», когда он имел «гораздо более реальные дела под носом». «Стратегическим просчетом» считает решение Даниила ввязаться в войну за «австрийское наследство» Н.Ф. Котляр¹⁵.

Вместе с тем можно согласиться с В.Т. Пашуто, по мнению которого Даниил и его летописец придавали участию русских князей в далеком австрийском походе какую-то особую важность: «Летописец прекрасно понимал большое политическое значение этого похода», — писал историк¹⁶. В новейшей литературе вмешательство Даниила в австрийские дела связывают с общим поворотом внешней политики Романовичей в сторону Запада, происшедшим вследствие монголо-татарского завоевания¹⁷.

Князь Даниил, как считал И.П. Крипякевич, вынашивал замысел посадить сына на австрийский престол, «дабы во время угрозы от ордынцев иметь

здесь резерв для княжеской семьи»¹⁸. Еще дальше в своих предположениях пошел Котляр, полагая, что галицко-волинский князь, может быть, «даже мечтал об объединенном Русско-Австрийском государстве»¹⁹.

Но почему Романовичей привлекала именно Австрия? Какие основания могли быть у Даниила для далеко идущих замыслов в отношении этой страны? В современной литературе нет ответов на эти вопросы. История борьбы галицко-волинских князей за престол австрийских герцогов по-прежнему остается загадкой.

Главные претенденты на австрийский престол и их родство с Бабенбергами. От внимания современных историков ускользает существенное обстоятельство. Главные участники борьбы за «австрийское наследство» — венгерский король Бела IV и чешский король Пржемысл II Оттокар имели родственные связи с правящим в Австрии домом Бабенбергов.

В 1170-х годах венгерская принцесса Елена, дочь короля Гейзы II (1141—1162), прадеда Бела IV, была выдана за австрийского герцога Леопольда V Бабенберга (1177—1194). Она стала матерью австрийского герцога Леопольда VI Славного (1198—1230) (во всех случаях в скобках даты правления, а не даты жизни) и бабкой герцога Фридриха II Воинственного (1230—1246), последнего представителя рода Бабенбергов. С Фридрихом Воинственным в 1246 г. воевал Бела IV и сразу после гибели Фридриха 15 июня в сражении на р. Лейта начал борьбу за «австрийское наследство»²⁰.

Австрийские хронисты утверждают, что, добиваясь брака Романа и Гертруды, венгерский король хотел «таким способом герцогство Австрию и Штирию получить себе самому»²¹. О вероломстве Бела сообщает и русская летопись: «Створи король обеть великъ и не исправи его к Романови... леств бо имашеть, хотя городовъ его»²². Притязания Бела опирались на поддержку римского папы. В 1247 г. Иннокентий IV (1243—1254), враждовавший с императором Фридрихом II (1220—1250), рассматривал Бела как лучшего кандидата на австрийский престол и только в 1253 г. признал австрийским герцогом Оттокара²³.

В родстве с Бабенбергами по женской линии состоял и чешский король Пржемысл Оттокар. Его матерью была Кунигунда (Кунгута) Штауфен, дочь немецкого короля Филиппа Швабского, выданная за чешского короля Вацлава I. По своей матери Кунигунда приходилась внучкой византийскому императору Исааку II Ангелу. На другой родственнице Исаака (дочери или племяннице) Феодоре Ангелине в 1203 г. женился австрийский герцог Леопольд VI, отец Фридриха II²⁴.

Согласно «Малой привилегии» (Privilegium Minus), полученной Бабенбергами в 1156 г. от императора Фридриха I Барбароссы, в случае отсутствия прямых наследников мужского пола престол Австрии должен был передаваться по женской линии²⁵. После гибели Фридриха Воинственного из древней династии, правившей в Австрии с 976 г., в живых остались лишь две женщины: Маргарита — старшая сестра Фридриха и вдова германского короля Генриха (VII) Штауфена (1220—1235), и Гертруда — дочь Генриха Бабенберга, старшего брата герцога Фридриха²⁶.

Гертруда в 1246 г. вышла замуж за Владислава Моравского, сына чешского короля Вацлава I. Владислав еще при жизни Фридриха Воинственного добивался брака с Гертрудой и даже предпринял для этого военный поход в Австрию. Однако их брак продлился всего несколько месяцев. 3 января 1247 г. Владислав после скоротечной болезни скончался²⁷.

Тем временем император Фридрих II в нарушение привилегии 1156 г. объявил Австрию выморочным леном и ввел свои войска в герцогство. Под давлением папы римского Гертруда в середине 1248 г. вышла замуж за

Германа VI Церингена, маркграфа Баденского, который стал новым герцогом Австрии и Штирии²⁹.

Правление Германа закончилось катастрофой. Власть в Австрии оспорили сторонники императора и приверженцы Маргариты Бабенберг, тетки Гертруды. Австрийское дворянство и горожане не оказали Герману поддержки. Ему пришлось искать убежища у баварского герцога. 4 октября 1250 г. Герман VI внезапно скончался, оставив после себя годовалого сына Фридриха. Ходили слухи, что Герман стал жертвой отравления, к которому могла быть причастна сама Гертруда²⁹.

После смерти Германа виднейшие представители австрийской знати вновь сделали выбор в пользу чешского претендента. Второй сын короля Вацлава I Пржемысл Оттокар нашел в Австрии немало сторонников и в ноябре 1251 г. прибыл в Вену³⁰. Чтобы подкрепить свои права на герцогский престол, в феврале 1252 г. он женился на сестре погибшего Фридриха Бабенберга Маргарите, которая была старшей Оттокара почти на тридцать лет³¹.

Как наследница австрийского престола Маргарита имела несомненные преимущества перед Гертрудой. Она была старшей родственницей (теткой), вдовой германского короля и дочерью правившего в Австрии герцога (Леопольда VI). Отец же Гертруды так и не стал правящим герцогом, а ее покойный супруг Герман Баденский нажил в Австрии слишком много врагов. К тому же Гертруда лишилась поддержки римского папы, отказавшись выйти замуж за брата германского анти-короля³² Вильгельма II Голландского Флориса, выдвинутого Иннокентием IV в качестве нового кандидата на австрийский престол³³.

Кроме того, с 1251 г. Гертруда находилась за пределами Австрии, покинув родину под нажимом баварского герцога Оттона II и его сторонников. Найдя убежище при дворе Белы IV, она, по некоторым данным, передала ему часть прав на свои австрийские владения³⁴.

Тем не менее Гертруда не собиралась отказываться от дальнейшей борьбы за Австрию, рассчитывая на союз с сыном далекого галицко-волинского князя, и 12 июля 1252 г. вступила в брак с Романом Даниловичем. Мотивы Гертруды в этом шаге раскрывают современники событий. Хронист из монастыря Святого Креста писал: «1252. Герцогиня из Медлинга (Гертруда. — *А.М.*) взяла в мужья короля Руси наперекор своей тетке (Маргарите. — *А.М.*), герцогине Австрии»³⁵. Еще более ясно выразился венский монах-доминиканец, составитель продолжения анналов венских братьев-проповедников: «1252. Госпожа Гертруда, вдова герцога Германа, через посредство короля Венгрии взяла в мужья некоего из русских (*quendam Ruthenogum*), желая назло своей тетке (Маргарите. — *А.М.*) завладеть землями»³⁶. Если верить этому сообщению, Гертруда рассчитывала и на помощь венгерского короля, намерение которого захватить австрийский престол не могло быть для нее тайной.

При всем нарочитом невнимании к личности русского князя, вступившего в борьбу за наследие Бабенбергов, венский хронист ясно проводит мысль, что с его помощью Гертруда намеревалась «завладеть землями», то есть вернуться к власти в Австрии, потеснив свою тетку. Отсюда вероятно, что у Романа Даниловича нашлись сторонники в среде австрийской знати. В самом герцогстве Австрии и Штирии были недовольные правлением чешского принца Оттокара. В 1252 г. штирийская знать пригласила на престол сына баварского герцога Оттона II Генриха³⁷. Вся борьба за герцогский престол была еще впереди.

Евфросиния Галицкая и австрийская герцогиня Феодора. Едва ли Гертруда вступила в брак с Романом Даниловичем единственно под давлением венгерского короля Белы IV, хотя того еще в 1248 г. назначил ее опекуном папа

Иннокентий IV³⁸. Гертруда проявила большую самостоятельность в выборе супругов. В 1245 г. она отказалась подчиниться требованию другого опекуна, своего дяди Фридриха Воинственного, и не согласилась стать женой императора Фридриха II, хотя он сулил австрийскому герцогу королевскую корону в случае брака с его племянницей³⁹. В 1251 г. Гертруда не подчинилась требованию главного своего благодетеля папы Иннокентия IV, отказавшись выйти за Флориса Голландского, и предпочла ему Романа Даниловича.

В то же время Роман Данилович, находясь за многие сотни километров от Галицко-Волынской Руси, в течение полутора лет смог продержаться в Австрии, ведя постоянную борьбу с другими претендентами. При этом Роман не только не получил обещанную помощь от Белы IV, но наоборот, отверг ее, убедившись в намерении венгерского короля самому стать правителем Австрии. По сообщению Галицко-Волынской летописи, Бела готов был помогать Роману при условии отказа от принадлежавших ему владений в Австрии в обмен на обещание «дати иныи города в земле Оугорьскою»⁴⁰.

Права Романа Даниловича на наследие Бабенбергов признавал и его главный соперник в борьбе за Австрию — чешский принц Пржемысл Оттокар, предлагавший Роману поровну разделить с ним австрийские земли и называвший русского князя своим «родственником» и «свояком»: «Остави короля Оугорьского, яко оужика ми еси и своякъ, земля Немцькая разделена боудеть с тобою... и вдамъ ти польъ земли Немецкой»⁴¹.

Какие причины могли побудить Гертруду Бабенберг отдать предпочтение Роману Даниловичу перед другими претендентами, искавшими ее руки и готовыми вступить в борьбу за «австрийское наследство»? На какие свои преимущества мог рассчитывать русский князь, ввязавшийся в эту борьбу?

По предположению Л.В. Войтовича, претензии галицко-волынских князей на престол австрийских герцогов могли основываться на их родстве с династией Бабенбергов. Исходя главным образом из гипотезы Н.А. Баумгартена о том, что второй женой Романа Мстиславича стала дочь византийского императора Исаака II, и подкрепив ее новыми аргументами, Войтович считает, что матерью последнего правителя Австрии из рода Бабенбергов Фридриха II была родная сестра «великой княгини Романовой» Феодора, выданная в 1203 г. за герцога Леопольда VI, отца Фридриха II. Последний, таким образом, приходился двоюродным братом Даниилу Галицкому⁴². К сожалению, Войтович не привел свидетельств источников, подтверждающих родство Фридриха Воинственного с Исааком II и, следовательно, с галицко-волынскими Романовичами. Его догадка, таким образом, требует проверки.

Вопрос о происхождении жены австрийского герцога Леопольда VI не вполне ясен⁴³. Тем не менее принадлежность ее к роду Ангелов в целом не вызывает сомнений, поскольку имеется свидетельство одной из австрийских хроник, так называемых Мельских анналов: во введении к продолжению этого сочинения говорится, что в 1203 г. женой Леопольда стала «Феодора, дочь короля Греческого» (*Theodoram filiam regis Grecorum*)⁴⁴. Однако в другом австрийском источнике сказано, что Феодора была «внучкой от дочери императора Константинополя» (*Constantinopolitani imperatoris ex filia neptem*)⁴⁵.

Поскольку брак Леопольда с греческой царевной был заключен в ноябре 1203 г., когда в правах василевса был восстановлен Исаак II, родство Феодоры с «императором Константинополя» должно было восходить именно к нему. Однако степень родства, понимаемая по-разному уже современниками Феодоры, остается невыясненной и в новейшей литературе⁴⁶.

Учитывая точные сведения Никиты Хониата о детях Исаака II от первого брака, среди которых нет упоминания о Феодоре, она могла принадлежать

лишь к потомству императора от его второго брака с Маргаритой Венгерской. Однако в таком случае брак Феодоры с Леопольдом VI был бы невозможен из-за слишком близкого родства между ними: мать Леопольда, дочь венгерского короля Гейзы II, приходилась бы Феодоре родной теткой. Феодора не могла быть и внучкой Исаака II, поскольку и в этом случае она оказалась бы в слишком близком родстве с Леопольдом. Остается одно — считать Феодору племянницей императора Исаака⁴⁷.

Д. Швеннике и А. Тиле полагают, что Феодора была дочерью Иоанна Ангела, младшего брата Исаака II. Возможность переговоров о будущем браке Феодоры и Леопольда могла возникнуть в 1189 г. во время Третьего Крестового похода, в котором участвовал предполагаемый брат Феодоры Андроник Ангел, ставший заложником Фридриха Барбароссы, в качестве гарантии участия в походе своего дяди Исаака II⁴⁸. При этом о севастократе Иоанне Ангеле и его семье мы знаем очень мало: известно только, что у него было двое детей, один из которых — сын Андроник, имя же и пол второго ребенка неизвестны⁴⁹.

О том, что Феодора могла быть племянницей Исаака II, как будто свидетельствует упоминание о ней в австрийских анналах как о «Constantinopolitani imperatoris ex filia neptem». Лат. *neptis* «внучка» в средние века могло использоваться также в значении «племянница», и выражение *neptis ex filia* в таком случае могло означать «племянница по женской линии», то есть дочь сестры.

Таким образом, если верно, что жена австрийского герцога Леопольда VI Феодора приходилась племянницей византийскому императору Исааку II Ангелу, то становится ясной ее родственная связь с галицко-волынским княгиней Евфросинией, матерью Даниила Романовича⁵⁰: Феодора и Евфросиния были двоюродными сестрами, а их сыновья — Фридрих Воинственный и Даниил Галицкий — троюродными братьями.

Родство с Бабенбергами по линии византийских императоров выдвигало Даниила Романовича и его сына Романа в число наиболее весомых претендентов на австрийский престол. Вести борьбу за «австрийское наследство» Роман Данилович имел не меньше оснований, чем другие его соперники — венгерский король Бела IV и чешский принц Пржемысл Оттокар. Им обоим приходилось считаться с правами Романа и действовать против него с осторожностью, не столько силой, сколько уловками и уговорами. Высокое происхождение русского князя и родственные отношения с Бабенбергами должны были также повлиять на выбор вдовствующей герцогини Гертруды и обеспечить Роману поддержку в среде австрийской знати.

Поддержка русского претендента на австрийский престол значительной частью местной элиты — факт, имеющий реальное подтверждение в источниках. Из документов Гертруды Бабенберг достоверно известно, что в 1252—1253 гг. как у нее самой, так и у ее нового мужа Романа Даниловича нашлось немало влиятельных сторонников в самой Австрии. В их числе упоминаются ландрихтер Австрии и герцогский стольник граф Генрих фон Хассбах, а также его брат Ульрих, братья Бернгард и Генрих Пройссели, Конрад фон Вассербург, Оттон фон Майссау, Конрад фон Фалькенберг, Конрад фон Гимберг, Генрих фон Лихтенштейн, Ульрих фон Гюттендорф, Крафт фон Слеюц и Оттон фон Лейсс⁵¹.

Австрийский узел внешней политики галицко-волинских князей. Связи галицко-волинских Романовичей с австрийским герцогом Фридрихом II Воинственным и его матерью существовали издавна. Сохранилось письмо императора Фридриха II чешскому королю Вацлаву I, датированное июлем 1235 г.⁵², в котором изложены многочисленные провинности перед императором австрийского герцога Фридриха, в том числе и такая: «Он (герцог. — А.М.)...

приказал отнять дары, отправленные нам с послами герцогом Руси (xenia quoque, per ducem Rossiae nobis transmissa)»⁵³.

В упомянутом здесь русском герцоге Грушевский видел Даниила Романовича. Пашуто придерживался иного мнения: австрийский герцог перехватил дары, отправленные к германскому императору черниговскими князьями⁵⁴. Чтобы разобраться в этом запутанном вопросе, нужно проследить историю взаимоотношений австрийского герцога с чешским королем и германским императором.

В 1230-х годах герцог Фридрих Воинственный, отличавшийся тяжелым и агрессивным нравом, вел напряженную борьбу с многочисленными внутренними и внешними врагами. Уже в 1230 г. в Австрии вспыхнуло восстание министералов (заговор Куэнригеров) против герцога, и в страну вторглись чешские войска, разорившие северо-австрийские земли. Лишь с большим трудом Фридриху удалось подавить восстание, после чего в 1233 г. он совершил ответное вторжение в Чехию. В 1235 г. сложился опасный для Фридриха чешско-венгерский альянс. Союзные войска, возглавляемые венгерским королем Андреем II, дошли до самой Вены, но затем были вынуждены отступить. В начале 1236 г. Фридрих со своей стороны предпринял вторжение в Венгрию⁵⁵.

Заносчивость, высокомерие герцога сказывались на его отношениях с самыми близкими людьми. Поссорившись с собственной матерью Феодорой Ангелиной, он лишил ее имущества и даже угрожал расправой. Герцогиня бежала в Чехию и нашла приют при дворе короля Вацлава I; жена его Кунигунда была дочерью короля Филиппа Швабского и византийской принцессы Ирины Ангелины, которая приходилась Феодоре двоюродной сестрой. Из Чехии Феодора отправилась к императору Фридриху II с жалобами на своего сына и просьбой помочь ей вернуться в Австрию⁵⁶.

В то же самое время к императору с разных сторон во множестве поступали другие жалобы на герцога не только от правителей соседних государств, но и от многих австрийских дворян, городов и церковных иерархов. Император призвал герцога на суд и в 1235 — начале 1236 г. трижды назначал дни для рассмотрения выдвинутых против Фридриха обвинений. Тот, однако, проигнорировал все требования императора, и тогда в июне 1236 г. был объявлен им вне закона с лишением всех владений в Австрии и Штирии. По этому поводу император издал специальный манифест, где свел воедино все пункты обвинений против герцога⁵⁷.

В Вену прибыли союзники императора — чешский король Вацлав I и баварский герцог Оттон II — и объявили Фридриху решение суда. Одновременно со всех сторон началось вторжение в Австрию войск соседних государств. Непокорный герцог был покинут практически всеми своими подданными и лишился власти, сохранив за собой лишь герцогский замок Винер-Нойштадт. Вену заняли войска императора Фридриха II, и он сам находился там с января до середины апреля 1237 года. Фридрих II провозгласил в Вене своего сына Конрада новым германским королем и объявил столицу Австрии свободным имперским городом с предоставлением горожанам широких прав самоуправления и торговых привилегий. Все это должно было обеспечить переход Австрии и Штирии под власть нового короля Конрада⁵⁸.

Поражение не сломило герцога Фридриха, сумевшего вскоре вернуть утраченные позиции. Восстановлению его власти способствовала благоприятная внешнеполитическая обстановка. Император Фридрих II должен был вывести свои войска из Австрии, чтобы направить их в Италию, где против него началось восстание ломбардийских городов. Тем временем герцог Фридрих заключил союз с римским папой Григорием IX, противником императора, и с его помощью восстановил отношения с Баварией, Чехией и Венгрией.

К 1239 г. Фридриху Воинственному удалось отвоевать все свои владения в Австрии и заключить мир с императором Фридрихом II, испытывавшим серьезные затруднения в Италии⁵⁹.

Послы короля Руси и венский купец Генрих Бревно. Среди участников противостояния Фридриха Бабенберга с императором Фридрихом II в решающий момент оказались волынские князья Даниил и Василько Романовичи. Галицко-Волынская летопись сообщает: «В то время пошелъ бяше Фридрихъ цесарь (император Фридрих II. — А.М.) на герцика (Фридриха Воинственного. — А.М.) воиноу, и восхотеста ити Даниль со братомъ Василкомъ герцикови во помощь, королеви же (венгерский король Бела IV. — А.М.) възбранвшоу има, възвратистася во землю свою»⁶⁰.

Выступление Даниила и Василька Грушевский датировал ранней весной 1237 года⁶¹. В таком случае Романовичи готовы были прийти на помощь Фридриху Бабенбергу в самый тяжелый для него момент, когда в Вене находились войска германского императора.

Сам Грушевский, а вслед за ним и другие авторы объясняют установление военного союза волынских князей с австрийским герцогом желанием оказать давление на венгерского короля Белу, чтобы вынудить его отказаться от поддержки черниговского князя Михаила Всеволодовича и его сына Ростислава, являвшихся тогда главными соперниками Романовичей в борьбе за Галич. «Австрийский герцог был врагом Белы IV, — пишет Котляр, — поэтому помощь Даниила Фридриху ставила Венгрию в опасное положение»⁶².

Начало союзнических отношений австрийского герцога с волынскими князьями Пашуто относил к 1235 г.: какие-то контакты между ними могли возникнуть во время поездки Даниила в Венгрию для участия в коронации (интронизации) Белы IV⁶³.

Коронационные торжества прошли в Секешвехерваре осенью 1235 г., вскоре после смерти старого короля Андрея II, сделавшего своего сына Белу соправителем («младшим королем») еще в 1214 году. В так называемом Венгерском хроникальном своде XIV в., именуемом также Иллюстрированной, или Венской хроникой, отмечается, что «истинный русский князь» Даниил во время торжественной процессии «со всей почтительностью вел впереди [королевского] коня»⁶⁴.

Выполнение волынским князем подобного ритуала должно было выражать признание им над собой сюзеренитета короля. Отсюда в новейшей литературе делается вывод о принятии Даниилом в 1235 г. вассальных обязательств по отношению к Беле IV⁶⁵. Исходя из этого факта некоторые исследователи оценивают участие Романовичей в австрийских делах как не вполне самостоятельную политику, подчиненную интересам венгерского короля⁶⁶.

Однако основания союза Романовичей с Бабенбергами были более глубокими, и их возникновение не зависело от влияния третьих сил. Даниил и Василько предприняли попытку вмешаться в австрийские дела отнюдь не только в силу обязательств перед венгерским королем или ради получения от него каких-то уступок. К оказанию помощи австрийскому герцогу русских князей призывал также родственный долг: Даниил и Василько по своей матери приходились Фридриху троюродными братьями.

В начале 1237 г. во время оккупации австрийских земель войсками германского императора и его союзников Романовичи находились неподалеку — в соседней Венгрии — и вели оттуда переговоры с Фридрихом II о судьбе своих австрийских родственников. В Галицко-Волынской летописи сообщению о выступлении Романовичей в поддержку Фридриха Бабенберга непосредственно предшествует известие о том, что «Данииль же в то время шель бяше съ братомъ своимъ въ Оутры къ королеви, бе бо звалъ его на честь»⁶⁷.

«Честь», о которой говорит здесь летопись, вероятнее всего, могла подразумевать почетную миссию посредников на переговорах с императором по поводу возможного урегулирования конфликта. Такую миссию взял на себя один из Романовичей, по-видимому, Даниил. Немецкие источники позволяют заключить, что русский князь установил прямые контакты с германским императором и, по-видимому, имел личную встречу с ним во время пребывания последнего в Вене.

К сожалению, этот вопрос остается совершенно невыясненным, несмотря на неоднократные попытки исследователей подойти к его изучению. О состоявшейся в Вене встрече русского князя с германским императором писал Б. Влодарский, однако приведенные им данные только затемняют дело. Почему-то он не указал точно источник своих сведений, ограничившись неопределенной ссылкой на некий «немецкий рочник»⁶⁸. Сведения загадочных немецких анналов используются также у Котляра: «Одна германская хроника, — пишет он, — сообщает, что в Вену приезжали послы “короля Руси” (явно Даниила), после чего Романовичи вернулись домой»⁶⁹.

Среди немецких и австрийских повествовательных источников (во всяком случае, среди опубликованных) нет таких, где бы содержались подобные известия, что заставляет усомниться в надежности сведений, сообщаемых Влодарским и другими историками.

Тем не менее какая-то встреча германского и волынского правителей действительно должна была состояться. Последствия ее нашли отражение в документах императора.

15 января 1240 г. Фридрих II отдал своим министрам письменное распоряжение (*mandatum*), копия которого сохранилась в Регестах императора (*Regesta imperatoris Frederici II. Fol. 54 v.*). Купцу из Вены Генриху Бревну (*Henrico Baumo de Wienna mercatori*) он предоставил право получить и беспрепятственно вывезти через морские порты из Апулии и других итальянских владений Фридриха вплоть до Венеции 4462,5 ласта зерна (ласт — мера объема сыпучих тел, равная 15,75 четвертям или ок. 2,5 тыс. литров). Зерно должно было быть передано венскому купцу в качестве компенсации за одолженные им императору в разное время денежные средства (в сумме составлявшие тысячу марок серебром в больших кремонских динариях). Путем сложных перерасчетов устанавливалось, что все издержки купца равны стоимости указанного выше зерна, которое он должен получить от императорской курии из будущего урожая⁷⁰.

Из тысячи марок, одолженных Генрихом Бревном Фридриху II, половина была внесена в имперскую палату под Пармой 7 декабря XIII индикта (1239 г.). Другие пятьсот марок были одолжены ранее и предназначались для выплаты послам некоего короля Руси.

В документе указывается, что часть зерна, причитающегося венскому купцу и «верному подданному» императора, предназначалась «для покрытия расходов, которые он понес по нашему повелению за послов короля Руси, в то время, когда мы пребывали в Вене, за которые (расходы. — *А.М.*) мы ранее обязались [передать] ему один город в Австрии в держание и в узуфрукт до тех пор, пока те деньги не будут компенсированы нами, и по причине войны этот город он не мог ни взять, ни держать»⁷¹.

Таким образом, во время своего пребывания в Вене Фридрих II имел прямые контакты с неким русским правителем, удостоенным в имперской канцелярии королевского титула. Эти контакты привели к необходимости выплаты русскому королю значительной денежной суммы. Не имея возможности расплатиться из собственных средств, император занял деньги у одного из богатых венских купцов⁷².

О передаче Генриху Бревну в счет погашения долга 4462,5 ласта зерна говорится и в еще одном распоряжении Фридриха II, от 17 мая 1240 г., запись о котором сделана в Регестах императора на том же листе, где помещен текст мандата от 15 января (*Regesta imperatoris Frederici II. Fol. 54 v.*). В этом новом распоряжении Фридрих еще раз подтверждает свои обязательства перед венским купцом⁷³.

Даниил Романович, герцог Фридрих Воинственный и император Фридрих II. Можно предполагать, что между германским императором и русским князем была заключена какая-то сделка: князь получил от императора деньги за оказание ему неких важных услуг. О важности сделки для Фридриха свидетельствует не только размер выплаченного вознаграждения, но также чрезвычайный характер мер по изысканию требуемой суммы. Помимо гарантий возврата полученных денег Фридрих обязался передать своему кредитору в держание и в узуфрукт один из имперских городов в Австрии. Такая мера повышала социальный статус купца Генриха Бревна, едва ли не ставила его в ряд с владельческими феодалами, вассалами императора.

Указание источника о том, что деньги были переданы послам русского короля во время пребывания в Вене германского императора, относит интересующее нас событие к началу 1237 года. Упомянутым в документе «королем Руси» в это время мог быть только Даниил Романович, специально прибывший в Венгрию для последующего участия в конфликте герцога с императором. К такому же выводу пришли в свое время Ю. Фиккер и Э. Винкельманн⁷⁴. К. Лорманн и Ф. Опль допускают, что упомянутым в грамоте королем, помимо Даниила Галицкого, мог быть также владими́ро-суздальский князь Юрий Всеволодович (Георгий II)⁷⁵. Однако причастность его к событиям начала 1237 г. в Вене ничем не подтверждена.

Сопоставляя сведения, содержащиеся в мандате Фридриха II от 15 января 1240 г., с известием Галицко-Волынской летописи о выступлении Романовичей в поддержку герцога Фридриха Воинственного против германского императора, нельзя не заметить, что названные источники представляют совершенно противоположные версии событий начала 1237 года. При этом нет оснований сомневаться в надежности приведенных известий или исключать одно из них как недостоверное. Остается предположить, что в результате похода в Австрию в отношениях волынских князей с герцогом Фридрихом произошла кардинальная перемена. Поначалу намереваясь встать на его защиту, Романовичи в итоге оказались в лагере главного врага Бабенберга — императора Фридриха II. Происшедшая перемена должна была стать результатом личных контактов Даниила Романовича с императором, состоявшихся в австрийской столице.

Пятьсот марок серебром, переданные по распоряжению Фридриха II его кредитором Генрихом Бревном послам короля Руси, надо полагать, служили компенсацией расходов, понесенных Романовичами в связи с предпринятым ими военным походом в Австрию, а также наградой за отказ от поддержки австрийского герцога и переход на сторону германского императора.

Денежными подарками Фридрих II неоднократно вербовал себе новых союзников. Действуя преимущественно таким способом во время борьбы со своим мятежным сыном, германским королем Генрихом (VII), он переманил в 1235 г. большую часть его сторонников⁷⁶. Щедростью императора пытался тогда воспользоваться и Фридрих Воинственный, потребовавший за свои услуги 2 тыс. марок серебром, но получивший отказ⁷⁷.

На решение Романовичей перейти на сторону императора оказала влияние также позиция Белы IV, противника Фридриха Воинственного. Этот факт нашел отражение в сообщении летописи о том, что Бела запретил Да-

ниилу и Васильку воевать на стороне герцога («королеви же возбранившоу има») ⁷⁸. Венгерский король с самого начала играл существенную роль в вовлечении Романовичей в австрийские дела. Именно он накануне описываемых событий пригласил Даниила прибыть в Венгрию, оказав ему при этом какие-то особые почести («звать его на честь») ⁷⁹.

Учитывая постоянный интерес Романовичей к австрийским делам в будущем и их настойчивые попытки овладеть престолом Бабенбергов после смерти Фридриха Воинственного, можно предположить, что какие-то виды на Австрию возникли у Даниила уже во второй половине 1230-х годов, во время разразившегося там острого политического кризиса. Настроениями Романовича не преминули воспользоваться враги герцога Фридриха — германский император и венгерский король, увидевшие в Данииле Галицком потенциального соперника Бабенберга и постаравшиеся вовлечь волынского князя в свои дела.

Основание стать претендентом на австрийский престол Даниилу Романовичу давало родство с династией Бабенбергов по женской линии. Это должен был учитывать император Фридрих II при выборе фигуры на место фактически свергнутого им в начале 1237 г. герцога Фридриха Воинственного. Право на престол Бабенбергов наследников по женской линии было признано делом Фридриха II, императором Фридрихом I Барбароссой, и не раз использовалось в дальнейшем правителями Священной империи для достижения собственных политических выгод ⁸⁰. Так или иначе, случайный и никому не известный в Австрии и Германии князь из далекой Волынской земли едва ли мог бы заинтересовать Фридриха II в качестве союзника в борьбе за установление власти императора на берегах Дуная.

Разрыву отношений Романовичей с герцогом Фридрихом в начале 1237 г. способствовали и другие противоречия, существовавшие между ними в прошлом. Всего двумя годами ранее, как следует из приведенного выше письма императора Фридриха II к чешскому королю Вацлаву I, у Фридриха Воинственного произошли разногласия с неким «герцогом Руси», выразившиеся в том, что австрийский правитель перехватил дары, отправленные этим «герцогом» германскому императору. В дискуссии историков по поводу идентификации упомянутого в документе «герцога Руси» приходится признать правоту Грушевского, считавшего отправителем даров Даниила Галицкого. Союз волынского князя с германским императором, оформленный во время их личной встречи в Вене, был, таким образом, заблаговременно подготовлен со стороны Даниила.

Сопоставление документов императора Фридриха II, имеющих отношение к Даниилу Галицкому и связанных с событиями 1235 и 1237 гг., показывает, что за это короткое время внешнеполитический статус волынского князя существенно повысился: в первом документе имперская канцелярия титулует его *герцогом* (*dux Rossiae*), а во втором — *королем* (*rex Ruscie*).

Присвоение русскому князю королевского титула, очевидно, явилось следствием его союза с императором. Именуя своего нового союзника королем Руси, император тем самым как бы подчеркивал, что его властный статус выше статуса мятежного австрийского герцога. Во всех официальных документах императора, а также исторических хрониках Фридрих Бабенберг титулуется лишь как *герцог Австрии и Штирии* (*dux Austriae et Styriae*), несмотря на его неоднократные попытки добиться королевского титула ⁸¹. Получение от императора Фридриха II королевского титула означало для Даниила Галицкого прекращение его вассальной зависимости от венгерского короля Белы IV: оба они были признаны суверенными правителями, Даниил Романович именно в таком духе мог истолковывать установленные им отношения с императором.

Что же касается трений в отношениях Романовичей с Фридрихом Воинственным, то объяснить их возникновение можно опять-таки с учетом родства волынских князей с матерью Фридриха Феодорой Ангелиной. Преследуемая сыном, она бежала из Австрии, обратившись за помощью к своим родственникам за границей; двоюродной сестрой приходилась ей княгиня Евфросиния Галицкая. Дары русского князя были отправлены императору Фридриху II как раз в тот момент, когда к нему с просьбой о защите обратилась австрийская герцогиня-изгнанница. Она же, видимо, и сообщила императору о пропаже предназначавшихся для него русских даров, перехваченных австрийским герцогом.

Основания для напряженности в отношениях волынских князей с Фридрихом Бабенбергом возникли еще прежде его конфликта с матерью. В 1229 г. Фридрих развелся со своей первой женой Софией, дочерью никейского императора Феодора I Ласкаря (1204—1221). Этот шаг вызвал недовольство родственников греческой принцессы; у Фридриха Бабенберга сразу же были испорчены отношения с будущим венгерским королем Белой IV, женатым на Марии Ласкарине, сестре Софии⁸².

Прессбургский демарш Даниила Галицкого. Дипломатические отношения Даниила Галицкого с императором Фридрихом II получили свое развитие через несколько лет в связи с новым обострением ситуации в Австрии. После смерти Фридриха Бабенберга и его преемника Владислава Моравского Фридрих II в нарушение Малой привилегии 1156 г. объявил Австрию и Штирию выморочным леном, принадлежащим императору. Весной 1247 г. он направил в Австрию имперского наместника Оттона фон Эберштейна, который, однако, не справился со своими задачами и через некоторое время вернулся⁸³. В конце 1247 г. войска Фридриха II вторглись в Австрию и в очередной раз заняли Вену. Вдовствующая герцогиня Гертруда и ее сторонники бежали в Венгрию и просили защиты у папы Иннокентия IV⁸⁴.

В начале 1248 г. папа признал Гертруду единственной законной наследницей австрийского престола и обратился с серией посланий к лояльным апостольскому престолу правителям с просьбой принять Гертруду под свою опеку, защитив тем самым от посягательств на ее права со стороны «врагов церкви» — германского императора и его сторонников; в числе адресатов папы были венгерский король Бела IV и чешский король Вацлав I⁸⁵.

Между тем Бела IV имел собственные виды на австрийский престол и не раз пытался ввести войска в Австрию. В сложившихся обстоятельствах венгерский король вновь вспомнил о галицко-волынских князьях. Даниил Романович откликнулся на королевское предложение и «иде емоу на помощь и приде къ Пожгу (Прессбург, немецкое название Братиславы. — *А.М.*)»⁸⁶.

Однако никаких военных действий тогда не последовало. Стороны пытались уладить спорные вопросы путем переговоров, в которых участвовали венгерский король, галицко-волынский князь и послы Фридриха II. Несмотря на то, что его войска уже заняли Вену, император не считал австрийский вопрос решенным и, надо думать, искал подходящего кандидата, способного стать наследником Бабенбергов.

В Галицко-Волынской летописи читаем: «Пришли бо бяхоу послы Немецкыи к нему (королю Беле IV. — *А.М.*), бе бо царь (император Фридрих II. — *А.М.*) объдержас Ведынь (Вену. — *А.М.*), землю Ракоушьскоу (Австрийскую. — *А.М.*) и Штирьскоу, герцокъ (Фридрих II Воинственный. — *А.М.*) бо оуже оубыень бысть»⁸⁷.

Изучение летописного сообщения о встрече в Прессбурге порождает ряд трудноразрешимых вопросов, касающихся прежде всего датировки этого события. Многие обозначенные в летописи даты не соответствуют реальной

хронологии описываемых событий. Рассказ о переговорах помещен под 6760 (1252) годом. В литературе возобладала точка зрения Грушевского, отнесшего известие о встрече в Прессбурге к 1248 — началу 1249 г.; предлагались, впрочем, и более поздние датировки⁸⁸.

Переговоры о судьбе австрийского престола имели смысл лишь до того времени, когда новым герцогом фактически стал Герман Баденский. Ставленник папы Иннокентия IV, маркграф Герман более года вел борьбу с императором Фридрихом и его сторонниками в Австрии. Сочетавшись браком с Гертрудой Бабенберг в середине 1248 г., 14 сентября того же года он был признан папой новым герцогом Австрии и Штирии⁸⁹. Однако путь в Вену для него долго еще оставался закрытым.

Упоминание летописи о «великом зное» во время переговоров послов императора с венгерским королем и русским князем⁹⁰, свидетельствует о том, что встреча в Прессбурге происходила летом. Именно летом 1248 г. были приняты наиболее энергичные усилия к овладению Австрией как сторонниками, так и противниками германского императора. В это время к Фридриху II в Верону прибыла делегация австрийской знати, составленная из его приверженцев, по просьбе которых Фридрих назначил двух новых имперских наместников: в Штирию и Крайну — графа горицкого Майнгарда III, а в Австрию — баварского герцога Оттона II⁹¹.

Впрочем, нельзя исключать, что встреча в Прессбурге могла состояться годом позже, если учитывать, что только к осени 1249 г. ставленнику папы Герману Баденскому и его супруге Гертруде удалось, наконец, обосноваться в Вене⁹². Менее убедительными представляются аргументы в пользу датировки съезда в Прессбурге 1247 годом⁹³.

Даниил Романович не был лишь пассивным наблюдателем на переговорах в Прессбурге. Напротив, он заявлял собственные претензии на австрийский престол, мотивируя их своим родством с Фридрихом Бабенбергом, бывшим, как и волынский князь, потомком византийского императора Исаака II.

Описывая внешний облик Даниила Романовича, прибывшего для участия в переговорах, Галицко-Волынская летопись указывает на весьма примечательную деталь: князь предстал перед послами императора облаченным в «кожюхъ оловира Грецкогого и кроуживы златагыми плоскомы ошитъ»⁹⁴. Древнерусское *оловиръ* употреблялось в значении «багрянец», «пурпур»; в форме *holoverus* «истинный пурпур» это выражение известно также в латинских средневековых текстах⁹⁵. Цель Даниила была достигнута. Своим пышным видом он произвел сильное впечатление на послов германского императора: «Немцем же зрящимъ, много дивящимся». Во время официальных переговоров случился настоящий дипломатический конфуз: германские послы, а вслед за ними и король Бела стали уговаривать русского князя снять с себя роскошный греческий наряд и переодеться в другое платье, более согласующееся с «обычаемъ Роускимъ»⁹⁶.

В итоге Даниил согласился переодеться и надел «порты», предоставленные венгерским королем. За такую уступчивость галицко-волынский князь, похоже, потребовал солидную денежную компенсацию. Явный намек на некую сумму в виде отступных князю звучит в обращенных к нему словах венгерского короля о том, что он не пожалел бы и «тысяше серебра», если бы Даниил явился на переговоры одетым «обычаемъ Роускимъ отцовъ своихъ»⁹⁷.

Роль Даниила в судьбе последнего Бабенберга. Возможно, родство и близкие отношения галицко-волынских князей с Феодорой Ангелиной, матерью Фридриха Бабенберга, дают ключ к еще одному невыясненному эпизоду внеш-

ней политики Даниила Романовича — его причастности к гибели австрийского герцога Фридриха II.

Под 1246 г. в Густынской летописи помещено сообщение, не находящее себе параллелей в других русских источниках: «Беля, король Угорский, имея рать со Фридрихомъ, Ракусимъ княземъ, призва себе Данила въ помощь; Данило же прииде со рускими и татарскими полки, крепко бияшеса со Немци, донеле же победы ихъ и Фридриха уби»⁹⁸. Ясно, что в данном сообщении речь идет о войне венгерского короля Белы IV с австрийским герцогом Фридрихом II Воинственным и о гибели герцога в битве на р. Лейта (Литава) в июне 1246 года.

Галицко-Волынская летопись обходит молчанием участие Даниила в этой битве. Однако рассмотренному выше летописному известию о переговорах в Прессбурге непосредственно предшествует запись: «Присла король Оугорьскыи къ Данилоу, прося его на помощь, бе бо име рать на бои с Немци»⁹⁹.

«Ратью» и «боем» с «немцами» в описываемое время могла быть только кампания венгерского короля против австрийского герцога Фридриха Бабенберга, проведенная в 1246 г. и закончившаяся битвой на р. Лейте. Об этой битве летописец упоминает *post factum*, отмечая победу в ней герцога Фридриха, достигнутую ценой собственной жизни: «[Герцог Фридрих] бився, одоле королеви Оугорьскому, и оубьень бысть от своих боярь во брани»¹⁰⁰.

Битва на Лейте известна по многочисленным упоминаниям австрийских хроник, отмечающих участие в ней русских и половецких войск. Ряд источников указывает также, что в сражении принимал участие некий «король Руси», выступивший на стороне венгров¹⁰¹.

По сведениям наиболее информированного источника — ламбахского продолжателя Мельских анналов, в 1246 г. герцог Фридрих «померился силами с тремя королями, а именно королем Венгрии, королем куманов и королем Руси, и в итоге одержал верх. Тогда же огромное множество [рыцарей] из страны венгерского короля он убил и потопил. Тот же самый Фридрих, получив триумф в битве, погиб странным образом»¹⁰². О загадочной гибели Фридриха, случившейся при невыясненных обстоятельствах в ходе битвы с венгерским королем и его союзниками, говорится также в анналах монастыря св. Руперта в Зальцбурге: «Сам герцог Австрии, однако, либо своими, либо врагами, точно неизвестно, был убит»¹⁰³.

Некоторые средневековые авторы пытались пролить свет на обстоятельства гибели Фридриха, выясняя, кто именно мог быть причастен к его смерти. Версия убийства получила развитие у продолжателя Хроники пресвитера Магнуса, согласно которому австрийский герцог пал от руки одного из своих приближенных: «В сумятице боя [Фридрих] был убит своими людьми, как говорят, [своим] стольником, графом из Хассбаха, по имени Генрих»¹⁰⁴.

Но в анналах кельнского монастыря св. Пантелеймона виновником убийства назван не Генрих, а участвовавший в битве «король Руси», с которым Фридрих Бабенберг сошелся в поединке: «1246. Упомянутый герцог (Фридрих Воинственный. — *А.М.*) около месяца июня сошелся на поле битвы с королем Венгрии. В схватке [Фридрих] сразился с неким королем Руси, которого убил, но и сам получил от него смертельную рану и [после] прожил лишь два дня. Его войско, однако, добилось победы»¹⁰⁵.

Как видим, смерть Фридриха Бабенберга вызвала самые противоречивые толки уже у современников битвы на Лейте. Столь же противоречивы и суждения исследователей. Определенное предпочтение новейшие авторы отдают сведениям кельнского хрониста, как наиболее нейтрального к описываемому событию. Неясным, правда, остается, кто из русских князей упомянут в его сообщении.

Некоторые историки допускают, что в битве на Лейте на стороне венгерского короля мог участвовать Даниил Романович, незадолго перед тем помирившийся с Белой IV¹⁰⁶. Однако другие уверены, что герцог Фридрих Воинственный пал от руки другого русского князя, и таковым мог быть состоявший на службе у Белы Ростислав Михайлович (сын погибшего в Орде Михаила Черниговского)¹⁰⁷. Иногда подобный вывод основывается на не вполне корректном понимании выражения *quodem rege Ruscie* кельнского анналиста, которое переводится как «бывший король Руси»¹⁰⁸. Ростислав Михайлович, некогда княживший в Галиче и изгнанный оттуда Романовичами, действительно, мог восприниматься в качестве бывшего русского «короля». Однако лексема *quodem* здесь употреблена в значении неопределенно-личного местоимения и не может восприниматься как специальное указание на Ростислава. Подразумевается, скорее, действующий, а не бывший правитель.

Ростислав Михайлович, по некоторым данным, мог принимать участие в австрийском походе Белы IV 1246 года¹⁰⁹. Однако точно известно, что он не погиб в битве на Лейте: смерть Ростислава наступила спустя несколько десятилетий после нее¹¹⁰.

Важным источником, содержащим сведения о битве на Лейте, являются свидетельства одного из ее непосредственных очевидцев — австрийского миннезингера Ульриха фон Лихтенштейна (ок. 1200 — 1275/1277), описавшего это сражение в своем знаменитом поэтическом романе «Служение дамам» (*Frauendienst*)¹¹¹.

Во многих отношениях неполный и неясный, рассказ Лихтенштейна, тем не менее, содержит некоторые ключевые подробности, прежде всего точную дату: сражение состоялось «наутро дня Святого Вита в пятницу», то есть 15 июня 1246 г. (Str. 1661—1662). Ульрих говорит, что он мог бы описать битву более подробно и даже назвать имена погибших в ней рыцарей, но все это для его слушателей не будет новым, так как он ранее уже описывал эту злосчастную битву в своих стихах¹¹². Важнейшей частью свидетельств Лихтенштейна является детальное описание гибели Фридриха Воинственного.

Из слов поэта вытекает, что едва ли не главными участниками сражения были русские (*Reuven, Reussen, Reuzzen, Riuzen*), неоднократно упоминаемые на протяжении всего его описания. Русские первыми начали битву. Против них стояли люди Генриха фон Лихтенштейна (родственника нашего информатора). Перед началом битвы между двумя рядами выстроившихся друг против друга войск появился верхом на коне герцог Фридрих и обратился к своим воинам с речью, обещая им щедрые награды в случае победы. Но, еще прежде чем он произнес последние слова, русские внезапно ударили ему в спину. Фридрих пал, но в ту же минуту началась такая всеобщая драка, что никто сразу не обратил внимания на это трагическое происшествие. Генриху Лихтенштейну вскоре удалось переломить ход битвы и обратить русских в бегство¹¹³.

Итак, со всей определенностью выясняется, что русский «король», кто бы он ни был, действовал в битве на Лейте не в одиночку, а во главе весьма значительного войска, состоявшего из русских. Именно это войско было едва ли не главной ударной силой армии Белы IV.

Таким войском мог располагать тогда только действующий князь, правитель сильной в военном отношении русской земли. Восприятие его австрийскими и немецкими хронистами в качестве суверенного «короля Руси» заставляет думать, что речь идет о галицко-волыньском князе Данииле Романовиче. Именно этот князь уже в 1240 г. пользовался титулом «короля

Руси», полученным от императора Фридриха II. Никаких данных о том, что таким же титулом пользовался когда-либо Ростислав Михайлович, нет.

Кроме того, Ростислав, один из вассалов венгерского короля, приходившийся также зятем своему сюзерену, едва ли вообще мог быть представлен в австрийских анналах в качестве суверенного русского правителя. В Австрии Бела IV был слишком хорошо известен. Он упоминается во всех сообщениях о битве на Лейте, и, будь убийцей Фридриха Ростислав, он, *зять короля Венгрии*, надо думать, не остался бы в этих же сообщениях безликим пришельцем из Руси. К тому же Ростислав Михайлович и сам по себе весьма заметная фигура в истории Австрии. Его личность должна была представлять интерес для австрийских хронистов — хотя бы потому, что этот князь стал одним из предков новой династии правителей страны, будучи дедом Агнессы Чешской, жены Рудольфа II Габсбурга ¹¹⁴.

К лету 1246 г. отношения Даниила Романовича с Белой IV полностью нормализовались после конфликта, бывшего между ними годом ранее, закончившегося победой Романовичей в битве под Ярославом, чему способствовал и союз Даниила с Ордой, откуда он вернулся весной 1246 г., добившись признания своих прав на Галич ценой подчинения верховной власти хана Батыя ¹¹⁵. О признании Даниилом в этих условиях своей вассальной зависимости от Белы уже не могло быть речи. В возобновившейся борьбе за Австрию галицко-волынский князь действовал как равноправный союзник венгерского короля, суверенный «король Руси». Союз двух королей должен был скрепить династический брак между их детьми — принцессой Констанцией и князем Львом. Переговоры о заключении брака, судя по всему, начались в том же 1246 году ¹¹⁶.

Граф Генрих фон Хассбах и галицко-волынские князья. В источниках виден еще один след, указывающий на причастность галицко-волынских князей к гибели Фридриха Воинственного, дающий твердые основания считать, что Романовичи непосредственно были связаны с людьми, на которых в Австрии возлагали вину за гибель последнего Бабенберга.

По сведениям продолжателя Хроники пресвитера Магнуса, Фридрих пал от руки своего стольника, «графа из Хассбаха, по имени Генрих» ¹¹⁷. Heinrich von Hassbach был хорошо известен в Австрии в описываемое время, его имя многократно упоминается в источниках середины XIII века. В последние годы правления Фридриха II Воинственного, а затем при Пржемысле II Оттокаре он занимал ряд важных государственных должностей: в 1240—1250-х годах был ландрихтером, а также стольником (шенком) при дворе австрийского герцога ¹¹⁸. Ульрих фон Лихтенштейн упоминает Генриха и его брата Ульриха в романе «Служение дамам», где восхваляется их силой и мужеством и восхваляет как победителей сорока рыцарей на турнире в Вене в 1240 году ¹¹⁹. В Нижней Австрии (округ Нойкирхен) до нашего времени сохранились остатки замка Хассбах, построенного на рубеже XII—XIII веков ¹²⁰.

Генрих фон Хассбах известен как один из наиболее решительных противников установления в Австрии и Штирии власти венгерского короля. С оружием в руках он не раз выступал против Белы IV. В отместку венгерские войска в 1250 г. захватили и сожгли замок Хассбах. В 1251 г., во время переговоров об избрании новым герцогом Пржемысла Оттокара, Генрих фон Хассбах вместе с Генрихом фон Лихтенштейном возглавлял депутацию австрийской знати ¹²¹.

Оба брата из Хассбаха упоминаются в различных документах 1250-х годов. По всем данным, Генрих Хассбах до конца своих дней оставался одним из ближайших сподвижников Оттокара. Он погиб, по-видимому,

24 мая 1257 г. в битве при Мюльдорфе¹²². В его бурной биографии есть один весьма примечательный эпизод. Будучи безусловным противником Белы IV, он какое-то время, по-видимому, все же колебался в выборе, кому из двух других претендентов на австрийский престол отдать предпочтение — Пржемыслу II или сыну Даниила Галицкого Роману — и в решающий момент склонился в пользу Романа.

В 1253 г. во время пребывания русского князя в Австрии (в замке Гимберг под Веной) Генрих и его брат Ульрих принадлежали к числу тех австрийских рыцарей, на чью помощь в борьбе за герцогский престол полагались Роман Данилович и его супруга Гертруда Бабенберг¹²³. Об этом можно заключить из документов самой Гертруды, датированных 1251 и 1253 гг., где Генрих и Ульрих Хассбахи упоминаются в числе других ее сторонников¹²⁴.

Возможно, именно братья Хассбахи убедили Оттокара осенью 1253 г. сделать осажденному в Гимберге Роману предложение о разделе с ним «австрийского наследства», при котором русскому князю досталась бы половина. Рассказ об этом предложении, нерасчетливо отклоненном Романом, помещен в Галицко-Волынской летописи¹²⁵.

Итак, Даниил Галицкий и его сын Роман имели в Австрии собственных сторонников, не зависевших от воли венгерского короля, а наоборот, готовых идти ему наперекор. Главный из них — граф Генрих фон Хассбах — считался одним из убийц Фридриха Бабенберга. Примечательно, что версию австрийских хронистов об убийстве Фридриха его приближенными принимает и Галицко-Волынская летопись, согласно которой герцог «оубьень бысть от своих боярь»¹²⁶. Тем самым придворный летописец как будто старался оградить русского князя от подобного обвинения.

Однако против этой версии свидетельствуют данные о том, что Генрих фон Хассбах вместе со своим братом поддерживал претензии на австрийский престол Романа Даниловича. Участие самого Даниила, «короля Руси» австрийских и немецких анналов, в злополучной для Фридриха Войнственного битве на Лейте, как и в последующих переговорах о судьбе австрийского престола с германским императором, представляется вполне закономерным.

Вмешательство галицко-волыньских князей в австрийские дела и участие Даниила Романовича в походе 1246 г. было вызвано не только желанием помочь венгерскому королю свести счеты с герцогом Фридрихом II. У Даниила были и собственные виды на Австрию, а также претензии к последнему Бабенбергу. Понять их можно только с опорой на данные о близком родстве Фридриха и Даниила, чьи матери являлись двоюродными сестрами. На Волыни, по-видимому, не оставались равнодушными к тому, что Фридрих до конца жизни так и не примирился со своей матерью, удалившейся в монастырь. Сын и мать, хотя и закончили свои дни почти в одно и то же время (июнь 1246 г.), похоронены были в разных местах¹²⁷.

Примечания

1. ПСРЛ. М. 1998. Т. 2, стб. 821.
2. Continuatio Garstensis a. 1182—1257. In: Monumenta Germaniae Historica. Scriptores (MGH). T. 9. Hannoverae. 1851, p. 599. См. также: Continuatio Sancrucensis II. a. 1234—1266 (ibid., p. 643).
3. Continuatio Claustroburgensis I (ibid., p. 612).
4. Continuatio Florianensis (ibid., p. 747).

5. Kosmova letopisu českého pokračovatelé (Letopisy Česke od roku 1196 do roku 1278). In: *Fontes rerum Bohemicarum*. Praha. 1874. T. 2, p. 291); *Kronika Jana z Marignoly* (ibid. T. 3. Praha. 1882, p. 565).
6. *Annales S. Rudberti Salisbergenses* (MGH. SS. T. 9, p. 792); *Continuatio Lambacensis* (ibid., p. 559).
7. *Continuatio Sancrucensis II*, p. 643; *Continuatio Zwettlensis* (MGH. SS. T. 9, p. 655).
8. Kosmova letopisu českého pokračovatelé, p. 290.
9. *Kronika Boguchwała i Godysława Paska*. In: *Monumenta Poloniae Historica*. T. 2. Lwów. 1872, p. 573; *Rocznik kapitulny krakowski* (ibid., p. 805; *Rocznika krótkiego dopelnienie* (ibid., p. 805); *Kronika Wielkopolska*. Warszawa. 1965, p. 245—246.
10. ПСРЛ. Т. 2, стр. 822—825.
11. Kosmova letopisu českého pokračovatelé, p. 291.
12. *Continuatio Garstensis a. 1182—1257*, p. 599; *Continuatio Sancrucensis II a. 1234—1266*, P. 643.
13. *Continuatio Praedicatorum Vindobonensium* (MGH. SS. T. 9, p. 727).
14. *Continuatio Garstensis a. 1182—1257*, p. 599.
15. ГРУШЕВСЬКИЙ М.С. *Історія України-Руси*. Т. 3. Київ. 1993, с. 75; КОТЛЯР Н.Ф. *Дипломатия Южной Руси*. СПб. 2003, с. 140.
16. ПАШУТО В.Т. *Очерки по истории Галицко-Волынской Руси*. М. 1950, с. 258.
17. BARTNICKI M. *Polityka zagraniczna księcia Daniela Halickiego w latach 1217—1264*. Lublin. 2005, s. 188—189.
18. КРИП'ЯКЕВИЧ І.П. *Галицько-Волинське князівство*. Львів. 1999, с. 129, 100.
19. КОТЛЯР Н.Ф. *Ук. соч.*, с. 140.
20. LECHNER K. *Die Babenberger, Markgrafen und Herzoge von Österreich*. 976—1246. Wien—Köln—Graz. 1976, S. 213, 291, 296.
21. *Continuatio Garstensis a. 1182—1257*, p. 599.
22. ПСРЛ. Т. 2, стр. 836.
23. ŽEMLIČKA J. *Století posledních Přemyslovců: český stát a společnost ve 13. století*. Praha. 1986, s. 69—75.
24. ŽEMLIČKA J. *Tradice babenbersko-přemyslovských manželských svazků*. In: *Česko-rakouské vztahy ve 13. století*. Praha. 1998.
25. MGH. *Legum sectio IV: Constitutiones et acta publica imperatorum et regum*. T. I. Hannoverae. 1893, № 159, p. 222.
26. LECHNER K. *Op. cit.*, S. 300.
27. *Continuatio Praedicatorum Vindobonensium*, p. 727; *Kosmova letopisu českého pokračovatelé*, p. 286.
28. LECHNER K. *Op. cit.*, S. 302.
29. *Continuatio Lambacensis*, p. 559; *Continuatio Garstensis a. 1182—1257*, p. 599; *Continuatio Sancrucensis II a. 1234—1266*, p. 642.
30. *Continuatio Garstensis a. 1182—1257*, p. 599; *Continuatio Zwettlensis*, p. 655; *Continuatio Praedicatorum Vindobonensium*, p. 727.
31. *Kosmova letopisu českého pokračovatelé*, p. 289; HOENSCH J.K. *Premysl Otakar II. von Böhmen*. Graz—Wien—Köln. 1989, S. 18, 25—31.
32. В это время в Германии было несколько королей и анти-королей, провозглашенных, но не коронованных.
33. LECHNER K. *Op. cit.*, S. 304.
34. *Österreichische Chronik von 95 Herrschaften* (MGH. *Deutsche Chroniken*. T. 6. Pars I. Hannoverae. 1909, p. 115).
35. *Continuatio Sancrucensis II a. 1234—1266*, p. 643.
36. *Continuatio Praedicatorum Vindobonensium*, p. 727.
37. MIKA N. *Walka o spadek po Babenbergach 1246—1278*. Racibyrz. 2008, s. 51—53.
38. *Vetera Monumenta Historica Hungarum sacram illustrantia maximam partem nondum edita ex tabulariis vaticanis*. T. I. Romae. 1859, p. 205.
39. LECHNER K. *Op. cit.*, S. 298.
40. ПСРЛ. Т. 2, стр. 837.
41. Там же, стр. 836—837.
42. ВОЙТОВИЧ Л.В. *Король Данило Романович: політик і полководець*. В кн.: *Доба короля Данила в науці, мистецтві, літературі*. Львів. 2008, с. 79—82. ЕГО ЖЕ. *Союз галицьких Романовичів з Австрією та Чехією у XIII ст.* — *Проблеми слов'янознавства*. Вип. 56. Львів. 2007.
43. *O пребывании Феодоры Ангелины в Австрии см.: Regesten zur Geschichte der Markgrafen und Herzoge Oesterreichs aus dem Hause Babenberg*. Wien. 1850, № 137, 207 (1226 г.); № 182, 151 (1246 г.); MEIER H. *Gertrud Herzogin von Österreich und Steiermark*. — *Zeitschrift des historischen Vereins für Steiermark*. Graz. 1927.
44. *Continuatio Mellicensis a. 1124—1564* (MGH. SS. T. 9, p. 506).
45. *Continuatio Admuntensis a. 1140—1250* (ibid., p. 590).

46. Lexikon des Mittelalters. Bd. 5. München—Zürich. 1991. Sp. 1900.
47. SCHEIBELREITER G. Die Babenberger. Wien—Köln—Weimar. 2010, S. 278.
48. SCHWENNIKE D. Europäische Stammtafeln. Neue Folge. Bd. I. 1. Frankfurt-am-Main. 1998, Taf. 39, 85; THIELE A. Erzählende genealogische Stammtafeln zur europäischen Geschichte. Bd. 1. Tbd. 1. Frankfurt-am-Main. 1993, Taf. 116, 204.
49. STURDZA M.D. Dictionnaire historique et généalogique des Grandes Familles de Grèce, d'Albanie et de Constantinople. Paris. 1999, p. 208.
50. О Евфросинии Галицкой подробнее см.: Древняя Русь: вопросы медиевистики, 2010, № 1.
51. MIKA N. Op. cit., s. 40.
52. В некоторых изданиях письмо датируется 1230 г. (см.: Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae. T. 2. Olomucii. 1839., № CCVII, p. 225; Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae. T. 1. Prahae. 1855, № 765, p. 358).
53. [Epistola Friderici II imperatoris ad Venceslavum I Boemorum regem] (MGH. Legum sectio IV. T. 2. Hannoverae. 1897, p. 272).
54. ГРУШЕВСЬКИЙ М.С. Ук. соч., с. 53—54, примеч. 3; ПАШУТО В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М. 1968, с. 257.
55. LECHNER K. Op. cit., S. 271—283.
56. Continuatio Sancrucensis II a. 1234—1266 (MGH. SS. T. 9, p. 638); LECHNER K. Op. cit., S. 281; SCHEIBELREITER G. Op. cit., S. 321.
57. BRUNNER K. Zum Prozeß gegen Herzog Friedrich II. vom 1236. — Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung, 1970, Bd. 78; HAUSMANN Fr. Keiser Friedrich II. und Österreich. In: Probleme um Friedrich II. Sigmaringen. 1974.
58. STÜRNER W. Friedrich II. Der Kaiser. 1220—1250. Teil 2. Darmstadt. 2000, S. 282, 302, 304.
59. LECHNER K. Op. cit., S. 283—287; JURITSCH G. Geschichte der Babenberger und ihrer Länder. Innsbruck. 1894, S. 555—580.
60. ПСРЛ. Т. 2, стб. 776—777.
61. ГРУШЕВСЬКИЙ М.С. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи. — Записки Наукового товариства ім. Шевченка, 1901, т. 41, с. 27.
62. ГРУШЕВСЬКИЙ М.С. Історія України-Руси. Т. 3, с. 53—54; КОТЛЯР Н.Ф. Комментарий. В кн.: Галицко-Волинская летопись. СПб. 2005, с. 244; ГОЛОВКО О.Б. Корона Данила Галицкого. Київ. 2006, с. 313.
63. ПАШУТО В.Т. Очерки по истории Галицко-Волинской Руси, с. 217; ЕГО ЖЕ. Внешняя политика Древней Руси, с. 257—258.
64. Chronici Hungarici compositio saeculi XIV. In: Scriptorum Rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum. Vol. 1. Budapestini. 1937, p. 467.
65. ЛАБУНЬКА М. Князь Данило Галицький і коронація угорського короля Бели IV. До джерел. Збірник наукових праць на пошану О. Купчинського з нагоди його 70-річчя. Т. 1. Львів. 2004; ВОЛОЩУК М.М. Даниил Галицкий и Бела IV. — Rossica antiqua. 2006 год. СПб. 2006.
66. BARTNICKI M. Op. cit., s. 183—185; DĄBROWSKI D. Stosunki pomiędzy Romanowiczami a królem Węgier Belą IV i niektórymi książętami polskimi w latach 1235—1240. В кн.: Княжа доба: історія і культура. Вип. 1. Львів. 2007, с. 83—87.
67. ПСРЛ. Т. 2, стб. 776.
68. «Według jednego rocznika niemieckiego do Wiednia do cesarza przybyli poslowie krola Rusi» (WŁODARSKI W. Polska i Rus (1194—1340). Warszawa. 1966, s. 136—137).
69. КОТЛЯР Н.Ф. Комментарий, с. 244.
70. Mandatum ad Alexandrum, filium Henrici, ut Henrico Baumo de Wienna mercatori pro marcis argenti mille quas in camera mutuavit, frumenti salmas quatuor millia quadringentas sexaginta duas et mediam de regno libere extrahendas exhiberi faciat (Historia diplomatica Friderici Secundi: sive constitutiones, privilegia, mandata, instrumenta quae supersunt istius imperatoris et filiorum ejus; accedunt epistolae paparum et documenta varia. T. 5. Pars 2. Paris. 1860, p. 677—678).
71. «...pro expensis quas de mandato nostro fecerat, nobis dudum existantibus in Wienna, pro nunciis regis Ruscie, pro quibus videlicet obligaveramus ei villam unam in Austria tenendam et usufruendam sibi quousque de ipsa pecunia quietaretur a nobis, et occasione guerre villam ipsam habere non potuit nec tenere...» (ibid.).
72. См.: OPLL Fr. Studien zur frühen Wiener Handelsgeschichte. — Wiener Geschichtsblätter, 1980, Bd. 35, S. 59f.
73. «Fridericus Romanorum imperator, Petro de Castaldo, magistro procuratori curiae loco Alexandri filii Henrici statuto, denuo mandat ut Henrico Baumo de Wienna mercatori 4462 1/2 salmas frumenti assignari faciat pro quietatione mutui» (Historia diplomatica Friderici Secundi. T. 5. Pars 2, p. 993—994).
74. Regesta Imperii. T. 5. Jüngere Staufer 1198—1272. Bd. 1. Innsbruck. 1881. Abt. 1, S. 442. №№ 2209a, 2713.

75. LOHRMANN K., OPLL Fr. *Regesten zur Frühgeschichte von Wien*. Wien. 1981, № 574, S. 143.
76. См., напр.: ГЛОГЕР Б. Император, бог и дьявол: Фридрих II Гогенштауфен в истории и сказаниях. СПб. 2003, гл. 6.
77. *Historia diplomatica Friderici Secund. T. 4. Pars 2. Paris. 1855, p. 854; Regesta Imperii. T. 5. Bd. 1. Abt. 1, № 2089e.*
78. ПСРЛ. Т. 2, стб. 776—777.
79. Там же, стб. 776.
80. APPELT H. *Privilegium minus. Das staufische Kaisertum und die Babenberger in Österreich*. Wien. 1976.
81. LECHNER K. *Op. cit.*, S. 298.
82. *Ibid.*, S. 276.
83. *Continuatio Sancrucensis II*, p. 642.
84. STÜRNER W. *Friedrich II. Der Kaiser. 1220—1250. Teil 2*, S. 326, 331—333.
85. *Regesta Pontificum Romanorum inde ab a. post Christum natum MCXCVIII ad a. MCCCIV. T. 2. Berolini. 1875, №№ 12816, 12824, 12825, 12828.*
86. ПСРЛ. Т. 2, стб. 814.
87. Там же.
88. ГРУШЕВСЬКИЙ М.С. Хронологія подій, с. 34—35; ЕГО ЖЕ. До справи хронологічної зв'язи в Галицько-волинській літописи. — *Записки Наукового товариства імені Шевченка*, 1903, т. 52; БАРВІНСЬКИЙ Б. Прешбурський з'їзд в справі спадщини по Бабенбергах. Там само.
89. *Regesta Pontificum Romanorum. T. 2. № 13022.*
90. ПСРЛ. Т. 2, стб. 814—815.
91. *Continuatio Garstensis a. 1182—1257 (MGH. SS. T. 9, p. 598).*
92. HAUSMANN Fr. *Op. cit.*, S. 300.
93. DĄBROWSKI D. *Stosunki polityczne między królem Węgier Bełą IV, niektórymi książętami polskimi i Romanowiczami w latach 1242—1250*. In: *Polska w kregu polityki, kultury i gospodarki europejskiej*. Bydgoszcz. 2007, s. 57—58.
94. ПСРЛ. Т. 2, стб. 814.
95. SOPHOCLES E.A. *Greek lexicon of the Roman and Byzantine periods. Hildesheim—Zürich — N.Y. 2005, p. 801.*
96. Подробнее об этом см.: *Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом)*. Т. 62. СПб. 2011.
97. ПСРЛ. Т. 2, стб. 814—815.
98. Там же. Т. 40. СПб. 2003, с. 121.
99. Там же. Т. 2, стб. 813—814.
100. Там же, стб. 820.
101. DIENST H. *Die Schlacht an der Leitha 1246*. Wien. 1971.
102. *Annales Millicensium continuatione Lambacensis (MGH. SS. T. 9, p. 559).*
103. *Annales sancti Rudberti Salisburgenses a. 1—1286 (ibid., p. 789).*
104. *Chronicon Magni Presbiteri continuatio (ibid. T. 17. Hannoverae. 1861, p. 639).*
105. «Cum quodem rege Ruscie singulariter in prelio dimicans, ipsum interfecit et ab eodem mortale vulnus accepit, supervivendo duobus diebus» (*Annales sancti Pantaleonis Coloniensis (ibid. T. 252. Hannoverae. 1872, p. 541).*)
106. FICKER A. *Herzog Friedrich II., der letzte Babenberger*. Innsbruck. 1884, S. 128; БЕРТЕНЬИ Й. Международное положение Венгрии после татарского нашествия. В кн.: *Восточная Европа в древности и средневековье*. М. 1978, с. 318.
107. WERTNER M. *Boris und Rostislaw*. Berlin. 1889, S. 45; NOVOTNÝ V. *České dějiny. Díl 1. Čs. 3. Praga. 1928, s. 774—775; DIENST H. Op. cit., S. 10; SOMMER G. Österreich im Hochmittelalte*. Wien. 1991, S. 329; *Bausteine zur liechtensteinischen Geschichte. Bd. 2. Zürich. 1999, S. 25; MIKA N. Op. cit., s. 17—19; DĄBROWSKI D. Op. cit., s. 50—52.*
108. MIKA N. *Op. cit.*, s. 18.
109. FISHER A. *Op. cit.*, S. 127.
110. WERTNER M. *Op. cit.*, S. 50.
111. Об этом произведении см.: PETERS U. *Frauedienst. Untersuchungen zu Ulrich von Lichtenstein und zum Wirklichkeitsgehalt der Minnedichtung*. Göttingen. 1971.
112. *Ulrich's von Lichtenstein Frauedienst. Bd. 7. Leipzig. 1888, S. 255—262. Strophe 1659—1688. Перевод на современный немецкий язык см.: Ulrich von Liechtenstein. Frauedienst. Klagenfurt. 2000.*
113. См., напр.: *Ulrich's von Lichtenstein Frauedienst. Bd. 7, S. 255f.*
114. HOENSCH J.K. *Op. cit.*, S. 41, 43, 174.
115. ПСРЛ. Т. 2, стб. 807—809.

116. ГРУШЕВСЬКИЙ М.С. Хронологія подій, с. 67; ПАШУТО В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, с. 237; WŁODARSKI B. Polska i Rus (1194—1340), s. 132.
117. Chronicon Magni Presbiteri continuatio, p. 639.
118. WELTIN M. Landesherr und Landherren zur Herrschaft Ottokars II. Premysl in Österreich. In: Ottokar-Forschungen. Jahrbuch für Landeskunde von Niederösterreich. 1978—1979. Bd. 44/45, S. 165; WISSGRILL F.K. Schauplatz des landsässigen Nieder-Österreichischen Adels vom Herren- und Ritterstande von dem XI. Jahrhundert an, bis auf jetzige Zeiten. Bd. IV. Wien. 1800, S. 212—215.
119. KRENN G. Historische Figuren und/oder Helden der Dichtung? In: Ich --- Ulrich von Liechtenstein. Klagenfurt, 1999, S. 128.
120. HALMER F. Burgen und Schlösser im Raume Bucklige Welt, Semmering, Rax. Wien. 1969, S. 58f.
121. REICHERT F. Landesherrschaft, Adel und Vogtei. Köln—Wien. 1985, S. 75, 77; HOENSCH J.K. Op. cit., S. 34, 38f., 41, 53.
122. WELTIN M. Op. cit., S. 166 (Anm. 23), 193. Впрочем, есть и другие сведения о судьбе Генриха, позволяющие отнести дату его смерти к концу 1270-х годов (ibid., S. 193, Anm. 169).
123. KRENN G. Op. cit., S. 122; WELTIN M. Op. cit., S. 165—166.
124. Urkundenbuch zur Geschichte der Babenberger in Österreich. Bd. 2. Wien. 1955, №№ 453, 456.
125. ПСРЛ. Т. 2, стб. 836—837.
126. Там же, стб. 820.
127. Continuatio Garstensis a. 1182—1257, p. 598; Continuatio Praedicatorum Vindobonensium, p. 732.

Артемий Петрович Волынский

И.В. Курукин

Утром 27 июня 1740 г., в день годовщины Полтавской победы, участник ее — Артемий Петрович Волынский, бывший обер-егермейстер двора и кабинет-министр императрицы Анны Иоанновны, стоял с вырезанным языком на эшафоте Сытного рынка — месте «торговых казней» в Петербурге.

Секретарь Тайной канцелярии огласил приговор. Главная вина преступника звучала неопределенно, но страшно: его планы клонились «до явного нарушения и укоризны издревле от предков наших блаженные памяти великих государей... установленных государственных законов и порядков к явному вреду государства нашего и отягощению подданных и с явным при том оскорблением дарованного нам от всемогущего Бога высочайшего самодержавия и славы и чести нашей империи».

Императрица облегчила преступнику казнь — вместо посажения живьем на кол бывшему министру отрубили правую руку и сразу после этого голову. После экзекуции его тело отвезли на Выборгскую сторону и похоронили при церкви Сампсона Странноприимца. Кладбища уже нет, сохранилась только могила Волынского и его друзей, с водруженным над ней в 1885 г. памятником. Надпись на нем гласит: «Здесь погребены 27 июня 1740 г. кабинет-министр, генерал-аншеф и обер-егермейстер Артемий Петрович Волынский, советник Андрей Федорович Хрушов и архитектор Петр Михайлович Еропкин, гоф-интендант. Сооружен в 1885 г. по почину редакции журнала “Русская старина” многими почитателями памяти этих исторических русских людей».

Так закончил свою жизнь и одновременно вошел в историю один из ярких людей XVIII столетия, «младший современник и пленец Петра Великого», как назвал его выдающийся русский историк В.О. Ключевский.

Волынский всегда помнил о своем славном происхождении. На следствии он даже заявил, что «когда фамилия ее императорского величества пресечетца, то могут дети или внуки или правнучата ево [Волынского] российский престола продолжателями быть». Основатель рода, князь Дмитрий Боброк Волынский прибыл в Москву между 1366 и 1368 гг., но вопрос, чьим

потомком он был и к какой династии — русской или литовской — принадлежал, остается спорным. Он стал видным воеводой и одним из организаторов победы на Куликовом поле; великий князь Дмитрий Донской отдал за него свою дочь Анну.

Однако ни заслуги Дмитрия Михайловича, ни его родство с великим князем не упрочили положение его наследников — они не удержались в числе бояр, утратили княжеский титул и оказались на службе удельных князей Московского дома. Новое восхождение было долгим и трудным. В XVI в. Волынские усмиряли восставших казанских татар, сражались с поляками и шведами в Ливонии, служили воеводами на южной границе, осваивали далекую Сибирь; одни из них стали опричниками Ивана Грозного; другие — жертвами опричных казней. В годы Смуты оказались в разных лагерях — служили и Василию Шуйскому и Лжедмитрию II.

Прадед Артемия Петровича Степан Иванович летом 1615 г. отстоял город Болхов от набега польского полковника Александра Лисовского — хотя соседи-воеводы бежали, оставив врагу крепости¹. В 1617 г. он отправился с посольской миссией в Лондон — в поисках союзников против Польши и с просьбой о займе². Его единственный сын Артемий прослужил с 1627 г. почти полвека, но так и остался стольником и скончался в 1684 году. Но его двоюродные братья Михаил и Яков Семеновичи стали окольными, а Василий Семенович — «ближним к царю» Алексея Михайловича. В 1680 г. он на короткое время стал во главе ~~Полтавского приказа~~ — то есть занял пост второго лица в государстве ~~и воеводой~~.

На них оборвалось возвышение фамилии при дворе первых Романовых. Отец будущего министра, стольник Петр Артемьевич, ездил «за государем», бывал в походах, подал роспись рода Волынских в Палату родословных дел, являлся дворянином состоятельным (в 1707 г. имел в разных уездах 397 крестьянских дворов³), но ничем не прославился и умер в 1713 г., оставив сына с мачехой.

Артемий Петрович родился около 1689 г. (люди той эпохи не всегда могли точно назвать свой возраст и день рождения) то ли в Москве, то ли в одной из отцовских деревень⁴. Его поколение входило в жизнь под гром пушек Северной войны и в неразберихе первых реформ Петра I, когда вернувшийся из Европы молодой царь брил и переодевал дворян и внедрял в русскую жизнь технические новшества вместе с заморским образом жизни. Но одно оставалось для них неизменным — тяжелая и обязательная служба.

Биографические справки ~~указывают, что он начал службу в 1704 г. рядовым в каком-то драгунском полку~~⁵. Однако, это не так. Ведомость 2-й роты гвардейского Преображенского полка 1716 г. о военнослужащих, «которые написаны из недорослей в салдаты в 704 году, также и после 704 году в других годах», свидетельствует, что в 1704 г. Волынский стал рядовым этой роты; однако через 12 лет числился уже среди «отпущенных в другие полки»: «Артемей Волынской, в подполковниках»⁶.

Когда и куда он был «отпущен», документ не говорит, но кампании Северной войны стали его «университетом». Артемий участвовал «на баталиях и акциях» — в 1708 г. в сражении при Лесно; в 1709 г. — под Старыми Сенжарами, Красным Кутом; под Полтавой Волынский захватил в плен шведского солдата, который крестился в православие, женился на крепостной девушке и навсегда остался служить в его доме.

Через несколько лет мы встречаем Волынского уже в офицерском чине в рядах «генерального шквадрона» А.Д. Меншикова, который в 1709 г. участвовал в Полтавской битве и сопровождал государя в поездках⁷. В качестве курьера он оказался рядом с Петром в Прутском походе 1711 г. и стал учас-

тником драматических переговоров вице-канцлера П.П. Шафирова с турецким визирем Балтаджи-пашой. Ротмистр Волынский доставил государю турецкий экземпляр мирного договора; вместе с ним ехал немец-переводчик Андрей Остерман — едва ли тем июльским вечером оба они предполагали, что через двадцать пять лет станут могущественными кабинет-министрами и соперниками.

Волынский доставил Шафирову деньги для раздачи визирю и его людям. «Известную посылку» в размере 250 тыс. руб., занявшую целый обоз в «пяти ящиках, в семи фурманах, в шести палубех» при 50 лошадях, и еще 11 сороков соболей на 5050 руб. ротмистр повез в турецкий лагерь — вице-канцлер сам просил Петра отправить к нему Волынского, как «нарочитого молодца»⁸. Но турки брать русское серебро стеснялись: «От русских денег всяк бежит, и не смеют их принять, и так оные дешевы, что ходит левок их наших денег по 40 алтын. По се число еще никто оных не берет, опасаятца, чтоб кто не признал», — писали 28 июля 1711 г. Шафиров и второй посол М.Б. Шереметев. Неудобные деньги дипломаты привезли с собой в Стамбул, но и визирь побоялся их принять.

Волынский же в это время мчался с донесениями послов в Карлсбад, где царь после пережитых потрясений пил целебные воды. Оттуда — в стоявшую в Польше армию фельдмаршала Б.П. Шереметева. Затем — на Украину, а из Киева — в Стамбул, где в то время находились Шафиров и Шереметев; вице-канцлер особо просил царя за Волынского — «переменить чином и наградить жалованьем, потому что изрядной человек и терпит одинакой с нами страх»⁹.

Султан Ахмед III еще раз объявил России войну, и в 1712 г. весь персонал русского посольства (205 человек) бросили в подвалы Семибашенного замка. Но мир удалось сохранить: 16 июня 1713 г. Волынский отписал кабинет-секретарю Петра А.В. Макарову, что он и его товарищи освободились из «бедственного заключения»; во время пятимесячного сидения узники уже «оставили всю надежду о животе и в такой десперации были, что каждой ожидал смерти»¹⁰. Через несколько дней бывший пленник уже скакал в Петербург с новым мирным трактатом¹¹. Скуповатый на подарки за счет казны, Петр оставил без внимания просьбу о пожаловании за службы в Турции деревень и вместо того произвел удачливого курьера в подполковники.

Летом 1715 г. молодой офицер в качестве полномочного «резьдующего посланника» возглавил дипломатическую миссию в Иран. С грузом ценных подарков (ловчими птицами, соболями, «мамонтовой костью» и зеленым чаем) посольство после четырехдневного плавания высадилось под Дербентом. Началось трудное и опасное путешествие: послу и его спутникам приходилось довольствоваться солоноватой водой из колодцев, ставить ночные караулы от разбойников, бороться с болезнями.

В Исфахане начались переговоры. Заключенный в июле 1717 г. договор позволял русским купцам свободно торговать на всей территории Ирана с уплатой обычных пошлин и давал право закупать в любом количестве шелк без уплаты лишних сборов за вывоз; они получили защиту от злоупотреблений чиновников, персидские власти обязались предоставлять им охрану и не навязывать недобросовестных переводчиков¹².

Помимо торговых дел, царь велел Волынскому «проведывать» о состоянии северных прикаспийских провинций Ирана и узнать, «какие где в море Каспийское реки большие впадают» — Петра интересовало, «нет ли какой реки из Индии, которая б впадала в сие море». Требовались сведения об укрепленных городах и о вооружении шахских войск. Петр мечтал овладеть торговыми путями в Индию и повернуть поток шелка и других восточных товаров

на Каспий—Волгу—Петербург. 28-летний подполковник задание выполнил — и стал одним из самых горячих сторонников экспансии на юг: «Хотя настоящая война наша нам и возбраняла б, однако, как я здешнюю слабость вижу, нам без всякого опасения начать можно, ибо не токмо целою армиею, но и малым корпусом великую часть к России присоединить без труда можно, к чему нынешнее время зело удобно».

За успешное выполнение миссии Петр I в марте 1719 г. произвел Во-лынского в полковники и назначил начальником только что основанной Астраханской губернии¹³. Это был уже настоящий скачок в карьере — в круг принимавших важные решения лиц из числа петровского «генералитета». Перед отъездом Во-лынский присмотрел выгодную для себя «партию» в лице двоюродной сестры царя по матери — Александры Львовны. Нарышкины были от сватовства не в восторге, но обаятельный и настойчивый полковник заручился поддержкой царицы, с ее помощью вызвал невесту в Петербург, лично с ней объяснился, был помолвлен. В октябре 1720 г. он прибыл в Астрахань.

Губернатор вытребовал себе в помощь несколько десятков офицеров-администраторов, провел перепись-«ревизию», отремонтировал обветшавший кремль, привел в боеспособное состояние гарнизонные войска и губернский драгунский полк. Синод в 1721 г. обижался на него из-за разрешения открыть католическую и «люторскую» (протестантскую. — *И.К.*) церкви. «Иноземцы цесарыи римской религии, — отписал он в Синод, — есть в Астрахани в службе его императорского величества многие, а также купцы из армян того же закона. Опасности или подозрения от оных братров быть для государства не чаю, а по-видимому со временем от них была бы и польза, понеже из тамошнего сурового народа обучаются от них молодые дети латинского и прочих языков»¹⁴. Именно в этой школе под покровительством губернатора начал свой творческий путь будущий поэт Василий Тредьяковский (их жизненные пути трагически пересеклись в 1740 году). В 1723 г. в Астрахани появилась «цифирная», а затем еще одна — гарнизонная школа¹⁵.

Обходительный кавалер снискал расположение царицы Екатерины: к ней он не раз обращался с письмами, посылал живые охотничьи трофеи — фазанов, дроф и «кабанных поросят»¹⁶, а также «арапа с арапкою и с арапчонкою». «Арапка оказалась беременной и в письме от 15 августа 1721 г. темпераментный губернатор признавался: «Арапка вашего величества родила сына, от которого уж не отрекусь, что я ему отец, ибо восприемником ему был, и тако хотя он и мой сын, однако ж не в меня родился, в мать, таков бел, как сажею выпачкан, и зело смещон»¹⁷. Записная книга расходов царицы свидетельствует, что 30 января 1722 г. «присланы в дом их величества от Артемья Во-лынского арап с женою, да калмык с женою; указом ее величества дано арапке Анне Ивановой 10 руб., да калмычке 5 рубльей»¹⁸. Дальнейшая судьба чернокожего потомка Во-лынского, к сожалению, неизвестна.

Петр в декабре 1720 г. пожаловал Во-лынскому звание генерал-адъютанта и поручил ему координацию всей «персидской» политики на месте. Летом 1721 г. победой завершилась Северная война, и сразу же подвернулся предлог для вмешательства: объединившиеся против иранского господства повстанцы Ширвана во главе с их предводителем Хаджи-Даудом взяли Шемаху. При грабеже гостиных дворов русские купцы были «обнадеживаемы, что их грабить не будут, но потом ввечеру и к ним в гостиный двор напали»; некоторые торговцы были убиты, а все товары разграблены¹⁹.

«По намерению вашему к начинанию законнее сего уже нельзя и быть причины», — убеждал Во-лынский царя в донесении от 10 сентября. Он призывал Петра в поход следующим летом и был уверен: «Невеликих войск сия

война требует, ибо ваше величество уже изволите и сами видеть, что не люди — скоты воюют и разоряют». Волынский подсчитал, что для успешной операции необходимо максимум десять нехотных и четыре кавалерийских полка вместе с тремя тысячами казаков, «только б были справная амуниция и доволное число провианта»²⁰. Сам он прибыл на границу с двумя пехотными батальонами и тремя ротами драгун и послал тысячу донских казаков с атаманом Аксеном Фроловым за Терек отомстить горцам за набеги на казачьи городки. «Порубили и в полон побрали, сколько смогли, и бродили по болотам и по степям как хотели и так счастливо сию начатую на востоке компанию окончал, а шпаги из ножен не вынимал», — описывал свой поход Волынский, встретивший новый 1722 год «на голой степи, без воды и без дров»²¹.

В декабре 1721 г. формировался экспедиционный корпус, а затем в поволжских городах развернулось строительство транспортных судов. В мае император выехал из Москвы на юг — губернатор должен был принимать царя и его свиту (для Петра были выстроены терем в кремле и загородная резиденция), размещать прибывшие полки, грузить на суда провиант; ему же было поручено собрать в Астрахани 700 телег и купить 300 верблюдов для обоза²².

18 июля 1722 г. Петр I в последний раз повел в поход свои армию и флот. Волынский вместе с государем и царицей шел на боте «Ингерманланд» и через несколько дней высадился на пустынном берегу в Дагестане. Там царь вместе со свитой окунался в Каспийское море со спущенных с корабля досок. Однако начало Персидского похода оказалось не слишком радостным: двигавшаяся посуху конница опаздывала, страдала от жары и плохой воды; в столкновении у селения Эндери драгуны понесли большие потери. Петр виновным считал предсказывавшего легкую победу Волынского.

В написанном много лет спустя «оправдании о персидском деле» он рассказал, как государь «изволил наказать меня, как милостивой отец сына, своею ручкою», а потом уехал с адмиральского корабля на свой, вызвал к себе губернатора «и тут гневался, бил тростью, полагая вину ту, что тот город (Эндери. — И.К.) явился многлюднее, нежели я доносил». От дальнейших поучений «милостивого отца» Волынского избавила Екатерина...²³

В августе 1722 г. Петр I принял ключи от Дербента, но скоро вынужден был повернуть войска, не дойдя ни до Баку, ни до Шемахи: штормы вывели из строя корабли с продовольствием и прочими припасами для армии. Короткий поход в раздираемый междоусобной войной Иран дал присоединение равнинного Дагестана, прибрежных земель Азербайджана и северной провинции Ирана — Гиляна. На астраханского губернатора легла обязанность принимать и отправлять курьеров и прочих направлявшихся в Низовой корпус и обратно лиц, переселять на Терек донских казаков, поставлять припасы для армии и материалы для строившейся на реке Сулаке в Дагестане главной военной базы России на Кавказе — крепости Святого Креста. Большую часть материалов приходилось доставлять с большими трудностями и перебоями морем из Астрахани. Недовольный комендант Г.И. Кропотов доложил царю, что до зимы крепость поставить не удастся по причине нехватки леса²⁴. К Волынскому пришло грозное царское письмо: «Господин губернатор. Велено вам поставить лес на плотину рано, а вы и в июле не поставили, чему удивляемся, как будешь отвечать». Кроме того, царь был недоволен задержкой отправки провианта: «Ежели сие дело за провиантом остоновится, то будете отвечать»²⁵.

Прибывший в октябре 1723 г. в Астрахань фендрик (прапорщик) Преображенского полка князь Федор Солнцев-Засекин вызвал к себе полковника-губернатора и учинил ему письменный допрос по предписанным государем

«пунктам». Волынский объяснял, что «бревенчатой лес» по его указанию заготавливал симбирский воевода еще зимой, но вывезти не успел из-за наступившей оттепели. Плоты с 5—6-саженными «сваями» прибыли лишь в июле и перегружались на морские суда, которых тоже в нужном количестве не было; те же бревна и доски, что подражались в Астрахани, поступили в срок²⁶. Кажется, он был прав: его донесения осенью 1723 г. полны сведений об отправленных из Астрахани на Сулак бревнах, досках, гвоздях, топорах и прочих необходимых вещах. Однако без заступничества императрицы все же не обошлось: та сообщила губернатору, что на него «сумнения были» — по докладам армейских чинов, но доносители были признаны неправыми²⁷.

В мае 1724 г. Волынский принял участие в торжествах по случаю коронации императрицы Екатерины; во время парадного обеда в московском Кремле он стоял «за креслами его императорского величества» и служил за столом. Однако на губернатора был наложен штраф за выдачу денег подчиненным без разрешения Штатс-конторы — тут он хоть и погрешил, но считал свои действия оправданными: его чиновники не получали жалования три года; себе же лично он взял только 300 четвертей ржи — из полагавшегося ему как губернатору, но не выданного «хлебного жалования». С горечью он жаловался, что государь «ни правды ни вины моей знать не изволит, кроме лесу и людям»²⁸.

Но обойтись без Волынского на южном рубеже империи Петр не мог. Последовало новое задание — выбрать нового хана калмыков. В феврале 1724 г. старый хан Аюка умер, и в орде началась борьба за престол. Волынский предлагал выдвинуть представителя боковой ветви ханского дома — нойона Дорджи Назарова, и Сенат утвердил эту кандидатуру. Волынский отправился в степь; в юртах кочевников убеждал, угрожал или «ласкал» несговорчивых и чуждых европейским нравам «партнеров»; раздавал присланные из столицы меха и другие подарки; приходилось следовать непривычным церемониям, угощаться местными яствами (густым бараньим супом с луком и перцем и кумысом), наблюдать «выходящие из пределов благопристойности» пляски, терпеть ночной холод и дневную жару.

Из-под Саратова он писал А.И. Остерману: «И по се время ни малого основания не могу сделать, понеже калмыки все в разноте, и великая ныне между ними конфузия, так что сами не знают, что делают; и что день, то новое, но ни на чем утвердиться не возможно, и верить никому нельзя, кроме главного их Шахур-ламы». Дорджи Назаров отказался от ханской власти — против него выступила влиятельная вдова хана Дарма-Бала, и нойон решил не рисковать.

Времени для связи с Петербургом не было. После консультаций с духовным главой калмыков Шакур-ламой Волынский решил поставить наместником сына Аюки Черен-Дондука, несмотря на противодействие ханши, ее любимого внука Дондук-Омбо и старшего внука Аюки Дасанга. «Необходимая нужда того требует для того, что Дундук-Омбо всячески трудится, чтоб никому ханом не быть, и ханскую жену так наострил, что она не только иного, ни сына своего допустить не хочет... Хотя знатные калмыки доброжелательные равно почитают его и Досанга, что и самая правда, понеже они оба и глупы и пьяны, а Черен-Дундук видится еще поглупее, он же и с епилепсиею; однако улусами своими мало не вдвое сильнее Досанга, а к тому ж много при нем и людей умных и добрых, в том числе и Шахур-лама, который к его императорскому величеству является zelo усерден и многие в том прямые пробы показал», — доложил он в столицу²⁹.

6 сентября 1724 г. с двумя ротами драгун губернатор прибыл в ханскую ставку в 40 верстах от Саратова. На этом «конгрессе на речке Сапуновке» он

объявил свое решение как царскую волю. Дарма-Бала потребовала предъявить грамоту о назначении Церен-Дондука, и Волынский вынужден был собственноручно изготовить императорский указ и показать его калмыцкой знати. 19 сентября 1724 г. состоялось назначение нового правителя. Дарма-Бала и Дондук-Омбо на церемонии отсутствовали, хотя позднее и подписали присягу. Недовольны были и сенаторы, но губернатор объяснял, что назначил Церен-Дондука не ханом, а наместником — до назначения нового хана, что позволяло оценить его лояльность, а при нужде подобрать новую кандидатуру. В феврале 1725 г. Петербург утвердил Церен-Дондука в должности наместника³⁰. Нарушая букву инструкции, Волынский сохранял ее дух, направленный на постепенное ограничение полномочий калмыцкого правителя. В то же время, избрав Церен-Дондука, он стремился создать последнему «баланс» в лице честолюбивого и обиженного старшими родственниками Дасанга.

В это время он получил указ (от 26 июля 1725 г.) о назначении губернатором в Казань Петра I уже не было в живых; началось короткое и неяркое царствование Екатерины I. Оставаясь на краю империи, Волынский только с озабоченностью мог узнавать о происходивших в столице переменах. Императрица ему всегда благоволила — а он в решающий момент оказался вдали от двора, царских милостей и большой политики! Между тем началась «великая перемена чинам» военным и штатским — в иной день Екатерина подписывала по сотне новых патентов. Многие знакомые губернатора поднялись высоко: Макаров стал тайным советником, Остерман — действительным тайным советником и вице-канцлером, а он оставался полковником в степной глуши и с риском для жизни выполнял решения столичных министров.

Екатерина о Волынском не забыла. В июле 1725 г. она простила ему наложенный Петром штраф и отозвала из Астрахани — но при этом по-прежнему оставила его провинциальным администратором. Волынский благодарил: «Получил я указ из Сената о том, что ваше императорское величество повелели положенный безвинно на меня штраф 12 000 рублей снять, а паче соизволили свободить из астраханской пеклы, и что я между здешних варвар волочуся на моих собственных проторях, за те мои убытки наградить. Я, волочась здесь, ныне уже было и до того дошел, что калмыки за мое к ним бескорыстное благодеяние и за труды и самого меня убить или поймать хотели».

Казанское губернаторство во многом было формальным, поскольку Волынский большую часть времени вынужден был посвящать калмыцким неурядицам. Да и продолжалось оно недолго — в июле 1726 г. он был уже в Петербурге. В августе 1726 г. Волынский купил дом в столице и занял свое место в свите государыни. В качестве генерал-адъютанта он часто бывал у фактического главы правительства Меншикова — когда князь «слушал дела», бывал и «при столе» за завтраками и обедами; вместе с придворными дамами и кавалерами навещал его загородную резиденцию — Ораниенбаум³¹.

Приближение ко двору помогло решить личные дела. 24 ноября 1726 г. Меншиков объявил о повышении его из полковников в генерал-майоры, минуя промежуточный чин бригадира. Министры Верховного тайного совета в очередной раз распорядились выдать ему неуплаченное жалование и удовлетворили просьбу о пожаловании пустошей в Шлиссельбургском уезде. Однако относительное благосостояние после тяжелой кочевой жизни на окраине не могло возместить удаление от заметной государственной деятельности. Едва ли натура сановника могла довольствоваться ролью придворного, который на выездах императрицы следовал за ее каретой и возглавлял охрану, или «шталмейстера» — конюшего на парадных церемониях³².

Но столичная жизнь закончилась со смертью благодетельницы. Во время последней болезни императрицы Волынский находился при светлейшем

князе; состоял он при нем и в первые недели нового царствования — «кушал» и «слушал дела»³³. Однако при новом дворе места для Волынского не нашлось. В марте 1728 г. министры определили возвратить его на прежнее место службы (указ состоялся только в мае)³⁴. На этот раз казанское губернаторство оказалось реальным, но хлопотным делом. По прибытии Волынский занялся планировкой и благоустройством города: убрал с территории кремля старые деревянные строения; были разобраны обветшавшие городские стены, в результате застройка посада слилась с застройкой окружающих слобод.

Там его застала неожиданная политическая «оттепель»: в январе 1730 г. Верховный тайный совет избрал на трон Анну Ивановну, ограничив ее власть известными «кондициями», а собравшемуся «шляхетству» предложил сочинять проекты будущего государственного устройства. «Здесь дела дивные делаются, — писал старшему по чину родственнику в Казань из столицы бригадир Иван Михайлович Волынский. — По кончине его величества выбрали царевну Анну Ивановну с подписанием пунктов, склонных к вольности, и чтоб быть в правлении государства верховному совету 8 персонам, а в сенате 11-ти; и в оном спорило больше шляхетство, чтобы быть в верховном совете 21 персоне и выбирать оных баллотированием, а большие не хотели оного, чтобы по их желанию было 8 персон».

Прибывший из Москвы очевидец капитан-командор Иван Козлов искренне радовался: «Теперь у нас прямое правление государства стало порядочное, какого никогда не бывало, и ныне уже прямое течение делам будет, и что уже ни о чем больше не надобно Бога просить, кроме чтоб только между главными согласие было, а если будет между ними согласие так, как положено, то конечно, никто сего опровергнуть не может»; сама же императрица отныне имеет право потратить только выделенные ей 100 тыс. руб., «а сверх того, не повинна она брать себе ничего, разве с позволения Верховного тайного совета; также и деревень никаких, ни денег не повинна давать никому», — излагал Артемий Волынский эти рассказы в письме к воспитателю — Семену Андреевичу Салтыкову³⁵.

Губернатора новости приводили «в великую печаль». Казалось бы, более демократическое устройство должно было выглядеть привлекательным в глазах энергичного, но отодвинутого на периферию деятеля. Однако он видел в такой перемене не столько расширение дворянских прав, сколько опасность того, «чтобы не сделалось вместо одного самодержавного государя десяти самовластных и сильных фамилий».

Вынужденный с юности сам прокладывать себе дорогу, Волынский не был склонен идеализировать нравственные достоинства своего сословия: «Народ наш наполнен трусостью и похлебством, для того, оставя общую пользу, всяк будет трусить и манить главным персонам для бездельных своих интересов или и страха ради, — и так, хотя б и вольные всего общества голоса требованы в правлении дел были, однако ж бездельные ласкатели всегда будут то говорить, что главным надобно. А кто будет правду говорить, те пропадать станут, понеже уже все советы тайны быть не могут; к тому же главные для своих интересов будут прибирать к себе из мелочи больше партизанов, и в чьей партии будет больше голосов, тот что захочет, то и станет делать, и кого захотят, того выводить станут; а бессильный, хотя бы и достойный был, всегда назади оставаться будет».

Волынский признавал, что «в неволю служить зело тяжело». Но мгновенное освобождение от этой лямки считал еще более опасным: «Ежели и вовсе волю дать, известно вам, что народ наш не вовсе честолобив, но паче ленив и нетрудолюбив; и для того, если некоторого принуждения не будет, то конечно, и такие, которые в своем доме едят один ржаной хлеб, не похо-

тят через свой труд получать ни чести, ни довольной пищи, кроме что всяк захочет лежать в своем доме». На службу пойдут «одни холопы и крестьяне наши, которых принуждены будем производить и своей чести надлежащие места отдавать им; и таких на свою шею произведем и насажаем непотребных, от которых впредь самим нам места не будет».

Пока губернатор размышлял, ситуация в столице изменилась. Вокруг Анны Ивановны образовалась «партия» сторонников восстановления самодержавия — включавшая родственников императрицы Салтыковых, в их числе был и майор Преображенского полка Семен Салтыков. 25 февраля 1730 г. во дворце неожиданно появилась дворянская депутация и вручила Анне Ивановне прошение о созыве шляхетского собрания и с просьбой «согласно мнениям по большим голосам форму правления государственного сочинить». Анна подписала челобитную и отправилась на обед вместе с членами Верховного тайного совета. Оставшись под охраной гвардейских караулов, депутаты никакой новой «формы правления» сочинить не смогли и подали государыне вторую челобитную с просьбой «всемилоостивейше принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвальные предки имели» — после чего государыня Анна «при всем народе изволила, приняв, изодрать» поданные ей «кондиции».

Волынский как будто надеялся, что наступившее «благополучие» позволит ему покинуть Казань. Все же он приходился двоюродным племянником Анне Иоанновне (его дед с материнской стороны был родным братом Прасковьи Федоровны, жены царя Ивана Алексеевича), а Семен Салтыков занял высокое место при дворе. Но прибытие состоялось совсем в иных условиях — у него начался конфликт с казанским митрополитом Сильвестром.

Губернатор поддержал следствие по одному из доносов о самоуправстве архиерея, и тот в июне 1730 г. подал в Синод челобитную о претерпеваемых им от Волынского «бедствиях». 38 пунктов этой жалобы обвиняли губернатора в захвате церковных «старинных мест» в городе, вырубке роши «при домовом нашем Кизическом монастыре», устройстве в обители «конюшего двора». Его люди и солдаты избивали архиерейских служителей и прочих духовных лиц; забирали на работы архиерейских крестьян и «домовых» мастеров; поощали «к домовым нашим певчим и церковным причетникам» солдат на постой. Сам же губернатор «летом и зимой с псовой охотой многолюдством ездит по полям и санным покосам, и посеянный яровой и озимый хлеб наш и монастырский лошадьми и собаками и людьми своими толочут необычно», а кроме того насильно берет с крестьян продовольствие и фураж³⁶.

Жалобы выглядели правдоподобно, и опытный «дядя»-Салтыков отчитал «племянника»: «Не токмо, чтоб поступать так, и стыдно слушать, как будут честь. Я не знаю, как изволишь так строго поступать. А я ведаю, что друзей вам почти нет, и никто с добродетелью о имени вашем помянуть не хочет. Я как слышал, что обхождение ваше в Казане с таким сердцем, и на кого осердишься, велишь бить при себе, так же и сам из своих рук бьешь. Что в том хорошего, и с таким сердцем на што поступал и всех озлобил?.. Пожалуй, изволь жить посмирнее!»³⁷.

Однако «жить посмирнее» было не в характере Волынского. Он немедленно отослал свои протесты с опровержением «наглай напраслины», требовал суда и стал собирать улики о финансовых злоупотреблениях владыки — незаконных сборах и штрафах с попов, высокой плате за поставление священников (из-за чего 60 храмов епархии стоят «пустыми»), завышенных в несколько раз «вечных» пошлинах с прихожан.

Тщательного следствия по делу так и не было, а потому указать виновного в потоке взаимных претензий невозможно. Однако спор губернатора и

архиерея обнажил «изнанку» патриархального российского бытия, потревоженного преобразованиями Петра I. Самым печальным в нем представляется сохраняющаяся и по сей день зыбкость правовых начал российской жизни. К примеру, обе «высокие стороны» оспаривали друг у друга принадлежность нескольких дворов, но ни одна из них не приводила подтверждения права на свою собственность — речь шла лишь о былом «владении» и произвольной передаче недвижимости из рук в руки; при этом губернатор произвольным решением сносил обывательские дома и не считал нужным разрешать строиться архиерейским певчим просто потому, что они «небрежением своим» могут устроить пожар. Власть духовная не была разграничена с правами светских «командиров» — потому чиновники архиерейского дома могли себе позволить не подчиняться даже указам Синода и не отдавать документы людям губернатора.

Отсутствие правовых норм компенсировалось насилием — только явные превышения некоего привычного уровня требовали оправдания. Волынский в ответ на обвинение митрополита уверял, что не таскал лично секретаря Ивана Богданова за волосы, а только приказал капралу ударить его «раз пять или шесть» — и не ногами, а палкой. Другой же секретарь, Осип Судовиков, не сидел под караулом «многое время», а всего-то «сутки или двое». Митрополит жаловался на то, что Волынский отправил на сенокос его крестьян, а тот недоумевал — прежде ведь работали.

Это время было, наверное, самым тяжелым для него испытанием: в разгар борьбы слегла и через месяц (12 сентября 1730 г.) скончалась его супруга, оставив на руках мужа троих маленьких детей, а 18 сентября Сенат отстранил его от должности. В самом конце 1730 или в начале 1731 г. он прибыл в Москву на отцовский двор на Рождественке. Возвращение не было приятным: императрица на прошение не ответила, а его противники нанесли, казалось, уже поверженному врагу еще несколько чувствительных ударов. Представители местного татарского населения подали на губернатора жалобу в том, что он приказал собирать с них деньги — помимо положенных податей. Это было уже более серьезное обвинение, нежели охотничьи приключения или хозяйственные споры о дворах. Волынский и преданные ему люди в Казани нашли выход: бывший губернатор объявил, что деньги ему давали, но не в качестве взятки, а под расписки — на сохранение «для провозу до Москвы» — и для своих же выборных по хлопотам в правительственных конторах³⁸.

Однако сенаторы уже располагали новыми показаниями, из которых следовало, что сборы были не добровольными, расписки не соответствовали действительности: возвращены на деле были лишь 800 руб., а остальные «уступлены» Волынскому. Обвиняемый повел себя нестандартно. Он мог бы, как его противник митрополит, и далее отговариваться, выискивать все новые юридические зацепки и кляузничать на самих обвинителей. Но как ему, столбовому дворянину, уподобляться сутяжному подьячему? И генерал-майор вызвал огонь на себя — в личном письме к императрице признался в сборе с «ясашных иноверцев» трех тысяч рублей и просил «милосердного прощения».

Анна поступок «молодца» оценила. 28 сентября 1731 г. состоялся именной указ о прощении виновного: «...понеже генерал маэор Артемей Волынской ее императорскому величеству всеподданнейше подал на письме повинную в разных взятках, которые он брал в бытность его в Казани губернатором и в чем от ее императорского величества всемилостивейшего прощения просил. И того ради, в тех от него самого объявленных взятках он, Волынской, всемилостивейше прощен, и ее императорское величество указала его из-под аресту освободить»³⁹.

Видимо, Anne Иоанновне судьба бравого генерала была небезразлична. К тому же и «дядя» — Салтыков явно замолвил слово за родственника и напомнил, что тот попытку ограничения самодержавия не поддержал, а такое императрица не забывала. Карьера Волынского пошла вверх. В январе 1732 г. императрица повелела прекратить следствие о делах губернатора; другим указом ему вручалась «дирекция» над «учрежденной Конюшенной комиссией»; кроме того, она подтвердила патент Волынского на звание императорского генерал-адъютанта⁴⁰.

Таким образом, Волынский вновь приобрел положение при дворе. Именно придворный круг обеспечивал успех многих известных деятелей аннинского и елизаветинского царствований. Чрезвычайно важный по приближенности к особе императрицы пост обер-камергера вслед за Меншиковым и Иваном Долгоруковым занял Эрнст Иоганн Бирон, чье имя стало символом правления Анны. Новым обер-гофмейстером стал С.А. Салтыков, обер-гофмаршалом — Р. Левенвольде.

В системе придворных учреждений конюшенное ведомство обладало влиянием не только потому, что лошади были главным средством передвижения, а красота придворного выезда говорила о престиже державы, — на него возлагалось обеспечение войска годным конским составом. В нечерноземной России с ее неплодородными почвами и коротким рабочим сезоном крестьянин часто не успевал заготовить лошадям корм на весь год; малорослых лошадей и коров приходилось кормить соломой, и к весне «без жалости на скотину взглянуть не можно. Тут она обыкновенно и мрет» — так описывали эту крестьянскую беду хозяйственные дворяне в XVIII веке. За годы Северной войны бесчисленные конские наборы шли один за другим, а качество поголовья все ухудшалось. Для полков тяжелой кавалерии (латников-кирасир) приходилось приобретать коней за границей.

11 мая 1732 г. именной указ императрицы Сенату предписывал привести в порядок дворцовые конские заводы и «заводить и размножать» новые, чтобы «со временем могли мы довольствоваться как конную нашу гвардию, так и всю нашу кавалерию своими природными государства нашего лошадейми рослыми»⁴¹. Задача «нашу кавалерию в доброе и к военной службе потребное и полезное состояние привести» поручалась «обер-штальмейстеру, гвардии полковнику и генерал-адъютанту» графу Карлу Густаву фон Левенвольде. Ему подчинялась «комиссия о размножении конских заводов» во главе с Волынским, при этом он имел право в отсутствие начальника отчитываться непосредственно перед императрицей.

Волынский в качестве знатока лошадей и коннозаводского дела не уступал Бирону. На его «аргамачьем заводе» в с. Васильевском в 1740 г. имелось 48 лошадей, обслуживаемых 8 конюхами; во втором (в с. Батыево) он содержал 101 лошадь разных пород. Приказчики вели «реестр молодым жеребцам» и «кабылам, которым быть у припуска», в них указывалось происхождение каждого обитателя конюшни: «Жеребец вороной, грива направо; от темно буланой домашней кобылы и от вороного домашнего жеребца Малыша»⁴². Хозяин же скучал по своим любимцам и, не имея возможности часто бывать

в далеких от Москвы селах, просил перевести коней поближе, поскольку «желает смотреть лошадей».

Составленная Волинским «Регула о лошадях, как содержать и притом прилежно смотреть надлежит, чтоб в добром призрении были» поражает знанием подробностей и выдает истинного знатока, для которого в столь важном деле мелочей не было: «Для летних выпусков лошадям сделать около Батыева в разных местах два пригона, где пристойно и ближе к пастбищам, где пасутся лошади, дабы из пригонов лошадям недалекий до кормов перегон был, а делать выбрав сухие и скалистые места, чтоб вода не стояла и не было грязи; и оплесть плетнем частым со всех сторон, длиною каждую стену по 50 сажень, а вышиною б в три аршина или выше, а посредине одни ворота; а по обеим сторонам ворот сделать по сараю до самых побочных стен, плетеные ж, и сверху соломою накрыть как покрываются обыкновенно, дабы в ненастные времена лошадям дождь не докучал». (После казни хозяина в казну отошли 362 его лошади.)

Взявшись за дело, он представил государыне отчет о состоянии конюшенного хозяйства и о путях создания конских заводов при казачьих, солдатских или ясачных слободах с пригодными землями и лугами. Все эти предложения были приняты. В свое ведение Волинский получил созданную в Москве Конюшенную канцелярию и подчиненные ей дворцовые волости и села⁴³. После отбытия Левенвольде в Польшу с посольской миссией теперь уже он подавал в Кабинет доношения о конюшенных делах, рапортуя, кто и куда из его подчиненных послан, сколько и каких именно подходящих «мест» для будущих заводов обследовано; заботился об обеспечении «конюшенных чинов» достойными окладами⁴⁴.

Оценив значение фаворита, Волинский регулярно сообщал ему о делах своего ведомства и одним из первых догадался посылать короткие «экстракты» на немецком языке, «чтобы ваше сиятельство, милостивого государя, не затрудить тем, а о всем бы, как милостивому патрону моему, известно было»; «патрона» можно было попросить «при случае, что потребно из того будет, о том милостиво внушить ее императорскому величеству, всемилостивейшей государыне»⁴⁵. Для знатока-лошадника Бирона он лично отбирал кобыл с Украины: из присланных он оставил шесть, остальных забраковал — две лошади слишком «щекасты», а у четырех оказались «голова сухи»⁴⁶. Фаворит отвечал учтиво и откликнулся на просьбы: при его поддержке Волинскому было разрешено не строить каменный дом в Петербурге, на который у него не хватало средств⁴⁷.

Труды по преобразованию конюшенного ведомства пришлось, однако, на время прервать: в 1733 г. генерал-майор Волинский со своей «командой» двинулся на Польшу — отстаивать права на польский престол российского претендента, саксонского курфюрста Августа. Со своими дружинами он начал осаду Гданьска, где укрылся беглый король Станислав Лещинский. Но тут он не поладил с главнокомандующим — фельдмаршалом Б.Х. Минихом — и под предлогом болезни отбыл из армии.

В столице он вновь с головой ушел в работу. На местах, в конюшенных имениях и на заводах состояло около 500 человек: шталмейстеры, управители, «служители конюшенного чина» (конюхи, коновалы и т.п.), работники мельниц, кузниц, кожевенных мастерских, причты церквей, ученики школ при заводах. Подчиненные Волинского описывали и межевали отведенные им земли и угодья, приобретали лошадей в России и за границей и распоряжались поставками коней в армию и ко двору. За заслуги на этом поприще Волинский был возведен в декабре 1734 г. в чин генерал-лейтенанта.

В 1734 г. он доложил, что его подчиненными «сыскано и описано в разных губерниях и провинциях таких 104 места, на которых по доволству земель, по рассуждениям штаб- и обер-офицеров, в репортах, присланных в

комиссию, назначено, что можно на тех местах содержать в заводах до 36 190 лошадей». По каждому такому пункту была составлена подробная опись с указанием, сколько имеется годной под распашку земли и лугов.

В марте 1735 г. Кабинет министров определил отвести под заводы 57 новых мест, для которых нужно было приобрести 840 немецких жеребцов и 7000 отечественных кобыл; для их содержания предначалось 74 638 приписных душ. На устройство конюшенных дворов требовалось 351 120 рублей⁴⁸. Однако «штат и примерное исчисление о новоучреждаемых конских заводах» поступили на рассмотрение министров 1 июля 1736 г. — в самое неподходящее время. В условиях начавшейся войны с Турцией денег в казне не нашлось, масштабный проект не был «апробован».

После смерти своего шефа Левенвольде Волынский мог рассчитывать на пост обер-шталмейстера двора, но здесь его соперником выступил князь Александр Борисович Куракин — сын знаменитого петровского дипломата. «Князь Куракин умом и талантами наделен, но так предан пьянству, что затруднительно выбрать время, когда бы с ним о деле говорить», — характеризовали его прусские дипломаты. Однако при всем том князь был искусным придворным — своими манерами и шутками очаровал государыню (Анна пьяниц не любила, но Куракину грех прощала) и вошел в доверие к Бирону.

Обер-шталмейстером стал Куракин, но, чтобы не обижать Волынского, с мая 1736 г. конюшенное ведомство было разделено на две части: собственно Конюшенную канцелярию и Придворную конюшенную контору. Волынский по-прежнему заведовал обширным хозяйством — казенными конными заводами, а Куракину досталось вести царскими конюшнями и выездом в Петербурге. На оба ведомства отпускались немалые деньги — по 50 тыс. руб. в год.

Помимо конюшенных дел, у Волынского появились новые заботы. Он — по своей генерал-адъютантской должности — объявлял именные указы государыни; участвовал в следственных комиссиях по делам о злоупотреблениях иркутского вице-губернатора А.И. Жолобова; подал Анне Иоанновне свое мнение по поводу представленного ей в январе 1735 г. проекта «о экономических и промышленных нуждах России», который обсуждался в «генеральном собрании» кабинет-министров с участием других сановников⁴⁹. В 1736 г. он участвовал в суде над Д.М. Голицыным — одним из тех, кто пытался ограничить самодержавие Анны Ивановны.

28 января 1736 г. Волынский стал обер-егермейстером — начальником придворной охоты «в ранге полного генерала», то есть, ввиду охотничьих пристрастий императрицы и Бирона, занял весьма важную должность. Новый глава ведомства доверие оправдал и тешил Анну с размахом. Порой царская охота напоминала бойню: прямо во дворе Зимнего дворца валили кабанов; в Летнем саду свора гончих травила медведей, волков, лисиц. «С 10 июня по 6 августа ее величество, для особенного своего удовольствия, как парфорсною охотою, так и собственноручно, следующих зверей и птиц застрелил изволила: 9 оленей, 16 диких коз, 4 кабана, 1 волка, 374 зайца, 68 диких уток и 16 больших морских птиц», — сообщали «Санкт-Петербургские ведомости».

Зимой 1737 г. Анна Иоанновна изволила «едва не ежедневно по часу перед полуднем... смотрением в Зимнем доме медвежьей и волчьей травли забавляться». Запас зверей подошел к концу. Волынский доложил о необходимости доставить ко двору медведей, поскольку из имевшихся одни уже были затравлены, а другие изранены настолько, что больше их «травить уже не можно» — и сенаторам пришлось распорядиться о закупке зверей на Новгородчине. Куропаток для охоты в Петергофе завозили с Украины, а зайцев — из новгородских лесов, где этим поручением занимался лично вице-губернатор⁵⁰. В загородные зверинцы обитателей привозили не только из разных

областей России, но и из Сибири и даже из Ирана. Обер-егермейстер лично распорядился доставкой ко двору редкостных белого кабана из подмосковного Измайлова и белой галки из дома покойного князя И.Ф. Бярятинского.

В ведении обер-егермейстера находились «зверовые и охотничьи дворы», псарни в Петербурге и подмосковном Измайлове, охотничье снаряжение, «седельная казна», обеспечение штата «мундиром» и жалованием. Летом 1740 г. в его ведомстве состояло в Петербурге и Петергофе 96 человек, 185 собак, 52 лошади и 136 штук всякого зверья — лис, рысей, кабанов, американских оленей, львов, зубров, медведей — и слон. В Москве — 79 охотников и «служителей» со 148 собаками, 15 лошадьми, ловчими птицами и точно не подсчитанным звериным поголовьем — одних только зайцев содержалось 700 штук⁵¹.

Разумеется, Волынский и сам был настоящим охотником. У него имелись гончие и борзые разных пород: курляндские брудастые, «хортые польские», «арлекины чистопсовые». Подбирал он их со знанием и азартом: «Столько хорош, что я, хотя уже не одну тысячу в жизнь мою видел собак, только истинно такой беспорочной от роду мало видел... Мне безумно будет жаль, если оная собака, не оставя здесь плода, увезена будет, за которую он подлинно одному шляхтичу заплатил всего больше, как 400 ефимков», — восхищался он борзым кобелем польского посла в письме Салтыкову в 1734 году.

В 1737 г. пришлось отправиться из столицы на юг — в края, где прошла боевая молодость. После нескольких поражений в ходе войны 1736—1739 гг. турки согласились на переговоры. На конгресс в пограничный польский город Немиров императрица отправила делегацию во главе с его старым знакомым Петром Шафировым; вторым послом назначен был Волынский; третьим — бывший резидент в Стамбуле Иван Неплюев.

Был повод гордиться: спустя двадцать пять лет после неудачного Прутского похода, он — теперь уже не молодой офицер, а полномочный посол — должен был продиктовать туркам мир. Но прибывавшие донесения с театра военных действий не радовали. Австрийские войска после первых успехов терпели поражения и очистили занятый ими Бухарест. Миниху пришлось срочно вывести из взятого Очакова победоносную армию; фельдмаршал писал Бирону, что его солдаты «умирают как мухи». От голода и болезней страдала в Крыму и армия другого фельдмаршала — П.П. Ласси. Молдавия и Валахия стали причиной раздора среди союзников: австрийцы первыми претендовали на эти территории и подали письменный протест против русских предложений; в ультимативной форме они потребовали у турок Боснию и большую часть Валахии.

Шафиров и Волынский вынуждены были отступить от начальных требований об уступке Крыма — они желали получить Азов, Очаков и причерноморские степи от Кубани до Днестра. Лукавый реис-эфенди выразил готовность заключить мир на предложенных условиях, но при условии, «чтоб Россия обязалась, после удовольствования от Порты по своему желанию, отстать от союза с римским цесарем» — то есть разорвала отношения с союзником. «Из всех поступков турок, — писали послы в Петербург, — ничего другого признать не можем, как что они у нас выведают хотят, чтобы мы им нагло открылись, а потом бы ваше величество с римским цесарем поссорить, ибо сначала и им (австрийцам. — *И.К.*) те же попытки чинили чрез молдавского князя Гику. Турки всячески простираются между нами холодность положить, в чем их весь авантаж состоит».

Турки «провокали» время, пока ситуация на фронтах не изменилась для них к лучшему. Император Карл VI только в конце августа согласился умерить свои притязания — но было уже поздно. Теперь реис-эфенди был согласен отдать России только Азов, и то с разрушенными укреплениями. Волынский категорически отказался от таких условий и пригрозил: «Ежели

турки недовольны нашими умеренными требованиями, то мы будем далее войну продолжать. Но ежели пламень расширится, то, может быть, как он уповае на Бога, в будущую кампанию и сверх Очакова что турки потеряют; тогда им труднее и договоры быть могут»⁵². На этом переговоры закончились. 25 октября Волынский и его товарищи двинулись в обратный путь на Киев.

Дипломатическая неудача взлету не повредила. «Нам любезноверный обер-егермейстер наш Артемий Волынской чрез многие годы предкам нашим и нам служил и во всем совершенную верность и ревностное радение к нам и нашим интересам таким образом оказал, что его добрые квалитеты и достохвальные поступки и к нам показанные верные и усердные службы к совершенной всемилостивейшей благоугодности нашей служить могли. Того ради, мы оного апреля третьего дня тысяча семьсот тридесат осьмого году, в наши кабинетные министры всемилостивейше пожаловали и определили» — эти слова императорского патента означали вершину его карьеры⁵³.

Путь наверх был труден — в интересах карьеры приходилось заискивать, исполнять повеления и постоянно показывать «ревностное радение» отнюдь не только в государственных интересах. Как и другие придворные, Волынский заверял Бирона в своей преданности: «Увидев толь милостивое объявленное мне о содержании меня в непременной высокой милости обнадеживание, всепокорно и низжайше благодарствую, прилежно и усердно прося милостиво меня и впредь оные не лишить и, яко верного и истинного раба, содержать в неотъемлемой протекции вашей светлости, на которую я положил мою несумненную надежду... от-всего моего истинного и чистого сердца вашей светлости и всему вашему высокому дому всякого приращения и благополучия всегда желал и желать буду, и, елико возможность моя и слабость ума моего достигает, должен всегда по истине совести моей служить и того всячески искать, даже до изъятия живота моего».

В этом письме 1737 г. он как будто предсказал свою судьбу — «живот» был изъят как раз за недостаточное служение. Но тогда звезда обер-егермейстера восходила, и герцог заверил его в своей поддержке. Усердный слуга представлялся наилучшим кандидатом в министры для «противовеса» хитроумному Остерману. Так и получилось. Волынский перетянул на свою сторону князя А.М. Черкасского и стал играть главную роль на заседаниях, Остерман вынужден был уступить ему право «всеподданнейших докладов» императрице.

Осторожный вице-канцлер даже в присутствии не являлся, предпочитая объясняться с коллегами письменно⁵⁴. Однако многоопытный бюрократ не сдался под напором соперника. Остерман подавал свои «мнения», в которых подвергал сомнению решения коллег: советовал испросить «всемилоостивейшую резолюцию» императрицы, критиковал те или иные их предложения, требовал изменить формулировку проекта указа или указывал на необходимость согласования решения и использовал малейшие промахи оппонентов — отмечал, например, в журнале, что не обнаружил присланных из Сената бумаг, а «понеже те оба сообщения мне не объявлены, того ради и моего мнения объявить не могу».

Волынский рассматривал множество различных дел — например, «изволил приказать взять сего числа ведомость: сколько ныне во всем флоте матросов и в морских полках всех чинов людей налицо, и к тому в комплекте потребно в кабинет се величества сего числа из военной коллегии ведомость: сколько в остзейских гарнизонных полках людей состоит и в комплект надобно»; или требовал подать сведения, сколько именно не хватает на армию сукна с «российских фабрик». Приказывал завести в Астрахани «шелковые сады», отправлял гарнизонных солдат на работу к «шлюзному мастеру» на Невку у Смольного двора, разъяснял Военной коллегии, как отбирать кобыл для конских заводов, устраивать конюшни и какой штат конюхов для них нужен⁵⁵.

Он желал возродить петровскую практику посылки за государственный счет юных «пенсионеров» для обучения за границей, чтобы получить квалифицированных специалистов — не только технических, но и по части «политических и гражданских дел»⁵⁶; к сожалению, неизвестно, что вышло из этих намерений. Он возродил план строительства конских заводов, «собранных из русских кобыл с немецкими жеребцами» — но теперь уже за счет духовенства и на церковных землях. Показывая государыне образцы породы, министр обещал, что в скором времени кавалерия, укомплектованная «так сильными и легкими лошадьми, всеконечно прочих всех в Европе превзойти может». Проект был утвержден именованным указом от 19 ноября 1739 г.⁵⁷, но провести его в жизнь министр уже не успел.

Пришлось ему участвовать и в жестоком «деле» князей Долгоруковых, которые в глазах Анны Ивановны выглядели главными виновниками попытки ограничения самодержавия, ее персональными врагами. В 1738 г. на ссыльных было заведено новое дело. Тобольский канцелярист Осип Тишин донес, что Иван Долгоруков презрительно отзывался об Анне Ивановне: «Какая она государыня, она шведка!» и порицал ее отношение к Бирону и к своему роду, который она «разорила». В ходе розыска Долгоруков сознался не только в «непристойных словах», но и в сочинении подложного завещания Петра II, передававшего трон царской невесте — княжне Екатерине Долгоруковой. Эти признания в итоге привели его и других членов семейства на плаху в ноябре 1739 года.

В повседневной же деятельности Волынский был склонен проявлять снисхождение, зная по себе, что приходится терпеть, находясь под следствием, — тем более незнатным и не влиятельным подданным. Рассматривая в сентябре 1738 г. предложение Сената «об удержании пыток в малых делах», он отправил его обратно с указанием, что «пока уложение сочинено и исправлено будет», надо позаботиться, «дабы люди в малых делах напрасно пыток между тем не терпели». В ноябре он же обязал полицию выделять жителям сломанных в ходе строительства на Переведенской улице домов новые помещения, чтобы они «не померли от от стужи и нужды». 16 августа 1739 г. сам кабинет-министр распорядился не взимать «доимку» в размере 400 руб. с бедной вдовы Юровой и, «за объявленным ее убожеством, не взыскивать и из доимки выключить»⁵⁸.

После войны Волынский и его друзья попытались наметить новый долгосрочный курс внутренней политики. Вокруг него сложился кружок; его «конфидентами» стали «фамильные», но образованные люди: архитектор П.М. Еропкин, моряк и горный инженер А.Ф. Хрущов, морской инженер и ученый Ф.И. Соймонов, президент коммерц-коллегии П.И. Мусин-Пушкин, секретарь императрицы Иван Эйхлер. Компания собиралась по вечерам в доме Волынского на Мойке. Интеллектуальные беседы подвинули министра на сочинение проекта, который он сам на следствии называл сочинением «о поправлении государственных дел», или «генеральным рассуждением».

Проект до нас не дошел. Автор доделывал его вплоть до самого ареста, но после грянувшей опалы черновика сжег, а переписанную набело часть отдал начальнику Тайной канцелярии А.И. Ушакову — этот пакет пока исследователям найти не удалось. Из обвинительного заключения и показаний самого Волынского и его друзей можно составить лишь некоторое представление о его содержании.

В «исторической части» проекта Волынский, как показывали его друзья, «написал многие острые речи о несамодержавстве в Польше и Швеции и другие излишества» — упомянул о «супружестве» своего предка с дочерью Дмитрия Донского, а Ивана Грозного называл «тираном»⁵⁹. На следствии императрица сразу велела спросить своего бывшего министра о памятных ей

событиях 1730 г.: «Не сведом ли он от премены владенья, перва или после смерти государя Петра Второва, когда хотели самодержавство совсем отставить?» Для подозрений были основания: в бумагах Волынского нашлись копии «кондиций» и некоторых появившихся тогда проектов.

Однако сравнение этих документов с предложениями опального министра показывает существенную разницу между «оппозиционерами» 1740-го и «конституционалистами» 1730 года. Волынский предлагал:

- сократить армию до 60 полков с соответствующей экономией жалования на 1800 тыс. руб.; устроить военные поселения—слободы на границах;
- расширить состав Сената и повысить его роль за счет перегруженного делами Кабинета; при этом упразднить пост генерал-прокурора;
- назначать на все должности, в том числе и канцелярские, только дворян, а на местах ввести несменяемых воевод;
- для дворян ввести винную монополию, для горожан — восстановить в городах магистраты, для духовенства — устроить академии, куда тоже желательно привлекать дворян;
- сбалансировать доходы и расходы бюджета; сочинить «окладную книгу» (статей доходов государства. — *И. К.*), бедные монастыри обратить в «сиротопитательные дома», принять меры для «размножения фабрик и заводов»; навести порядок в «таможенных и других сборах» путем борьбы с намеренным занижением декларируемых цен на ввозимые в Россию товары; запретить совместные торговые компании с иноземцами — возможно, чтобы помешать господству на внутреннем рынке крупных иностранных фирм под маркой фиктивных совместных торговых обществ⁶⁰.

Судя по этим положениям, речь шла о продолжении именно петровской «генеральной линии», о повышении образовательного уровня и укреплении позиций «шляхетства» в администрации. В то же время Волынский предлагал сократить офицерские вакансии в армии, непопулярную службу в канцеляриях и еще хуже — в приходских попах; высказывал пожелание «поубоже платье носить» и повысить цены на престижные заморские товары с увеличением пошлин или изъятием европейских вин в казну с последующей продажей тому же дворянству. Допускал Волынский и дополнительную тяготу «шляхетству» — оно должно было учреждать и содержать конские заводы, «чтоб в завод было со 100 душ по кобыле и в зборе на всякой год было по лошади» — это была его давняя заветная мечта.

Церковь он также рассматривал в качестве ресурса государственной власти: забота о просвещении батюшек сочеталась с использованием монастырской «жилплощади». Восстановление бесправных петровских магистратов для купечества вполне уравнивалось бы «бессменным» воеводским руководством. При этом не вполне понятно, как Волынский мыслил сочетать несменяемость воевод с повышением авторитета назначавшего их Сената, да еще и при упразднении высшего органа надзора в лице генерал-прокурора. Эту должность министр явно считал ненужной, «понеже оной много на себя власти иметь будет и тем может сенаторам замешение чинить». Вероятно, сказывалось опасение того, что влиятельный генерал-прокурор станет опасным соперником первого лица Кабинета.

В отличие от авторов дворянских проектов 1730 г., Волынский обходил проблему организации и прав верховной власти. Министр и прежде не сочувствовал ее ограничению, а выступать с такими идеями в конце царствования Анны Ивановны и подавно не собирался, тем более что своих планов не тайл и собирался представить свое сочинение «для доклада ее величеству».

Проект трудно назвать крамольным. Скорее, наоборот, он находился на столбовом пути развития внутренней политики послепетровской монархии.

Сократить армию безуспешно пытался еще Верховный тайный совет в 1725 г.⁶¹; при Анне предпринимались попытки «одворянить» государственный аппарат (устройство дворян-«кадетов» при Сенате) и сбалансировать бюджет, а при Елизавете Петровне была введена и дворянская винная монополия и восстановлены магистраты.

В конце 1739 — начале 1740 г. Волынский находился в зените своей карьеры. Чтобы удержаться у власти, продлить успех, ему надо было (как самому Бирону, Остерману или Миниху) уяснить себе предел своих возможностей, понять круг обязанностей, которые делали бы его необходимым, и не посягать на чужой «огород». Ничего этого удалой министр сделать не сумел, зато неумеренными амбициями насторожил всех.

Выдвигаясь на первый план, он тем самым подрывал позиции не только Остермана, но и самого Бирона. К тому же у нетерпеливого кабинет-министра не хватало умения приспособливаться к образу действий Бирона в его влиянии на Анну; он горячился, в раздражении мог сказать, что «резолуции от нее никакой не добьешься, и ныне у нас герцог что захочет, то и делает». В самом же Кабинете Остерман постоянно представлял возражения на резолюции и проекты указов, составленные Волынским, подчеркивая их недостатки и промахи.

Очевидно, Волынский осознавал, что справиться с двумя ключевыми фигурами ему не по силам. Поэтому он показал Бирону специально переведенную на немецкий язык копию письма императрице по поводу жалобы «отрешенных» Волынским от должности за какие-то «шутовства» шталмейстера Кишкеля и унтер-шталмейстера Людвига. В свою очередь, они обвиняли его в «непорядках» на конских заводах. Министр оправдывался, что служит «без всякого порока», а в доказательство честности указал на свои «несносные долги», из-за которых мог «себя подлинно нищим назвать». Но на этом он не остановился и обличал не названных по именам, но отлично угадываемых подстрекателей (Остермана и его окружение), стремившихся «приводить государей в сомнение, чтоб никому верить не изволили и все б подозрением огорчены были».

Сам ли Бирон заподозрил министра, или на его стремление играть самостоятельную роль указал тот же Остерман (позднее на следствии он признавался, что старался «искоренить» Волынского) — не столь и важно. Главное, что Волынский опасности не замечал и был уверен в поддержке со стороны герцога; на следствии он даже показал, что Бирон рекомендовал вручить письмо Анне. Во всяком случае он допустил непоправимый промах: послание пришлось не ко двору: «Ты подаешь мне письмо с советами, как будто молодых лет государю», — проявила неудовольствие императрица.

Однако он чувствовал себя уверенно. Для этого были основания: дельный министр, бойкий придворный, красноречивый, лошадник, охотник — он на редкость удачно вписывался в окружение Анны Иоанновны, умея потакать ее вкусам. Но именно этим он и был опасен Бирону, тем более что «забегал» ко двору императорской племянницы, где сам герцог потерпел поражение в попытке стать ее свекром. Приятель Волынского, кабинет-секретарь императрицы Иван Эйхлер предостерегал министра еще летом 1739 г.: «Не очень ты к принцессе близко себя веди, можешь ты за то с другой стороны в суспицию впасть: ведь герцогов нрав ты знаешь, каково ему покажется, что мимо его другою дорогою ищешь».

Предостережения не помогли. Волынский не скрывал радости от провала сватовства сына Бирона к Анне Леопольдовне: при его удачном исходе иноземцы «чрез то владычествовали [бы] над рускими, и руские б де в покорении у них, иноземцов, были»⁶². Его не смущало, что брак мекленбургской принцессы и брауншвейгского принца трудно было назвать победой «рус-

ских». Но зато в будущем можно было рассчитывать на роль первого министра при младенце-императоре, родившемся от этого брака, и его неопытной матери, тогда как это было исключено, если бы принцесса породнилась с семейством Биронов. Брачные намерения герцога Волынский расценил как «годуновской пример».

Он все реже являлся к Бирону, жаловался, что тот «пред прежним гораздо запальчивее стал и при кабинетных докладах государыне герцог больше других на него гневался; потрафить на его нрав невозможно, временем показывает себя милостивым, а иногда и очами не смотрит». «Ныне пришло наше житье хуже собаки!», сокрушался Волынский, заявляя, что «иноземцы перед ним преимущество имеют»⁶³.

Именно он был организатором знаменитого праздника со строительством Ледяного дома и устройством в нем 6 февраля 1740 г. шутовской свадьбы с участием диковинных «скотов» и подданных из отдаленнейших углов империи. Торжество удалось на славу: «В день свадьбы все участвовавшие в церемонии собрались на дворе дома Волынского, распорядителя праздника: отсюда процессия прошла мимо императорского дворца и по главным улицам города. Поезд был очень велик, состоя из 300 человек с лишним. Новобрачные сидели в большой клетке, прикрепленной к спине слона; гости парами ехали в санях, в которые запряжены разные животные: олени, собаки, волы, козы, свиньи и т.д. Некоторые ехали верхом на верблюдах. Когда поезд объехал все назначенное пространство, людей повели в манеж герцога Курляндского. Там, по этому случаю, пол был выложен досками и расставлено несколько обеденных столов. Каждому инородцу подавали его национальное кушанье. После обеда открыли бал, на котором тоже всякий танцевал под свою музыку и свой народный танец. Потом новобрачных повезли в Ледяной дом и положили в самую холодную постель. К дверям дома приставлен караул, который должен был не выпускать молодых ранее утра»⁶⁴.

Можно посочувствовать несчастному жениху Михаилу Голицыну-«Кваснику» (внуку фаворита царевны Софьи) и посетовать на пошлость шутовских развлечений, но представление имело успех как раз потому, что отвечало вкусам и Анны, и прочей публики. 6 марта императрица подписала указ о выдаче изобретательному придворному «для нынешнего мирного торжества в награждение» 20 тыс. рублей⁶⁵. Однако сделано это было «по его прошению», и помимо денег честолюбивый министр никаких иных знаков отличия не получил, хотя у него не было ни ордена Александра Невского, ни тем более андреевской звезды. Это было последнее торжество Волынского.

Меньше чем через месяц все изменилось. Ему внезапно был запрещен проезд ко двору. Такие придворные «конъюнктуры» не отражаются обычно в казенных бумагах — можно лишь предположить, что происшедший поворот был вызван объединением противников министра — Бирона и Остермана.

Кажется, именно Остерман занялся искоренением соперника. Позднее, после ареста в 1741 г., он пытался отрицать какое-либо свое отношение к «делу» Волынского и утверждал, что сам о том «не старался», а осудила виновного «учрежденная на то особливая комиссия». Но скоро в бумагах вице-канцлера обнаружилось поданное императрице «мнение» о необходимости «отрешить от дел» и арестовать Волынского, были найдены «мнение и проект ко внушению на имя императрицы Анны, каким бы образом сначала с Волынским поступить, его арестовать и об нем в каких персонах и в какой силе комиссию определить, где между прочими и тайный советник Неплюев в ту комиссию включен; чем оную начать, какие его к погублению вины состоят и кого еще под арест побрать; и ему, Волынскому, вопросные пункты учинены». На прямой вопрос следователя: «Для чего ты Волынского так

старался искоренить?» — Остерман 15 декабря 1741 г. ответил вполне определенно: «Что он к погублению Волынского старание прилагал, в том он виноват и погрешил». Он признал и назначение к следствию своего «приятеля» Неплюева, «ибо оной Волынский против меня подымался»⁶⁶. Тогда же и изгнанный в свое время Волынским из Кабинета секретарь Андрей Яковлев показал, что Остерман пригласил его к себе и предложил подать челобитную на Волынского — что Яковлев и исполнил⁶⁷.

Подготовил свой удар и Бирон. Возможно, что последней каплей, переполнившей его терпение, стал конфликт, описанный французским послом маркизом И. де Шетарди и неизвестным русским автором «Замечаний» на записки Х.Г. Манштейна. В ответ на просьбу польского посла И. Огинского о возмещении убытков, причиненных шляхте проходившими по территории Речи Посполитой русскими войсками, герцог изъявил согласие, Волынский же подал письменное мнение о недопустимости подобных уступок, вытекавших из «личных интересов» герцога Курляндии — вассала польского короля. Объяснение произошло публично, и взбешенный Бирон заявил, что ему «не возможно служить ее величеству вместе с людьми, возводящими на него такую клевету». После этого Волынскому и был запрещен приезд ко двору⁶⁸. Этот инцидент послужил сюжетом для картины В.И. Якоби «А.П. Волынский на заседании Кабинета министров» (1875 г.): кабинет-министр разрывает бумагу с польскими претензиями; присутствующие испуганы, а за Волынским пристально наблюдают коварный Остерман и спрятавшийся за ширмой Бирон.

В поданной челобитной обер-камергер и герцог предстал верным слугой, который «с лишком дватцать лет» несет службу и «чинит доклады и представления». Волынский же, подав письмо против тех, кто «к высокой вашего императорского величества персоне доступ имеет», тем самым возвел «напрасное на безвинных людей сумнение». Как бы не понимая, о ком идет речь в этом письме, Бирон просил защитить его честь и достоинство и потребовать от Волынского, чтобы «именование персон точно изъяснено» было⁶⁹.

Бирон также обвинил кабинет-министра в том, что он осмелился 6 февраля 1740 г. «в покоях моих некоторого здешней Академии наук секретаря Третьяковского побоями обругать». Как писал в слезной челобитной сам поэт, «его превосходительство, не выслушав моей жалобы, начал меня бить сам перед всеми толь немилостиво по обеим щекам; а притом всячески браня, что правое мое ухо оглушил, а левый глаз подбил, что он изволил чинить в три или четыре приема... Сие видя и размышляя о моем напрасном бесчестии и увечье, рассудил поутру, избрав время, пасть в ноги его высокогерцогской светлости и пожаловаться на его превосходительство. С сим намерением пришел я в покои к его высокогерцогской светлости по утру и ожидал времени припасть к его ногам, но по несчастию туда пришел скоро и его превосходительство Артемей Петрович Волынский, увидев меня, спросил с бранью, зачем я здесь, я ничего не ответствовал, но он бил меня тут по щекам, вытолкал в шею и отдал в руки ездовому сержанту, повелел меня отвести в комиссию и отдать меня под караул». От В.К. Третьяковского министр всего лишь потребовал написать стихи на шутовскую свадьбу в Ледяном доме; но вызванный в неурочный час на «слоновый двор» (штаб подготовки этого «фестиваля»), он возмутился, а Волынский, который никак не мог допустить такой помехи торжеству, лично «вразумил» стихотворца.

Сам по себе факт избиения поэта не интересовал Бирона. Для него Третьяковский тоже был кем-то вроде шута; в другое время он сам вместе с Волынским поменялся бы над забавным приключением. Но теперь это происшествие пришлось кстати: Волынский рукоприкладствовал по отношению к просителю, не только прибывшему в приемную «владельцу герцога», но и, что самое страш-

ное, в «апартаментах вашего императорского величества», а это уже походило на оскорбление императрицы и требовало «государева слова и дела».

Фавориту все же оказалось нелегко получить санкцию на расправу с Волынским. Миних утверждал, что «сам был свидетелем, как императрица громко плакала, когда Бирон в раздражении угрожал покинуть ее, если она не пожертвует ему Волынским и другими», а секретарь Волынского Василий Гладков показал на следствии, что слышал от ассессора Смирнова, как Бирон, стоя перед Анной Ивановной на коленях, говорил: «Либо ему быть, либо мне». Анну подталкивали и другие: давний противник Волынского обер-штальмейстер Куракин убеждал ее в том, что ее дядя Петр I «застал Волынского уже на такой скверной дороге, что накинул ему петлю на шею. Волынский с тех пор стал еще хуже; следовательно, если ваше величество не затянете петли и не повесите негодяя, то мне кажется, что в этом отношении желание и намерение великого государя не будут выполнены», — докладывал саксонский посланник Зум 9 апреля 1740 года⁷⁰.

13 апреля Волынского заключили под домашний арест, а через три дня начались допросы в специально созданной «генералитетской» комиссии; дело вели начальник Тайной канцелярии А.И. Ушаков и ставленник Остермана дипломат Неплюев. Поначалу обвиняемый держался уверенно и показывал на тех, кто ему «вредил». Видимо, он еще надеялся на благополучный исход и просил себе другую должность, «понеже я в прежнее свое место не гожусь». Но скоро понял, что дело обстоит серьезно. Он уже не нападал на своих противников; заявлял, что, обвиняя вельмож, «все врал»; становился на колени и кланялся комиссии, заявлял, что поступал неосмотрительно «з горячести и злобы». Он просил не «поступать с ним сурово», вновь жаловался на свою «горячестъ» и признал, что «все делал он по злобе на графа Остермана, Куракина и Головина и поступал все против их, думал, что был министр, и мыслил, что он был высокоумен, а ныне видит, что от глупости своей все врал с злобы своей».

Следователи и сами понимали, что придворные дразги и опрометчивое письмо Волынского царице настоящими политическими преступлениями не являлись. Надо было обнаружить что-то более серьезное. И здесь на помощь комиссии пришли показания его дворецкого — Василия Кубанца.

Арестованный еще 12 апреля, Кубанец, на беду, оказался откровенным. Несмотря на доверительные отношения барина, у холопа много чего накопилось на душе, да и погибать ради него Василий не желал. Уже в первом показании 15 апреля (все показания он писал лично) дворецкий вспоминал прегрешения хозяина, начиная со времени губернаторства в Казани. Он вспомнил не только о крупных взятках с татар, но и о волчьей шубе, полученной Волынским от сибирского вице-губернатора Бутурлина, о куске голубой парчи от фабриканта Гончарова, о трех штофах от симбирских купцов и 300 взятых на строительство дома министра казенных бревнах⁷¹.

Искренность намерений Кубанца следователи оценили. 17 апреля ему сообщили: императрица лично слушала его «доношение», однако осталась им недовольна, ибо в показаниях «не о всем имянно и не обстоятельно от тебя объявлено», и пожелали услышать рассказ не только о «преступлениях указам», но и о «злых намерениях» Волынского.

Перепуганный и одновременно высочайше обнадеженный доносчик принялся писать «пополнения» к своим первоначальным показаниям. С 17 апреля по 24 мая он подал 17 собственноручных «доношений». Вот тут-то он и вспомнил, что его хозяин не только «прославлял фамилию свою», но и читал предосудительную книгу голландца Юста Липсия, сравнивая при этом средневековую неаполитанскую королеву Иоанну II и античных Клеопатру и Мессалину с отечественной государыней и заявляя: «Женский пол таков весь», то есть «весьма

противно против вашего императорского величества» (21 апреля); желал «погубить» Остермана, «гвардию весьма к себе ласкал» и себя «причитал к царской фамилии» (4 мая); желал «себя в силу и власть привести» (7 мая) и даже «тщился сам государем быть» (22 мая). Наконец, 24 мая дворецкий заявил, что его господин одобрял не отечественную «систему» правления, а польские порядки и «хотел в государстве вашего величества республику сделать»⁷².

Показания о «республике» не согласовывались с якобы имевшимся намерением Волынского стать «государем» — но это уже не имело значения. Теперь Волынскому можно было предъявить не только служебные грехи, но и обвинения «злом умысле против персоны ее величества или измене» и «о возмущении или бунте»). 22 апреля 1740 г. императрица повелела преступника «со двора ево взять в адмиралтейскую крепость», а затем — в казармы Петропавловской крепости; следствие же было передано в Тайную канцелярию⁷³.

Друзья Волынского не признавали в своих действиях и в поступках своего «патрона» заговора; утверждали, что выполняли его поручения «боясь Волынского, яко свирепого и жестокого человека» или «из желания ему прислужиться и из опасения подвергнуться его неприязни». Однако 11 мая Соимонов первым подтвердил, что Волынский «может чрез возмущение владетелем себя сделать»⁷⁴. 16 мая Еропкин также поведал о замысле Волынского «присвоить себе верховную власть». Эти обвинения и резкие отзывы «патрона» об императрице («государыня у нас дура, и как докладываешь, резолюции от нее никакой не добьешься») привели к тому, что 18 мая Анна Ивановна отдала приказ пытать «конфидентов». На пытке 19 мая и Хрущов сделал роковое признание, что Волынский желал «сделаться государем».

20 мая Волынский показал, что царя Ивана Грозного называл «тираном», что произносил слова «прямое наше житье хуже сабаки» от огорчения — ведь иноземцы перед ним, Волынским, «преимущество имеют». Сильно помогло следствию его признание, что при составлении «картины» (родословного древа. — И.К.) «причитался свойством к высочайшей фамилии», отчего его дети или их потомки могут когда-нибудь быть «российского престола преемниками»⁷⁵.

Желаемое доказательство стремления к «народному возмущению» было получено, и Анна дала указание пытать Волынского. На следующий день его на полчаса подняли на дыбу; после восьми ударов кнутом он повинился во взятках, «зловымышленных словах» в адрес государыни-«дуры» и «применении» к ней текста Липсия о королеве Иоганне, в многократной «невоздержности языка» и высокомерии. Но ни в каком заговоре против императрицы не признался: «Такого злого своего намерения и умыслу, чтоб себя чрез что ни будь сделать государем, никогда он Волынский не имел и не смеет». Он понял свою ошибку и теперь пытался объяснить: о возможном будущем своих потомков на престоле показывал только от страха, «боясь розыску, и такого умысла подлинно не имел»⁷⁶.

Но было поздно — настолько, что главный обвиняемый уже следователю не интересовал. На две недели (с 22 мая по 7 июня) Волынского оставили в покое, а 7 июня вновь привели в застенки. В присутствии заплечных мастеров Ушаков и Неплюев объявили, что показаниями других «сообщников» он полностью «изобличен», и в последний раз предложили сказать правду о «злодейственных намерениях». Обвиняемый опять признался во взятках, в «противных указам поступках», в «бессовестных и зловымышленных словах»; даже в том, что хвалил «польское житие» и дерзко «причитал себя» к царскому дому — но, как и прошлый раз, говорил: «Умысла, чтоб высочайшую власть взять и самого себя сделать государем или какое возмущение учинить, не имел». Волынского вновь подняли на дыбу и дали на этот раз 18 ударов кнутом. Но обвиняемый выдержал: он спас свою честь, не при-

знался ни в чем, кроме того, что уже сказал, и заявил, что «в том умереть готов». На этом последний допрос закончился⁷⁷.

9 июня Анна Ивановна повелела следствие «более розысками не производить» и подготовить «изображение о винах» преступников. Для простолюдинов дела о политически «непристойных словах» обычно завершались плетьюми и «свобождением» на волю или к прежнему месту службы — при условии чистосердечного признания вины и обычной в подобных случаях ссылки на «безмерное пьянство». Но в случае с министром и его чиновными «конфидентами» такого не могло быть, хотя пристрастное следствие так и не удалось доказать обвинение в якобы готовившемся захвате власти — его в обвинительном заключении так и не появилось.

Императрица, похоже, колебалась: Волынский, безусловно, заслужил опалу; но допустить на десятом, «триумфальном» году царствования позорную казнь дельного министра? Наконец, она решилась. 19 июня тем же Ушакову и Неплюеву был поручен суд. «Судьи» принадлежали к тому же кругу, что и подсудимые; как правило, хорошо их знали — и поэтому сами могли быть обвиненными в содействии им. 20 июня 1740 г. они вынесли приговор: за «безбожные, злодейственные, государственные тяжкие вины Артемья Волынского, яко начинателя всего того злого дела, вырезав язык, живого посадить на кол; Андрея Хрушова, Петра Еропкина, Платона Мусина Пушкина, Федора Соймонова — четвертовав, Ивана Эйхлера — колесовав, отсечь головы, а Ивану Суде отсечь голову, и движимые и недвижимые их имения конфисковать». Многими руководил страх. Зять Волынского, сенатор Александр Нарышкин, сел после суда в экипаж и тут же потерял сознание, а «ночью бредил и кричал, что он изверг, что он приговорил невиновных, приговорил своего брата». Другой член суда над Волынским, Петр Шипов, признался: «Мы отлично знали, что они все невиновны, но что поделать? Лучше подписать, чем самому быть посаженным на кол или четвертованным».

Волынский держался стойко: караульному офицеру он пересказал приснившийся ему накануне вещий сон — будто он увидел явившегося к нему исповедовать и прежде незнакомого священника. К осужденному несколько раз приходил священник, с которым он беседовал о жизни и даже шутил — рассказал батюшке соблазнительный анекдот об одном исповедовавшем девушку духовнике, который ее «стал целовать и держать за груди, и та де девка, как честная, выбежала от него вон». Но и перед лицом смерти Волынский не желал прощать старой обиды покойному канцлеру Г.И. Головкину и грозил «судиться с ним» на том свете⁷⁸. 25 июня он позвал к себе Ушакова и Неплюева, вновь покался «в мерзких словах и в продерзостных и в непорядочных и противных своих поступках и сочинениях» и просил избавить его от позорного четвертования и не оставить в беде детей... Но царская воля осталась без изменений.

Далее последовала уже отработанная процедура конфискации и перераспределения имущества. По этому случаю, как это обычно бывало, немедленно выстроилась очередь. Барон К.Л. Менгден получил двор Волынского на Мойке, а камергер Василий Стрешнев — богатый дом казенного министра со всей обстановкой, но без обслуги, поскольку было решено отправить «всех имеющих в доме Артемия Волынского девок в дом генерала, гвардии подполковника и генерал-адъютанта фон Бирона» — брата фаворита. Выставленное на продажу имущество преступника было оценено в 27 540 рублей, но казна выручила за него в итоге 33 524 рубля. Едва ли участники этой «распродажи» вспоминали о судьбе опального министра. Но большинство «отписных» земель и душ осталось в дворцовом ведомстве.

В истории Волынский оставил свой след. Потомок знатного, но клонящегося к закату рода, из рядового стольника стал он солдатом и офицером

петровской армии, сумел отличиться, оказаться рядом с государем — и с тех пор навсегда остался человеком государственным. И дело было не в счастливом случае, а в вековых традициях службы человека «фамильного», но не закосневшего в привычных порядках миро- и чиноустройства, открытого к ветрам преобразований Нового времени, что и уловил Петр, умевший выбирать себе помощников. Так или иначе, но молодой дворянин воспринял дух перемен и стал их проводником, заводя школы или планируя новую «восточную политику» империи.

Еще Волынский унаследовал от Петра масштаб: если строить конские заводы — то десятками и сотнями; создавать усадьбу или охотиться — так с размахом; управлять — так предложить «проект», который соперникам не под силу. Он не был бунтарем-«диссидентом» против существующего режима; не содержали ничего революционного и его проекты. Просто сам он был слишком яркой личностью на фоне «персон» аннинского царствования. В 20-30-е годы XVIII века с политической сцены ушли последние крупные, самостоятельные фигуры — старшие петровские выдвигенцы: А.Д. Меншиков, И.И. Бутурлин, А.В. Макаров, П.П. Шафиров, П.М. Апраксин, Р.В. Брюс, П.А. Толстой, старшие братья Голицыны, В.Л. и В.В. Долгоруковы, П.И. Ягужинский. Одни из них умерли или отошли от дел, другие были сброшены с вершины власти и ушли в политическое небытие. Они не были теоретиками — но проявили способность к решительным и дерзким действиям. К тому же практика петровских реформ заставляла учиться или хотя бы иметь ученых помощников, подобно В.Н. Татищеву. Деятельность Волынского требовала много сил и средств, но выдвигала «наверх» их автора — что неизбежно порождало зависть и опасения.

При Анне Ивановне понадобились не реформаторы, а верноподданные, придворные. Соперничавшие «партии», включавшие как русских, так и «немцев», боролись за милости с помощью своих клиентов и путем разоблачения противников. На первый план выходили не интересы преобразований, а то, чья «партия» будет в милости, организация интриг и близость к монарху; что-либо серьезное не получалось без дворцового переворота. Планы Волынского так и были истолкованы следователями, а сам он оказался не слишком преуспевающим учеником в придворных «обхождениях», за что и заплатил жизнью.

Елизавета Петровна возвратила детям министра доброе имя и права состояния; именованным указом от 8 января 1742 г. она повелела вернуть им отписанные в казну имения отца «в вечное и потомственное владение»⁷⁹. Императрица выказала доброту, но все же не могла признать, что ее царственная предшественница приговорила к смерти или ссылке в Сибирь невинных людей. Поэтому окончательная реабилитация Волынского состоялась уже при Екатерине II. Она объявила, что страдалец «был горд и дерзок в своих поступках, однако не изменил; но напротив того — добрый и усердный патриот и ревнитель к полезным поправлениям своего отечества», и распорядилась установить на могиле казненного гранитную колонну с урной из белого мрамора.

Посмертную славу министру Анны Иоанновны принес исторический роман Ивана Ивановича Лажечникова «Ледяной дом» (роман выдержал 50 изданий только в XIX в. и с успехом переиздается поныне), герой которого предстает носителем гражданских добродетелей, павшим в борьбе с корыстным и бездушным иностранцем. Главой патриотической оппозиции «иноземному засилью» он так и остался в школьных учебниках и массовом сознании россиян.

Примечания

1. Книга сеунчей. 1613—1619. Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень—зима 1615 г.). В кн.: Памятники истории Восточной Европы. Т. 1. М.—Варшава. 1995, с. 117—119.
2. СОЛОВЬЕВ С.М. Соч. Кн. 5. М. 1990, с. 130—131.
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 10, оп. 6. № 177, л. 60об.
4. КОРСАКОВ Д.А. Артемий Петрович Волянский. — Древняя и новая Россия, 1876, № 1, с. 47—48; СЕРОВ Д.О. Администрация Петра I. М. 2007, с. 33. По другим данным — родился в 1691 г. (Столетие Военного министерства. Кн. 1. СПб. 1902, с. 70).
5. Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. Т. 3. М. 1993, с. 451; Отечественная история. Энциклопедия. Т. 1. М. 1994, с. 447; Три века Санкт-Петербурга. Т. 1. Кн. 1. СПб.—М. 2003, с. 198.
6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 2583, оп. 1, д. 29, л. 13. Благодарю Д.О. Серова, любезно указавшего мне на этот документ.
7. В январе 1709 г. в его составе находились полковник, 49 офицеров и 433 унтер-офицера и рядовых драгун (РГВИА, ф. 412, оп. 1, д. 39, л. 23).
8. СЕРОВ Д.О. Строители империи. Новосибирск. 1996, с. 54; Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 11. Вып. 2. М. 1964, с. 354; ВОДАРСКИЙ Я.Е. Ук. соч., с. 173; АРТАМОНОВ В.А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709—1714 гг.). М. 1990, с. 95.
9. Письма и бумаги. Т. 11. Вып. 2, с. 126, 557—558; Артемий Петрович Волянский (материалы к его биографии). — Русская старина, 1872, № 6, с. 936—937; СОЛОВЬЕВ С.М. Ук. соч. Кн. 8. М. 1993, с. 378.
10. РГАДА, ф. 9. Отд. 2. № 17, л. 87—88.
11. Письма и бумаги. Т. 13. Вып. 1. М. 1992, с. 455; вып. 2, с. 257, 391.
12. Текст договора см.: БУШЕВ П.П. Посольство Артемия Волянского в Иран в 1715—1718 гг. М. 1978, с. 274—277; ПСЗ-1. Т. 5, № 3097.
13. Сенатский указ о назначении Волянского состоялся 15 марта 1719 г. (Опись документов и дел, хранящихся в сенатском архиве. Отдел 1. Т. 1. СПб. 1909, с. 70).
14. БАРСОВ Н.И. К биографии А.П. Волянского. — Древняя и новая Россия, 1877, № 5, с. 91—93. В 1722 г. в Астрахань прибыли католический священник Феликс и капуцины — братья Козимир, Удальрик и Ромалус (ЗАЙЦЕВ И.В. Западное христианство на восточном рубеже Российской империи в XVIII—XIX вв. — Восточный архив, 2002, № 8-9, с. 92).
15. История Астраханского края: Монография. Астрахань. 2000 (<http://www.astrakhan.ru/history/read/36/>).
16. РГАДА, ф. 9. Отд. 2. № 59, л. 442.
17. СОЛОВЬЕВ С.М. Ук. соч. Кн. 9, с. 360—361, 363, 617.
18. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2. М. 1872, с. 128.
19. ГАДЖИЕВ В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов, между Астраханью и рекою Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М. 1979, с. 234—235. По сведениям из «экстракта ис поданных доношений о том, koliko число было у купецких людей товаров в Шемахе и кого имяны», ущерб оценивался «на персичские деньги 472 840 рублей на 29 алтын» (МАМЕДОВА Г.Н. Русские консулы об Азербайджане (20—60-е гг. XVIII в.). Баку. 1989, с. 19).
20. РГАДА, ф. 9. отд. 2, № 54, л. 645—646об.
21. Древняя и новая Россия, 1877, № 3, с. 294.
22. РГАДА, ф. 9, оп. 1, № 15, л. 35об.
23. Там же, ф. 6, оп. 1, № 276, ч. 2, л. 80—87; СОЛОВЬЕВ С.М. Ук. соч. Кн. 10, с. 246—247.
24. РГАДА, ф. 9, отд. 2, № 63, л. 397—398.
25. Там же, ф. 5, оп. 1, № 17, л. 84. Черновик царского письма, 23.VIII.1723 (там же, ф. 9, отд. 1, № 30, л. 377).
26. Там же, отд. 2, № 64, л. 329—333.
27. Там же, ф. 5, оп. 1, № 17, л. 102, 115. Оправдания Волянского и письмо Екатерины; ф. 9, отд. 2. № 62, л. 735, 739—741, 765—767. Ведомости о снабжении крепости Святого Креста.
28. Цит. по: СЕМЕВСКИЙ М.И. Царица Екатерина Алексеевна, Анна и Вилим Монс. СПб. 1884, с. 302. Жалование Волянскому за 1719 г. Сенат после многочисленных просьб повелевал выдать только в ноябре 1720 г. в размере 750 руб. и 475 четвертей хлеба (РГАДА, ф. 248, оп. 3, № 94, л. 23об.—24).
29. СОЛОВЬЕВ С.М. Ук. соч. Кн. 9, с. 353.
30. РГАДА, ф. 248, оп. 31, № 1936, л. 66—66об.; ЦЮРЮМОВ А.В. Калмыцкое ханство в 1724—1741 гг. Элиста. 2005, с. 52—58.
31. Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова. — Российский Архив. Вып. 10. М. 2000, с. 435, 439, 441, 445, 462, 465, 476, 482, 488, 492, 495, 498, 501, 506, 510—517, 521, 522, 528, 533.
32. Повседневные записки, с. 483, 504.
33. Там же, с. 542—544, 546—550, 552—555, 561—563.
34. Сб. Русского исторического общества (РИО), 1891, т. 79, с. 204, 271, 350.
35. Переписка А.П. Волянского 1730—1738 гг. В кн.: Памятники новой русской истории. Т. 2. СПб. 1872, отд. 2, с. 209—233.

36. ЧИСТОВИЧ И.А. Дело Салникова. — Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР), 1868, кн. 3. Смесь, с. 71—102.
37. Там же, с. 34.
38. РГАДА, ф. 6, оп. 1, № 272, ч. 2, л. 101—103, 106—107. Челобитная и расписки.
39. ЧИСТОВИЧ И.А. Ук. соч., с. 119—120; Опись высочайшим указам и повелениям. Т. 2, № 4050.
40. Опись высочайшим указам и повелениям. Т. 2. № 4147; Описание документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве. Отд. 1. Т. 2. СПб. 1910. Т. 2. № 996, 997, 999.
41. Сб. РИО. Т. 104, с. 272; Опись высочайшим указам и повелениям. Т. 2, № 4258; КРЮЧКОВ Н.Н. В фавор — через конюшни. — Родина, 2009, № 2, с. 82.
42. РГАДА, ф. 1239, оп. 3, № 34208, л. 51—61, 116; ф. 6, оп. 1, № 276, ч. 2, л. 136.
43. Материалы для биографии А.П. Волынского. — Старина и новизна, 1906, вып. 6, с. 245—261; Опись высочайшим указам и повелениям. Т. 2, № 4562.
44. РГАДА, ф. 248, оп. 17, № 1086, л. 30—34, 36—40, 48—78.
45. Из времен аннинских. Переписка А.П. Волынского с Бироном. — Русский архив, 1906, № 3, с. 329—330; РГАДА, ф. 11, оп. 1, № 331, л. 4—9об., 17—20.
46. РГАДА, ф. 11, оп. 1, № 331, л. 22—25об.
47. Бирон подал императрице челобитную Волынского об освобождении его от затратного строительства; о том же просил и Остермана (РГАДА, ф. 248, оп. 17, № 1086, л. 91).
48. Сб. РИО, т. 111, с. 85—86; ЗЕЗЮЛИНСКИЙ Н. Историческое исследование о коннозаводском деле в России. Вып. 2. СПб. 1893, с. 98—105.
49. Сб. РИО, т. 111, с. 29, 127. ШИШКИН И. Артемий Петрович Волынский. — Отечественные записки, 1860, № 6, с. 593—605; КОРСАКОВ Д.А. Ук. соч., № 6, с. 104—107.
50. КУТЕПОВ Н.И. Царская и императорская охота на Руси. СПб. 1902, с. 45, 75—76; РГАДА, ф. 248, оп. 17, № 1086, л. 375.
51. РГАДА, ф. 248, оп. 17, № 1086, л. 397—407. Опись придворного охотничьего хозяйства, 4.IX.1740.
52. КОЧУБИНСКИЙ А.А. Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Одесса. 1899, с. 212—218, 298—301, 305—309, 336—341; ШУЛЬМАН Е.Б. Вопрос о Молдавии и Валахии на Немировском конгрессе. В кн.: Россия и Юго-Восточная Европа. Кишинев. 1984, с. 28—32; УЛЯНИЦКИЙ В.А. Из документов Немировского конгресса. — ЧОИДР, 1894, кн. 2. Смесь, с. 1—22.
53. РГАДА, ф. 6, оп. 1, № 278. Подлинный патент в деле о родословной Волынского.
54. Сб. РИО, т. 130, с. XXXV—XXXVII. На заседаниях Кабинета Волынский часто отдавал приказы совместно с А.М. Черкасским.
55. Там же, т. 130, с. 105, 155, 392, 476.
56. Там же, с. 99.
57. Там же, т. 10, № 7928, 7954.
58. Там же, т. 124, с. 216, 382; т. 130, с. 106.
59. ГОТЬЕ Ю.В. Проект о поправлении государственных дел А.П. Волынского. — Дела и дни, 1922, № 3, с. 20.
60. Там же, с. 23—27; ПЕТРУХИНЦЕВ Н.Н. Дворцовые интриги 1730-х годов и «дело» Волынского. — Вопросы истории, 2006, № 4, с. 38—41.
61. О содержании в нынешнее мирное время армии и как оброчных крестьян в лучшее содержание привести. — ЧОИДР, 1897, кн. 2. Смесь, с. 29—52; НЕЛИПОВИЧ С.Г. Позиция Б.Х. фон Мюнника в дискуссии 1725 г. о сокращении армии и военного бюджета России. — Военно-исторический журнал, 1990, № 8, с. 4—5.
62. РГАДА, ф. 6, оп. 1, № 200, л. 11об.—12.
63. Цит. по: СОЛОВЬЕВ С.М. Ук. соч. Кн. 10, с. 655.
64. Перевороты и войны. Христофор Манштейн. Бурхард Миних. Эрнст Миних. Неизвестный автор. М. 1997, с. 158.
65. Сб. РИО, т. 138, с. 177.
66. Цит. по: СОЛОВЬЕВ С.М. Ук. соч. Кн. 11, с. 132.
67. РГАДА, ф. 6, оп. 1, № 304, л. 192—192об.
68. Сб. РИО, т. 86, с. 296—297; Перевороты и войны, с. 434.
69. РГАДА, ф. 6, оп. 1, № 196, л. 1—6.
70. Цит. по: ШИШКИН И. Ук. соч. — Отечественные записки, 1860, № 5, с. 118.
71. РГАДА, ф. 6, оп. 1, № 198, л. 1—16об.
72. Там же, л. 27об., 47—48об., 59об., 60, 62, 64об., 70—70об.
73. Там же, ф. 7, оп. 1, № 269, ч. 9, л. 23. Указ о переводе Волынского в Петропавловскую крепость; там же, ф. 6, оп. 1, № 210, ч. 1, л. 31. Недатированная копия указа, повелевавшего следственную комиссию по причине занятости ее членов другими делами «разрушить», а «дальнейшее над Волынским и по делам его следствие поручить Тайной канцелярии».
74. Там же, ф. 6, оп. 1, № 203, л. 20об.—21.
75. Там же, № 199, л. 210—215об.
76. Там же, л. 220—223.
77. Там же, л. 226—229об.
78. Там же, № 211, ч. 1, л. 193—194; Записка об Артемии Волынском. — ЧОИДР, 1858, кн. 2, с. 164.
79. Опись высочайшим указам и повелениям. Т. 3. СПб. 1878, № 8722.

Чрезвычайный революционный налог 1918 года. Идея и практика

Е.Н. Соколов

30 октября 1918 г. Всероссийский центральный исполнительный комитет единогласно принял разработанный Народным комиссариатом финансов декрет о введении единовременного чрезвычайного 10-миллиардного революционного налога на имущие группы городского и деревенского населения. Эта грандиозная контрибуция преследовала как фискальные, так и политические цели. Конфискация сохранившихся у буржуазии накоплений должна была подорвать ее экономическую базу, наносился удар по «паразитическому элементу»: спекулянтам, мешочникам и кулакам. Извлечение из оборота большого количества кредитных билетов — упорядочить денежное обращение. Власть рассчитывала получить средства для покрытия нужд государства и успешного окончания гражданской войны. Ликвидировалась система местных контрибуций. Высокие ставки налога на кулаков должны были заставить их продавать хлеб и другие продукты государству, способствуя облегчению продовольственного положения республики. В итоге должна была укрепиться социальная база советской власти¹.

Политическим целям «всероссийской контрибуции» придавалось не меньшее значение, чем фискальным. 26 ноября 1918 г. на заседании Совнаркома, где обсуждался вопрос о 10-миллиардном налоге, В.И. Ленин написал записку: «10 миллиардов и крестьянская революция»². Нарком финансов Н.Н. Крестинский утверждал, что чрезвычайным налогом советская власть вбивает клин между середняком и кулаком, чтобы расслоить те враждебные силы, «которые до сих пор были связаны общими, хотя и ложно понятыми интересами в деревне»³.

Налог взимался путем раскладки Наркомфином денежных сумм по губерниям. На губисполкомы возлагалась дальнейшая разверстка — между городами, уездами и волостями. Низовым советам при участии комбедов предстояло заняться персональной разбивкой сумм налога. Декрет вводился в действие с момента его издания, всю работу по раскладке следовало закончить к 1 декабря, а взыскание произвести до 15 декабря 1918 года. Поэтому доход от налога был включен в государственную роспись (бюджет) на вторую половину 1918 года.

Соколов Евгений Николаевич — кандидат исторических наук, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина.

Налог имел ярко выраженную классовую направленность. Вся его тяжесть должна была лечь на богатых крестьян и городскую буржуазию. От обложения освобождались лица, получавшие пенсию или зарплату менее 1500 руб. и не имевшие денежных запасов. Средние слои облагались небольшими ставками. Считалось, что в городах будет привлечено к уплате в среднем 6—8% жителей, на селе — 10—12%. В деревнях списки лиц, подлежащих обложению, должны были составлять налоговые комиссии из двух членов волостного комитета и трех членов комбеда⁴. Сумма налога в 10 млрд руб. составляла минимальную часть расходов в бумажных рублях, которые государство должно было тратить из месяца в месяц на нужды государственного хозяйства⁵.

Местным партийным и советским работникам широкий круг задач, который пыталось решить советское правительство введением чрезвычайного налога, остался неизвестным. В губерниях новое обложение воспринималось в первую очередь, как «всероссийская контрибуция». Характерным в этом плане является доклад комиссара финансов Северной области А.И. Потяева на финансовом съезде Северной области в декабре 1918 года. Он говорил, что приходится прибегнуть к 10-миллиардной контрибуции, так как еще не изучены новые объекты обложения и не использованы новые источники доходов. Вводимый налог всей тяжестью ложится на новую буржуазию — спекулянтов. Это будет контрибуция, проводимая по инициативе центральной власти по упорядоченной системе⁶.

Поспешность, проявленная при разработке и введении чрезвычайного налога, привела к существенным пробелам в декрете, порожденные этим проблемы пришлось решать на ходу. Наркомфин вынужден был с первых же дней издавать одну за другой инструкции. Трудности начались еще при раскладке. Наркомфин не имел представления ни о действительных запасах денег у населения, ни о соотношении социальных групп в стране. Сумма налога на губернию уравнилельно делилась по уездам, а там, «на глазок», — по волостям и селениям. 4 ноября Наркомфин разослал губисполкомам циркуляр с требованием немедленно приступить к организации особых комиссий по чрезвычайному налогу, 21 ноября — предложил всем финотделам губисполкомов сообщить о положении на местах и о времени окончания разверстки между уездами, городами, волостями и селениями. В начале декабря в большинстве губерний предписание исполнили⁷. Однако стало понятно, что раскладка идет с большим запозданием.

Задержка — помимо пробелов декрета и отсутствия четких инструкций — объяснялась крайней непопулярностью этого сбора. Сами же местные власти пытались «обойти декрет» используя его непродуманность. Волостные советы стремились начислить максимально высокие ставки на отсутствующих лиц. В декрете не было статьи, точно устанавливающей место обложения плательщиков налога. Это привело к тому, что одно и то же лицо подвергалось обложению в нескольких податных районах. Волостные советы старались взвалить его на несколько человек, обычно бывших помещиков или богатеев. 4 января 1919 г. НКФ этот недостаток декрета устранил, приказав облагать плательщика один раз по месту жительства⁸.

Вскоре выяснилось, что деревня «не умеет выделить среднего рядового крестьянина»⁹. Отсутствие критериев в определении состоятельности крестьянских хозяйств, а также опыта у членов волостных и сельских комиссий нередко приводило к тому, что налог затрагивал бедняка, а середняка облагали непосильными ставками. НКФ замучили вопросами о «среднем крестьянине», не зная, какими ставками его облагать. 23 декабря 1918 г. НКФ направил губернским финотделам циркуляр о том, что до его сведения дошли факты обложения трудового крестьянства. Теперь был указан необлагаемый

минимум: 1 корова, 1 лошадь, 1 изба. На местах это было использовано для снижения платежей. Поэтому НКФ пришлось снова и снова повышать необлагаемый минимум и периодически давать губерниям новые указания. 4 января 1919 г. НКФ вновь разослал циркуляр о недопустимости разорения хозяйств среднего достатка. Продаже за недоимки не подлежали семена, орудия труда, 1 лошадь, 1 корова и т.д. Особенно подробно вопрос об обложении крестьян был разработан в циркулярах от 9 и 15 января 1919 года¹⁰. За невыплату налога запрещалось продавать семена, скот, орудия труда, необходимые в хозяйстве, а также хлеб, овощи, топливо, обычную одежду и домашнюю утварь¹¹.

В деревне решающее влияние на способ раскладки оказывал социальный состав комиссий по чрезвычайному налогу. Когда туда попадали бедняки, то налог падал на кулаков. Представительство средних крестьян приводило к уравнительности в раскладке: подушной, подворной, подесятинной или на основе круговой поруки. Когда в налоговых комиссиях оказывались кулаки, а это было далеко не редким явлением, они находили способы переложить налог на середняка и бедноту¹². Разверстка «на глазок» очень часто приводила к тому, что сумма налога изначально оказывалась непосильной для населения. Крестьяне жаловались: «Из уезда говорят: роди и клади, и многих разорили с этим налогом»¹³.

Наблюдалось большое количество злоупотреблений. Жалобы тысячами стекались в НКФ, НКВД, ВЦИК, Совнарком и т.д. Их приносили как отдельные плательщики, так и уполномоченные от населения целых уездов, городов, волостей и селений. Ходокам выдавали удостоверения о принятии жалоб, а заявления направляли в местные финотделы¹⁴.

Декрет 30 октября 1918 г. не предусматривал права обжалования при наложении чрезвычайного налога. Но поток обращений в центральные органы заставил НКФ ликвидировать этот пробел. Впервые право обжалования было установлено распоряжением НКФ от 14 декабря 1918 года. Но этого оказалось недостаточно. Циркуляры и распоряжения по жалобщикам НКФ издавал 4, 17, 18, 29 января, 1, 18 февраля, 28 декабря 1919 года. В результате число обращений несколько сократилось, но они продолжали поступать¹⁵.

Выбор мер воздействия на неплательщиков декрет о чрезвычайном налоге предоставил провинциальным советским органам. Они для выколачивания денег использовали такие методы, как заключение в нетопленые помещения с нарочно выставленными стеклами, побои, порка, угрозы расстрелом, аресты, распродажа имущества, купание в ледяной проруби и т.п. Подвергались репрессиям жалобщики, взыскание передавалось военным комиссарам и ЧК. Скоро НКФ вынужден был «ограничить инициативу мест». Издавший 25 декабря 1918 г. циркуляр перечислял меры воздействия — от принудительных работ до суда ревтрибунала. В документе подчеркивалось, что расстрел как мера взыскания налога недопустим. 4 января 1919 г. новым циркуляром более точно регламентировались карательные мероприятия. Предлагалось применять следующие меры воздействия: арест денежных запасов, продажа движимого имущества; конфискация недвижимого имущества; назначение на принудительные работы; личный арест. Под угрозой предания суду было запрещено использовать другие способы принуждения к уплате (побои, порку, угрозы расстрелом и т.д.). Наркомфин запретил привлекать к взысканию налога военные комиссариаты и ЧК¹⁶.

В сбор 10-миллиардного налога часто вмешивались органы Наркомата внутренних дел. НКВД сделал несколько распоряжений, не согласованных с НКФ, что вызвало недоразумения и запросы в центр. 20 января 1919 г. Крестецкая уездная комиссия по чрезвычайному налогу (Новгородская губер-

ния), устав от противоречивых указаний, переправила в СНК телеграммы, полученные от НКФ и НКВД, спрашивая, каких разъяснений придерживаться. На обороте обращения Крестецкой комиссии 25 января 1919 г. Крестинский написал: «Я и наркомвнудел Смирнов послали за общей подписью телеграмму, в которой объявили, что руководство чрезвычайным налогом принадлежит Наркомфину»¹⁷.

Действительно 18 января 1919 г. разногласия двух ведомств были устранены особым соглашением. Но для многих финотделов это осталось неизвестным. Наркомфину пришлось 1 февраля разослать специальный циркуляр с требованием руководствоваться только его указаниями¹⁸.

Инструкции не могли все сразу изменить. Повсеместно взимание налога сопровождалось репрессиями. В письме наркому внутренних дел Г.И. Петровскому, присланном из Саранского уезда Пензенской губернии, говорилось: «Население настроено против Советов. Втихомолку ждут переворота. Повинны в этом всецело местные уездные власти, произвол которых в управлении не знает границ и очень часто превосходит в своей разнузданности все самое дикое из того, чем мы вспоминаем проклятый царизм. При взимании чрезвычайного налога применяются пытки мрачного средневековья. Крик “расстреляю” раздается гораздо чаще, чем при крепостном праве раздавался крик “запорю”»¹⁹.

Сбор чрезвычайного налога повлиял на настроения в частях Красной армии. 28 декабря 1918 г. за подписью Я.М. Свердлова вышло предписание ВЦИК всем советам проявлять осторожность при взимании чрезвычайного налога с семейств красноармейцев — это был результат жалоб, поступавших во ВЦИК²⁰. Но это распоряжение не выполнялось в губерниях. 4 января 1919 г. начальник политотдела Южного фронта Ходоровский телеграфировал во ВЦИК о тревожном настроении красноармейцев на почве взимания с их семей чрезвычайного налога. Он предлагал внести в закон дополнения об освобождении семейств красноармейцев от налога или увеличить срок его взыскания²¹.

Злоупотребления затронули не только семьи, но и самих военнослужащих, как занимавших командные должности, так и красноармейцев. В марте 1919 г. НКФ получил ряд сообщений, что красноармейцев подвергают аресту за неуплату чрезвычайного налога. 29 марта 1919 г. Наркомфин направил на места разъяснения, что аресты можно производить только с согласия военных комиссариатов²².

Серьезные проблемы с возникли в городах. Здесь фактически единственным статистическим материалом для оценки состоятельности являлись данные о доходах, представленные для исчисления налогов еще в 1916—1917 гг., которые безнадежно устарели. Это создало трудности прежде всего в обеих столицах. Поступление чрезвычайного налога из Москвы и Петрограда началось только летом 1919 года²³.

Декрет о чрезвычайном налоге противоречил постановлению СНК от 26 октября 1918 г. об аннулированных процентных бумагах. Это касалось в первую очередь горожан. Наиболее зажиточные граждане потеряли большую часть своего состояния, заключавшегося в процентных бумагах, и оказались в категории малоимущих или вовсе неимущих. Но по декрету о чрезвычайном налоге одним из главных признаков состоятельности служили процентные бумаги. В центр поступали просьбы от таких граждан — разрешить уплатить налог-контрибуцию принадлежащими им аннулированными процентными бумагами, так как других средств у них нет. Многие финотделы советов со своей стороны поддерживали подобные ходатайства²⁴.

Циркуляром от 14 декабря 1918 г. НКФ запретил облагать аннулированные процентные бумаги, но также и принимать их в уплату чрезвычайного

налога²⁵. Действительно, странно было бы принимать в доход казны бумаги, которые ничего не стоили, это означало бы просто списание налога.

Много недоразумений возникло по поводу текущих счетов и банковских вкладов. 14 декабря 1918 г. НКФ запретил принимать в уплату и облагать чрезвычайным налогом вклады, внесенные после 1 января 1918 года. Они объявлялись неприкосновенными. Все остальные должны были учитываться при уплате налога. Более детально те же вопросы были разработаны в циркуляре от 16 и 26 декабря 1918 года. Однако к началу февраля 1919 г. почти нигде не было произведено списание с текущих счетов и вкладов буржуазии. 10 февраля 1919 г. НКФ приказал в кратчайший срок списать их в уплату чрезвычайного налога²⁶.

Пытаясь остановить волну произвола, Совнарком 4 января 1919 г. рассмотрел проект спешных мер по поводу угроз арестом инженеров за невзнос чрезвычайного налога²⁷.

Характерные в этом плане события произошли в Кинешме. На город был наложен чрезвычайный налог в 4 млн руб., а затем исполком удвоил ставку. Горожане обратились к Ленину с просьбой не только отменить новую ставку, но и уменьшить прежнюю, ссылаясь на то, что «они до этого неоднократно облагались местными налогами и контрибуциями». Кинешемский совет арестовал неплательщиков чрезвычайного налога. По указанию председателя СНК в дело пришлось вмешаться НКФ²⁸.

Несмотря на все усилия как центральных, так и местных властей налог поступал слабо, недовольство же населения нарастало. Особенно это проявлялось в крестьянской среде. С декабря 1918 г. начались вооруженные восстания, спровоцированные жесткими мерами при взыскании чрезвычайного налога²⁹.

Правительство не могло оставить без внимания этот источник массового недовольства. 11 декабря 1918 г. НКФ запросил дополнительные сведения о разверстке и о раскладке налога между отдельными лицами³⁰. 12 декабря СНК заслушал доклад Крестинского и предписал НКФ ускорить взимание, допуская послабления лишь в крайних случаях. Через неделю в повестку дня СНК был поставлен доклад наркома внутренних дел Петровского о результатах обследования губерний, охваченных восстанием в связи с взысканием чрезвычайного налога³¹. Таким образом, за три дня до истечения намеченного срока (15 декабря 1918 г.) правительство не только не пополнило существенно казну за счет «всероссийской контрибуции», но и встретило с опасной реакцией недовольного населения, вплоть до восстаний.

21 декабря 1918 г. в СНК вновь сделал доклад Петровский — о восстаниях из-за взыскания налога. 28 декабря в Совнаркоме по чрезвычайному налогу выступал Крестинский. Решено было назначить очередной отчет через две недели и потребовать от члена коллегии НКФ Д.П. Боголепова на следующем заседании представить «листок о значении налога». На этом же заседании по вопросу об анкете по 10-миллиардному налогу выступил председатель ЦСУ П.И. Попов. Петровскому и заместителю наркомпрода Н.П. Брюханову Совнарком поручил исследовать вопрос о влиянии сбора чрезвычайного налога на поступление хлеба³².

Массовые крестьянские выступления заставили большевиков начать отступление от жестких методов проведения «всероссийской контрибуции». 15 января 1919 г. был опубликован циркуляр НКФ, в котором указывалось, что декрет о чрезвычайном налоге преследовал две цели: одна (непосредственно фискальная) — получить на нужды социального и военного строительства несколько миллиардов рублей, другая — ускорить то экономическое и политическое расстройство, которое переживает деревня. При этом

подчеркивалось, что классовая цель налога не менее важна, чем чисто фискальная. «К сожалению, — говорилось в циркуляре, — приходится отметить, что чрезвычайный единовременный налог не у всех представителей советской власти на местах встретил одинаково правильное понимание». НКФ отметил, что допущены серьезные нарушения при исполнении декрета 30 октября: освобождались от налога богатеи, непомерно тяжелым оказалось обложение середняков, были затронуты и бедняки, «с которыми таким путем сводились иногда личные счеты». НКФ потребовал провести тщательную проверку и пересмотр списков плательщиков и устранить ошибки или злоупотребления, а виновных должностных лиц предать суду³³.

10 февраля 1919 г. ЦК РКП(б) разослал циркулярное письмо партийным организациям, разъясняя задачи, связанные с чрезвычайным налогом. ЦК обращал внимание на то, что ряд местных организаций решил во что бы то ни стало полностью взыскать налог, не останавливаясь перед крайними мерами и не заботясь о том, какое настроение их действия вызовут у рабочих и деревенских бедняков.

В письме также указывалось на две цели налога. Первая — фискальная. Для социалистического строительства и обороны необходимы средства. Превышенных объектов обложения в большинстве не стало, и единственный способ немедленно извлечь значительные средства — «крупный поимущественный налог, частичная конфискация имущества». Другая цель — «классово-организационная, желание ускорить классовое расслоение плательщиков, особенно в деревне, вбить в деревне клин, создать в ней на почве чрезвычайного налога организацию бедноты против буржуазно-кулацких элементов». «В городе доминирует первая цель, так как классовое оформление городского населения уже почти закончено. В деревне же обе цели по меньшей мере равноценны»³⁴.

ЦК стремился добиться правильной раскладки налога, а для этого требовал провести проверку и тщательный пересмотр всех списков, при обнаружении нарушений пересмотреть раскладку. Должностных лиц, виновных в злоупотреблениях, отдавать под суд. ЦК запретил привлекать к сбору налога военных комиссаров и ЧК и потребовал применять жесткие меры взыскания только к богатеям, а к середнякам — лишь в случае злостного уклонения от платежа³⁵.

12 марта 1919 г. на заседании Петроградского совета Ленин признал наличие ошибок и злоупотреблений при проведении «всероссийской контрибуции». Отвечая на записку о том, что чрезвычайный налог ложится на середняка, он заявил, что поступает очень много жалоб по этому поводу. Ленин дал задание ЦСУ обследовать несколько волостей для выяснения, как крестьяне распределили этот налог. По данным председателя ЦСУ Попова, налог в большинстве случаев крестьяне распределяли справедливо. Однако председатель Совнаркома признал, что трудно точно определить состоятельность каждого крестьянина и возможны ошибки³⁶.

В конце марта — начале апреля 1919 г., составляя «план спешных мер за середняка», он написал: «1) Чрезвычайный налог с середняков ослабить тотчас»³⁷. НКФ разработал проект декрета о льготах крестьянам-середнякам в отношении взыскания чрезвычайного налога, и СНК 8 апреля его утвердил; на другой день проект был одобрен ВЦИКом³⁸. В декрете «О льготах крестьянам-середнякам в отношении взыскания единовременного чрезвычайного революционного налога» говорилось, что значительная часть середняков добровольно, без всякого принуждения уже внесла причитающийся с них налог. Если же остальные середняки налога не платят, значит раскладочные комиссии ошибочно отнесли этих неплательщиков к средним крестьянам, это беднота, вовсе освобождаемая от чрезвычайного налога. «Поэтому представляется

справедливым прекратить дальнейшее взыскание этого налога с граждан, обложенных низшими ставками налога и до сих пор не смогших внести его».

В зависимости от региона освобождались от уплаты граждане, на которых налог был наложен в сумме до 1000 руб. (Курская, Саратовская, Астраханская, Вологодская и Северо-Двинская губернии) либо до 3000 руб. (Московская губерния). Для тех лиц, кого обложили по завышенной ставке, но не более чем в три раза, его сумма уменьшалась вдвое³⁹.

Декрет 9 апреля 1919 г. оказался переломным моментом в истории с «всероссийской контрибуцией». Он стал прямым следствием сопротивления населения чрезвычайному налогу. Большевики вынуждены были под давлением снизу пойти на уступку.

Сравнение опубликованного декрета с его проектом, представленным Крестинским на заседание СНК 8 апреля 1919 г., показывает корректировку, которой он подвергся. Было исключено положение о том, что губисполкому предоставляется право в два раза увеличивать минимум, освобождающий от взыскания, для отдельных местностей губернии, если у них есть какие-либо экономические особенности, требующие такого повышения.

Смягчена была формулировка в отношении наказания за неуплату налога в течение двух недель после объявления новых ставок, а также об ответственности должностных лиц, допустивших злоупотребления при его взимании. Крестинский предлагал предавать их не народному суду, а суду революционного трибунала⁴⁰.

Декрет фактически лишил местные власти возможности применять жесткие меры, что отразилось на сборе чрезвычайного налога. В марте 1920 г. Тамбовский губфинотдел отмечал, что с уклоняющимися от уплаты налога он пытался бороться преданием их суду. Но добиться увеличения сборов таким способом не удалось. Причину этого губфинотдел видел в том, что другие отделы выполняют свои задания при помощи реальной силы, в налоговом же деле приходится ограничиваться командировкой отдельных инструкторов, увещеваниями, разъяснениями, предписаниями, иногда может быть строгими, «но по сравнению с реальной силой совершенно неубедительными для населения». Раньше можно было воздействовать в административном порядке: опись, продажа имущества, арест. Теперь осталось только предавать суду, но судебные решения выносятся гораздо медленнее, чем административные. Предание суду действительно при небольшой численности неплательщиков. Если же их много, то требуется такая подготовительная работа, которая не по силам уездным финотделам, где наблюдается огромный недостаток работников⁴¹.

Льготы середнякам не распространялись на Москву, Петроград и губернские города, однако и здесь наметились послабления. 15 апреля 1919 г. коллегия Наркомфина решила официально действие декрета от 9 апреля на эти пункты не распространять, но предложить соответствующим учреждениям НКФ в «инструкционном порядке» в отдельных случаях слагать недоимки⁴².

Прямым следствием декрета 9 апреля стало уменьшение общей суммы чрезвычайного налога, которое зависело от самостоятельности местных органов и никак не контролировалось центром. Таким образом, учесть заранее общий размер поступления чрезвычайного налога становилось невозможно.

НКФ всеми силами стремился закончить сбор революционного налога в срок. Но вскоре стало ясно, что к 15 декабря 1918 г. этого сделать не удастся. Тогда НКФ предложил закончить работу ускоренным темпом к 1 января 1919 года⁴³. Однако и эта дата оказалась нереальной. 2 августа 1919 г. Наркомфин объявил новый срок уплаты революционного налога без штрафа — 15 августа 1919 года⁴⁴.

Но и к этой дате завершить операцию не удалось. В первую очередь это объяснялось сопротивлением населения. В докладе о деятельности Воронежского губисполкома от 18 июня 1919 г. говорилось, что к чрезвычайному налогу «повсюду население относится безусловно враждебно». Его сбор в некоторых волостях еще не производился, «так как составление списков плательщиков преднамеренно тормозится сельскими обществами, считающими этот налог несправедливым и крайне обременительным»⁴⁵.

Значительным препятствием в проведении налога стали и жалобы, поток которых захлестнул в первую очередь местные органы. В конце апреля 1919 г. ряд финотделов обратился в НКФ с просьбой установить предельный срок приема и рассмотрения возражений по чрезвычайному налогу. 28 апреля 1919 г. в губернии был направлен циркуляр, который предписывал по истечении недели после его получения претензии граждан не рассматривать. Здесь же был указан срок подачи жалоб по применению декрета 9 апреля 1919 г. о льготах крестьянам-среднякам⁴⁶. Но эти распоряжения не дали ожидаемых результатов. Как местным властям, так и центральным органам НКФ, СНК, НКВД и ВЦИК пришлось рассматривать жалобы не только до конца 1919 г., но и на протяжении всего 1920 года⁴⁷.

Декрет о льготах среднему крестьянству внес дезорганизацию в сбор «всероссийской контрибуции». 30 апреля 1919 г. НКФ направил циркуляр, требовавший ускорить проведение его в жизнь. Губерниям было предложено вновь составить списки плательщиков с учетом льгот середнякам⁴⁸. На практике это означало остановку сбора налога. Плательщики всячески старались доказать свое право на льготы, дарованные середнякам⁴⁹. Фактически местные власти должны были начать работу по раскладке заново. При слабости местного финансового аппарата и низкой квалификации уездных советских работников завершение этой работы становилось практически неразрешимой проблемой.

Декрет 9 апреля 1919 г. можно считать рубежом «активной фазы» сбора чрезвычайного налога. Далее до конца 1920 г. проходил «вялотекущий» период взимания «всероссийской контрибуции». На 6 июня 1919 г. в уплату чрезвычайного налога поступило 1 009 309 367 рублей. В целом к концу 1920 г. чрезвычайный налог дал (по максимальной оценке) 1627,7 млн рублей⁵⁰. Следовательно, за первые 7 месяцев с ноября 1918 г. по начало июня 1919 г. поступила большая часть собранной суммы в 1 млрд руб., а за остальные 19 месяцев (с июня 1919 г. по декабрь 1920 г.) еще 620 миллионов.

С самого начала некоторые советы выражали сомнение в возможности полностью собрать в их местности налог. На заседании Самарского губернского революционного комитета 15 ноября 1918 г. при обсуждении методов взыскания чрезвычайного налога В.В. Куйбышев заявил, что 400 млн руб. наличными, падающие по раскладке НКФ на губернию, собрать не удастся. Он объяснял это тем, что городская буржуазия большей частью сбежала, а лиц, получающих жалование свыше 1500 руб. в месяц в Самарской губернии нет (максимум 800 рублей). Решено было составить докладную записку в центр с изложением соображений Куйбышева о невозможности собрать налог⁵¹.

30 января 1919 г. 6-й Ветлужский уездный съезд советов принял резолюцию о том, что 29 млн руб. чрезвычайного налога уезд при всем желании уплатить не в состоянии⁵².

10 августа 1919 г. финотдел Клинского уездного исполкома констатировал, что сбор чрезвычайного налога значительных результатов не дал. Из 43,3 млн руб., причитающихся с уезда, поступило в уплату 2 244 593 руб. 65 копеек. По мнению финотдела, взыскать всю сумму не было возможности⁵³.

Одной из причин финансового провала чрезвычайного налога было то, что параллельно местные власти устанавливали свои «налоги», «сборы», «контрибуции» и т.п.⁵⁴ При этом местным формам обложения уделялось более пристальное внимание, чем «всероссийской контрибуции». В резолюции по финансовому вопросу того же Ветлужского уездного съезда говорилось о необходимости принять все меры по взысканию 2-миллионной контрибуции для нужд уездного исполнения⁵⁵.

В мае 1919 г. на Всероссийском съезде заведующих финансовыми отделами советов руководители НКФ признали, что полностью собрать 10-миллиардный налог не удастся. Крестинский полагал, что после проведения ряда мероприятий будет взыскано 25—30% суммы, назначенной к поступлению, то есть 2,5—3 млрд рублей. Заместитель наркома С.Е. Чущкаев, выступавший следом, надеялся лишь на 20% (2 миллиарда)⁵⁶.

Но даже такие отнюдь не оптимистические прогнозы руководителей НКФ не сбылись. Взимание чрезвычайного налога прекратилось 3 февраля 1921 г., когда Президиум ВЦИК приостановил взимание всех денежных налогов⁵⁷. Финансовые итоги «всероссийской контрибуции» оказались более чем скромными. По различным оценкам, к концу 1920 г. удалось собрать от 1,5 млрд до 1627,7 млн руб., то есть от 15 до 16%⁵⁸. Характерно, что наиболее полно уплатили налог бедные и средние по зажиточности волости и уезды. Максимальные показатели дали Вятская, Казанская и Симбирская губернии (от 51 до 84%)⁵⁹.

Одной из причин такого низкого поступления налога являлось его запоздалое введение⁶⁰. К осени 1918 г. «экспроприация» буржуазии фактически была завершена через контрибуции, проводившиеся местными властями. В местностях, находившихся под контролем большевиков, капиталистов практически не осталось. Они или бежали, или были разорены национализацией, реквизициями и контрибуциями. Обложить кулаков и спекулянтов-мешочников было трудно, они изыскивали возможности уклоняться.

Достигнуть упорядочения денежного обращения путем изъятия из оборота большого количества кредитных билетов также не удалось. Даже если бы 10-миллиардный налог поступил полностью, это не оказало бы серьезно влияния на оздоровление финансовой системы. За 1918 год в обращение было выпущено на 165 млрд руб. бумажных денег⁶¹.

Не прекратил революционный налог и практику местных контрибуций. Советы продолжали использовать «единовременные сборы» с целью пополнения своего бюджета.

На продовольственном положении 10-миллиардный налог сказался отрицательно. Во второй половине марта 1919 г. обнаружилось, что его взыскание в некоторых губерниях приурочивается к сдаче зерна государственным продовольственным органам, что неблагоприятно отражается на хлебных заготовках⁶².

Неутешительными оказались и политические итоги. Стремление власти в конце 1918 — начале 1919 г. во что бы то ни стало собрать «всероссийскую контрибуцию» привело к тому, что повсеместно применялись репрессивные меры, которые обрушились не только на «классовых врагов». Расчет объединить с помощью налога середняка и бедноту против кулачества и получить прочную социальную базу в деревне не оправдался. Злоупотребления приказами и принуждением сплотили деревню в ее неприятии «всероссийской контрибуции». Крестьянство взялось за оружие. Большевики вынуждены были отказаться от жесткой линии в проведении чрезвычайного налога, что предопределило его финансовый провал.

Катастрофическое падение покупательной способности рубля к концу 1920 г. окончательно сделало бессмысленным продолжение взыскания «все-

российской контрибуции». 3 февраля 1921 г. Президиум ВЦИК принял постановление о приостановке взимания всех денежных налогов, после которого сбор чрезвычайного налога был прекращен⁶³.

Примечания

1. См.: Социальная революция и финансы. Сб. к III конгрессу Коммунистического Интернационала. М. 1921, с. 50, 129; АЛЬСКИЙ М. Наши финансы за время гражданской войны и нэпа. М. 1925, с. 29; Финансовая политика Советской власти за 10 лет. М.—Л. 1928, с. 16; ОСИПОВА Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М. 2001, с. 247; Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами. Пленарные заседания. М. 1919, с. 20.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 19, оп. 1, д. 226, л. 6, 57.
3. Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами, с. 20, 35.
4. Декреты Советской власти (ДСВ). Т. 3. М. 1964, с. 465—468; ОСИПОВА Т.В. Ук. соч., с. 247—248.
5. Финансовая политика Советской власти за 10 лет, с. 7.
6. Советы в эпоху военного коммунизма (1918—1921). Сб. документов. Ч. 2. М. 1929, с. 252.
7. ЛЮБИМОВ Н.Н. Единовременный чрезвычайный революционный налог. Пг. 1919, с. 3—5.
8. Там же, с. 10.
9. ОСИПОВА Т.В. Ук. соч., с. 248.
10. ЛЮБИМОВ Н.Н. Ук. соч., с. 11—13.
11. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2760, л. 4; Экономическая жизнь, 10.1.1919; ОСИПОВА Т.В. Ук. соч., с. 256.
12. ОСИПОВА Т.В. Ук. соч., с. 248—249.
13. КАЛИНИН М. Вопросы советского строительства. М. 1958, с. 18.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 130, оп. 3, д. 265, л. 1—29; РИВКИН Б. Финансовая политика в период Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1957, с. 185; ЛЮБИМОВ Н.Н. Ук. соч., с. 6.
15. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2760, л. 7; ЛЮБИМОВ Н.Н. Ук. соч., с. 5—8.
16. ЛЮБИМОВ Н.Н. Ук. соч., с. 16—17.
17. РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2760, л. 1—5.
18. ЛЮБИМОВ Н.Н. Ук. соч., с. 17.
19. Цит. по: ОСИПОВА Т.В. Ук. соч., с. 253—254.
20. ДСВ. Т. 4. М. 1968, с. 267.
21. ГАРФ, ф. 1235, оп. 94, д. 118, л. 388.
22. ЛЮБИМОВ Н.Н. Ук. соч., с. 8.
23. Там же, с. 23; РИВКИН Б. Ук. соч., с. 183; История Министерства финансов России. Т. 2. М. 2002, с. 80.
24. См.: Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 7733, оп. 1, д. 40, л. 1; ДСВ. Т. 3, с. 455—457.
25. ЛЮБИМОВ Н.Н. Ук. соч., с. 19.
26. Там же, с. 19—20.
27. РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 242, л. 2.
28. Там же, ф. 5, оп. 1, д. 2760, л. 16—17.
29. ОСИПОВА Т.В. Ук. соч., с. 249—255.
30. ЛЮБИМОВ Н.Н. Ук. соч., с. 5.
31. РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 233, л. 3.
32. Там же, д. 236, л. 2; д. 239, л. 4.
33. Экономическая жизнь, 15.1.1919; Сб. декретов и распоряжений по финансам. Т. 1. Пг. 1919, с. 155.
34. ГАРФ, ф. 130, оп. 3, д. 265, л. 1.
35. Там же, л. 2—4.
36. ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч. Т. 38, с. 15—17.
37. Там же, с. 413.
38. РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 276, л. 4; ГАРФ, ф. 130, оп. 3, д. 656, л. 49; д. 33, л. 2; ф. 1235, оп. 94, д. 31, л. 113.
39. ДСВ. Т. 5. М. 1971, с. 51—53.
40. РГАСПИ, ф. 19, оп. 1, д. 276, л. 23, 25.
41. РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 1595, л. 6.
42. Там же, д. 148, л. 7.

43. ЛЮБИМОВ Н.Н. Ук. соч., с. 5.
44. РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 161, л. 38.
45. Советы в эпоху восного коммунизма. Ч. 2. М. 1929, с. 436.
46. ЛЮБИМОВ Н.Н. Ук. соч., с. 9.
47. ГАРФ, ф. 130, оп. 4, д. 300, л. 297—303.
48. ЛЮБИМОВ Н.Н. Ук. соч., с. 14—15.
49. РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 1595, л. 6.
50. ЛЮБИМОВ Н.Н. Ук. соч., с. 21; АЛЕКСАНДРОВ А.М. Финансы СССР. М. 1952, с. 76.
51. Советы в эпоху восного коммунизма. Ч. 2, с. 257.
52. ГАРФ, ф. 130, оп. 3, д. 263, л. 35.
53. Советы в эпоху военного коммунизма. Ч. 2, с. 275.
54. Финансовая политика Советской власти за 10 лет, с. 16.
55. ГАРФ, ф. 130, оп. 3, д. 263, л. 35.
56. Труды Всероссийского съезда заведующих финотделами, с. 21—22, 34—35.
57. ЮРОВСКИЙ Л.Н. Денжная политика Советской власти (1917—1927). М. 1928, с. 65.
58. РИВКИН Б. Ук. соч., с. 185; АЛЕКСАНДРОВ А.М. Ук. соч., с. 76.
59. ОСИПОВА Т.В. Ук. соч., с. 255, 257.
60. РГАЭ, ф. 7733, оп. 1, д. 1595, л. 6.
61. Финансовая политика Советской власти за 10 лет, с. 7.
62. ЛЮБИМОВ Н.Н. Ук. соч., с. 14.
63. ГАРФ, ф. 1235, оп. 38, д. 8, л. 2; ЮРОВСКИЙ Л.Н. Ук. соч., с. 65.

Старообрядцы: из России в Америку через Китай *

А.А. Хисамутдинов

В XIX в. российское правительство было заинтересовано в освоении дальневосточных земель. В числе первых переселенцев были старообрядцы различных согласий. На первом этапе большинство среди них составляли поповцы белокриницкой иерархии. Узнав о том, что на Дальнем Востоке можно найти свободные земли, к ним присоединились липоване, русские старообрядцы, вернувшиеся в Россию из Австрии и поселившиеся в Амурской области. Большие старообрядческие поселения имелись в Южно-Уссурийском крае. В 1911 г. была учреждена Иркутско-Амурская старообрядческая епархия, в состав которой вошли приходы Амурской, Приморской, Забайкальской, Якутской областей и Иркутской губернии.

Октябрьская революция и гражданская война внесли значительные изменения в старообрядческую жизнь. Окончание войны на Дальнем Востоке заставило старообрядцев, в основном «поповцев», покинуть родные места в Сибири, Приморском и Хабаровском краях. Через Алтай и Приморье они эмигрировали в Китай, где центром старообрядцев стал Харбин. Здесь в 1917 г. старообрядцы-поповцы основали общину в честь святых первоверховных апостолов Петра и Павла ¹. Несколько общин старообрядцев-поповцев было образовано и в Трехречье. В начале 1921 г. в Харбин перенесли и кафедру епископа Амурско-Иркутского и всего Дальнего Востока, появились старообрядческие печатные издания ².

Одним из инициаторов строительства старообрядческой Свято Петро-Павловской церкви в Харбине стал протоиерей отец Иоанн Кудрин ³. Он происходил из семьи старообрядцев часовенного согласия Пермской губернии. Его родители присоединились к старообрядцам-поповцам, то есть приемлющим священство, когда мальчику было семь лет. С восьми лет он прислуживал в церкви, а в 19 лет стал начетчиком. В 1906 г. в Москве его произвели в диаконы, затем он был настоятелем церкви в Уфимской губернии. Кудрин хотел получить образование и в 1913 г. стал слушателем сельс-

* Статья написана по результатам двух поездок в Орегон и на Аляску (2010) совместно с профессорами Ю.В. Аргудяевой (Владивосток) и Н. Игауз (Токио).

Хисамутдинов Амир Александрович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой Дальневосточного государственного технического университета. Владивосток.

кохозяйственных курсов в Москве. Работая в кооперации, он опубликовал статьи в журналах «Церковь» и «Старообрядческая мысль», являлся председателем Епархиального совета Пермско-Тобольской епархии. В гражданскую войну Кудрин был проповедником в 3-й армии правительства А. В. Колчака. В Китае Иоанн Кудрин проявил себя миссионером, который не боялся полемики с православными священниками. Другим деятелем старообрядчества был протоиерей Иоанн Шадрин, настоятель Древлеправославного храма во имя Успения Пресвятой богородицы в Харбине (с 1929 г.). Он жил в Трехречье, в пос. Верх-кули и считался весьма знающим священником ⁴.

Дальнейшие события в Советской России привели к значительному увеличению старообрядцев в Китае. К 1930 г. коллективизация докатилась и до Дальнего Востока, разрушив традиционный быт и культуру русских крестьян, для большинства которых скрепляющим нравственным началом была религия. По всем селам и деревням стало проходить раскулачивание, при этом закрывались все старообрядческие приходы, как поповцев, так и беспоповцев. Потерпев в 1931—1935 гг. поражение в сопротивлении новой власти, они переправились через пограничную реку Уссури около Хутоу, севернее озера Ханка, а также в других местах советско-китайской границы и поселились в Харбине, Трехречье, других селениях в глубине Маньчжурии, недалеко от России. Эмигранты предполагали вернуться на родину после падения советского строя. Старообрядцы постоянно поддерживали связь между собой.

Наиболее крупным и характерным поселением была деревня Романовка, основанная летом 1936 г. в небольшой долине в окрестностях Хэндаохэцзы, которую обнаружили братья Калугины. Первыми поселенцами стали Иван Селедков с двумя сыновьями и Павел Поносов. Сначала они жили в палатке, а в ноябре 1936 г. поставили избу из дерева, срубленного в окрестном лесу с разрешения властей. В ней они с большим трудом перезимовали, занимаясь охотой. В феврале следующего года к ним пришли из разных мест Маньчжурии еще 14 мужчин, в том числе и Иван Калугин, и привели лошадей. Проведя межевание пахотной земли и усадебных участков, мужчины начали строительство жилищ для своих семей. В марте в уже готовые избы приехали жены с детьми. Вскоре начались пахота и сев.

К концу 1937 г. в долине образовался целый поселок. В своем ходатайстве к властям старообрядцы отмечали: «У нас одна вера (мы все староверы), одна родина и занятие (крестьяне-охотники). Мы горячо желаем проживать вместе, служить народу, обществу и государству. Посему убедительно просим вас сдать в аренду участок земли, подходящей для земледелия и постройки поселка... Сейчас в нашей группе 25 семей, в том числе: мужчин — 33, женщин — 28, детей — 61. Имеющийся скот и инвентарь: лошади — 28, коровы — 23, плуги — 2, телеги — 2, бороны — 4» ⁵.

В центре Романовки стояла молельня, построенная в 1939 г., где находились старинные иконы и книги. Кроме того, каждый бережно хранил у себя святыни, вывезенные из России. Настоятелем был Ксенофонт Петрович Бодунов, изба которого располагалась напротив молельни. Старообрядцы были отличными плотниками и кузнецами: сами строили избы и изготавливали различную домашнюю утварь. Внешне избы были простыми и лишенными украшений, но конструктивная продуманность удовлетворяла всем требованиям рациональности и удобства. В частности, большим достоинством их жилищ была хорошая защита от мороза и ветров.

Хозяйство Романовки было преимущественно натуральным. Чем больше леса расчищалось под пашню, тем более земледелие преобладало над скотоводством и охотой. По данным на 1940 г., каждая семья имела по две десятины пашни. Выращивали пшеницу, гречиху, бобы, картофель, овес и

ячмень (на корм скоту), кукурузу (для домашней птицы) и т.п. Из домашнего скота романовцы держали лошадей, коров, коз, свиней, кур и т.д. Летом их пасли на пастбище, а зимой содержали в хлеву. В огороде сажали капусту, огурцы, тыкву, свеклу, помидоры, арбузы, дыни, редиску, редьку. Занимались и пчеловодством. Романовцы не обеспечивали себя полностью продовольствием и фуражом и были вынуждены покупать пшеницу, рис и лук у корейцев, живущих поблизости от их поселка.

Интерьер каждой избы был нарядно украшен: бросались в глаза расшитые цветами яркие занавески, иконы в красном углу, фотографии в рамках под стеклом, фикусы и герань в горшках, раскрашенные сундуки и т.д. Но электричества не было, и жилье освещалось свечами из пчелиного воска.

Хлеб пекли преимущественно пшеничный из дрожжевого или пресного теста. Мясо давали скот, домашняя птица или добыча охотников. Нередко на столе появлялась рыба: в речке около поселка ловилась форель (ленок). В будний день пили квас, а по праздникам из меда, ягод или дикого винограда варили брагу или медовуху. Из кишмиша, дикого винограда и калины варили варенье. Всех поражала красота праздничного наряда романовских женщин: на фоне пейзажа Маньчжурии их национальные костюмы казались необычными.

Романовцы жили необычайно сплоченно. Деньги от продажи пойманного зверя, например, тигра, распределяли между всеми семьями. Даже подарки посетителей не попадали кому-либо в исключительное владение. Селяне помогали друг другу не только рабочей силой, но и скотом, сельскохозяйственными орудиями.

В первой половине 1940-х гг. кроме Романовки в восточной Маньчжурии существовало еще несколько староверческих поселений: Коломбо, Силянхе, Ханьдаохэцзы, Мерген, Татицван, Чипигу (Масаловке) и Медяне. В Силянхе, образованном в 1932 г., жили братья Дмитрий и Логин Гостевские, Герасим Юрков, Сазон Бодунов. В селении Дацзицюань, в долине реки Танванхэ, в 12-и верстах от железнодорожной станции Вэлин, жили Игнатий Басаргин, его сын Ефим и его четыре двоюродных брата, сыновья Кондратия. Поселения староверов имелись в таких больших городах, как Харбин, Цицикар, Бухэду и Хайлар или около них.

Одним из наиболее популярных видов деятельности старообрядцев была охота, тем более, что маньчжурская тайга считалась очень богатой дичью. В районе трех линий КВЖД промышляли до трех тысяч русских охотников⁶. Большинство предпочитали охотиться на птицу или пушного зверя, и только небольшая часть охотилась на тигра. Особенно удачливым считался житель Ханьдаохэцзы Семен Калугин, который за зимний сезон 1936 г. добыл семь тигров. Другими известными охотниками-профессионалами были Лука Малахов, Федор Мартышев и Петр Калугин⁷. По мнению китайских медиков, препарат из тигрового сердца дает человеку необычайное мужество и стойкость, а амулеты из тигровых когтей и усов возвращают утраченную любовь. Обычно туша тигра оценивалась от 900 до 1500 гоби⁸, и один убитый тигр мог дать больше прибыли, чем самый удачный охотничий сезон⁹. Охота регулировалась правилами правительства Маньчжу-диго и Харбинским обществом правильной охоты и рыболовства, которое затем было преобразовано в секцию охоты и рыболовства при БРЭМе (1936). Старообрядцы также занимались отловом живых тигров для продажи в зоопарки.

Популярной была и добыча пантов, которые использовались для приготовления лекарств традиционной китайской медицины. Панты в Китае стоили очень дорого: за пару пантов средней величины давали от 500 до 600 гоби, а за крупные можно было получить около 1000 гоби¹⁰.

Охота на оленей-пантачей начиналась в Маньчжурии в начале лета и длилась почти до августа. Этот род охоты не таил в себе такой опасности для охотника, как охота на тигра, но требовал большого опыта, навыка и ловкости. Главная трудность заключалась в том, что в период роста пантов олень становится особенно нервным и чутким. В это время он уходит вглубь тайги, изредка выходя на водопой и кормежку. Охота на оленя основывалась на глубоком знании привычек зверя и навыков охотника. Выследив оленя, охотник целыми часами сидел в засаде. Журнал «Рубеж» писал: «Минувший сезон (1936) пантовой охоты прошел в общем, довольно удачно. Группе известных здесь охотников на крупного зверя, во главе с братьями Калугиными, Мартюшевыми и Назаренко, удалось добыть целую коллекцию пантов, приносящую им довольно солидный заработок»¹¹.

Если в начале освоения территории здесь было много зверя, то со временем его становилось всё меньше и меньше. Уже в середине 1930-х гг. ставился вопрос о заповедниках. По сведению Н.А. Байкова, охотой в этих местах занимались до 40 тыс. человек, включая китайцев и представителей коренных народностей. Охотники добывали зверя и дичи на сумму около 20 млн иен¹².

Самым тяжелым испытанием для староверов в первые годы жизни в Маньчжурии была борьба с хунхузами. Староверческие селенья находились в отдалении от других населенных пунктов, поэтому часто становились жертвами нападения. Осенью 1933 г. на пос. Силинхэ, который в то время состоял из тринадцати дворов, напала крупная банда. Несмотря на то, что бандитов было вдвое больше, старообрядцы смогли хитростью отбить нападение, уничтожив около пятидесяти бандитов¹³. Зимой 1938 г. Елисей Калугин, младший сын Ивана, был убит в тайге во время охоты¹⁴.

Во время жизни в Китае старообрядцы полностью сохранили свою культуру. В первую очередь этому способствовала жизнь в замкнутых общинах и поселениях, находившихся в глубине Маньчжурии, близких по природно-климатическим условиям к дальневосточному региону. Способы адаптации к местным природно-экологическим, социально-экономическим, демографическим и культурным условиям жизни были уже отработаны в России, где старообрядцам пришлось приноравливаться к жизни в новых условиях.

Степень открытости у старообрядцев-поповцев и беспоповцев была различной. Первые активно участвовали в социальной жизни эмиграции, не боясь открытой полемики с православием, что было невозможно в России. Беспоповцы, напротив, предпочитали находиться в стороне от этого, выбирая соответствующие поселения. И те, и другие занимались хлебопашеством и скотоводством, но у первых оно находилось на более коммерческом уровне, с вовлечением в хозяйственную деятельность региона и контактами с другими социальными слоями, а беспоповцы в основном вели хозяйство для собственных нужд.

В связи с этим иной была и степень сохранности традиционной русской культуры. Поповцы, понимая важность образования, отдавали детей в различные школы и гимназии, часто вдали от дома, что не способствовало сохранению не только традиций, но и самой веры. Различия в уровне традиционной культуры наблюдались и у разных поколений: у старшего и среднего поколений поповцев он был высоким, у младшего — весьма низким. Несмотря на особенности в укладе жизни поповцев и беспоповцев, они контактировали между собой: так, беспоповцы пользовались старообрядческой литературой, в частности календарями, покупая ее у поповцев в Харбине.

При переезде в Китай во произошло больших изменений в материальной культуре старообрядцев, в частности, ношении традиционной одежды и

обуви в повседневные и праздничные дни, если не считать того, что в Китае они заимствовали некоторые предметы у китайцев, например, ткань. Одежда стала более нарядной, чем раньше, при жизни в России. Не было внесено и новых конструктивных особенностей в строительство жилья и его интерьер: сохранился «красный угол» с иконостасом, фотографии родственников по стенам, набивные рисунки на тканях, украшавших комнату. Не было различий и в еде. Набор пищевых продуктов, способы их заготовки, хранения, приготовления, кухонная утварь были традиционными.

Ничего не изменилось и в семейно-брачных отношениях. Во всем строго соблюдались традиции, особенно внимательно подходили к степени кровного и духовного родства. У беспоповцев почти не случалось выбора партнера из иной этнической среды, тем более что на данном этапе хватало женихов и невест. В сельской местности в брак вступали довольно рано: девочки в возрасте 14—16 лет, юноши — в 15—18 лет. В городской местности у старообрядцев-поповцев не редкими были браки с представителями иной веры, но возраст для замужества и женитьбы был выше, чем у беспоповцев.

Не наблюдалось больших изменений и в традиционном распределении производственного и домашнего труда на мужские, женские и детские работы. Мужчины обычно занимались охотой и работой в иных районах. Женщины были хранительницами очага, выполняли всю домашнюю работу и воспитывали детей. Старообрядческие семьи были большими. В них росли от 5 до 10 детей, а иногда и больше. Правда, наблюдалась высокая детская смертность, тем более, что у старообрядцев отсутствовала медицинская помощь.

Система образования у поповцев и беспоповцев в Китае различалась. У первых существовала начальная ступень в церковно-приходской школе, также имелся более высокий уровень образования, вплоть до высшего. У беспоповцев образование ограничивалось первой ступенью: обучение чтению на древнерусском языке, что было необходимо для религиозной службы. В то же время были случаи, когда старообрядцы для обучения детей нанимали русских эмигрантов. Кроме того, невысокий уровень образования восполнялся общением с китайскими или японскими детьми и освоением их языков: старообрядцы знали их превосходно.

Конфессиональная общность и культурное самосознание определялись старшим поколением. Именно оно устанавливало нормы поведения, несущие ряд религиозных запретов, следило за соблюдением традиционных обычаев и обрядов. Старейшины определяли религиозно-культурные правила для членов своей общины, контролировали строгие еженедельные и более продолжительные посты, обязательные часы молитв и прочее.

На взрослых лежала обязанность по приобщению своих детей к образу жизни общин, степени почитания родителей, кровного родства и родства по свойству, в создании иерархической структуры семейных обязанностей. Они же сохраняли традиционные календарные и семейные (родильно-крестильные, свадебные, похоронно-поминальные) обряды.

Японская оккупация Северной Маньчжурии почти не изменила жизнь старообрядцев. Японцы совершенно не обращали внимания на внутреннюю структуру и особенности старообрядческой общины. Как и все русские эмигранты на севере Китая, старообрядцы были обязаны встать на учет в Главное бюро по делам Российской эмиграции в Маньчжурии (БРЭМ), заполнив соответствующую анкету. Старообрядческие общины выбирали из своей среды представителя БРЭМа, на котором лежали обязанности по общению старообрядцев с властями.

Как и вся русская эмиграция, старообрядцы были обязаны участвовать в общественных работах, в том числе, выделять скот для строительства дорог

или принимать участие в системе японской гражданской обороны. Япония строила планы по вторжению на территорию российского Дальнего Востока, и русские эмигранты должны были стать связующим звеном между русским населением и японцами. Старообрядцев привлекали и на военную службу: их готовили на роль проводников. В основном они проходили подготовку в формированиях Асана.

Старообрядческие общины имелись и в Синьцзяне, на северо-западе Китая, где поселились те, кто бежал из России через Алтайские горы — причем, не только старообрядцы, но и простые эмигранты, по религиозным или политическим причинам не приемлющие советскую власть. Здесь старообрядцы обосновались, главным образом, неподалеку от городов Кульджа и Урумчи, где нашли плодородные земли. Их жизнь не отличалась от жизни соотечественников в Маньчжурии. Особенных контактов между харбинцами и синьцзянцами не было. Они начались только по пути на американский континент, в Гонконге.

1945 г. поставил крест на отлаженной жизни старообрядцев. Советская армия захватила в Харбине архив БРЭМа и определилась с теми, кто в той или иной степени контактировал с японцами. Сразу же были арестованы и депортированы в СССР почти все старообрядцы-мужчины кроме нескольких стариков. Советские дипломаты стали проводить в Маньчжурии и Синьцзяне агитацию за возвращение семей на родину. Некоторое время семьи старообрядцев, оставшиеся в Китае, ждали возвращения мужчин, но с каждым годом надежда гасла. Русские баптисты и пятидесятники сумели уехать через Шанхай на Филиппины и в другие страны. Через них старообрядцы узнали о правилах эмиграции из Китая.

С середины 1950-х гг. из самых глубоких районов Китая, семья за семьей, оставив хозяйства, со скромными пожитками старообрядцы на попутных грузовиках и повозках добирались до ближайшей железнодорожной станции, а там на поездах, с документами и без них, отправлялись в Тяньцзинь и Шанхай. Уже оттуда на теплоходах они уезжали в Гонконг (1958—1959). Китайские таможенники строго следили за тем, чтобы старообрядцы не вывозили из Китая никаких ценностей, включая золото и бумажные деньги.

Долгие месяцы, пока в кабинетах посольств и консульств решалась их дальнейшая судьба, сотни семей старообрядцев сидели в ожидании, чаще всего без работы, довольствуясь небольшим пособием. Устроиться и продержаться в Гонконге им помогали Международный Красный Крест и Объединенный Всемирный Совет Церквей. Отсюда они смогли разъехаться по разным странам. Протоиерей Иван Кудрин в 1958 г. уехал из Китая в Австралию. Его стараниями в пригороде Сиднея открыли храм, где отец Иоанн служил до своей смерти в 1960 году.

Старообрядцы из разных частей Китая встретились друг с другом только в Гонконге. Вначале они решили переселиться в Южную Америку, где, как им казалось, они могут найти условия для компактного проживания вдали от цивилизации, вредного влияния которой они всегда старались избегать. Но климатические условия Аргентины, Бразилии, Парагвая, Уругвая и Боливии сильно отличались от тех, в которых они жили в России и Китае. Еще по пути в Южную Америку во время краткой остановки в Лос-Анджелесе старообрядцы встретились с русскими молоканами¹⁵. Через них они связались с молоканами в Вудборне, штат Орегон. В это время там требовались сезонные сельскохозяйственные рабочие. Вначале в США выехало всего несколько человек, а через некоторое время в Орегоне уже проживало несколько сотен старообрядцев, что демонстрирует высокую степень взаимной поддержки.

В первые годы в Орегоне старообрядцам приходилось трудно: денег и жилья не было, английского языка они не знали. Неожиданным наплывом дешевой рабочей силы воспользовались местные фермеры: старообрядцы целыми семьями, а они у них большие — по десять и более детей — трудились, не покладая рук, на полях по шестнадцать, а то и более часов. Многие мужчины шли на рубку леса. Некоторые работали на фабриках, соглашаясь на любую работу, лишь бы прокормить семью и расплатиться с долгами, связанными с переселением. Не всегда старообрядцев жаловали на американских предприятиях, что в первую очередь было связано с религиозными праздниками: хозяину не нравилось, что его рабочий устраивает себе незапланированные выходные. Выработанное годами умение адаптироваться к местным природно-экологическим, социально-экономическим, демографическим и культурным условиям позволило старообрядцам успешно обустроиться на новом месте. Со временем в США появились и крупные принадлежащие им фермы.

В Орегоне русские старообрядцы жили в окружении американцев, и подрастающее поколение стало активно контактировать с американской молодежью. По мнению старших, это могло повлечь в дальнейшем отход от веры. «В Орегоне нам стало трудно, — вспоминает Олимпиада Басаргина, — и для пользы детей мы стали думать о переезде на другое место. Мы послали людей на Аляску, чтобы они осмотрели местность»¹⁶. Весной 1967 г. на Аляску отправились первые ходоки-старообрядцы П. Мартюшев и Г. Гостевский. По возвращении их в Орегон собрали собор, на котором те поделились впечатлениями. Сначала переселиться на Аляску желающих не нашлось: никто не хотел бросать хорошую работу и налаженный быт и начинать жизнь сначала. Но потом все же мнение склонилось в пользу переселения. Старообрядцы еще несколько раз ездили на Аляску, пока не нашли место, которое по всем параметрам подходило для их поселка. 22 июня 1967 г. было приобретено 640 акров земли на Кенайском полуострове. Первыми туда поехали Мартюшев и его семья (родители, дочери, женатые сыновья). Также пригласили А. и С. Калугиных, которые недавно приехали из Южной Америки¹⁷.

В переезде на Аляску старообрядцам помог Толстовский фонд. Они смогли купить грузовик и гусеничный трактор. Семьи-переселенцы взяли в долг 20-тонный самосвал, погрузив на него трактор и прицепив грузовик. 13 мая 1968 г. они подехали к горам и остановились у будущего соседа Билла Ребика. Его жена показала, где можно поставить палатки и брать свежую воду. «На другой день мужики сделали крышу и под нее поставили дровяную печку, которую нам дали американцы. Она стала кухней для всех. Американцы привозили рыбы, креветок, которые старообрядцы не ели. Некоторые привозили одежду. Больше всех приезжали алеуты»¹⁸. Для алеутов желание помочь русским старообрядцам было естественным, так как они из поколения в поколение передавали рассказы о временах Русской Аляски, а некоторые хорошо знали русский язык, продолжали следовать русским обычаям, ходили в православные храмы Американской православной церкви. Именно алеуты научили старообрядцев рыбалке.

Одним из первых сооружений нового поселка стала баня: простая палатка с каменкой. Эту традицию старообрядцы постоянно поддерживали и в России, и в Китае, и в Южной Америке. До сих пор почти в каждом старообрядческом доме имеется своя баня.

Поселок назвали Николаевском в честь Святого Николая, одного из самых почитаемых у старообрядцев святых. Первая молельня была в трейлере П.Г. Мартюшева, который стал и первым настоятелем. После молитвы все собирались вместе и обсуждали планы. Избрали в поселке и волостной совет.

Постепенно благосостояние улучшалось. К первым переселенцам стали присоединяться и другие. Мужчины работали на консервной фабрике в Нинильчике. Через четыре года купили в Орегоне косилку. Старообрядцы не боялись ходить в лес, к которому привыкли еще в Китае: собирали грибы, варили варенье из дикоросов (голубики, морошки, брусники), охотились, даже женщины, на мелкую дичь.

«Все старообрядцы нашего поселения, — писал П.Г. Мартыненко, — носят исключительно национальные костюмы: вышитые рубашки, широкие цветные сарафаны. Также дети в школу ходят в своих костюмах. Благо, в Америке не наблюдается никакой формы. Учителя обоего пола приобрели наши костюмы и нередко приезжают на работу в них. Жизнь наша на Аляске стабилизируется с каждым годом. Развели молочный скот, кур, огороды, оранжереи. Главная доходная статья — рыбный промысел»¹⁹.

Старообрядцы занялись рыбалкой около 1970 г., нанимаясь первое время к американцам. Тогда же русские устроились на строительство катеров для рыбной ловли. Через некоторое время они уже стали строить их сами, открыв несколько верфей. Своим катерам они давали русские имена «Амур», «Моряк», «Лебедь», «Радуга», «Руслан», «Нива» и т.д. Американцы сразу обратили внимание не только на умелые руки старообрядцев, но и на их бесстрашие: русские выходили в море даже в штормовую погоду. Нередки были случаи гибели в море. При этом наблюдалась большая взаимовыручка. Сейчас старообрядцы-рыбаки в основном базируются в бухте Хомер.

В Николаевске в среде старообрядцев произошел первый крупный раскол. Если первые группы были почти все беспоповцы, то тут появилась инициативная группа, которая вновь обратилась к древним книгам и решила принять священство, то есть выбрать из своей среды священника. В начале января 1983 г. представители старообрядческой общины Николаевска отправились в Вашингтон с просьбой разрешить поездку в Румынию для рукоположения в Белокрыницкой митрополии. И вновь пришла помощь из Толстовского фонда: ее сотрудник князь Кирилл Владимирович Голицын помог оформить все документы на поездку. Так, в Николаевске появились храм Святого Николая и священник. Им стал К.С. Фефелов, выходец из Китая, бывший много лет наставником в этом селе.

Не все однозначно восприняли это решение. Отказались принять священство Басаргины, которые жили на хуторе Находка, примыкавшем к Николаевску, а также Ревтовы с хутора Ключевая. Они продолжали ходить в свой моленный дом. Семья Ревтовых основала поселение Качемак после раскола на берегу одноименного залива, прозванного за теплый климат Гавайями. Много старообрядцев-беспоповцев жили и в другом селе — Вознесенке.

Вера и семейный уклад — вот основа, на которой сегодня строится жизнь старообрядцев. В зарубежье, какие бы невзгоды ни выпадали на их долю, старообрядцы неукоснительно придерживались древней религии, русского языка и своих обычаев.

Особенно много для популяризации обычаев и культуры среди старообрядцев сделал заведующий школой Боб Мор, приехавший на Аляску из Теннесси в 1969 г. и до Николаевска работавший в Христианской школе в Хомере. Когда в сентябре 1970 г. он оказался в Николаевске, школа располагалась в простом трейлере. К 1974 г. жители Николаевска построили новую школу, которая участвовала в программе по выявлению истории старообрядцев. В связи с этим был получен федеральный грант на издание литературы на эту тему, и в школе организовали Николаевскую издательскую компанию (Nikolaevsk Publishing Company). Всего было опубликовано 23 истории. Издание прекратилось в 2007 году.

Историю жизни своей тетки С. Калугиной рассказала О. Басаргина, закончив ее такими словами: «Есть еще истории — столько, сколько есть людей, которые приехали сюда с надеждой, и с мечтой, и с желанием жить и воспитывать своих детей по своим убеждениям. Немногие из историй будут написаны и рассказаны теми же словами; но эти истории существуют, и будут существовать, пока будет жить один человек с воспоминаниями и другой с желанием слушать и учиться на прошлых событиях»²⁰.

Одной из самых больших проблем, с которой сталкиваются молодые старообрядцы, является поиск жениха или невесты. Здесь необходимо соблюсти все требования по возрасту, степени кровного и духовного родства. Например, браки по физическому и духовному родству категорически запрещены. В Китае, где имелось достаточное число русских, старообрядцы легко находили себе невест и женихов. В Америке подобрать пару стало труднее, поэтому родители вынуждены порой покупать своим подросткам билет на самолет, кто из Аляски в Вудборн, кто из Вудборна в Канаду, кто из Аргентины и Бразилии в Орегон или наоборот. Предлог всегда один: «пушай погостить сездит». Часто дети заведомо знают, что едут они «на смотрины», где в знакомых семьях у молодежи «ненароком» произойдет нужное знакомство.

Проблемой жениться или выйти замуж были озабочены и так называемые турчане. Они жили в Турции, где в районе Аксехира, основав деревню Казакуй, занимались сельским хозяйством и рыбной ловлей. Турчане — или некрасовцы, были потомками казаков-старообрядцев, которые во главе с атаманом И. Некрасовым покинули российские пределы после поражения крестьянского восстания 1707—1710 гг. под предводительством Кондратия Булавина. Некрасов увел тогда несколько тысяч семей на Кубань, бывшую в те годы в турецком владении. Следом за казаками потянулись и русские крестьяне. Большая группа некрасовцев (999 чел.) репатриировалась в СССР в 1962 году. Пока они плыли из Турции в Новороссийск на теплоходе «Грузия», родился тысячный некрасовец. Поселили их в Ставропольском крае.

Небольшая же группа старообрядцев-некрасовцев (244 чел.), не захотевших ехать в Советскую Россию, перебралась вскоре с помощью Толстовского фонда в США. Вначале они поселились в Нью-Джерси, неподалеку от Нью-Йорка, где некоторые прижились и живут поныне. Часть же, узнав о том, что в Орегоне есть старообрядцы, решили переехать к ним на западное побережье Америки. Одежда и говор турчан немного отличаются от харбинцев и синзянцев. Другое отличие в том, что они были вынуждены в Турции изменить свои фамилии на турецкий вариант. Так, например, Стекловы, сделав вольный перевод своей фамилии на турецкий язык, стали Кемами.

Браки американских старообрядцев с российскими почти не заключаются: дорого ездить и существуют трудности с получением американских виз. Еще реже встречаются союзы старообрядцев с американцами. Они означают, что сын или дочь ушли в мир, порвав с семьей и заветами предков. Исключение составляют случаи, когда американец или американка переходит в старообрядческую веру.

Сейчас имеется семь старообрядческих общин на Аляске, две в Канаде и по одной в Орегоне, Монтане, Нью-Джерси и Пенсильвании. Несмотря на отдаленность, они поддерживают тесное общение с родственниками-старообрядцами из России, Южной Америки и Австралии. Точных данных о количестве проживающих в Орегоне нет. Наиболее реальной выглядит цифра от 5 до 7 тыс. человек. А во всей Северной Америке, включая США, Канаду и Аляску, насчитывается около 10 тыс. старообрядцев. Если на Аляске имеются поселения, где живут в основном одни старообрядцы, то в орегонском Вудборне старообрядцы живут преимущественно на фермах, которые нахо-

дятся на значительном удалении друг от друга. Исключение составляет так называемый Турчанский поселок с единственной улицей Вифлеем, которая тянется почти на километр, а по обе ее стороны расположены около 30 домов. Противоречия в старообрядческой общине проявились и здесь: между двумя беспоповскими моленными часовнями — Покрова Пресвятой Богородицы и Успения Пресвятой Богородицы находится поповская церковь Вознесения Господня.

Совсем рядом стоит самой большой в Вудборне моленный дом Святого Николы. Он расположен на улице Frolov, названной в честь Ивана Михайловича Фролова (1940 г. рождения, приехавшего из Китая), который был строителем современного моленного дома. Прежний за ветхостью снесли, а на пожертвованной А.А. Семеряковым в 1975 г. земле возвели современное здание. Строили сообща, обложив всех налогом в тысячу долларов. Потом еще неоднократно собирали пожертвования. Тогда здесь проживало 75 семей, сейчас их уже вдвое больше.

На моления мужчинам положено приходиться в черных кафтанах, а женщинам в нарядных платьях и косынках. В руках — небольшие плоские подушечки, которые используют при земных поклонах. Крестятся очень быстро, глядя трижды в разные стороны, чем просят прощения у Бога. Лица у всех русские, что является следствием требования жениться и выходить замуж только «за своих» и запрета брать в супруги родственников «до седьмого колена».

У старообрядцев имеются и свои кладбища, которые отличаются от других православных погостов. Почти всегда металлические кресты выполнены по одному рисунку. На большинстве могил надписи сделаны небрежно: просто выцарапаны на основании креста. Разумеется, время быстро их уничтожает. В результате уже сейчас невозможно определить, кто лежит в пятой части могил. Правда, у старообрядцев-поповцев в Николаевске надписи более четкие.

Старообрядцы используют прозвища. Так, выходцев из Турции называют индейками, используя перевод слова turkey, харбинцев — обезьянами (monkey) за их инициативу и напористость, синьцзянцев — рыбами (fish) за неторопливость.

Как и в дореволюционной России, старообрядцы предпочитают работать своими руками на фермах. Весьма популярны сезонные работы: рыбалка и строительство. С точки зрения хозяйствования, старообрядцы внимательно следят за техническими новшествами. Их можно смело назвать русскими кулаками на американской земле.

Старшее поколение старообрядцев отлично говорит по-русски, хотя и использует устаревшие слова и просторечье. Среднее и младшее поколения говорят по-русски не так легко, как родители, по-английски им общаться проще. Несмотря на отсутствие образования, старообрядческие дети отлично говорят на многих языках. Старшее поколение великолепно знает китайский или японский языки. Турчане — турецкий. Среднее — испанский или португальский. Дети в общении часто переходят с одного языка на другой.

Проблема сохранения русского языка для старообрядцев является весьма важной. Все дети ходят в американскую школу и не хотят говорить по-русски. Разговорный русский сохраняется в семье. Правда писать и читать на русском языке они умеют плохо. По этому поводу старшее поколение высказывает опасение, что утеря русского языка неизбежно приведет к ослаблению, а впоследствии и гибели старообрядчества в Америке.

Русские старообрядцы постарались еще из России привезти свои иконы и религиозные книги. Неоднократные пожары, к сожалению, уничтожили некоторые уникальные предметы культа. Старообрядцы нашли возможность восполнить потери. Среди них есть иконописцы, иногда они выписывают иконы из России. Нет проблем и с печатанием религиозной литературы в США. Пра-

вославные календари получают из издательства Русской православной зарубежной церкви. Старообрядцы не испытывают ностальгии по Родине, как некоторые эмигранты. При этом они не теряют интереса к своим семейным корням: стремятся найти родственников и даже ездят к ним в гости.

Русские старообрядцы предпочитают не сталкиваться с американцами. В частности, почти невозможна совместная трапеза. Старообрядцы не едят пищу, приготовленную иноверцами, и не хотят приглашать к себе американцев, для которых нужно ставить особую посуду — для «поганых», то есть мирских.

Семья оказывает огромную роль в приобщении молодежи к образу жизни своих общин, степени почитания родителей, кровного родства и родства по свойству, в создании иерархической структуры семейных обязанностей и обязательств по принципу: 1) семья, 2) родня, 3) члены одной и той же конфессиональной группы и 4) члены этнокультурной группы. На ней же лежит и сохранность традиционных календарных и семейных (родильно-крестильных, свадебных, похоронно-поминальных) обрядов.

Степень сохранности традиционной бытовой русской культуры различна у представителей разных возрастных групп, а также у мужчин, женщин и детей. У старших по возрасту мышление более ортодоксальное, младшие более терпимо относятся ко всему тому, что выходит за рамки старообрядческих традиций.

В хозяйственной деятельности совершенно ничего не осталось от прошлого. В материальной культуре обязательно ношение традиционной одежды, но не обуви. Хотя американские технологии сказались и тут: теперь не встретить ручной вышивки, используется только машинная.

При строительстве жилья нет конструктивных особенностей русского жилища. Обычно берется типовый проект, хотя и с некоторыми изменениями. В частности, бывают самодельные печи из кирпича. В интерьере всегда предусматривается наличие «красного угла» и иконостаса. На стенах в домах старообрядцев много фотопортретов: групповых семейных, а также свадебных. Все в нарядных платьях, в расшитых рубахах на фоне красивой природы. Этот обычай перенесен из России в Китай, а оттуда в США. Фотографии сделаны профессиональными фотографами.

В основном живя на фермах, старообрядцы заготавливают впрок в большом количестве пищевые продукты и рыбу. Для этого используют несколько больших морозильных камер. На Аляске рыбу еще и коптят. Повсеместно варят варенье и готовят брагу.

Тяжелая работа сопровождается праздниками, когда в домах готовят обильную еду. Весьма популярны пельмени. В праздники много пьют 18-20-градусной домашней браги, приготовленной на ягодах, но не самогон или другие крепкие напитки. Сейчас пьют пиво. Потребление алкоголя начинается весьма рано.

Старообрядцы не участвуют в американской общественной или политической жизни, но внимательно за ней следят, особенно во время выборов.

Обычно старообрядцы не заканчивают даже среднюю школу, хотя по американским законам среднее образование — дело обязательное. Крайне редки случаи обучения в колледже. При этом американские власти идут навстречу старообрядцам и открывают в районах их проживания соответствующие русские школы. Американские учителя получают строгие инструкции уважительно относиться к старообрядческим детям. Раньше, как говорят очевидцы, в школу старообрядческих детей затааскивали чуть ли не силком, а с родителей брали расписку. Повышение образовательного уровня воспринимается многими отрицательно, так как приводит к тенденции распада тради-

ционного семейного старообрядческого хозяйства: уезжая в другие города, дети теряют связь с домом, общиной, церковью, родным языком.

Молодые старообрядцы основали свою общественную организацию Russian Old Believer Enhancement Services (ROBES), Общество взаимопомощи Русских старообрядцев. Их лозунг — «What we can't do alone, we can do together». Инициаторы общества ведут работу по сохранению культуры русских старообрядцев.

Конечно, в старообрядческих общинах существует немало проблем. Некоторая раздвоенность жизни в иной культурной и языковой среде оказывает негативное влияние на часть старообрядцев. Они не могут найти ответы на многие вопросы в моленных домах Америки. Десятки семей отправляются в Енисейские скиты. Строгая жизнь в затворничестве с соблюдением законов дает им возможность по-иному посмотреть на свою жизнь. В настоящее время в американском старообрядчестве наметился очередной раскол, связанный с иконами. Некоторые считают неправильным изображение на них перстов.

Старообрядцы в своей массе не отличаются большой грамотностью, целиком концентрируясь вокруг религии предков. Они как бы отгородились от окружающего мира и не допускают к себе чужаков. И это несмотря на то, что в Америке существует некоторая настороженность в отношении тех, кто не похож на других и кто не хочет разделять так называемые американские ценности.

Старообрядцы, расселившиеся в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе в Орегоне и на Аляске, вынуждены были покинуть родные места более 75 лет назад. Среди них уже не осталось почти никого, кто родился в России. Прожив все эти годы в иноэтнической и инокультурной среде, они тем не менее сумели сохранить свою историческую память, родной язык и многие важные черты традиционной материальной и духовной культуры русского народа. В то же время они стали частью культурного сообщества американской нации, восприняв определенные черты культурного наследия принимающей стороны, которая рассматривает аляскинских и орегонских старообрядцев в определенной степени как часть американской нации. Таким образом, на землях северо-западных американских штатов к началу XXI в. сформировалась специфическая этническая общность, объединяющая черты традиционной русской и англоязычной культуры.

Вместе со старообрядцами из России были вынуждены покинуть Дальний Восток около одного миллиона россиян, которые распространились по многим странам Азиатско-Тихоокеанского региона, включая США. На сегодня эта волна эмиграции почти стерта и растворилась, не оставив последователей: ассимиляция заставляет быстро забывать свои корни. Изучение этого процесса помогает выявить многие факторы формирования в современном мировом сообществе полиэтнических культур, которые, возможно, в определенной степени являются прообразами культур будущего человечества.

Примечания

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта Президиума РАН, код проекта 09-1-П25-01, а также Японского гранта — Grant in — Aid for Scientific research (21251013)(A). Cultural Adaptation to the Natural and Social Environment in the Forest Areas in the Russian Far East (Roshia kyokuto shinrin chitai ni okeru bunka no kankyo tekio).

1. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК), ф. 831, оп. 2, д. 29, л. 36—38.
2. ТЮНИН М. Духовно-правственные издания г. Харбина. — Хлеб Небесный. Харбин, 1940, № 11, с. 38.

3. КУДРИН И.Г. Жизнеописание священника и отца семейства. Барнаул. 2006.
4. ШАДРИН И. Отчего произошел раскол в православной церкви в XVII столетии. — Хлеб Небесный. 1941, № 9—10, с. 46—50; № 12, с. 4—11.
5. Старообрядецъ. 2005, № 34.
6. Рубеж. Харбин, 1936, № 14 (28 марта), с. 17; ЗУЕВ С., КОСИЦЫН Г. Охота в Северной Маньчжурии. — Политехник. Австралия. 1979, № 10, с. 250—257.
7. ГОМБОЕВ Н.Н. Маньчжурия глазами охотника. Б.м., Б.г., с. 22—29.
8. Рубеж. Харбин, 1936, № 14 (28 марта), с. 17; № 17 (18 апр.), с. 19.
9. Там же, 1937, № 4 (23 янв.), с. 17.
10. Там же, 1936, № 29 (11 июля), с. 18.
11. Там же, 1936, № 29 (11 июля), с. 19.
12. БАЙКОВ Н.А. Промысловые звери и проблема звероводства в Маньчжурии: — Вестник Маньчжурии. 1934, № 6, с. 94.
13. ГОМБОЕВ Н.Н. Ук. соч., с. 5—10.
14. Хунхузы: По рассказу Анны Басаргиной (6 ноября 1979, Николаевск) Guerrillas: Old Believers life in China. Николаевск. 1980, с. 14.
15. Архив Музея Русской культуры в Сан-Франциско. Коллекция А.С. Лукашкина, папка: старообрядцы.
16. BASARGIN O. A story of Николаевск (Nikolacvsk): As told to O. Basargin by S. Kalugin. Alaska. 1984, p. 1.
17. МАРТЮШЕВ П. Николаевск-на-Аляске. — Родные дали. 1978, № 292 (июль), с. 28—30.
18. BASARGIN O. Op. cit., p. 3.
19. МАРТЫНЕНКО П.Г. Николаевск на Аляске. — Русская жизнь. 15.IV.1978.
20. BASARGIN O. Op. cit., 1984, p. 26.

Миграционная политика и становление немецких колоний на Кавказе в начале XIX в.

Т.Н. Чернова-Дёке

Становление иностранных, в частности немецких, колоний в Российской империи в XIX в. проходило на основе государственной миграционной политики, в духе и отчасти в отличие политики Екатерины II. Законодательной базой тому служили указы Александра I о поселении немецких колонистов в Крыму и в Новороссии от 24 июля и 17 октября 1803 г., манифест от 20 февраля 1804 г. и утвержденные императором правила принятия и водворения иностранных колонистов¹. По понятным причинам Кавказ никогда не был целью в планах немецкой колонизации. Локальные восстания, Кавказская война (1817—1864) и войны с Персией и Турцией, дефицит казенных земель, удаленность региона делали его уязвимым и малодоступным в сравнении с Новороссией. С укреплением позиций империи в Закавказье (воссоединение с Россией в 1801 г. Восточной Грузии и дальнейшая аннексия южнокавказских территорий) в начале столетия здесь и на Северном Кавказе появились первые немецкие колонии.

Кавказ был уникальным уголком империи, население которого представляло собой своеобразный «этнографический калейдоскоп». Сущность регионального своеобразия проясняется в контексте истории государства. В рамках административно-территориального деления Северный Кавказ являлся неотъемлемой частью Кавказского края. Неразрывная связь и целостность географии и истории Кавказа, единое военное и гражданское управление и одновременно — несхожесть ситуации и глубокие различия в формировании социума, специфика переселенческой и колонизационной политики правительства, а также экономического развития Северного и Южного Кавказа позволяют выделить особенности возникновения здесь немецких диаспор. Образование трех суверенных государств в Закавказье и вхождение северокавказского региона в Российскую Федерацию актуализируют данный вопрос в свете сегодняшнего дня. Не случайно в современной историографии возник термин «новая имперская история постсоветского пространства»². Изучение исторического опыта социальной адаптации, различных сфер жизнедеятельности пришлой этнической группы (здесь — «кавказские» немцы и меннониты) в чуждой окружающей среде представляется востребованным вре-

Чернова-Дёке Тамара Николаевна — доктор исторических наук. Москва—Берлин.

менем и позволяет понять природу толерантности взаимоотношений с местным населением.

Различные аспекты истории и культуры этнических немцев на Кавказе нашли отражение в дореволюционной, а также современной отечественной и зарубежной историографии. Сделан первый шаг к комплексному рассмотрению проблемы, хотя преобладает определенная фрагментарность в ее освещении, отчасти вне контекста региональной истории. Актуально концептуальное переосмысление темы. Так, по вопросу о возникновении немецких и меннонитских колоний (и хуторов) вызывает сомнение периодизация «немецкой колонизации» Северного Кавказа (три этапа с 1778 по 1920 г.). Представляется спорным включение в регион Северного Кавказа имперского периода территории Области Войска Донского (название введено в 1870 г.), которая никогда не входила в Кавказское наместничество, в Кавказский край. Да и специфика более позднего, с конца 60-х по 70-е годы XIX в., появления здесь немцев в статусе поселен-собственников объективно выделяет эту тему в отдельный объект исследования³. Трудно не согласиться с выводом, что «разбирать историю дореволюционного Северного Кавказа в современных административных границах региона столь же нелепо, как говорить об «истории СССР времен феодализма»!»⁴. Другой аспект — отсутствие в историко-краеведческой и учебной литературе даже упоминания о немцах как составной многонационального населения Северного Кавказа⁵, что говорит о живучести стереотипов советской эпохи и полном небрежении отдельных авторов к истории проживавшего здесь этноса, его трагической судьбе (депортации осенью 1941 г.). В новейшей российской историографии проблемы появились первые работы о роли генерала А.П. Ермолова в возникновении немецких поселений на Южном Кавказе, нашли освещение их развитие за столетие (1817—1917 гг.) и соответствующая позиция правительства⁶.

Территория Северного Кавказа постепенно «прирастала» к империи в результате войн с Турцией (Османской империей, Портой) и Ираном (Персией). Соблюдая принцип историзма, следует учитывать изменения геополитической ситуации на Кавказе, «текучесть» военно-административной географии и «подвижность» границ края: для закрепления границы на реке Терек были построены крепости Кизляр и Моздок, создана Моздокская оборонительная линия, возникали казачьи станицы; по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г. Россия получила Керчь и земли до рек Ея и Кубань; была присоединена Северная Осетия и возвращена Кабарда.) Но проникновение империи на Кавказ нельзя изображать только в виде продвижения границ «по горам и долам», происходили изменения в самом укладе духовной и экономической жизни общества. Весной 1777 г. новороссийский, азовский и астраханский генерал-губернатор князь Г.А. Потемкин представил Екатерине II докладную записку, план колонизации и свое видение экономического освоения Предкавказья. Для прочного закрепления новой южной границы предлагалось создать Азово-Моздокскую оборонительную линию, правый фланг которой переносился на реку Кубань, левый — до крепости Моздок. К 1780 г. здесь строится 10 укрепленных крепостей. Императрица повелела пространство на 500 верстах заселить Волжским (Волжским) казачьим войском. Было решено также переселить на линию хоперских казаков с Дона и перевести часть регулярных войск. Тем самым было положено начало активному заселению и освоению данного фронта (от англ. «frontier» — пограничья империи).

С целью скорее включить регион в единую административную систему, указом от 5 мая 1785 г., Екатериной II было учреждено Кавказское намест-

ничество в составе двух областей. В указе от 9 мая 1785 г. «О устройстве Кавказской губернии и области Астраханской» во главе наместничества был назначен П.С. Потемкин (двоюродный брат князя Г.А. Потемкина-Таврического), а область Кавказская была названа губернией, несмотря на малочисленность населения ⁷. Так на Северном Кавказе впервые возникло наместничество (резиденция переносится из Астрахани в Екатериноград, а в 1787 г. — в Георгиевск.)

Таковы предпосылки начавшегося массового переселения в данный регион казаков и крестьян, русских и малороссов: для хозяйственного освоения огромной территории и защиты границ в условиях «хищнических набегов» горцев на станицы и кордоны Кавказской линии, частых столкновений и проявлений их непокорности. И поскольку казаки постоянно были в боевой готовности, стояла задача заселить «обширную степь по линии Моздокской», раздавать земли «без различия рода и звания» помещикам, чиновникам, военным (рескрипт Екатерины II от 22.12.1782) и организовать переселение крестьян из центральных губерний. При этом правительство изначально стремилось придать процессу колонизации организованный характер, определяя условия и льготы для поселенцев и полномочия наместника ⁸.

Появление в степном Предкавказье немцев-колонистов (с Поволжья) относится к концу XVIII века. План переселения «колонистов с луговой стороны Волги на линию, заводимую между Моздоком и Азовым», был изложен генерал-прокурором Синода А.А. Вяземским (по согласованию с Г.А. Потемкиным) в высочайше утвержденном докладе от 27 октября 1778 г. и одобрен императрицей резолюцией: «Быть по сему». Документ можно считать первым правовым актом о поселении немцев на Кавказе ⁹. Но ни высочайшего указа по этому поводу, ни соответствующей программы и сметы расходов, ни распоряжений Сената так и не последовало. Скорее план следовало бы охарактеризовать как пролог, как декларацию о намерениях, так как правительство было всецело поглощено решением главной задачи — укреплением границы путем «приласкания» и умирения местных горских народов и интенсивным переселением казаков и крестьян. В действительности от одобрения Екатериной II доклада и идеи Вяземского до реального создания немецких колоний на Северном Кавказе был весьма долгий путь.

В указе мая 1785 г. Екатерина II, заинтересованная в скорейшем развитии нового края, повелевала: (пункт 4) «Желающим из иностранных поселившихся в Саратовском наместничестве, для удобнейшего отправления торгов и ремесел их, поселиться в городах Кавказской губернии, дать в том дозволение на основании Городового Положения» (принятого 21 апреля 1785 г. — Т.Ч.) ¹⁰. Вслед за этим 14 июля 1785 г. последовал манифест «О дозволении иностранцам селиться по городам и селениям Кавказской губернии и отправлять беспрепятственно торги, промыслы и ремесла свои». Екатерина II заверяла, что край «представляет надежное убежище и пользу для всех иностранных, кои по городам и селениям сея губернии пожелают основать свое жительство», им гарантировалась свобода вероисповедания и освобождение на 6 лет от всякой государственной подати ¹¹. Этот правовой акт четко определял положение «иностранных», давая зеленый свет для деятельности на льготной основе в сфере торговли, ремесел и промыслов, что было важно для развития городов и селений, но по сути своей не совсем адекватно иностранной колонизации (даже, если считать освоение земель промыслом). Скорее манифест стал лишь отправным пунктом для дальнейшей реализации плана переселения сюда немцев.

Причины и предпосылки миграций в Кавказскую губернию поволжских немцев и российских подданных, многообразны и были органично связаны с

решением назревших внутренних проблем саратовских колоний. Первая попытка переселения оказалась безуспешной. Историки упоминают факт проживания уже в 1789 г. при Можарах 347 немцев из Саратовской губернии. По предписанию Саратовской казенной палате кавказского наместника П.С. Потемкина, в 1875 г. был дан «позыв» колонистам «перейти в новые заводимые города Кавказской губернии в купечество, в мешанство, цеховые» при условии, чтобы их долг казне был выписан и сообщен в эту губернию. Откликнувшиеся 74 семьи ремесленников и хлебопашцев из разных поволжских колоний были отправлены для поселения в урочище Можары Моздокского уезда (в Кавказскую казенную палату были даны сведения о числе душ, их возрасте и состоящем на них казенном долге 32 692 руб.).

Но при официальном осмотре казенных поселений на Кавказской линии в июне 1791 г. никого из саратовских колонистов в них не оказалось: одни вернулись на прежнее жительство или «ушли в посторонние губернии»; другие пребывали по городам Кавказской губернии «на промыслах по даваемым билетам», поскольку «по неудобности расположения» назначенного места они не смогли «обзавестись домоводством». В заботе «о сыску разбежавшихся» Кавказская казенная палата и Правление наместничества представили этот вопрос для решения в Сенат. Указом от 1 июля 1794 г. «О воспрещении находящимся в Кавказском наместничестве колонистам, без ведома начальства и без письменного вида, отлучаться от своих жилищ в другие места или губернии» Сенат наказал им не покидать самовольно места поселения, под опасением «строгого за то взыскания»¹². Итак, вряд ли следует эту неудачную попытку переселения колонистов с Волги интерпретировать как первый этап «немецкой колонизации Северного Кавказа» (и датировать начало его 1778 годом, что имеет место в научной литературе).

Павел I с приходом к власти упразднил в 1796 г. наместничества как административную единицу. Территория Кавказского наместничества стала Астраханской губернией, из которой осенью 1802 г. вновь была выделена Кавказская губерния (центр г. Георгиевск). Одновременно расширились закавказские владения империи, с вхождением в ее состав на добровольных началах грузинского царства Картли-Кахетия (Восточная Грузия) и дальнейшим присоединением ряда территорий Южного Кавказа. Западная часть их официально именовалась Грузией (центр административного управления г. Тифлис)¹³. Власть главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом и главноуправляющего в Грузии простиралась на Северный Кавказ и Астраханскую область. На основе реформы главноуправляющего в Грузии Ермолова (1816—1827) Кавказская губерния была преобразована в 1822 г. в область (центр г. Ставрополь). Согласно Высочайше утвержденного 6 февраля 1827 г. «Учреждения для управления Кавказской областью» (к которой с 1820 г. причислялись и земли Войска Черноморского), она «состоит под одним Главным управлением Грузии», вверенном главноуправляющему в Грузии (Часть 1, §§ 4 и 8)¹⁴. Он же был высшей местной инстанцией по решению всех вопросов, касающихся внутренних инородцев и иноземцев. Лишь кратковременно, в 1840—1844 гг. неудачной территориально-административной реформой (создания на территории Южного Кавказа Грузино-Имеретинской губернии и Каспийской области), Северный Кавказ выпадал из этой орбиты. С образованием Кавказского наместничества (административный центр г. Тифлис) наместнику был подчинен весь Кавказ. В высочайшем рескрипте от 30 января 1845 г. первому наместнику Кавказскому графу М.С. Воронцову было сказано: «К общему составу гражданского на Кавказе управления присоединить и область Кавказскую» (об этом см. также: «Правила об отношениях Наместника Кавказского», утвержденные 6 января 1846 г.)¹⁵. Итак,

Северный Кавказ оказался под главным надзором наместника, в руках которого сосредоточивалась вся гражданская власть, в частности, решения относительно поселения в крае немецких колонистов.

В этих условиях проходил более результативный, хотя и не сравнимый с казацко-крестьянской колонизацией этап поселения немцев на Северном Кавказе. Миграции их бледнели на общем фоне масштабных переселений из внутренних районов страны. В первой половине XIX в. практически не было иммиграции немцев в Предкавказье из германских земель. Во-первых, изменился сам характер иммиграционной политики. Усилиями правительства массовый приток зарубежных колонистов канализировался в другом направлении, в степи Новороссии, согласно указам Александра I и «новым правилам» 1804 г. о приеме и водворении иностранных колонистов. Далее, указом от 5 августа 1819 г. переселение иностранных земледельцев в Россию было остановлено (в октябре русским зарубежным миссиям было запрещено вылавливать паспорта переселенцам)¹⁶. Во-вторых, сдерживающим фактором оказалась нестабильное положение в регионе, столкновения с горцами, вылившиеся в долготлетнюю Кавказскую войну. Так, от набегов горцев не раз серьезно страдала Шотландская колония — первая иностранная колония в районе гор Бештау (основанная в 1802 г. миссионерами Эдинбургского общества), известная как Шотландка, позже — Каррас (сегодня поселок Иноземцево). «Высочайшей Грамотой» от 25 декабря 1806 г. Александр I даровал колонистам землю и особые права, «выгоды и преимущества»: как внутреннее самоуправление, свободу вероисповедания, освобождение от повинностей и податей на 30 лет, от воинской службы — навечно. По Грамоте, колония могла пополняться и другими колонистами, что открывало путь для переселения саратовских немцев¹⁷.

Первые очаги немецких поселений появились в Георгиевском уезде (Кавминводы) и у города Святого Креста, Моздокского уезда (основан в 1799 г., современный город Буденновск). Ввиду внутреннего конфликта с миссионерами часть немецких семей переселилась из Шотландской колонии в пригород Святого Креста (13 семей самовольно и 88 человек по Положению Комитета министров от 29.09.1817), получив по 60 десятин земли на семью. Но они не смогли прижиться там окончательно (якобы, обустроились позже у Лысой горы). Вблизи Шотландской колонии, в 5 верстах от горы Машук, уже в 1819 г. (на землях в 3143 десятины) возникла колония Николаевская (или Новониколаевская). Рядом, получив казенную землю, саратовские немцы-переселенцы основали колонию Константиновскую, у одноименной крепости. Тем самым было положено начало немецкой колонизации. Но окончательное причисление и водворение колонистов длилось свыше десятилетия.

По ведомости о числе государственных крестьян в Кавказской области на 1 января 1839 г. проходило колонистов 237 душ мужского пола и 120 женского пола; по данным областной Палаты Государственных имуществ в 1839 г. в Пятигорском округе насчитывалось жителей трех колоний 348 мужского пола и 268 женского пола. Согласно архивным данным, приведенным историком С.А. Чекменевым, по трем колониям Пятигорского округа числилось 129 дворов, население 616 человек, надел земли — до 9 тыс. десятин¹⁸. Речь идет о Шотландской, Константиновской и Николаевской колониях. При всех расхождениях статистических данных явно одно, что это было «каплей в море» в общем потоке переселенцев (сравним 112 413 человек в 47 казенных селениях в 1840 г.: из них 81 543 — в Ставропольском округе, 29 860 — в Пятигорском и 1010 — в Кизляро-Моздокском)¹⁹.

В 1844 г. недалеко от поселения Прохладное, в Кизляро-Моздокском уезде, выходцы из колонии Каны (волжской), основали на казенных землях

колонию Кана (Каново). Министерство государственных имуществ (МГИ), исходя из положения о возможно компактном поселении колонистов, выбрало для нее к юго-востоку от Кавминвод участок — свыше 10 тыс. десятин плодородной земли, из расчета 60 десятин на семью. Далее, несмотря на сдерживание самовольных переселений из Поволжья, колонисты из Камышинского уезда Саратовской губернии сумели основать близ военного укрепления Нальчик, Пятигорского уезда, колонию Александровскую (Александрсдорф). В феврале 1852 г. представители поволжских колонистов обратились с прошением и получили разрешение на поселение в Большой Кабарде, от 30 до 60 семей. В 1854 г. здесь поселились 34 семьи, многие без письменных увольнительных. Решение принял командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории. Межведомственная переписка о наделе землей и определении круга повинностей поселенцев затянулась до 1858 г., когда, наконец-то, они были водворены, приписаны к сословию колонистов Пятигорского уезда и официально получили 1500 десятин казенной земли, по 35 десятин на семью²⁰. Еще две немецкие колонии возникли в Ейском уезде на участках, отмежеванных в 1852 г. от казачьих земель. На берегу Азовского моря возникла колония Михельсталь и на правом берегу Ейского лимана — Александрсфельд (позже они были переименованы в Воронцовку и Александровку)²¹.

Переселения на Северный Кавказ причерноморских немцев-колонистов начались тоже самовольно в 1840-е годы. К тому времени проявился интерес переселенцев к землям Ставропольского уезда. Так, в 1843 г. на имя министра П.Д. Кисилева (МГИ, в ведении которого были колонии) поступило прошение о причислении 20 семей из Екатеринославской губернии и 9 семейств прусских. Поскольку они не видели пользы поселения в окрестностях Пятигорска (где 3 колонии «с избытком снабжали курорты»), то просились под Ставрополь: на один из свободных участков — в 2000 десятин близ сел. Тугулука, в 45 верстах от города, или — в 1409 десятин ближе к Ставрополю. История основания их колонии Иоганнесдорф (Иогансдорф), западнее Ставрополя, служит классическим примером бюрократической волокиты и раскрывает все сложности становления инициированных поселений и своеобразие «немецкой колонизации» в этом регионе. Организационное оформление водворения тянулось годами с момента прихода колонистов. В Первый департамент МГИ требовалось от Кавказской палаты государственных имуществ представить сведения о просителях и о наличии земли (выгодным считалось поселение вблизи имеющихся колоний либо создание округа из новых). На мнение палаты требовалось согласие начальника Кавказской области. Чиновничья волокита усугублялась тем, что сведения о колонистах из Екатеринославской губернии следовало запросить в Попечительном Комитете об иностранных поселенцах Южного края России (г. Одесса). Сверх того требовались разрешения от наместника Кавказского (г. Тифлис) и министра государственных имуществ (г. Санкт-Петербург). Так что переписка по всем инстанциям о причислении в Кавказской области семей для основания колонии Иоганнесдорф длилась по 1847 год. Наконец, по приказу Кавказского наместника графа Воронцова, этих колонистов принял под особое покровительство губернатор М.М. Ольшевский (2 мая Кавказская область была преобразована в Ставропольскую губернию.)

Интересно, что по просмотру ревизских сказок (переписей), по списку выехавших 29 семей Попечительный Комитет одних не находил, у других были искажены фамилии, а некоторые уже не жили под Ставрополем. Обустройство колонистов затянулось: получить нужное для обследования хозяйством пособие можно было лишь по окончательному причислению. Оказав-

шись в весьма затруднительном положении, весной 1847 г. они обратились в Ставропольскую Палату государственных имуществ с письменной просьбой выдать им займообразно пособие по 28 руб. 57,5 коп. серебром. Вновь потребовалось ходатайство губернатора наместнику Кавказскому в Тифлис. Лишь 29 октября 1847 г. Палата государственных имуществ рапортовала о выдаче 22-м прибывшим в Ставрополь семьям колонии Иоганнесдорф полагающихся пособий для устройства своих домов²². Этот пример свидетельствует о том, насколько трудным делом было основать здесь немецкие колонии.

Итак, для девяти созданных на казенных землях в дореформенный период колоний, включая Каррас, было отведено максимум 25—30 тыс. десятин земли, по 30—60 дес. на семью. В 1858 г. в регионе находилось 2700 немцев, что составляло 0,1% населения Северного Кавказа. По сведениям Я. Дитца, с 1838 по 1871 г. с Волги сюда переселились 1303 поволжских немца, что соответствовало данным Саратовской конторы иностранных, управляющей колониями²³. Ввиду отсутствия четкого учета сложно полностью доверять статистике, но она отражает тенденцию — доля немцев в сельском населении региона была весьма незначительной. Соответственно и практические результаты «немецкой колонизации» на данном, первом этапе оказались здесь более чем скромными (сравним получение и освоение немцами-колонистами только в Бессарабии 554 тыс. дес. земли). Можно согласиться с мнением, что в первой половине XIX в. немногочисленные «иностранцы-колонисты не сыграли заметной роли», «из-за национальной и хозяйственной замкнутости не оставили заметного следа в экономическом и культурном развитии края»²⁴.

Фактически одновременно с образованием первых северокавказских немецких колоний возникли колонии швабов в Закавказье. Но переселение их проходило в духе екатерининской политики как одновременный акт, с разрешения Александра I. Приход сюда из Вюртембергского королевства крестьян и ремесленников, бывших в конфликте с властями и Лютеранской кирхой, гонимых нуждой и религиозным фанатизмом, состоялся де факто по их настоянию. Первая колония Мариенфельд (31 семейство, виноделы из Швайкхайма) была успешно основана восточнее Тифлиса осенью 1817 года. На этот же год пришелся пик эмиграции из германских земель на юг России: только с 1 января по 1 июля — 53,6% всех покинувших королевство. Перезимовав под Одессой, около 2000 переселенцев (500 семей с детьми), 10 колонн с обозами, вышли летом 1818 г. в трудный путь. Через Херсон, Георгиевск и Моздок, через Главный Кавказский хребет они добрались поздней осенью в Тифлис. На окраине города возникла колония ремесленников — Ней-Тифлис; вокруг города, на казенных землях, были созданы колонии Александерсдорф, Петерсдорф, Екатериненфельд и Елизаветталь. Еще две, Еленендорф и Анненфельд, были заложены вблизи г. Елизаветполь (бывшая Гянджа, Северный Азербайджан). Все получили надел по 35 дес. на семью, гарантии свободы вероисповедания и освобождение от воинской повинности.

Закавказские немцы-колонисты оказались изначально в прямом смысле слова за Кавказским хребтом, изолированы, без прямых контактов даже с первыми колониями этнических немцев, расселившихся на Северном Кавказе. И все же становление немецких колоний «за Кавказом» не избежало влияния внутренних миграций колонистов. В 1840-е годы сюда потянулись колонисты из Таврической губернии. Прибывшие 35 семей получили в 7 верстах от Шемахи, Каспийской области, участок казенной земли в 1790 десятин и ссуду в 1000 руб. серебром. Правда, их попытка создать колонию Александринфельд оказалась безуспешной²⁵. Известен также факт ухода «за Кавказ» в поисках лучшей доли 10 семей из колонии Иоганнесдорф,

расположенной под Ставрополем. Нехватка земли подтолкнула их переселиться летом 1850 г. в Тифлисскую губернию.

Возможно, в Иоганнесдорф дошли слухи о процветающих колониях швабов. Так, в газете «Кавказ» появилось первое описание жизни этих колонистов и дана им лестная характеристика: «они вообще все грамотны, предприимчивы, трудолюбивы, легко принимают всякие полезные нововведения и польза ими уже приносимая краю — весьма ощутительна»²⁶. Перечисление в Закавказье немецких колонистов могло быть только при условии, если к их окончательному увольнению из родной колонии не встретилось бы никаких препятствий (не допускались лица без согласия общества на увольнение, не исполнившие обязанности, имевшие долги и т.п.). Самовольно отлучившихся, не снабженных специальным паспортом, следовало высылать на прежнее место жительства. Попытка безземельных семей с детьми (до 50 душ) из колонии Иоганнесдорф Ставропольской губернии переселиться «за Кавказ», в Тифлисская уезд одноименной губернии, была предпринята на основе официального разрешения от 7 мая 1850 года. Ставропольская Палата государственных имуществ оказала в этом законное содействие (гарантия свободы передвижения, деньги, корм лошадям, ночлег и т.п.).

Поселение колонистов намечалось в урочище на берегу реки Лочин, в 18 верстах от Тифлиса (вдоль дороги в колонию Мариенфельд). Из Экспедиции государственных имуществ при Главном управлении наместника Кавказского смотрителю закавказских колоний Волянскому был передан в июле «абрис» будущей колонии. Экспедиция выделила переселенцам ссуду на строительство домов по 150 руб. серебром на семью. Прибывшие колонисты жили летом в открытых повозках, лишь с отводом земельного участка им было разрешено пользоваться сараем (принадлежавшим кн. Чавчавадзе). 11 августа из Главного управления наместника смотрителю колоний было предписано согласовать и составить приговор о наименовании будущей колонии. Во исполнение предписания поселенцы просили назвать ее «Михаэльсдорф или Михаэльсталь» (по имени наместника графа М.С. Воронцова). Но в декабре последовал ответ наместника Кавказского оставить для имени колонии название места — Лочино и известить об этом колонистов²⁷.

В Лочино немцы получили в надел 272,2 дес. земли (из них 56 дес. неудобной), т.е. ниже нормы — 35 дес. на семью. Они отчаянно стремились наладить быт и прокормиться. Однако на обращение к управляющему Тифлисской губернией полковнику М.Н. Колюбакину, с просьбой «об отпуске им в ссуду 200 руб. серебром на покупку семян пшеницы», последовали разбирательство и волокита. Экспедиция государственных имуществ сообщила в Главное управление, что им «в особом пособии нет необходимости», поскольку наместником уже было выделено всему обществу 1500 руб. серебром на постройку домов по плану (из них 750 руб. в ноябре 1850 г. принял Волянский). В отношении же самовольного захвата земель переселенцев жителями соседнего грузинского селения Марткоби (жалоба колонистов от 11 ноября 1850 г.) последовал наказ губернского правления уездному начальству: приказать вспаханную землю вернуть и установить «бдительный надзор» за угодами, данными правительством, «чтоб колонисты отнюдь не терпели ни от кого стеснения». Колонисты пожелали также взять с торгов в откуп почтовую станцию Марткоби.

Трудное начало никак не давало возможности прочно встать на ноги, а их упрекали в ленности. Зимой шульц (староста) Пульман запросил через смотрителя колоний (рапорт его в Экспедицию от 12.02.1851) ссуду на покупку семян — по 62 руб. 40 коп. серебром на семью: всего 561 руб. 60 коп. — и об отпуске продовольствия до урожая, чтобы выжить. Колонисты поясня-

ли, что все они приехали «на свой счет», не оставили домов на Ставрополье. А из полученной ссуды в 1385 руб. на дома и лошадей, часть употребили они на строительный лес, а остальное — на питание в течение почти 8 месяцев с 1 июля 1850 г. (по 10 руб. 37 коп. в месяц на одного человека). Лочинцы считали, что на водворение необходимо не менее 300 руб. для каждой из 9 семей (ремесленник Штрет выбыл в колонию Екатериненфельд)²⁸. Но последовал ответ управляющего Экспедицией государственных имуществ Фадеева, что на продовольствие они никакого пособия получать не могут и «просить о том не вправе», так как заявляли ранее, что осият все своим трудом. Семена же могут быть ими позаимствованы, по четверти на семью, из запаса колонии Мариенфельд. Второй транш пособия на домостроительство был возможен в любое время, с условием, если будет засвидетельствовано окончание строительства до зимы. Прошения колонистов об отводе сенокосных и выгонных мест и ссуды 450 руб. (по 50 руб. на семью) были тоже отклонены, поскольку поданы были они «через голову» начальнику гражданского управления Закавказским краем князю Бебутову. Переубедить в этом решении Экспедицию не помогли ни пояснения лочинцев о том, что и наместника, и самого Фадеева в то время не было в Тифлисе; ни мольбы, вроде этих: «помогите обзавестись, окрылиться», мол, тогда убедитесь, что «гостеприимство русского правительства использовали мы не без существенной для обеих сторон пользы»; ни выражение преданности и заверения, что получив ссуду, «сочтем себя счастливейшим народом на всем земном шаре»²⁹. Такая эмоциональность, такое проявление чувств верноподданных, по-видимому, были вызваны крайней нуждой. Но и они не тронули сердца чиновников.

Поскольку со временем так «стерлись» границы отведенного колонии участка, что даже посланный вновь землемер не смог отыскать их признаков, последовало решение Экспедиции государственных имуществ от 13 февраля 1851 г. провести при представителях от колонии и соседнего селения повторное межевание надела по плану. В апреле инспектор Волянский принял 2-й транш ссуды 600 руб. серебром (так как из первого в 750 руб. было выдано девяти семьям 675 руб.). Год прошел в трудах и заботах. Но в феврале 1852 г. Тифлисское уездное управление известило смотрителя закавказских колоний о том, что соседние колония Мариенфельд и селение Марткоби могут не получить от лочинцев занятые и обещанные к возврату семена. Под давлением колонистам пришлось уплатить долг урожаем.

Положение их очень осложнилось. Тогда Сельский приказ (сход) колонии Лочино известил 5 августа Экспедицию при Главном управлении о том, что колонисты просят о ходатайстве разрешения на выезд, «имея твердое намерение возвратиться в Россию», поскольку семьи не получили ни урожая, ни покосов. Причем, они «по крайней бедности не в состоянии возвратить ссуду на дома». Иным было мнение смотрителя Волянского, высказанное в рапорте в Экспедицию. Он отмечал, что все колонисты более или менее «преданы нетрезвой жизни и ленности» и, несмотря на все побуждения их к трудовой жизни, уходили на заработки в Тифлис, подобно случаям отхода колонистов из Александерсдорфа. Поэтому он полагал бы «отказать им в дозволении возвратиться». 30 августа 1852 г. из Главного управления наместника последовал отказ колонистам Лочино: просьба «не может быть уважена» по причине неуплаты ссуды³⁰.

Выбившиеся из сил переселенцы в послании от 16 мая 1853 г. запросили Воронцова о прощении их долга казне и дозволении вернуться. И получили его, поскольку не были еще окончательно перечислены, то есть закреплены на жительство в Грузии. С разрешением возвратиться в Иоганнесдорф их дома и хозяйственные постройки для почтовой станции Марткоби приняли

в счет долга (сумма общей ссуды на строительство в 1275 руб. серебром). Это свидетельствовало о гибкости фискальной политики правительства. Колонистам следовало выдать свидетельства на обратный путь (открытый лист), чтобы в течение 2-3-х месяцев им можно было выехать. К тому же своя община требовала возвращения некоторых податей и повинностей. А тем, кто решит оставаться, требовалось иметь письменные виды из Ставрополя.

После отъезда «ставропольских» колонистов Экспедиция государственных имуществ известила Волянского о следующем распоряжении: управляющему Тифлисской губернией следовало продать оставшиеся в Лочино строения колонистов с публичного торга, назначенного на 22 ноября 1854 г., а вырученные деньги вернуть в казну³¹. Так через 4 года закончилась история колонии Лочино. Вскоре хутор Лочино стал имением барона А.П. Николаи (будущего заведующего Главным управлением наместника князя А.И. Барятинского, а в 1881-1882 гг. — министра народного просвещения). С 1864 г., при поддержке Кавказского сельскохозяйственного общества, оно было сдано в аренду управляющему имением агроному Г. Фиверу и превращено со временем в крупный опытно-учебный центр подготовки кадров для сельского хозяйства³².

Как видно и на Южном Кавказе проявилась тенденция трудностей водворения и становления немецких колоний в первой половине XIX века. При этом, хотя вызов и водворение колонистов за счет казны были прекращены еще в 1810 г. (дозволялся приезд на собственные средства), правительство сделало исключение. Оно не противилось заселению пустопорожних земель на Кавказе, выделяя наделы, ссуды, частично списывая долги, оказывая помощь колониям, разоренным в 1826 г. войной с Персией. Симбиоз трудолюбия колонистов, забот и инвестиций государства создавал основу для преодоления трудностей, специализации и развития хозяйства, дальнейшего экономического подъема. В целом очаги немецкой колонизации на Кавказе, хотя и «слишком дорого» обходившейся казне, являли собой элемент христианизации и укрепления власти. Проявлялась лояльность в отношении вероисповедания и зависимости от Московской консистории. Тем самым были заложены предпосылки для толерантности немцев-лютеран в среде мусульман, несмотря на отдельные конфликтные ситуации по вопросам прав на землю и воду. Этим во многом объясняются особенности миграционной государственной политики на Кавказе, как части системы гражданского управления столь своеобразным краем империи.

Примечания

1. Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗ). Изд. I. Т. XXVII, № 20862, 20988; т. XXVIII, № 21163.
2. Северный Кавказ в составе Российской империи. М. 2007, с. 17.
3. ЧЕСНОК Е.В. Немецкие колонии Области Войска Донского. — Немцы на Дону, Кавказе и Волге. Матер. Рос.-Герм. конф. Анапа, 22–26 сентября 1994 г. М. 1995, с. 79–98; ТЕРЕЩЕНКО А.Г. Немецкие колонисты на землях Войска Донского. — Донской временник за 1995 — Ростов-на-Дону, 1996, с. 137–153; ЕРОХИНА О.В. Социально-экономическое и культурное развитие немецких колоний Области Войска Донского (70-е гг. XIX в. — февраль 1917 г.). Автореф. канд. ист. наук. Волгоград. 2001; ЕЕ ЖЕ. Немецкие колонии Области Войска Донского (вторая половина XIX в. — февраль 1917 г.). Волгоград. 2009; РООТ Е.В. Немецкие колонии Области Войска Донского (последняя треть XIX в. — 1914 г.). Автореф. канд. ист. наук. Ростов-на-Дону. 2003; NACHTIGAL R. Die Dondutschen 1830 bis 1930. Augsburg. 2005.
4. Северный Кавказ в составе Российской империи..., с. 13.
5. Край наш Ставрополье. Очерки истории. 1999; История Ставропольского края от древнейших времен до 1917 г. Учебник. Ставрополь. 1996. (В разделе 29 неверно трактуется созда-

- ние на Ставрополье 102 колоний за 1764—1865 гг. — небрежный перенос сведений о колониях в Поволжье). См. также: КАБУЗАН В.М. Многонациональное население Северного Кавказа в XVIII—XX веках (1798—1989). В кн.: Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений М. 1999, с. 343—360.
6. См.: Немецкие поселения на периферии Российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие (1818—1917). М. 2009; Немецкие колонии в Грузии: специфика становления, управления и экономической жизни (1817—1917). — Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений. Матер. 11-й междунауч. конф. Москва, 1—3 ноября 2006 г. М. 2007, с. 108—135; Позиция и роль А.П. Ермолова в становлении немецких колоний в Закавказье. — Отечественная история, № 1, 2008, с. 13—25; Немецкие поселения на Кавказе. 1816—1914. — Вопросы истории. 2010, № 3, с. 92—105.
 7. ПСЗ-1. 1830. Т. XXII, № 16193, 16194.
 8. ПСЗ-1. Т. XXII, № 15619, 16210, 16429. (Рескрипт Екатерины II от 22 декабря 1782 г. «О раздаче желающим под последние земель...»; Указы Сената от 1 июня 1785 г. «О доставлении ведомостей в Сенат о желающих поселиться в Кавказском наместничестве...» и от 19 августа 1786 г. «О порядке переселения жителей из разных мест в Кавказское наместничество»).
 9. ПСЗ-1. Т. XX, № 14814.
 10. ПСЗ-1. Т. XXII, № 16194.
 11. ПСЗ-1. Т. XXII, № 16226.
 12. ПСЗ-1. Т. XXIII, № 17230.
 13. ПСЗ-1. Т. XXVII, № 20511; Т. XXVI, № 19721.
 14. ПСЗ-II. Т. II, № 879.
 15. ПСЗ-II. Т. XX. Отд. 1, № 18679; Т. XXI, отд. 1, № 19590.
 16. ПСЗ-1. Т. XXXVI, № 27912; № 27954.
 17. ПСЗ-1. Т. XXVII, № 20525; Т. XXIX, № 22410.
 18. СТАЩУК Н.И. Заселение Ставрополя в конце XVIII века и в первой половине XIX века. — Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 4. Ставрополь. 1952, с. 171; ЧЕКМЕНЕВ С.А. Иностранцы поселения на Ставрополье в конце XVIII и в первой половине XIX в. — Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 12—13. Ставрополь. 1971, с. 250; см.: К истории первых немецких поселений на Ставрополье. — Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. Пятигорск. 2004, № 4, с. 157—162.
 19. МАЛАХОВА Г.А. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII—XIX вв. Ростов-на-Дону. 2001, с. 93.
 20. АКИЕВА С.И. Немецкие колонии в Кабардино-Балкарии. — Немцы на Дону, Кавказе и Воиже..., с. 149—150; ROTHERMEL J. Alexandersdorf. In.: Heimatbuch der Deutschen aus Russland. Stuttgart. 1961, S. 64—65.
 21. Немецкое землевладение на Кубани. — Кубанский сборник на 1915 год. Т. XX. Екатеринодар. 1915, с. 367; ЧЕРНЫЙ К.Н. Ейский уезд (статистическое описание). — Кубанский сборник. Т. 1. Екатеринодар. 1883, с. 345.
 22. Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (последняя четверть XVIII — середина XX в.). Сб. док. Ставрополь. 2002, с. 34—39.
 23. КАБУЗАН В.М. Население Северного Кавказа в XIX—XX веках — СПб. 1996, с. 145 (табл. 15); ЕГО ЖЕ. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII — начале XX века. М. 1998, с. 93; Доля немцев составила в конце 18 в. — 0,6%, в 1834 г. — 1,0%, в 1858 г. — 1,1% населения империи. См.: ДИТЦ Я. История поволжских немцев-колонистов. М. 1997, с. 230.
 24. ЧЕКМЕНЕВ С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополье и Кубани в конце XVIII — первой половине XIX в. Автореф. докт. ист. наук. Ростов-на-Дону. 1967, с. 24, 45—46.
 25. См.: Немецкие поселения на периферии..., с. 46—49, 147—179; Из истории становления немецких поселений на Северном Кавказе. — Ключевые проблемы истории российских немцев. Материалы 10-й междунауч. конф. Москва. 18—21 ноября 2003 М. 2004, с. 381—417; Кавказская Одиссея немецких колонистов Таврической губернии. — Вопросы германской истории. Немцы Украины и России в конфликтах компромиссах XIX—XX вв. Матер. междунауч. конф. Днепропетровск, 24—27 сентября 2007 г. Днепропетровск. 2007, с. 69—79.
 26. «Кавказ» (Тифлис). 1850, № 40, с. 159.
 27. Национальный Архив Грузии. Центральный Исторический архив, ф. 226, оп. 1, д. 7, л. 1, 10об., 17—18, 30об.; ф. 240, оп. 1, д. 1164.
 28. Там же, ф. 226, оп. 1, д. 7, л. 22об., 27об., 38об., 86.
 29. Там же, л. 42об., 50об.—51, 55об.
 30. Там же, л. 77, 89—90, 91.
 31. Там же, л. 89—98, 109.
 32. Кавказский календарь на 1868 г. Тифлис. 1867, с. 464—465.

Советско-французские отношения в период президентства Ж. Помпиду (1969—1974 гг.)

Е.А. Осипов

В 1969 г., когда Ж. Помпиду сменил на посту президента Франции основателя Пятой республики генерала де Голля, советско-французские отношения находились далеко не на пике развития. Это было связано, прежде всего, с вводом войск стран Варшавского договора в Чехословакию. Тем не менее, у этих отношений имелся достаточно прочный фундамент. Во-первых, речь идет о визите де Голля в СССР в 1966 г. и подписанной в ходе него декларации, которая, по сути, ознаменовала собой начало разрядки международной напряженности в мире. Во-вторых, позиции французской и советской сторон были схожи по некоторым международным проблемам. Прежде всего, это касалось конфликтов на Ближнем Востоке и в Индокитае. Что касается арабо-израильского противостояния, то обе стороны считали необходимым выполнение резолюции ООН от 22 ноября 1967 г., предполагавшей уход израильских войск с оккупированных территорий. По вьетнамскому вопросу Франция и СССР выступали за скорейшее урегулирование проблемы на основе уважения права вьетнамского народа распоряжаться своей судьбой¹.

Третьей составляющей советско-французских отношений был «германский» фактор. Обе стороны стремились во что бы то ни стало не допустить ФРГ к ядерному оружию, а также помешать воссоединению ФРГ и ГДР. Отметим, что для внешнеполитической концепции Помпиду германский вопрос был центральным, а проблема экономического могущества ФРГ стала основным катализатором не только развития франко-советского сотрудничества, но и принятия важнейшего решения о расширении ЕЭС.

Первым событием, послужившим «размораживанию» двусторонних отношений, стал визит министра иностранных дел Франции Мориса Шумана в Москву в октябре 1969 года. По итогам визита было составлено советско-французское коммюнике, в котором впервые появляется положительная оценка со стороны французской делегации созыва общеевропейской конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), инициатором которой являлись страны Варшавского договора во главе с СССР². Эта линия была продолжена в коммюнике по итогам визита А.А. Громыко во Францию

Осипов Евгений Александрович — аспирант Государственного академического университета гуманитарных наук.

в июне 1970 г., в котором подчеркивалось, что «проведение общеевропейского совещания мыслится обеими сторонами вне категории блоковой политики как средство закрепления и развития линии на разрядку и сотрудничество между заинтересованными государствами, как средство упрочнения мира в Европе»³.

Французская сторона, ранее относившаяся к СБСЕ достаточно скептически, при Помпиду меняет свою позицию по нескольким причинам. Основную роль в этом сыграла «восточная политика» нового канцлера ФРГ Вилли Брандта, направленная на урегулирование спорных вопросов с СССР и Польшей, а также на установление отношений с ГДР. На официальном уровне французское руководство поддерживало политику Брандта, однако, самостоятельные внешнеполитические действия ФРГ очень волновали Помпиду. По сути, западногерманская сторона перехватила у Франции инициативу в деле разрядки напряженности и стала самостоятельным игроком на политической сцене Европы, что в совокупности с экономической мощью ФРГ было очень опасно для Франции. В данном контексте СБСЕ открывало для Франции новые перспективы, так как она могла «включить» политику Брандта в более широкое, общеевропейское движение и тем самым лучше контролировать своего восточного соседа.

Был еще ряд причин, по которым Франция решила поддержать идею общеевропейского совещания. В частности, СБСЕ могло привести к установлению более тесных экономических и политических связей с социалистическими странами, так как изначально предполагалось, что все европейские государства будут выступать на этом совещании вне зависимости от блоковой ориентации. Французское руководство надеялось, что в долгосрочной перспективе СБСЕ может привести если не к распаду социалистического лагеря, то хотя бы к снижению зависимости некоторых стран от СССР. Отметим также, что проведение общеевропейского совещания в целом отвечало политике разрядки, начатой еще при де Голле. Для советской стороны тема СБСЕ занимала центральное место среди внешнеполитических приоритетов. Поддержка Францией идеи созыва европейской конференции стала отправной точкой к улучшению франко-советских отношений, которые достигнут своего наивысшего подъема в 1970 и 1971 годах.

В октябре 1970 г. Помпиду совершил свой первый восьмидневный визит в СССР в качестве президента. За несколько дней до приезда в Москву он дал интервью советскому телевидению, и в первой же фразе сказал, что «предстоящий визит, прежде всего, покажет, что Франция остается верной политике генерала де Голля, целью которой было упрочнение разрядки и сотрудничества между восточными и западными странами Европы, и в первую очередь, между Францией и СССР»⁴. Эта фраза, безусловно, придала положительный импульс дальнейшему развитию событий.

При подготовке первой встречи на высшем уровне между Ж. Помпиду и Л.И. Брежневым встал вопрос о подписании документа, который явился бы продолжением Декларации 1966 г. и стал бы подтверждением франко-советской дружбы. Речь шла о документе, который закрепил бы в официальной форме двустороннее сотрудничество и при этом был бы выше по статусу, чем Декларация 1966 года.

Внутри французского руководства переговоры по вопросу подписания такого рода документа вызвали жаркие споры. Президент Помпиду сомневался до последнего момента. Тем не менее, 13 октября 1970 г. двусторонний документ был подписан и вошел в историю под названием «Советско-французский протокол». Он предполагал политические консультации между руководством двух стран по важнейшим международным проблемам и, что

самое главное, ставил эти консультации на регулярную основу (два раза в год). Вместе с Протоколом была подписана и советско-французская Декларация от 13 октября 1970 г., в которой отмечалась близость позиций обеих сторон по конфликтам на Ближнем Востоке и в Индокитае, убежденность в необходимости созыва конференции по вопросу ядерного разоружения и положительное отношение Франции и СССР к созыву общеевропейского совещания ⁵.

В октябре 1971 г. состоялся визит Брежнева во Францию. В первый раз лидер СССР отправился в другое государство без сопровождения Н.В. Подгорного и А.Н. Косыгина. Это возводило советско-французские отношения в статус привилегированных.

Еще до визита советская сторона выступила с инициативой принятия нового документа, который характеризовал бы поступательное развитие двусторонних контактов. В итоге были подписаны «Принципы сотрудничества между СССР и Францией», подтверждавшие важность и взаимный характер сотрудничества двух стран, дальнейшее развитие регулярных политических консультаций на основе Протокола 1970 года. Отметим, что стороны смогли договориться и о внесении в текст таких важных принципов, как нерушимость существовавших границ, невмешательство во внутренние дела, равенство, независимость и отказ от применения силы ⁶.

Помимо «Принципов сотрудничества» были подписаны Декларация и Коммюнике по итогам визита. Генеральный секретарь Министерства иностранных дел Франции Эрве Альфан оценил эти документы достаточно скептически: «Они длинные, дружественные, но не несут ничего нового. Их нужно было подписать, чтобы заставить всех поверить в “новый шаг”, которым должна была быть отмечена каждая франко-советская встреча» ⁷. Действительно, ничего особо нового в этих текстах не содержалось.

Однако, визиты Помпиду в СССР и Брежнева во Францию соответственно в 1970 и 1971 г. стоит признать успешными. В ходе встреч на высшем уровне между двумя лидерами были установлены благожелательные, доверительные отношения, что было важно для общей атмосферы советско-французского сотрудничества. Подписанные документы, хотя и не были полновесными межгосударственными договорами, тем не менее явились документами самого высокого политического значения ⁸. Они также были важны с психологической точки зрения, что в будущем даст положительные результаты для развития экономических советско-французских связей. В целом, период 1970—1971 гг. был временем действительно дружественных и доверительных отношений между Францией и СССР, когда позиции сторон совпадали по многим ключевым проблемам, а руководители обеих стран с оптимизмом смотрели в будущее.

К сожалению, период с конца 1972 по 1974 г. оказался намного более противоречивым. С одной стороны, в это время состоялись три встречи на высшем уровне между Брежневым и Помпиду, и были достигнуты серьезные успехи в области экономического сотрудничества. С другой стороны, в те годы не было подписано ни одного важного с политической точки зрения документа, а по многим центральным международным вопросам проявились серьезные, подчас непреодолимые разногласия.

Благодаря нескольким донесениям посла Франции в СССР Роже Сейду, до настоящего момента не введенных в научный оборот, у нас есть возможность точно установить время, когда климат советско-французских отношений начал портиться. Еще 4 ноября 1972 г. Сейду писал, что Ю.В. Дубинин (известный советский и российский дипломат) по поручению министра иностранных дел СССР Громыко начал обсуждать с французским послом тему

возможного подписания еще одного двустороннего документа при следующей встрече на высшем уровне с целью совершения «нового шага» в отношениях между СССР и Францией. Таким образом, в ноябре 1972 г. советско-французские отношения еще развивались в прежнем русле. Однако, по словам Сейду, уже в середине декабря 1972 г. ситуация начала меняться. Громыко и член коллегии МИД СССР А.Г. Ковалев неожиданно устранились от выработки текста коммюнике по поводу предстоящего визита Помпиду в СССР, после чего работа была продолжена, но уже на более низком дипломатическом уровне: с этого момента франко-советское политическое сотрудничество будет испытывать все больше и больше трудностей. Сейду связывает данные негативные изменения с событиями внутри Франции, где по результатам социологических опросов, опубликованных как раз в декабре 1972 г., у Французской коммунистической партии внутри коалиции левых сил были неплохие шансы на успех на предстоящих в 1973 г. парламентских выборах. В связи с этим советская сторона, по мнению французского посла, решила притормозить развитие двустороннего сотрудничества⁹.

Однако, ухудшение отношений помимо внутривнутриполитических имело и более глубинные, международные причины. Основные франко-советские разногласия можно отнести к трем проблемам мировой политики, непосредственно связанным между собой.

Первой из них для Франции стало сближение между СССР и США. Речь идет о так называемом советско-американском «кондоминиуме» (совместное осуществление власти над одной и той же территорией) над Европой. В мае 1972 г. в ходе визита президента США Ричарда Никсона в Москву были подписаны «Основы взаимоотношений между СССР и США» и договор ОСВ-1 (ограничение стратегических наступательных вооружений), которые официально оформили потепление отношений между двумя сверхдержавами, отодвинув тем самым Францию на вторые позиции в процессе разрядки международной напряженности. В связи с этим перед французской дипломатией встала проблема, которую Помпиду очень четко сформулировал в беседе с Громыко 13 июня 1972 г.: «Мы положительно воспринимаем визит Никсона в Москву и считаем, что создание доверительного климата в отношениях между СССР и США очень благоприятно для установления мира; это соответствует нашим интересам и нашей политике. Но... в момент, когда две сверхдержавы договариваются по большому числу вопросов, такая страна как Франция не может не беспокоиться по поводу возможного желания со стороны сверхдержав установить “кондоминиум” над остальной частью мира»¹⁰. Дальнейшее развитие событий подтвердило опасения французской стороны. В октябре 1973 г. очередной конфликт на Ближнем Востоке был улажен с помощью двусторонних американско-советских действий. Франция не была задействована в его урегулировании, несмотря на статус постоянного члена Совета безопасности ООН и статьи Протокола 1970 г., предполагавшего консультации между СССР и Францией в случае возникновения ситуаций, создающих угрозу миру. По итогам арабо-израильской войны 1973 г. не было опубликовано никакого франко-советского сообщения, коммюнике или декларации. Мишель Жобер, сменивший Шумана на посту министра иностранных дел Франции, отмечал «молчание» по этому поводу советской стороны, о котором французские правящие круги очень сожалели¹¹.

Сближение СССР с США представляло для Франции целый комплекс проблем. Постоянно обсуждавшиеся между двумя сверхдержавами проекты разоружения в конечном счете могли привести к военной нейтрализации Европы, к еще большей зависимости старого континента как от США, так и от СССР, к потере возможности самой решать свою судь-

бу, что означало бы провал всей голлистской внешней политики. Тема планируемого разоружения была второй проблемой, осложнявшей советско-французские отношения.

Франция и при де Голле и при Помпиду всегда выступала против сокращения вооружений в Европе на блоковой основе. Именно с этим связан отказ французского руководства от участия в женевских, а потом и венских переговорах по разоружению. Несмотря на то, что такая тема поднималась на каждой советско-французской встрече в рассматриваемый период и СССР настаивал на участии Франции в переговорах, стороны так и не смогли договориться. Помпиду и его окружение считали, что сокращение вооружений на блоковой основе, за которое выступали СССР и США, приведут не к реальному разоружению, а к стабилизации обстановки в Европе, к консервации сложившейся ситуации¹². Сокращение вооружений в Европе, проводимое и контролируемое двумя сверхдержавами, делало старый континент беззащитным и лишённым самостоятельной роли в мировой политике. В конечном итоге, по мысли французского руководства, разоружение на блоковой основе могло привести не к устранению угрозы войны, а к перемещению зон опасности, и такой зоной могла стать именно Европа.

Третий комплекс проблем во франко-советских отношениях был связан с подготовкой к проведению общеевропейского совещания, которая выявила целый ряд противоречий в позициях двух государств. В частности, один из фундаментальных принципов — нерушимость существующих границ — воспринимался сторонами по-разному. Франция допускала мирное изменение границ при волеизъявлении народа, СССР же выступал за сохранение границ без каких бы то ни было исключений. По понятным причинам, серьёзные разногласия вызывало и обсуждение таких тем, как права человека и свобода информации¹³.

В итоге весь спектр франко-советских противоречий, связанных со страхом Франции перед американско-советским «кондоминиумом», с разным пониманием проблемы разоружения и разным отношением к общеевропейскому совещанию, проявился как раз в ходе предварительных консультаций по СБСЕ. Отметим, что эти консультации начались 22 ноября 1972 г., поэтому логично предположить, что к середине декабря, как пишет Сейду, негативные изменения стали уже заметно сказываться на общем развитии сотрудничества.

Все последующие франко-советские контакты в период президентства Помпиду были отмечены печатью разногласий и противоречий. Две встречи на высшем уровне в январе 1973 г. в Заславле и в июне 1973 г. в Париже не помогли решить накопившиеся проблемы и не способствовали развитию политического двустороннего сотрудничества. А с июля 1973 г. франко-советские отношения еще более осложнились. Это было связано с выступлениями министра иностранных дел Франции Жюбера в июле 1973 г. на открытии конференции СБСЕ в Хельсинки и 12 ноября 1973 г. перед Национальным собранием в Париже, в которых он критиковал американско-советский подход к проведению общеевропейского совещания и «пассивность» самих европейцев, не осознающих всю опасность складывающейся ситуации. В качестве альтернативы он предлагал строительство сильной, независимой Европы, что предполагало развитие европейских вооруженных сил, в том числе и ядерных¹⁴. Все это шло в разрез с позицией советской стороны, предпочитавшей видеть Европу политически самостоятельной, но зависимой в военном плане от двух сверхдержав.

Однако, несмотря на большое количество негативных явлений в отношениях между Францией и СССР с конца 1972 по 1974 г., пятая встреча между Брежневым и Помпиду в Пицунде в марте 1974 г., всего за несколько

недель до смерти французского президента, все же имела положительное политическое значение. Дело в том, что в сентябре 1973 г. Помпиду совершил визит в Китай, с которым у СССР на тот момент были очень напряженные отношения. Советская сторона хотела бы, чтобы французский президент на обратном пути из Пекина остановился в Москве. Тем не менее, Помпиду не сделал этого и вернулся прямым рейсом в Париж. По словам Дубинина, встрече Брежнева и Помпиду в Пицунде в марте 1974 г., состоявшаяся по инициативе французского президента, была призвана разрядить создавшуюся напряженную ситуацию¹⁵. Таким образом, Помпиду, чье состояние здоровья к тому времени резко ухудшилось, попытался все-таки вернуть франко-советским отношениям прежний статус, что имело большое психологическое значение для развития двусторонних контактов уже после смерти французского президента.

Что касается экономических отношений между СССР и Францией, то Помпиду придавал экономике, пожалуй, даже большее значение, чем непосредственно политике. Российский историк Ю.И. Рубинский по этому поводу писал, что «в его (Помпиду. — *Е.О.*) прагматической шкале приоритетов независимость и величие Франции определялись не столько политическими или военными, сколько прежде всего экономическими категориями»¹⁶.

С 1969 по 1974 г. советско-французские экономические отношения развивались поступательно, общий объем торговли каждый год возрастал, а ухудшение в области политических контактов на экономическом сотрудничестве никак не отразилось.

Фундамент для успешного развития двусторонней торговли был заложен еще во времена де Голля. С января 1967 г. начали свою работу две смешанные советско-французские комиссии, получившие название «Большой» и «Малой», призванные решать практические вопросы существующих экономических соглашений и изучать перспективные области, в которых могло бы развиваться сотрудничество. В 1969 г. было заключено долгосрочное торгово-экономическое соглашение на 1970—1974 г., которое предусматривало увеличение вдвое объема советско-французской торговли и доведение его за указанное пятилетие примерно до 3 млрд рублей.

В период президентства Помпиду было заключено два основополагающих советско-французских документа, предопределивших дальнейшее развитие торговых контактов: Соглашение о развитии экономического, технического и промышленного сотрудничества (27 октября 1971 г.) и Программа углубления советско-французского сотрудничества в области экономики и промышленности на десятилетний период (10 июля 1973 г.). Эти документы предполагали развитие подлинного промышленного сотрудничества между двумя странами, которое должно было выразиться, например, в участии французских фирм в строительстве Камского автомобильного завода или Усть-Илимского лесопромышленного комплекса, а также в участии советских организаций в строительстве металлургического комплекса в Фосс-сюр-Мер или метро в Марселе.

Для Франции, чье сальдо торгового баланса за исключением 1971 г. было всегда положительным, а статьи экспорта в СССР состояли в основном из готовых промышленных товаров, развитие торговли с СССР было экономически очень выгодно. Советская же сторона испытывала ряд серьезных проблем с увеличением продаж промышленных товаров во Францию. Однако, доля сырьевых продуктов (в частности нефти и угля) в советском экспорте постепенно сокращалась¹⁷.

В целом советско-французские экономические отношения при президенте Помпиду развивались достаточно успешно. С 1970 по 1974 г. товаро-

оборот вырос более чем в два раза, с 413 до 941 млн рублей. Программа торгово-экономического соглашения, принятого в 1969 г., была успешно выполнена. Подчеркнем, что самыми успешными в экономическом смысле были именно 1973 и 1974 гг., отмеченные значительными политическими разногласиями, что еще раз подтверждает, что Помпиду мыслил прежде всего экономическими категориями.

Итак, в период президентства Помпиду советско-французские отношения характеризовались высокой интенсивностью контактов на самых разных уровнях, эффект от которых был неоднозначным. Период с 1970 по конец 1972 г. — время, когда двусторонние отношения действительно носили особый, привилегированный характер. Подписание Протокола в 1970 г. и принципов сотрудничества в 1971 г. явилось серьезным успехом как для французской, так и для советской дипломатии. В дальнейшем, примерно с середины декабря 1972 г., все более заметными и определяющими становятся разногласия между СССР и Францией, связанные со страхом последней перед американско-советским «кондоминиумом» и несовместимостью позиций по проблемам разоружения и подготовки к СВСЕ. В конечном счете, все эти разногласия носили объективный характер и были связаны с разным пониманием политики разрядки. Для советской стороны разрядка носила биполярный характер и означала стабилизацию, консервацию существовавшей блоковой системы. Для Франции советский вариант разрядки автоматически означал уход на второстепенные позиции в мире и возрастающую зависимость от сверхдержав, поэтому она была заинтересована в либерализации мировой системы, расширении принципов разрядки, что должно было помочь ей сохранить свою самостоятельную роль в мире и лучше контролировать ФРГ, которая приобретала все больший вес в международных отношениях. Выше перечисленные проблемы двусторонних контактов не отразились на успешном развитии торговли и экономического сотрудничества. Товарооборот между странами увеличивался из года в год, основные экономические задачи, несмотря на ряд трудностей, были выполнены.

Примечания

1. Советско-французские отношения. 1965—1976 гг. Документы и материалы. М. 1976, с. 90.
2. Там же, с. 89.
3. Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ) 136, оп. 54, д. 14, п. 117, л. 10.
4. Archives du ministère des affaires étrangères. URSS, № 2679.
5. Советско-французские отношения. 1965—1976 гг., с. 116, 118—120.
6. Там же, с. 151.
7. ALPHAND H. L'étonnement d'être: Journal (1939—1973). P. 1977, p. 563.
8. ДУБИНИН Ю.В., КЕЛИН В.И. СССР-Франция. Опыт сотрудничества. М. 1979, с. 112.
9. Archives du ministère des affaires étrangères. URSS. № 3722, 3723.
10. Ibid., № 3722.
11. JOBERT M. L'autre regard. P. 1976, p., 385.
12. Archives du ministère des affaires étrangères. URSS, № 3719.
13. REY M.-P. La tentation du rapprochement. France et URSS à l'heure de la détente. P. 1991, p. 103.
14. Ibid., p. 101; JOBERT M. Mémoires d'avenir. P. 1974, p. 245—247.
15. ДУБИНИН Ю.В. Сталин на связь так и не вышел — Международная жизнь. № 5, 2003, с. 142.
16. РУБИНСКИЙ Ю.И. Национальная идея в политической культуре Франции. М. 2004, с. 40.
17. REY M.-P. Op. cit., p. 131—132.

Движение американских националистов-нативистов. 1830—1860-е гг.

В.В. Прилуцкий

Нативизм (или нейтивизм от англ. native — «коренной», «уроженец») — североамериканский национализм, характеризовавшийся неприязненным отношением к католикам и иммигрантам. Возникновение его связано с существованием исторического антагонизма между протестантами и католиками. Корни уходят в эпоху религиозных войн и конфликтов XVI—XVII вв. в Европе. Причинами усиления антикатолических и антииммигрантских настроений являлись также сложные экономические, культурные и социальные трансформации, которые переживала Америка в первой половине XIX века. Промышленный переворот и транспортная революция (строительство каналов, железных дорог, новых портов) нарушали привычный уклад жизни и способствовали притоку иммигрантов-рабочих. Из преимущественно фермерской, патриархальной, аграрной страны США превращались в современную индустриальную, урбанизированную, бурно развивавшуюся державу¹. Происходила болезненная смена ценностей. Большие группы населения с трудом приспосабливались к изменениям, искали врагов-виновников общественных проблем. Подобные настроения выразились в деятельности Американской нативистской партии (организации «ничего не знающих»). Наибольшего успеха она достигла в середине 50-х гг. XIX в. в условиях кризиса и краха двухпартийного механизма демократы — виги. В этот период «ничего не знающие» заняли место распавшихся вигов. Они успешно претендовали на статус второй партии и ведущей политической силы, противостоявшей демократам.

Нативисты полагали, что в стране проживают 5 млн папистов, 4,5 млн рожденных за границей, 4 млн говорящих на иностранных языках. «Все они воспитывались с раннего детства в ненависти к протестантизму. Кроме того, следует учитывать 8 млн людей, «не имеющих англосаксонской крови». Таким образом, по оценке националистов численность «чуждых элементов» составляла не менее трети населения США².

Действительно, в первой половине XIX в. в США наблюдался быстрый рост численности представителей этноконфессиональных меньшинств. В 1820—

Прилуцкий Виталий Викторович — кандидат исторических наук, старший преподаватель Брянского государственного университета им. академика И.Г. Пестровского.

1860 гг. в Америке поселились 5 млн иностранцев³. Это было связано с тем, что Европа в то время переживала революционные потрясения, экономический кризис и неурожай, приведшие в Ирландии к «Великому голоду»⁴. Северные штаты стали районами массовой иммиграции ирландцев. В Калифорнии и на других территориях Запада обосновались китайцы, чилийцы и мексиканцы. В некоторых городах иммигранты начали численно превосходить местных уроженцев. Американские католики составляли не менее 15% населения. В Филадельфии и Нью-Йорке более трети жителей относились к Римской церкви. Общепризнанным центром американского католицизма являлась долина реки Миссисипи, особенно ее северная часть с г. Сент-Луис⁵. Наплыв «иноверцев» вызывал неприятие коренных белых англосаксов-протестантов — большинства населения США. Среди обывателей начали распространяться представления об иностранном или католическом «заговоре» с целью захвата власти в «протестантской республике». Нативисты спекулировали на религиозных предрассудках и страхах коренных граждан, опасавшихся конкуренции дешевого труда иммигрантов. Они требовали, чтобы на работу принимали только «истинных» американцев⁶. Раздражала и естественная тенденция к обособлению этноконфессиональных общин, оказавшихся в чужеродной, подчас враждебной среде мегаполисов. В появлении замкнутых сообществ, землячеств, «кланов» видели доказательство преднамеренного сопротивления иммигрантов «американизации», полного пренебрежения ими американских индивидуалистических традиций⁷.

Крайние протестанты-оранжисты видели всюду козни Святого Престола и подрывной революционной организации «Молодая Ирландия». Они заявляли о том, что в стране идет великая борьба добра со злом, света и тьмы, «благословенного и проклятого», «неба и ада». Над «свободной, протестантской Америкой» нависла угроза гибели. «Иезуитские эмиссары покрыли сетью колледжей и монастырей все штаты. Кабинет, Верховный суд, чиновники, иностранные миссии и посольства, офисы государственной службы, финансовые институты, почтовое ведомство страны — все, все поражено этой чумой! ...Америка без ее Библии, ее воскресной школы, без Бога... перестанет быть Америкой!»⁸.

Экстремисты хотели выслать из страны всех иммигрантов и католиков. Главными их лозунгами стали: «Америкой должны управлять американцы» и «Наша страна, вся наша земля и ничего кроме нее!». Один из нативистов писал: «Америка для американцев. А почему бы и нет? Существует ли еще под солнцем какое-либо иное государство, кроме нашего, в котором родившимся за границей позволяют занимать наиболее ответственные должности? При этом возлагают на них самые сокровенные надежды, чаяния, заветные упования страны, доверяют руководить ее внешней политикой? ...Америка для американцев, говорим мы. А разве не они создали ее, сражались за нее во время кровавой революции, превратили в державу, более мощную, чем старейшие империи на земле? Америка для американцев! Чтобы владеть ею и управлять, сохранить величие, творить, сделать страну еще более сильной и свободной. Для того чтобы избавиться от внутренних врагов, иностранных демагогов и иерархов... Недаром Т. Джефферсон жаждал появления «огненного океана, который отделил бы Америку от Европы, новый мир от старого». Мы все время — днем и ночью — должны быть на страже... Постоянная бдительность есть цена свободы!»⁹. О популярности подобных настроений свидетельствует факт участия многих известных граждан США в движении националистов. Так, одним из идеологов нативизма в 1830-е гг. был профессор скульптуры и живописи Нью-Йоркского университета, изобретатель телеграфа Сэмюэль Ф. Морзе¹⁰.

Нативизм пользовался слабым влиянием на рабовладельческом Юге, в отличие от Севера. Дело в том, что основной поток иммиграции направлялся в индустриальные центры и на свободные, пригодные для фермерства земли северных штатов. Можно выделить три волны нативистского движения: 1) 1830-е гг. — возникновение первых тайных организаций, публикация антикатолических книг и периодических изданий; 2) 1840-е гг. — национализм получает массовую поддержку, происходят вооруженные столкновения на этноконфессиональной почве, создаются локальные партии, которые приобретают успех на местных выборах в ряде штатов; 3) 1850-е гг. — нативизм выходит на федеральный уровень, создается мощная общенациональная политическая организация «ничего не знающих».

Зарождавшиеся организации нативистов были, как правило, тайными обществами, созданными по типу масонских орденов и лож, или консервативными протестантскими ассоциациями. Примерами первых групп нативистов являются: «Нью-Йоркская протестантская ассоциация» (1831 г.), «Сыновья 1776 года» (1837 г.), «Американская республиканская партия» (1843 г.), «Орден объединенных американцев» (1844 г.), «Орден объединенных американских механиков» (1845 г.). Эти организации сумели спровоцировать волнения на религиозной почве. В августе 1834 г. полсотни фанатиков собрались возле монастырской школы урсулинок в Бостоне и сожгли ее. Преступление заблаговременно и тщательно готовилось. Были заранее принесены легковоспламеняющиеся материалы. Некоторые участники поджога, как при «бостонском чаепитии» 1773 г., переоделись индейцами и раскрасили лица красками, чтобы их не узнали. В качестве предлога для акции называлось освобождение девушки, якобы незаконно удерживаемой в монастырских стенах ¹¹.

В мае и июле 1844 г. в Филадельфии произошли вооруженные столкновения между католиками и протестантами. Были подожжены десятки домов, разрушены общественные здания. Протестанты обстреляли католический собор Святого Филиппо Нери кусками железа из двух захваченных в городе пушек. Нативистам удалось ворваться в храм и разгромить его. Несколько раз федеральные силы рассеивали толпу, но она вновь собиралась на улицах и площадях. В солдат бросали камни и булыжники из мостовой ¹². Правительственным войскам пришлось «расчищать улицы» Филадельфии при помощи сабель, прикладов и штыков. Огромная толпа была обстреляна из ружей и орудий, а затем атакована кавалерией. В ответ бунтовщики открыли огонь из мушкетов, пистолетов и пушек. Мятежники натянули через улицы веревки, поэтому лошади и всадники спотыкались и падали на мостовую. В результате кровавых инцидентов погибли около тридцати и были ранены несколько сотен человек ¹³.

Большинство же нативистов были настроены на мирную политическую борьбу. Основным вопросом дискуссий являлась школьная реформа в штатах, ущемлявшая права католиков. На муниципальных выборах 1841 и 1843—1844 гг. в Нью-Йорке нативисты впервые пришли к власти. Они сумели нанести сокрушительное поражение старым партиям вигов и демократов ¹⁴. Политическая программа нативизма — «протестантский республиканизм» включала следующие пункты: борьба с иммиграцией (ее законодательное ограничение; затруднение натурализации иностранцев, продление срока получения ими американского гражданства с пяти до четырнадцати, двадцати одного или даже двадцати пяти лет; высылка из страны всех нищих и бродяг некоренной национальности); противодействие католикам и католицизму (борьба с политическим и религиозным влиянием Римской церкви и папы; запрещение католикам — «чужестранцам» занимать государственные посты; применение в образовательном процессе только протестантского варианта Биб-

лии); проведение санации общества при опоре на «здоровые силы» в американской нации (борьба с преступностью, защита правопорядка внутри страны; введение ограничений на продажу спиртных напитков — «ликерного» или «сухого» закона); осуществление внешней политики, военных акций только исходя из национальных интересов, а не под влиянием других держав¹⁵.

Идеалом нативистов можно считать «протестантскую республику только для урожденной американцев». Ее фундаментом должна была стать единая политическая нация, связанная общими республиканско-демократическими и религиозно-нравственными ценностями. Объединяющими факторами являлись английский язык и американская культура¹⁶. Интересно, что дети и внуки иммигрантов, родившиеся в США, как правило, ничем не отличались от коренных американцев. Они иногда даже сами принимали участие в националистическом движении. Другое дело — недавно приехавшие иммигранты с иными поведенческими стереотипами, семейными ценностями, другой психологией, своей религией¹⁷.

Во второй половине 40-х гг. XIX в. произошло обострение социально-экономических и политических противоречий в американском обществе. Связано оно было с нерешенностью главной проблемы — вопроса о рабстве, ставшего взрывоопасным. Это привело к распаду старой двухпартийной системы виги — демократы в начале 50-х гг. XIX века. Данное обстоятельство способствовало активизации различных движений, организаций и партий, рост влияния которых ранее сдерживался. В штате Нью-Йорк в 1849—1850 гг. возник новый секретный «Верховный орден звездно-полосатого знамени» во главе с Чарльзом Б. Алленом. Среди посвященных его иногда неформально именовали просто «Сэмом». Официально нативистский орден назывался «Национальным Советом Соединенных Штатов Северной Америки». У тайного братства имелось также еще одно неофициальное название — «незнайки» или «Орден ничего не знающих» (The Know-Nothings). Его дал известный журналист из газеты «Нью-Йорк Трибьюн» Горас Грили в одной из статей в ноябре 1853 года. Дело в том, что члены ордена окутывали свою деятельность атмосферой тайны и на вопрос о делах организации отвечали: «Ничего не знаю» («I know nothing»)¹⁸.

В истории «ничего не знающих» можно выделить три периода: возникновение и организационное оформление (1849—1853 гг.); стадия наивысшего подъема движения (1854—1856 гг.); кризис и распад (1857—1859 гг.). На первом этапе существования ордена наблюдалось его стремительное распространение сначала на Севере, а потом и в южных штатах. Происходило слияние всех ранее существовавших группировок патриотов, националистов, расистов, оранжистов и консервативных протестантов. Вся страна покрылась сетью первичных организаций — «лож» и «советов»¹⁹. Они создавались по образцу многочисленных аналогичных масонских структур. Доступ в ряды «ничего не знающих» был открыт только «чистым», «стопроцентным» американцам протестантского вероисповедания, родившимся в США. Секретное общество имело несколько степеней посвящения. Существовали штатные, окружные и территориальные советы, подчинявшиеся Национальному Совету.

Ритуал посвящения в «ничего не знающие», скопированный во многом с масонской инициации, нашел отражение в литературе того времени. «Церемония происходила в полночь при свете факелов. Когда я вошел в зал, то увидел, что помещение украшали американские флаги, статуя Богини Свободы, картины, на которых были изображены Лафайет и другие герои Войны за независимость США... За кафедрой в середине помещения располагался председательствующий, одетый так, чтобы представлять Джорджа Вашингтона. На нем была военная униформа времен революции XVIII в., треуголка,

волосы напудрены, а в руке — шпага... На голову мне надели красный фригийский колпак свободы, а на плечи накинули национальный флаг. Я должен был торжественно перед лицом Всевышнего поклясться в верности принципам ордена и принять обязательство не разглашать его тайны»²⁰.

Организация «незнаек», руководимая крайне правыми кругами северных штатов, пользовалась заметным влиянием не только в среде буржуазии, стремившейся ограничить права работавших по найму иммигрантов. Она имела успех и в массах фермеров, рабочих, мелких собственников, представителей среднего класса, недовольных притоком «чужеземцев», создававших конкуренцию на рынке труда, в сфере производства и торговли. «Чужаки» и «нищие католики», по их мнению, отнимали рабочие места у коренных американцев. Поддерживал нативистов и клир протестантских церквей, опасавшийся усиления влияния католицизма в стране.

Во главе с новым лидером Джеймсом У. Баркером «ничего не знающие» организовались на национальном уровне в 1852—1853 гг. В это время они объединили 50 тыс. человек. Националисты заявляли о стремлении «сохранять и защищать фундаментальные американские ценности», традиции, образ жизни и культуру. Главной базой движения стал Северо-Восток²¹. Нативистские настроения в это время разделяли и в руководстве страны. Так, президент Миллард Филлмор отнесся прохладно к визиту в Америку в 1852 г. Лайоша Кошута. Лидера венгерского национально-освободительного движения подозревали в стремлении втянуть США в конфликты Старого Света. В нем видели агента римского папы, создавшего заговор с целью завоевания власти над миром²².

Политическая консолидация всех противников католицизма и иммиграции произошла на учредительном конвенте 17 июля 1854 г. в Нью-Йорке. На основе организации «ничего не знающих» был создан мощный, влиятельный «Американский орден». Он объединил миллион членов, а его ложи появились в каждом штате, входившем в то время в состав Союза. Это была необычная, нетрадиционная для Америки партия, существенно отличавшаяся от иных политических организаций и движений. Деятельность «ничего не знающих», подобно масонам и другим тайным обществам, была покрыта завесой строгой секретности. Имена руководителей, ритуалы, церемонии посвящения, жесты, пароли, знаки и степени не разглашались. Тайно, за закрытыми дверями проводились и ежегодные заседания главного совета — центрального органа ордена. Во главе местной ложи штата находился «Великий Достопочтенный Инструктор» или «Великий Вождь (Сахэм)», сходный с «Великим Мастером» «вольных каменщиков».

По мере роста популярности сформировавшегося на непартийной основе Американского ордена создавались условия для дальнейшей его трансформации в партию с характерной для нее организационной структурой. В июне 1855 г. на Филадельфийском конвенте орден был переименован в Американскую партию (The Know-Nothing or the American Party). Организация претендовала на статус общенациональной и стремилась занять место развалившейся партии вигов. Филадельфийский конвент ориентировал на невмешательство в вопросе о рабстве. Партия «Ничего не знаю» выдвинула кандидатов на выборах всех уровней и уже в 1855 г. добилась впечатляющих результатов. В палату представителей 34-го конгресса она провела 45 сторонников — 19% состава (83 конгрессмена были демократами, 108 — противниками рабства — республиканцами). В верхней палате к Американской партии принадлежали пять сенаторов. В 35-м конгрессе, который собрался в декабре 1855 г., было семьдесят пять нативистов. На региональных выборах «ничего не знающие», как правило, набирали по 25—40% голосов. Многие вновь избранные губернаторы и мэры являлись членами праворадикальной организации²³. Амери-

канская партия установила контроль над законодательными ассамблеями в Новой Англии. Она была ведущей партией, оппозиционной демократам, еще в девяти среднеатлантических и южных штатах ²⁴.

После поражения У. Скотта на президентских выборах 1852 г. последовал распад вигской организации, не сумевшей определиться по вопросу о рабстве ²⁵. Многие ее консервативные члены влились в ряды новой Американской партии. Некоторые также примкнули к давним оппонентам — демократам либо объединились с антирабовладельческими силами — республиканцами. На местах «ничего не знающие» выступили против старых «коррупцированных» партий. В провинциальных городах возникшие нативистские ложи пользовались большой популярностью. Избиратели в нативистах видели в первую очередь американских патриотов. По воспоминаниям современников событий, тайные собрания посещали многие известные, уважаемые и влиятельные граждане («лучшие горожане») ²⁶.

В середине 1850-х гг. экстремисты активизировались по всей стране. Уличное насилие достигло наивысшего подъема. Прокатилась волна погромов. Местные власти при этом, как правило, занимали позицию невмешательства, а иногда и открыто поддерживали протестантов, считая католиков виновниками всех волнений. В Провиденсе (Род-Айленд) «ничего не знающие» пытались разрушить здание, занимавшееся католическими сестрами милосердия. Монахинь стремились изгнать из города. Однако на их защиту встали ирландские католики во главе с епископом О'Рейли и оказали успешное сопротивление толпе. Большое возмущение вызвал визит в Америку папского апостольского нунция Бедини. Демонстрации, сопровождавшиеся столкновением с полицией и кровопролитием, проходили в городах, посещенных архиепископом. В Цинциннати нативисты с горящими факелами, ружьями и веревкой пробовали даже повесить посланника папы. Только выстрелы полицейских возле собора оказались способными рассеять толпу.

Кровавые события происходили, как правило, на праздник независимости 4 июля и в дни выборов. Толпы нападали на католические соборы, разбивали камнями окна, крушили статуи, алтари, кафедры, поджигали здания. Используя холодное и огнестрельное оружие, протестанты ранили и убивали прихожан. С помощью заложенных ночью бочек с порохом в 1854 г. были взорваны католические церкви в Дорчестере (Массачусетс) и Сиднее (Огайо). Вошли в историю как «кровавый понедельник» выборы 5 августа 1855 г. в Луисвилле (Кентукки). Бунт, по масштабам уступавший только филладельфийским событиям 1844 г., привел к ранению и гибели ста человек и сожжению двадцати домов. Городской собор, захваченный толпой, уцелел лишь чудом.

Не дремали и лидеры нативистов, заседавшие в представительных учреждениях и разрабатывавшие антикатолическое законодательство. В 1854 г. был принят ряд биллей и ордонансов против Римской церкви и ее приверженцев в Массачусетсе, Нью-Йорке и других штатах. Вводились запреты и ограничения для католиков на занятие государственных должностей, приобретение земли, службу в добровольческой милиции. Законодательно устанавливался контроль над деятельностью религиозных корпораций и их ответственностью. Проводились унижительные для Римской церкви инспекции женских монастырей и колледжей.

«Ничего не знающие» обрушились с необоснованными и подчас оскорбительными нападками на католическую церковь. По мнению ультрапротестантов, в монастырях и приходах процветают аморальность, алкоголизм. Католики специально создают приюты, усыновляют тысячи детей американских протестантов, чтобы потом перекрестить их в свою веру. Много писалось о преступном, безнравственном поведении католических священников,

монахинь, об убийствах ими незаконнорожденных детей. Враждебность в отношении сторонников Римской церкви была связана и с «боязнью того, что они представляют угрозу американским демократическим институтам и свободам». Опасались «иностранныго влияния» и «иноземной религии, верховным главой которой является итальянец, живущий в четырех тысячах миль от нашей страны». Что еще хуже: он был светским правителем, «иностранным князем». Римский папа «командовал армией и флотом, правил с помощью деспотизма и обращался со своей страной, как и другие монархи Европы, подобно самодержцу».

Нативисты всерьез верили в «угрозу вторжения в США войск папы и его союзников с целью подавления ненавистных ему демократических свобод и учреждений». В заговор против демократии вовлечены не только католические епископы долины Миссисипи, но и европейские монархические государства. Интриги против республики якобы плели лично также реакционный канцлер Австрии Меттерних и русский царь Николай I. Нативисты всюду видели заговоры врагов-иммигрантов, подозревавшихся в предательстве «принявшей их страны». По и мнению, романо-католики в первую очередь «паписты» и лишь потом — американцы. Они — проводники интересов иностранной державы — Папской области, осуществляющей политический контроль над большими группами населения. Американские католики — «агенты влияния», зараженные монархическими идеями, изменники, поэтому им нельзя предоставлять избирательные права ²⁷.

В изданиях «ничего не знающих» приводились леденящие душу свидетельства преступной политики католицизма, сильно завывалось количество жертв «кровавого кодекса инквизиции». Известно, что испанские фанатики в XVI в. уничтожили несколько поселений протестантов. Из данного факта делался вывод о том, что «Америка была крещена в протестантской крови папистами-иезуитами» ²⁸. «Примеры из истории свидетельствуют о том, что Рим погубил миллион альбигойцев и вальденсов, уничтожил полтора миллиона евреев и три миллиона мавров в Испании. Франция никогда не забудет Варфоломеевскую ночь, когда сто тысяч душ было загублено только в Париже! Кровь протестантов обогрела землю Англии, Германии и Ирландии. Подлинные документы Римской церкви показывают, что она приговорила к смерти шестьдесят восемь миллионов человек! ...Медики удостоверяют, что кровь жертв составляет 272 миллиона галлонов, которых достаточно, чтобы река Миссисипи вышла из берегов и затопила все хлопковые и сахарные плантации Луизианы! ...А сейчас справедлива данная характеристика римской иерархии? Изменилась ли она к лучшему? Отреклась ли от этих доктрин и методов? Нет, нет и еще раз нет! Она является той же тиранической системой, которой была всегда, и останется подобной в будущем, поскольку такова ее природа!» ²⁹.

«Ничего не знающие» разрушили гранитный камень, подаренный римским папой Пием IX для Мемориала Вашингтона. В книгах и прессе публицисты и журналисты не стеснялись в сильных выражениях в адрес католической церкви. Экстремисты предпочитали именовать папу не иначе как «Антихристом». По их мнению, коррумпированный Рим все еще представляет «опасность» и способен на «агрессивные действия» против протестантизма. Святой Престол и «иностранные иезуиты» стремятся уничтожить политические и религиозные свободы в США. «Старый римский папа и его безнравственные епископы и священники... погрязли в пьянстве, чувственных удовольствиях, злоупотреблениях, интригах и политиканстве» ³⁰. Протестантизм, направленный против епископата и монархии, обеспечивает политические свободы и демократию. «Потомки Лютера и Кальвина, пуритан и Пенна пришли в Америку, чтобы иметь церковь без папы, и они создали

правительство без трона». В заговор против республиканских институтов вовлечены внутренние и внешние силы. По мнению «ничего не знающих», под контролем римского папы находится ведущая американская партия демократов. Общая подрывная работа объединила «измену, социализм и иезуитизм»³¹. Во имя «торжества папского деспотизма на руинах Америки» используются «церковь, школа, религиозные учреждения, политические собрания, урна для голосования». Иезуиты стремятся повлиять на законодателей, губернаторов, президентов, на прессу³². Иммиграция порождает пауперизм, рост безработицы, криминальность, коррупцию и антиобщественное поведение. Данные полиции указывают, что, концентрируясь в городах, иностранцы бродяжничают, не хотят учиться и работать. Римская церковь целенаправленно организует массовый переезд из Европы многолетних нищих семей, опасных преступников, ирландских католиков, различных религиозных сектантов, монархистов, аболиционистов, социалистов, коммунистов, анархистов. Въезжают социальные паразиты, «бедняки, мошенники, шулеры, алкоголики, тунеядцы». Не случайно и появление в 1840-е гг. знаменитых ирландских банд Нью-Йорка. Все делается для уничтожения Соединенных Штатов³³.

Подобные представления свидетельствовали о широком распространении среди американцев в переходную эпоху конспиративистских настроений, социальных мифов и страхов. Американская психоистория, описывая политический радикализм, оперирует с такими понятиями, как «параноидные процессы», «комплекс неполноценности», «параноидный коллапс», «передовые психоклассы», «параноидная тревога», «конспиративистский менталитет», «параноидное сознание», «внутренние групповые фантазии»³⁴. Психологи утверждают, что теория заговора — конспирология схожа с функцией стереотипа, который дает упрощенную картину отдельного феномена. Нежелание широких масс общества прилагать усилия к пониманию объективных, структурных причин проблемы выливается в поиск простых ее решений. В конечном счете — в отыскивание врагов, персонально ответственных лиц, ликвидация которых должна привести и к устранению проблемы. Таким образом, концепции заговора дают выход хаотичной деструктивной социальной энергии.

В нативистских настроениях проявился не только иррационализм. Очевидна и рациональная составляющая. Ведь длительное время США были единственной значительной республикой в мире. Великие державы Европы же оставались монархиями, проводившими реакционный курс в рамках политики Священного Союза. Особенно отличились в этом католические страны — Австрия, Испания, Франция, итальянские княжества. В такой ситуации многим передовым людям в Европе и Америке казалось, что римский папа был тормозом мирового прогресса. К представлениям о заговоре католической церкви, первоначально зародившимся среди антиклерикальных мыслителей Старого Света, оказались наиболее восприимчивы протестанты США.

Следует учитывать, что идеи «американизма», «американизации» и «американского образа жизни» были весьма популярны, разделялись большей частью общества Соединенных Штатов. Но подобные представления вигов и демократов отличались умеренностью. Демократы вначале недооценили нативизм, считая его неким «экзотическим растением, чуждым свободной земли». Впоследствии в пылу полемики они сравнивали Американский орден с иезуитами, «святой инквизицией», нацеленными на утверждение «деспотизма» в США. Авраам Линкольн указывал на противоречие нативистской идеологии принципам Конституции, «Билля о правах» и «Декларации независимости». В соответствии с основополагающими документами Американской революции «все люди рождаются равными в правах и свободными». «Ничего не знающие» же предлагали добавление: «все люди равны, кроме негров, иностранцев и католиков».

Противников нативистов заботило «процветание» страны. Иммиграция же, дающая трудовые резервы, по их мнению, была необходима для экономического развития страны, освоения Запада. Так, виг и один из будущих лидеров республиканцев Уильям Генри Сьюард (1801—1872) под «американизмом» понимал «истинное чувство патриотизма» и выступал против притеснения иммигрантов. Он относился «благожелательно» к привлечению иностранцев в США. Америка — страна огромных возможностей и «средоточие колоссальных природных ресурсов. Он считал «опасной демагогией» утверждения о том, что «гражданство и право голоса могут быть только «привилегиями» для избранных. Лишение права голоса противоречит «политической и религиозной свободе», «принципу равенства гражданских и политических прав для всех людей». Необходима и «толерантность к чужим церквям»³⁵. Сьюард выступал за «американизацию» системы образования. В школах возможна успешная ассимиляция детей иммигрантов. Переселенцы должны интегрироваться в американское общество, усвоить его ценности, язык, культуру, законы, свободы, нормы поведения, образ жизни. Это должен быть естественный, постепенный процесс. Антинативисты указывали на недопустимость выполнения требований «ничего не знающих». Нельзя вернуться в прошлое — к «практике колоний Новой Англии» в XVII веке. В ту эпоху пуританское вероисповедание «являлось обязательным условием полного гражданства»³⁶.

Архиепископы и епископы, в свою очередь, заявляли о лояльности, приводили примеры из истории. Несправедливо говорить о том, что все католики являются лишь бездумными орудиями в руках римского папы, слепо ему повинуются. Об этом свидетельствует история Европы. Так, Венецианская республика и некоторые княжества Италии, несмотря на признание духовной власти папы, неоднократно вели войны с Ватиканом³⁷.

Придя к власти в отдельных регионах, партия «Ничего не знаю» не сумела реализовать намеченную программу. Ее местные лидеры и активисты были малоизвестными деятелями с небольшим политическим опытом. Проводимая ими политика в 1855—1856 гг. только дискредитировала организацию и способствовала падению ее популярности. Примером неудачной политики нативистов являются события весны 1855 г. в Чикаго. К власти в городе пришел блок «Закон и порядок» («Law and Order»). Он объединил «ничего не знающих» и поборников моральных устоев общества, в основном из числа баптистов и других консервативных протестантов. С точки зрения жителей Чикаго городской совет начал проведение экстремистского курса. Второе была увеличена численность служащих органов правопорядка. Иммигрантам запретили наниматься в полицию. Усилиями мэра был введен «сухой закон». Эта мера сразу же вызвала чрезвычайное раздражение немцев и ирландцев, привыкших проводить уик-энд в питейных заведениях города. Незамедлительно последовал «пивной бунт» (Lager Beer Riot). В ходе беспорядков погиб один человек, шестьдесят подверглись аресту. В итоге в марте 1856 г. на муниципальных выборах победила антинативистская коалиция, немедленно отменившая все ограничения на алкоголь.

В 1855—1856 гг. изменилась расстановка сил в руководстве «ничего не знающих». Оттеснив прежних руководителей ордена, на первые роли выдвинулась когорта новых лидеров. Многие известные южные и северные политики, преимущественно из рядов распавшейся вигской партии, перешли в лагерь сторонников ограничения иммиграции. Ими были, в частности, Миллард Филлмор (1800—1874), Джон Белл (1797—1869), Эдвард Эверетт (1794—1865), государственный секретарь в 1852 г. С именем Филлмора, занимавшего пост президента США в 1850—1853 гг., связано принятие компромисса

Клея 1850 г. по рабству. Ведущие позиции в руководстве «ничего не знающих» заняли спикер палаты представителей Натаниэль П. Бэнкс, сенатор из Кентукки Джон Дж. Криттенден, влиятельный виг из Теннесси Эндрю Джексон Донелсон. К Американской партии примкнули также Генри Уилсон, Шуйлер Колфакс и Эдвард Бейтс, занятые позднее в администрациях республиканцев Линкольна, Гранта и Хейса³⁸. Филлмор официально присоединился к Американской партии в 1855 году. В прессе было опубликовано письмо от 3 января 1855 г. к другу Исааку Ньютону из Филадельфии. В послании Филлмор полностью поддержал принципы нативизма. Он заявил: «Я признаю в качестве общего правила, что нашей страной должны управлять урожденные американцы»³⁹. В феврале 1856 г. Национальный Американский конвент номинировал ньюйоркца Филлмора на высший государственный пост, а южанина Э.Дж. Донелсона — в вице-президенты. Однако в то время Американская партия превращалась в откровенно консервативную организацию. Она утрачивала в глазах избирателей ту притягательную силу, которую некогда имела.

Руководство «ничего не знающие» заняло позицию нейтралитета в вопросе о рабстве, вышедшем на передний план во внутриполитической борьбе в США. Принятая программа Американской партии в качестве приоритета провозглашала развитие «братских связей между гражданами разных штатов» и сотрудничество региональных правительств. Было заявлено о недопустимости вмешательства Конгресса и других федеральных органов власти в вопросы, находившиеся в исключительной компетенции отдельных штатов. Рабство признавалось «особым институтом» Юга. Фактически программа 1856 г. утверждала компромисс в отношении рабовладения во имя сохранения единства Союза. Тем самым партия оттолкнула от себя массы фермеров, рабочих, мелкой буржуазии — противников распространения рабовладения на западные территории.

Попытка перехода на прорабовладельческие позиции вызвала раскол в партии «ничего не знающих». Обострились разногласия между северными и южными нативистами. Разделение произошло уже на конвенте в феврале 1856 года. Странники территориального ограничения рабства покинули лагерь «ничего незнающих» и взяли курс на сближение с республиканской партией⁴⁰.

Во время президентской избирательной кампании 1856 г. «ничего не знающие» выступали под лозунгом «За национальный Союз!». Они сообщали о «засилье ненатурализованных иностранцев», особенно в г. Нью-Йорке, об их влиянии на ход выборов. В прессе писали о характерных злоупотреблениях на местах — внесении имен неграждан в списки для голосования. В то же время, во многих официальных предвыборных публикациях нативисты старались избегать резких высказываний против «системы папизма» и католицизма. Филлмора сравнивали с Вашингтоном. Представляли его как «морально чистого» политика с незапятнанной репутацией, «патриота и консерватора»⁴¹.

На выборах 1856 г. Филлмор получил голоса северных американских националистов и южных вивов. Выдвиженец «ничего не знающих» набрал более чем 21% голосов избирателей (около 900 тыс. из 4 млн). Он завоевал поддержку восьми выборщиков Мэриленда⁴². Итоги выборов свидетельствовали, что националисты пользовались наибольшим влиянием в семнадцати штатах Северо-Востока, Северо-Запада и «глубокого» Юга. Значительную поддержку «ничего не знающие» получили в Калифорнии, а также в «пограничных» штатах (Делавэр, Мэриленд, Кентукки, Миссури). На Юге Американская партия оставалась на короткое время единственной оппозиционной демократом силой. В то же время, в большинстве свободных от рабства регионах нативистов потеснила зарождавшаяся республиканская партия. В сто-

личном округе Колумбия даже была образована прочная антинативистская коалиция из демократов, республиканцев и фрисойлеров.

Влияние нативистов, достигнув пика в 1856 г., после выборов резко пошло на спад. Вопрос об иммиграции полностью потерял актуальность, уступив место главной проблеме — рабовладению. В это время страна неотвратимо двинулась по направлению к гражданской войне⁴³. В Канзасе происходили вооруженные столкновения между сторонниками и противниками рабства. Федеральное правительство шло на уступки плантаторам. К 1857 г. большая часть северного крыла националистической партии поддержала антирабовладельческую Спрингфилдскую программу. Произошло объединение нативистов Севера с республиканцами. Южные расисты же сблизились с демократами⁴⁴. В итоге во многих штатах из-за борьбы по вопросу о рабстве местные организации партии «Ничего не знаю» полностью развалились. К осени 1859 г. Американская партия исчезла из политической жизни США. Однако ей на смену пришли местные «оппозиционные партии», возникшие на основе остатков групп «ничего не знающих». В Кентукки Партия оппозиции (The Opposition Party) в 1859 г. выдвинула Дж. Белла в губернаторы⁴⁵.

Произошедшие изменения в партийно-политической системе Америки нашли отражение в прессе демократов: Демократы считали себя единственной оставшейся общенациональной партией. В «ничего не знающих» и республиканцах они видели «опасные» экстремистские группировки. Их существование угрожало конституционным правам, свободам граждан и единству страны. Только демократическая партия могла стать «основой стабильности» и «успешного» развития США. Теоретический журнал «Демократик Ревью» писал: «Беспокойство так называемой Американской партии о процветании и устойчивости Союза на самом деле является самонадеянным обманом и преступной ложью». «Ничего не знающие» «выпустили залпы» «необоснованных, опрометчивых обвинений в адрес значительной части политического сообщества». Угрозы и «проклятия» были направлены против некоренных американцев, «равные права которых как граждан гарантированы священными принципами Конституции»⁴⁶.

Оценивая положение «ничего не знающих» по регионам к концу 1858 г., демократы утверждали: «Чудовище под названием “Нативизм” уничтожено на Юге и Западе благодаря мощи, бдительности и неутомимой, кропотливой работе демократической партии. В обеих Каролинах, в Кентукки, составлявших ранее главный оплот Американской партии, где она чувствовала себя хозяином, теперь ее лидеры находятся в полном пренебрежении. Миссури и другие южные штаты осудили узурпацию и демагогию, навсегда свергли господство партии без надежды на восстановление в будущем»⁴⁷. Бесславно завершилось существование организации, «хвалившейся» «достижениями» в области политической дискриминации иммигрантов и католиков. Распалась партия, «которая оскорбляла значительную часть нашего народа и желала ограничить ее неоспоримые и освященные веками права». Ведь некоренные граждане «в войне и мире, в счастье и беде», «во время общественных потрясений и испытаний, колонизации и конституционных реформ» доказали «беспримерную преданность всем нашим учреждениям». Иммигранты — «важнейший элемент нашей нации и национальной мощи».

«На Севере под непрерывным, энергичным натиском демократов Американская партия вынуждена отказаться от претензий на власть и искать прибежище под крышей более жизнеспособной, но не менее опасной организации. В штатах Новой Англии исчезла даже тень ее былого влияния. В Пенсильвании, Нью-Джерси и Нью-Йорке она находится в инертном состоянии, не проявляет активности и вскоре окончательно объединится с более

успешными и влиятельными республиканцами». «У демократической партии сейчас, следовательно, только один серьезный соперник, победив которого, можно завоевать абсолютное превосходство на местном и национальном уровнях»⁴⁸. Но данные прогнозы не сбылись. Вскоре в воздухе запахло гражданской войной. По проблеме рабства демократы раскололись на умеренную северную фракцию С. Дугласа и экстремистов-южан во главе с Дж. Брекенриджем. Это обстоятельство предопределило их поражение и победу республиканца А. Линкольна на президентских выборах в 1860 году.

В избирательной кампании 1860 г. участвовала и четвертая политическая сила — Партия конституционного Союза. Ее сформировали бывшие виг-консерваторы и нативисты из пограничных штатов — сторонники 63-летнего сенатора Дж. Белла (Теннесси) и Э. Эверетта (Массачусетс). Данная структура являлась преемницей Американской партии. Конституционная юнионистская партия главную задачу видела в том, чтобы путем компромиссов сохранить целостность Союза. На выборах она стремилась набрать как можно больше голосов и заблокировать прохождение кандидатов от северных и южных радикалов. Конституционная партия Союза надеялась на то, что президентские выборы будут перенесены в Конгресс. Предвыборными лозунгами ее стали: «Свобода и нерушимый Союз!» и «Союз должен быть сохранен!».

Во время предвыборной борьбы противники новой организации называли ее по аналогии с «ничего не знающими» партией «ничего не делающих». Но сторонники Белла сумели организовать мощную кампанию. Были сформированы агитационные команды из молодых людей — «минитменов» или «стражей свободы». На лужайках и площадях городов во время шумных митингов воздвигали длинные шести, украшенные флагами и большими деревянными колоколами — символом кандидата в президенты⁴⁹ (англ. bell — «колокол», «звонок»). Конституционно-юнионистская партия одержала победу в «срединных» штатах — Вирджинии, Кентукки и Теннесси. Во многом это было связано с расколом демократов на две конкурирующие партии. Велика была поддержка новой партии в некоторых северо-западных и южных штатах. В регионах, где Линкольн не был представлен в бюллетенях, доля Белла составила 39%. В итоге последнего поддержали 13% избирателей, что дало ему 39 голосов в коллегии выборщиков-электоров.

Реакционные ксенофобские идеи пустили глубокие корни в американском обществе. Демонизация, дискредитация и призывы к дискриминации католиков и новоприбывших иностранцев были связаны с религиозными предрассудками протестантов и психологическими отличиями «чужаков». С новой силой нативизм возродился сразу же после гражданской войны 1861—1865 гг. Крайние проявления он нашел в деятельности Ку-клукс-клана. Под давлением «ничего не знающих» правительство вынуждено было принять законы, запрещающие переселение азиатов в страну. Вводились также жесткие квоты на иммиграцию из Европы.

Таким образом, рассматриваемая эпоха была неустойчивым временем. США стояли перед несколькими большими вызовами: иммиграционно-демографическим (массовый приток иностранцев), партийно-политическим (крах старой двухпартийной системы), социально-расовым (выход на передний план проблемы рабовладения) и внешнеполитическим (Америка все больше интегрировалась в систему международных отношений, утрачивая прежний «изоляционистский» статус). Существовали объективные причины возникновения национализма. Одной из главных была боязнь того, что миллионы иммигрантов не ассимилируются, а значит и не интегрируются в американское общество. Иммиграция способствовала разрушению прежних моральных идеалов и общественных привычек. Имели место также экономи-

ческие, социальные, политические, культурные противоречия между коренными и некоренными гражданами.

В 1850-е гг. страна находилась в состоянии переходного политического периода. Условия нестабильности и распада старой партийной системы были благоприятными для активности различных маргинальных и экстремистских течений. «Ничего не знающие» выступили в качестве политической контрэллиты, претендуя на роль ведущей силы в новой двухпартийной системе. Во многом они были традиционалистским, консервативным движением охранительной направленности. Праворадикальная организация сумела приобрести влияние, используя демагогию и популизм. Но обострение вопроса о рабстве сделало неактуальной борьбу с «кознями сторонников святой католической церкви» и привело к краху Американской партии.

Примечания

1. HOFSTADTER R. The Age of Reform. From Bryan to F.D.R. N.Y. 1955, p. 37—38.
2. CARROLL A.E. The Great American Battle: Or, The Contest Between Christianity and Political Romanism. N.Y. — Auburn. 1856, p. 342; BROWNLOW W.G. Americanism contrasted with foreignism, Romanism, and bogus democracy, in the light of reason, history, and Scripture: in which certain demagogues in Tennessee, and elsewhere, are shown up in their true colors. Nashville (Tenn.), 1856, p. 58—59; BUSEY S.C. Immigration: Its Evils and Consequences. N.Y. 1856, p. 89.
3. Foreign Immigration. — American Whig Review. Vol. 6, № 6, November 1847, p. 455.
4. BROWN J.H. Pictures of Ireland. — Harper's new monthly magazine. Vol. 42, № 250, March 1871, p. 496—514; LATHROP G.P. Hostility to Roman Catholics. — The North American review. Vol. 158, № 450, May 1894, p. 563—573.
5. MCGLYNN E. The New Know-Nothingism and the Old. — The North American review. Vol. 145, № 369, August 1887, p. 195.
6. HAYNES G.H. A Chapter from the Local History of Knownothingism. — The New England magazine. Vol. 21, № 1, September 1896, p. 83.
7. LEONARD I.M., PARMET R.D. American Nativism. 1830—1860. N.Y. 1971, p. 54—57, 66—75.
8. CARROLL A.E. Op. cit., p. 24.
9. America for Americans. — The Wide-awake Gift: A Know-nothing Token for 1855. N.Y. 1855, p. 40—43.
10. См.: PRIME S.I. The life of Samuel F.B. Morse, LL. D., inventor of the electro-magnetic recording telegraph. N.Y. 1875.
11. Burning of the Charlestown Convent. — Boston Evening Transcript, 1834, August 12.
12. Continuation of Evidence Relative to the Riots. — Public Ledger (Philadelphia). Vol. 17, 1844, July 19.
13. The Philadelphia Riots. — New Englander and Yale review. Vol. 2, № 8, October 1844, p. 624—631.
14. The Legislatures of the Present Year. — The United States Democratic Review. Vol. 10, № 43, January 1842, p. 47—48, 50; The Mystery of Iniquity. A Passage of the Secret History of American Politics, Illustrated by a View of Metropolitan Society. — The American Whig Review. Vol. 1, № 6, June 1845, p. 552—553.
15. National Unity. — New Englander and Yale review. Vol. 6, № 24, October 1848, p. 586—587; BILLINGTON R.A. The Protestant Crusade. 1800—1860. N.Y. 1938, p. 53—55.
16. Еще в середине XVIII в. Бенджамин Франклин требовал полной ассимиляции германоязычных граждан Пенсильвании, составлявших треть населения штата. С тех пор борьба с двуязычием и «чужеродной» культурой стала важнейшей задачей американских нативистов.
17. В качестве примера психологической непохожести переселенцев можно привести склонность ирландцев, баварцев, австрийцев, итальянцев к употреблению алкогольных напитков в выходные и праздничные дни. Эта привычка, ставшая частью национальной культуры некоторых европейских народов, вызвала негодование верующих американских протестантов, что нашло отражение в документах той эпохи
18. BOND T.E. The «Know-Nothings». — The Wide-awake Gift., p. 54—63.
19. ANSPACH F.R. The Sons of the Sires: A History of the Rise, Progress, and Destiny of the American Party, and its probable influence to the next presidential election. Philadelphia. 1855, p. 137—147.
20. LIVERMORE E. Q.K. Philander Doesticks: What He Says? N.Y. 1857, p. 242—244. Символика нативистов носила синкретический характер, представляя собой соединение либеральных масонских и национально-патриотических эмблем. Симбиоз правых представлений, национализма и либерально-демократических ценностей (республиканизм, антиклерикализм, индивидуализм и др.) свидетельствует о некоторой амбивалентности, двойственности идеологии «ничего не знающих».

21. JOHNSON C. Centennial history of Erie County, New York: being its annals from the earliest recorded events to the hundredth year of American independence. Buffalo (N.Y.). 1876, p. 449—450; HAYNES G.H. A Know-Nothing Legislature. — The New England magazine. Vol. 22, № 1, March 1897, p. 21—23.
22. BARRE W.L. The Life and Public Services of Millard Fillmore. Buffalo (N.Y.). 1856, p. 370—374; BUSEY S.C. Op. cit., p. 47—61.
23. ANSPACH F.R. Op. cit., p. 163.
24. BERGER M. The Revolution in the New York Party System. 1840—1860. Wash. 1973, p. 14—20; MCPHERSON J.N. Ordeal by Fire. The Civil War and Reconstruction. N.Y. 1992, p. 88—90.
25. Harper's New Monthly Magazine. Vol. 5, № 30, November 1852, p. 833; Ibid. Vol. 6, № 31, December 1852, p. 120; The Herald — Onward! — The United States Democratic Review. Vol. 31, № 173, November—December 1852, p. 409—410.
26. HEDGES H.P. A history of the town of East-Hampton. N.Y. — Sag-Harbor (N.Y.). 1897, p. 289.
27. MCGLYNN E. Op. cit., p. 192—193.
28. CARROLL A.E. Op. cit., p. 238.
29. BROWNLOW W.G. Op. cit., p. 55—56.
30. Ibid., p. 5—7.
31. О «мировом заговоре иезуитов» см.: PITRAT J.C. Americans warned of Jesuitism, or The Jesuits unveiled. N. Y. 1851; M'CORRY J.S. The Jesuit in the nineteenth century: an historical sketch of the rise, fall, and restoration of the Society of Jesus. L. 1874; THOMPSON R.W. Footprints of the Jesuits. Cincinnati — N.Y. 1894.
32. CARROLL A.E. Op. cit., p. 23, 30.
33. BUSEY S.C. Op. cit., p. 66—82, 107—137.
34. См.: HOFSTADTER R. The Paranoid Style in American Politics and Other Essays. N.Y. 1965; ЭНТИН Д. Теории заговоров и конспиративистский менталитет. — Новая и новейшая история, № 1, 2000, с. 69—81; ЛЛОЙД ДЕ МОЗ. Психоистория. Ростов-на-Дону, 2000.
35. WHITE R.G. William Henry Seward. — The North American review. Vol. 124, № 225, March 1877, p. 219—220.
36. Ibid., p. 221.
37. MCGLYNN E. Op. cit., p. 194. См. также: The Works of William H. Seward. By G.E. Baker: In 5 vols. Boston. 1884; The Autobiography of Thurlow Weed. By his grandson, T. Weed Barnes: In 2 vols. Boston. 1884.
38. BENNETT D.H. The Party of Fear; From Nativist Movements to the New Right in American History. N.Y. 1990, p. 115.
39. BARRE W.L. Op. cit., p. 382. См.: Millard Fillmore Papers. By F.H. Severance. Buffalo (N.Y.). 1907. Vol. 11, p. 3—35.
40. Вслед за прорабовладельческим решением руководства «ничего не знающих» состоялась заседание местных советов организации в свободных штатах. Большинство из них приняли резолюции против рабства. Одним из первых высказался еще 7 августа 1855 г. в г. Спрингфилде Совет Массачусетса. Была принята новая конституция (устав), ориентировавшая Американскую партию Массачусетса на сопротивление рабовладению («Спрингфилдская платформа») (HAYNES G.H. Op. cit., p. 86).
41. BARRE W.L. Op. cit., p. 385, 408.
42. Ex-President Millard Fillmore. Obituary. — The New York Times, March 9, 1874, p. 1.
43. VAN BUREN M. Inquiry into the Origin and Course of Political Parties in the United States. 1867. Reprint. N.Y. 1967, p. 366—372.
44. Оценка текущих событий содержится в газетах Американской и Оппозиционной партий: The Decision in the Supreme Court. — Baltimore Sun (Maryland), March 9, 1857; The Dred Scott Case and the Missouri Compromise. — Natchez Courier (Mississippi), March 14, 1857; The Decision in the Dred Scott Case. — Louisville Journal (Kentucky), March 16, 1857; The Decision of the Supreme Court in the Dred Scott Case. — Little Rock Daily Gazette (Arkansas), April 4, 1857; The Insurrection at Harper's Ferry. — Frankfort Commonwealth (Kentucky), October 21, 1859; The Harper's Ferry Riots. — Republican Banner and Nashville Whig (Tennessee), October 22, 1859; No Pardon or Commutation of Sentence for Old Brown. — Raleigh Register (North Carolina), November 9, 1859; What Shall the South Do? — Wilmington Daily Herald (North Carolina), December 5, 1859.
45. KING E. The Great South. — Scribner's monthly, an illustrated magazine for the people. Vol. 9, № 2, December 1874, p. 148—149.
46. The Democratic Party of the Nation. — The State of New York. — The United States Democratic Review. Vol. 42, № 4, October 1858, p. 261.
47. Ibid., p. 262.
48. Ibid., p. 263.
49. COPELAND D.S. History of Clarendon from 1810 to 1888. Buffalo (N.Y.). 1889, p. 268, 270—271.

Ликвидация чересполосицы на землях Западной Беларуси в 1921—1929 гг.

В.П. Гарматный

По итогам советско-польской войны (1919—1921 гг.) около половины этнически белорусских земель (примерно 97 тыс. кв. км)¹ вошли в состав возрожденного польского государства — Второй Речи Посполитой (1919—1939 гг.). В соответствии с принятым в Польше территориально-административным делением земли Западной Беларуси оказались в начале 1921 г. включенными в состав четырех северо-восточных воеводств — Полесского, Новогрудского и частично Виленского и Белостокского². За территорией Западной Беларуси и частично Западной Украины в официальных польских документах закрепилось название «Кресы Восточные» («Kresy wschodnie», «восточные окраины»). В экономическом плане Западная Беларусь в рассматриваемый период являлась ярко выраженным аграрным регионом, так как более 80% местного населения было занято в сфере сельского хозяйства.

Одним из главных пережитков со времен крепостничества, значительно сдерживающим дальнейшее развитие сельского хозяйства страны, стала чересполосица. И если в западных воеводствах Второй Речи Посполитой, которые находились прежде под властью Прусской и Австро-Венгерской империй, чересполосица в сельском хозяйстве фактически отсутствовала, то на землях Западной Беларуси и Западной Украины, входивших ранее в состав Российской империи, эта проблема была чрезвычайно актуальна³. Польские государственные и научные деятели отмечали, что подобная ситуация в земледелии наблюдалась ранее и во многих западноевропейских странах, но там объединение крестьянских земельных наделов прошло намного раньше, в то время как во Второй Речи Посполитой хуторизацию необходимо было еще повсеместно провести⁴.

По данным сельскохозяйственной переписи, проведенной польскими властями 30 сентября 1921 г., в Западной Беларуси насчитывалось 349 239 самостоятельных крестьянских хозяйств с наделами до 50 га, общая площадь которых составляла 2 392 388 га земли⁵. Около 207 900 местных крестьянских хозяйств были чересполосными и узкополосными: из них крестьяне, которые имели от 1 до 2 га земли составляли 14,8%, от 2 до 5 га — 44,2%, от 5 до 10 га — 29,5%, от 10 до 20 га — 9,6%, от 20 до 50 га (зажиточные крестьяне) — 1,9%. Таким образом, 59% чересполосных крестьянских хозяйств приходилось на малоземельные с наделами до 5 гектаров⁶. По оценкам исследователей, 40% крестьянских хозяйств восточных воеводств состояли из земельных наделов шириною от 1 до 2 м, а 14% хозяйств имели земельные наделы уже 1 м, из-за чего крестьянину с конем трудно было на них даже развернуться.

Как пример чрезвычайно высокой чересполосицы можно назвать деревню Матузы-Болондишки Лидского повета Новогрудского воеводства, крестьянские хозяйства которой обычно распались на 20—30 земельных наделов, многие из которых составляли в длину около 600 м и в ширину до 3 метров⁷. Так, на 1923 г. у местных крестьян Юзефа и Антония Матуза насчитывалось более чем по 20 земельных наделов⁸.

Таким образом, на начало 1920-х гг. проведение укрупнения крестьянских земельных наделов в Западной Беларуси было необходимо и жизненноважно. На территории коренной Польши проведение хуторизации началось еще в 1919 г.⁹; а на западнобелорусских землях оно стало возможным только в 1921 году.

На основании распоряжения Совета министров Второй Речи Посполитой от 23 марта 1921 г., с целью осуществления земельной политики и проведения аграрной реформы на западнобелорусских землях были созданы Полесская (центр в г. Пинске) и Новогрудская (г. Новогрудок) окружные делегатуры¹⁰. 20 марта 1922 г. вышло постановление Совета министров: ликвидировались окружные делегатуры, а вместо них создавались окружные земельные управления во главе которых стояли председатели, являющиеся одновременно председателями воеводских земельных отделов¹¹. Кроме Полесского и Новогрудского, польскими властями на территории Западной Беларуси 11 января 1923 г. было также создано Виленское окружное земельное управление¹². Распоряжением Министерства земледелия и земельных реформ от 17 сентября 1924 г. центр Полесского окружного земельного управления был перенесен из г. Пинск в г. Брест-над-Бугом¹³ — новый административный центр Полесского воеводства.

31 июля 1923 г. Сеймом Второй Речи Посполитой был принят закон о комасации (объединении разрозненных и разбросанных земельных наделов в личных крестьянских хозяйствах)¹⁴. По закону крестьянские чересполосные наделы сводились в один, по стоимости примерно равный объединенным, с перенесением сюда дома и созданием таким образом хутора. Расходы на осуществление хуторизации (содержание землемеров, оплата специальных налогов, переселение и перенесение построек) возлагались в основном на местных крестьян¹⁵.

Для осуществления комасации своих земель крестьянам необходимо было подать заявление в местное воеводское земельное управление с ходатайством о проведении хуторизации. Инициатором хуторизации деревни мог быть даже один местный житель, при условии, что суммарная площадь его земельных наделов превышала 25 гектаров¹⁶. Для проведения сселения деревни на хутора крестьянам необходимо было на общем собрании, где должны присутствовать не менее 50% местных самостоятельных хозяев¹⁷, избрать совет сселения (*rada uczestnikow scalenia*), численный состав которого зависел от количества жителей деревни и составлял обычно от 3 до 7 человек, а также заместителей членов совета. В функции совета сселения входила помощь землемеру при проведении измерительных работ и в решении спорных вопросов землевладения¹⁸.

Западнобелорусские крестьяне в большинстве поддерживали проведение хуторизации, так как надеялись, что с осуществлением комасации «может немножко лучше будет»¹⁹. Например, 12 мая 1927 г. жители деревни Каменка Кобринского повета Полесского воеводства избрали совет сселения деревни, в который вошли местные крестьяне: Семен Максимук, Павел Рочка, Томаш Костюк, Гурий Гучко, Ян Максимук, Ефим Омелянчук и Ипатий Сацук, их заместители: Михаил Хомичук, Ян Марчук, Потап Яцук, Савва Андрейчук, Алексей Щука, Зосима Шостак и Трофим Максимук, подав заявление в Полесское окружное земельное управление о проведении комасации земельных наделов их деревни. 11 мая 1928 г. польские власти заключили с землемером Стефаном Хаусбрандтом договор о проведении комасации деревни Каменка общей площадью 1388 га по цене в 17 злотых за хуторизацию 1 га крестьянской земли²⁰.

Необходимо отметить, что проведение комасации в Западной Беларуси вначале проходило медленно из-за тяжелого материального положения местных крестьян, малого числа населенных пунктов²¹ и неблагоприятных природных условий (значительная часть западнобелорусских земель и особенно в Полесском воеводстве была заболочена и по оценкам польских исследователей примерно в 50% случаев осуществления хуторизации необходимо было также провести мелиорационные работы)²². Так, в отчете Полесского окружного земельного управления за 1927 г. отмечалось,

что «тяжело на Полесье проводить земельные и измерительные работы, поскольку эти земли пугают землемеров болотами и примитивными условиями проживания, которые не могут удовлетворить элементарных нужд интеллигентного землемера. Кроме того, они вынуждены работать здесь среди людей с очень низким уровнем культуры и другим менталитетом в сравнении с коренным населением Польши, что негативно влияет на работу землемеров»²³.

Для осуществления комасации польские власти привлекали в основном опытных и подкованных специалистов, в том числе и отставных офицеров-артиллеристов, которые по роду бывшей деятельности были хорошо знакомы с чертежами и вычислениями: для повышения их квалификации открывались специальные шестимесячные курсы землемеров²⁴. Кроме того, в первую очередь материально поощрялось участие в проведении хуторизации учащихся местных дорожно-строительных и инженерных школ²⁵. Например, в 1926—1929 г. Министерство земледелия и земельных реформ вело переговоры с воеводскими земельными отделами о приеме на работу в качестве помощников землемеров студентов геодезических факультетов Политехнических университетов Варшавы и Львова, а также учащихся средних землемерных школ с оплатой по X разряду государственных служащих. Месячное жалование землемера обычно составляло 650, его квалифицированного помощника — 425, практиканта — 250 злотых. Кроме того, землемер и его помощники получали дополнительную плату за проведенные ими измерительные работы, причем землемер получал 1/2 оплаты за работу, помощник 1/3, а практикант 1/6. Властями компенсировались командировочные издержки землемеров, но измерительные приборы у землемера должны быть своими. Принимать на работу при проведении хуторизации нужно было в первую очередь польских граждан, а иностранцев — только с согласия местного воеводы.

По оценкам польских исследователей на осуществление комасации отдельной деревни необходимо было около 2 лет²⁶, причем на подготовку нормативно-правовой и технической документации требовалось в некоторых случаях до 20 мес., в то время как сами работы по разбивке деревни на хутора могли быть проведены за 11—12 месяцев²⁷. Необходимо отметить, что многие западнобелорусские крестьяне были недовольны слишком продолжительными сроками проведения хуторизации своих деревень. Например, 6 сентября 1926 г. жители деревни Вулька Кобринского повета Полесского воеводства жаловались в Полесское окружное земельное управление на землемера Адольфа Лапинского: «комасация [в нашей деревне] идет с начала 1925 г., [мы] надеялись, что она продлится 3—4 месяца, а она идет уже два года, из-за чего наша деревня осталась без куска хлеба, и мы не только не можем прокормиться, но и выплатить налоги как государственные, так и гминные. Просим... ускорить проведение комасации»²⁸.

Успешное проведение хуторизации было невозможно без оказания помощи хуторянам со стороны польских властей в форме льготных банковских кредитов. 14 января 1927 г. Сеймом принят закон о кредитах крестьянам на переселение²⁹. Существовало два вида кредита на комасацию: нельготный кредит от воеводского земельного отдела сроком на 15 лет (переселенцу выделялось 1200, в исключительных случаях 2500, злотых на перенесение избы и хозяйственных построек, 600 (редко до 800) злотых на мелиорацию земли, а также на приобретение земли (кредит на 1 га земли не мог превышать среднюю рыночную цену земли в данной местности) и оформление технических и юридических документов) выдавался под ипотечное обеспечение под 4% годовых и не мог превышать половины стоимости крестьянского надела³⁰; льготное кредитование из других источников (из государственного бюджета, доходов Государственного сельскохозяйственного банка, воеводского земельного отдела) на 5, 15, 25 или 35 лет под 4% годовых на хозяйственные нужды при проведении комасации, на приобретение дополнительных земельных наделов, на обустройство хозяйства. Особенностью данного вида кредита было то, что на протяжении первых 1—3, а изредка 5 лет проценты не начислялись³¹.

При получении кредита на проведение комасации крестьянину необходимо было заплатить первоначальный взнос, а потом каждое полугодие (1 апреля и 1 октября) выплачивать сумму основного долга равными процентами. Гербовый сбор при оформлении кредита составлял 7 злотых 20 грошей, его необходимо было заплатить в течение месяца с дня оформления³².

Несмотря на все усилия польских властей, провести комасацию на землях Западной Беларуси в 1921—1929 гг. бесконфликтно не удалось. Во многих западнобелорусских деревнях отмечались выступления недовольных крестьян, вызванных непониманием сущности политики комасации и желанием получить при проведении хуторизации дополнительную пахотную землю³³. Так, 19 декабря 1924 г. по вопросу перехода на хутора деревни Кушицы Несвижского повета Новоградского воеводства послами (депутатами) Белорусского посольского клуба (БПК) в Сейме была подана интерпелляция (жалоба). Представители западнобелорусского крестьянства обращали внимание на то, что во время осуществления комасации их деревни лучшие земли перешли во владение зажиточных крестьян, а беднякам достались самые неурожайные земли³⁴. 30 октября 1926 г. члены БПК подали в Сейм очередную интерпелляцию, которая касалась перехода на хутора крестьян деревни Песли (на самом деле Пески) Гродненского повета Белостокского воеводства. В ней отмечалось, что в 1925 г. 6 жителей деревни из числа зажиточных крестьян выступили инициаторами проведения комасации, но не были поддержаны большинством односельчан³⁵. Польскими властями в деревню был направлен землемер, а затем и был утвержден проект сселения, по которому лучшие земли переходили к зажиточным крестьянам. Жители выступили против такого осуществления комасации, вследствие чего в Пески прибыл гродненский поветовый староста и отряд конной полиции. Члены совета сселения выступили против утвержденного проекта хуторизации, в результате чего каждый из них был оштрафован на 25 злотых. Представители БПК просили польские власти отменить комасацию деревни Пески и «установить законное положение в данной деревне»³⁶.

Значительным препятствием польских властей при хуторизации в Западной Беларуси стала деятельность Коммунистической партии Западной Беларуси (КПЗБ), которая выступала против комасации и за передачу западнобелорусским крестьянам земли без выкупа. Под влиянием коммунистов 3 февраля 1927 г. в местечке Косово Полесского воеводства произошла манифестация против разгона польскими властями Белорусской рабоче-крестьянской громады (БРКГ). В акции приняли участие по разным оценкам от 1500 до 3000 крестьян, которые выступили как против запрета БРКГ, так и против комасации. Манифестация закончилась столкновением с полицией, в ходе которого погибло 6 человек и десятки были ранены³⁷. В 1928 г. жители деревни Юхновичи Слонимского повета Новоградского воеводства под влиянием агитации КПЗБ выступили против хуторизации их деревни и прогнали землемеров. Польские власти направили в деревню отряд полиции для усмирения крестьян³⁸.

Подводя итоги, необходимо отметить, что за 1921—1929 гг. польскими властями на территории Западной Беларуси были проведены значительные подготовительные работы по реализации политики хуторизации, осуществлено сселение 36 962 местных хозяйств общей площадью 390 239 га, что составляло около 17,8% чересполосных и узкополосных хозяйств и 16,3% земель. В среднем площадь хуторского хозяйства составляла в Западной Беларуси 7—10 гектаров³⁹. Проведение польскими властями хуторизации способствовало становлению в западнобелорусской деревне капиталистических отношений, ускорило экономическую дифференциацию крестьянства Западной Беларуси и укрепление его зажиточной части, которое на объединенных наделах могло эффективно использовать сельскохозяйственные машины и наемную рабочую силу, увеличивать поголовье тяглогового скота, вводить многопольный севооборот и т. д.⁴⁰. Как отмечалось в плане работ Полесского окружного земельного управления на 1927—1928 гг. и анализе существующих в воеводстве аграрных отношений: «комасацию нужно поставить на первое место (из всех составных частей осуществляемой аграрной реформы), потому что комасация упорядочивает недостатки сложившихся аграрных отношений, в связи с чем при проведении перестройки землепользования этому разделу работ необходимо будет уделить наибольший внимание»⁴¹. Комасация повышала эффективность личного крестьянского хозяйства (особенно крупного), снижала количество необходимых для обработки надела трудодней, содействовала повышению урожайности земли и соответственно сбору сельскохозяйственных культур.

1. МІЛЕЎСКІ Я.Е. Заходняя Беларусь: да пытання тэрыторыі і насельніцтва. Беларускі гістарычны часопіс, 1998, № 3, с. 40—41.
2. ВЕНДТ Я. Адміністрацыйныя падзелы Польшчы ў 20 ст. Гістарычны альманах, 2000. Т. 6, с. 49.
3. ГОЛЬДШТЕЙН И.И. Аграрные отношения в бывшей Польше, Западной Украине и Западной Белоруссии. М. 1940, с. 196.
4. BIELECKI J. Młodzież a reforma na wsi. Warszawa-Białystok-Brzesce p/B.-Kielce-Luck-Wilno. 1930, s. 29.
5. СОРОКИН А.А. Аграрный вопрос в Западной Белоруссии (1920—1939 гг.). Минск. 1968, с. 101.
6. КУХАРЕВ Б.Е. Сельское хозяйство Западной Белоруссии (1919—1939 гг.): Минск. 1975, с. 34.
7. ГОЛЬДШТЕЙН И.И. Ук. соч., с. 196.
8. STANIEWICZ W. Matujzy Bolondziszki: wies powiaty Lidzkiego. Wilno. 1923, s. 56.
9. JEZIEBSKA A., LESZCZYNSKA C. Historia gospodarstwa Polski. Warszawa. 1999, s. 270.
10. Rozporządzenie Rady Ministrów z dnia 23 marca 1921 roku w przedmiocie rozciągnięcia rozporządzenia tymczasowego Rady Ministrów z dnia 1 września 1919 r., normującego przeniesienie własności nieruchomości ziemskich na ziemię przyłączone do Rzeczypospolitej na podstawie umowy o preliminarjum pokoju i rozejmie, podpisanej w Rydze dnia 12-go października 1920 r. — Dziennik ustaw Rzeczypospolitej Polskiej (DURP), 1921, № 30, poz. 178, s. 391—392.
11. Rozporządzenie Rady Ministrów z dnia 20 marca 1922 r. w przedmiocie utworzenia okręgowych i powiatowych urzędów ziemskich na obszarze województw: nowogrodzkiego, poleskiego i wołyńskiego, oraz powiatów: białowieckiego, grodzieńskiego i wolkowskiego, województwa białostockiego. — DURP, 1922, № 41, poz. 345, s. 636.
12. Rozporządzenie Rady Ministrów z dnia 11 stycznia 1923 r. w przedmiocie rozciągnięcia na ziemię Wilenska mocy obowiązującej ustawy z dnia 6 lipca 1920 roku o organizacji urzędów ziemskich i ustawy z dnia 10 kwietnia 1921 r. w przedmiocie utworzenia Państwowego Banku Rolnego. — DURP, 1923, № 6, poz. 37, s. 71.
13. Rozporządzenie Ministra Reform Rolnych z dnia 17 września 1924 r. w sprawie ustalenia siedziby Poleskiego Okręgowego Urzędu Ziemskiego. — DURP, 1924, № 84, poz. 805, s. 1290.
14. Ustawa 31 lipca 1923 r. o scalaniu gruntów. — DURP, 1923, № 92, poz. 718, s. 1050.
15. Гароды і раены Берасцейшчыны. Гісторыя і сучаснасць. Івацэвіцкі раён. Брэст. 2009, с. 136.
16. DWORAKOWSKI V., JASINSKI E. Wskazówki dla scalających grunty. Warszawa. 1928, s. 8.
17. KLUZINIAK St. Komasaція iparcelacja. Lwow. 1928, s. 1526.
18. DWORAKOWSKI V., JASINSKI E. Op. cit, s. 22—23.
19. Національний архів Республікі Беларусь (НАРБ), ф. 242п, оп. 1, д. 297, л. 22.
20. Государственный архив Брестской области (ГАБО), ф. 60, оп. 1, д. 1138, л. 22.
21. ГАБО, ф. 60, оп. 1, д. 163, л. 1; д. 1152, л. 12.
22. НАРБ, ф. 242п, оп. 1, д. 297, л. 12.
23. Гароды і раены Берасцейшчыны. Гісторыя і сучаснасць. Івацэвіцкі раён, с. 137.
24. ГАБО, ф. 60, оп. 1, д. 271, л. 30б.
25. Там же, д. 263, л. 1.
26. ODLANICKI-POCZOBUTT St. Województwo Nowogrodzkie. Wilno. 1936, s. 449.
27. ANTONIAK W. Komasaція gruntów jako czynnik rozwoju rolnictwa na przykłądzie województwa Białostockiego. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk—Łódź. 1983, s. 17.
28. ГАБО, ф. 60, оп. 1, д. 915, л. 8.
29. Rozporządzenie Ministra Reform Rolnych z dnia 14 stycznia 1927 r. wydane w porozumieniu z Ministrem Skarbu o państwowej pomocy kredytowej przy scalaniu gruntów. — DURP, 1927, № 6, poz. 36, s. 45.
30. Гароды і раены Берасцейшчыны. Гісторыя і сучаснасць. Івацэвіцкі раён, с. 137—138.
31. DWORAKOWSKI V., JASINSKI E. Op. cit, s. 79—80.
32. Гароды і раены Берасцейшчыны. Гісторыя і сучаснасць. Івацэвіцкі раён, с. 138.
33. ЗЯЛІНСКІ П.І. Аграрная рэформа ў Заходняй Беларусі (1919—1939 гг.). — Праблемы ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР: гісторыя і сучаснасць. Матэрыялы міжнароднай навучна-тэарэтычнай канферэнцыі. Минск, БГУ, 17—18 сакавіка 1999 года. Минск. 2000, с. 28.
34. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР: Документы и материалы. В 2 т. Т. 1. 1921—1929 Минск. 1962, с. 95.
35. ГАК Л. Аграрная політыка польскай буржуазіі ў Заходняй Беларусі. Минск. 1933, с. 38.
36. Інтэрпеляцыі беларускіх паслоў у польскі Сойм 1922—1926 гг. Зборнік дакумантаў аб панскіх гвалтах, катаваннях і зьдзеках над сялянамі і рабочымі ў Заходняй Беларусі. Мінск. 1927, с. 432.
37. Они не встали на колени. Сборник воспоминаний и документов о концлагере Береза-Картузская. Минск. 1966, с. 171.
38. ПОЛУЯН В.А. Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии (1927—1939 гг.). Минск. 1978, с. 100—101.
39. ЗЯЛІНСКІ П.І. Ук. соч., с. 28.
40. KASINSKI K. Komasaція gruntów wiejskich. Warszawa. 1929, s. 15.
41. ГАБО, ф. 60, оп. 1, д. 1439, л. 1—10б.

Мария Петровна Фредерикс

И.В. Зимин

Словосочетание «отцы-основатели» — привычный и расхожий термин в истории России. Однако иногда ключевую роль в весьма значимых событиях играли не «отцы», а «матери»-основательницы. К таким эпизодам можно отнести создание Российского общества Красного Креста. В советский период дореволюционная история Красного Креста в России сводилась преимущественно к деятельности Н.И. Пирогова и участию сестер милосердия Крестовоздвиженской общины в обороне Севастополя, хотя на то время самого Красного Креста еще не существовало. Достаточно бегло упоминалось о том, что образованные под эгидой Красного Креста общины сестер милосердия породили новые женские профессии — фельдшерниц и сестер милосердия. Столь скупое освещение деятельности Красного Креста было связано с тем, что его рождение было тесно связано с женской половиной Императорского двора и лично императрицами Марией Александровной (супругой Александра II) и Марией Федоровной (супругой Александра III), которые были высочайшими покровительницами этого общества.

Как правило, в литературе, посвященной истории Красного Креста, упоминается, что инициатором его создания в России стал лейб-медик Императорского двора — Филипп Яковлевич Карелль. Это не совсем так. Истинными «моторами» в деле создания Красного Креста в России стали две подруги — фрейлина императрицы Марии Александровны баронесса Мария Петровна Фредерикс и учительница музыки дочери Александра II — Марфа Степановна Сабина. Однако информации как о Фредерикс, так и о Сабининой в научной литературе очень мало. В настоящей работе речь пойдет о фрейлине императорского Двора Марии Фредерикс и, отчасти, Марфе Сабининой, оставивших после себя заметный след в лице общества Красного Креста, действующего в России по настоящее время.

Баронесса М.П. Фредерикс в буквальном смысле выросла при Императорском дворе. В 1814 г. во время заграничного похода русской армии барон Петр Андреевич Фредерикс женился на подданной Пруссии — Сесилии Гуровской, которая воспитывалась «с самых юных лет» при дворе прусского короля вместе с принцессой Шарлоттой, которая в 1817 г., выйдя замуж за великого князя Николая Павловича, превратилась в великую княгиню Александру Федоровну, с 1825 г. императрицу всероссийскую. Поскольку Сесилия Фредерикс являлась ближайшей подругой императрицы, то ее дочь — Маша Фредерикс буквально «росла на скамеечке у ног императрицы!»¹.

Зимин Игорь Викторович — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. академика И.П. Павлова.

М. Фредерикс родилась в 1832 году. Ее крестным отцом стал Николай I. Исключительное положение семейства Фредерикс обеспечило Маше штатное место ² фрейлины при императрице Александре Федоровне, которое она получила в 16 лет. Поскольку М.П. Фредерикс росла при Императорском дворе, она была завидной невестой, и императрица неоднократно пыталась пайти ей жениха. Однако варианты не складывались, и Мария Фредерикс так и не вышла замуж.

Маша жила жизнью императорской семьи. Бесконечные придворные развлечения, достаточно хлопотная профессия «штатной» фрейлины, знакомства с интересными людьми поглощали все ее время. Так, она неоднократно танцевала на балах с «железным канцлером» Бисмарком, сидела во время придворных обсков рядом с Александром Гумбольдтом. Позже она писала, что если бы ей сказали в 1850-х гг., что она окажется в 1870 г. на франко-прусской войне в качестве сестры милосердия, «вот посмеялась бы я и сочла это предсказание сумасбродным, однако же, оно было так» ³.

В начале 1850-х гг. молодая фрейлина потеряла родителей, а в 1860 г. умерла ее высочайшая покровительница — императрица Александра Федоровна. Несколькое позже, осенью 1864 г., у 28-летней фрейлины вызревает мысль по достижении 35 лет оставить Императорский двор ⁴. Говоря об этом решении М.П. Фредерикс, следует подчеркнуть, что при императрице Марии Александровне она занимала совершенно исключительное положение. Неофициально она была главной фрейлиной императрицы. Этому положению завидовали очень многие. Им и в голову не приходило, что фрейлина Маша Фредерикс, находясь на «горе Фавора», может оставить Императорский двор, куда попасть мечтали очень многие.

Возможно, именно тогда баронесса Фредерикс начала задумываться о том, чем она будет дальше заниматься в жизни. К этому времени рядом с ней уже была ее подруга Марфа Степановна Сабинина, с которой она познакомилась в 1860 г., будучи соседкой по Фрейлинскому коридору Зимнего дворца. Уже тогда Фредерикс решает создать общину сестер милосердия. В своих записках она упоминает, что уговорила Марфу Сабинину «идти на это поприще со мной». Следовательно «автором идеи» создания Общины сестер милосердия, а затем и Красного Креста была именно Фредерикс.

В неопубликованной части «Воспоминаний старушки» Фредерикс упоминает, что, готовясь к новому поприщу, она стала посещать Крестовоздвиженскую общину сестер милосердия «еще до моего знакомства с г-жой Сабининой». Следовательно, посещения Крестовоздвиженской общины фрейлиной императрицы начались не позднее 1860 года. Фредерикс писала в воспоминаниях: «Мысль быть сестрой милосердия мне так запала в душу, что когда я находилась в Петербурге, еще до моего знакомства с г-жой Сабининой, я ездила дежурить в Крестовоздвиженскую Общину, основанную, как известно, великой княгиней Еленой Павловной во время осады Севастополя в 1855 году. В амбулаторной Общине я работала под непосредственным руководством известной сестры милосердия Елисаветы Петровны Карцовой. Об этих моих дежурствах в Крестовоздвиженской Общине знали только: императрица, великая княгиня Елена Павловна, фрейлина ее г-жа Эйлер, через которую я это все себе и устраивала и мой друг княгиня Голицына — больше никто. Утром я была испытываемой сестрой, а вечером я являлась на балы, театры и проч. светской барыней, и это в продолжении довольно многих лет» ⁵.

О деятельном характере Фредерикс свидетельствует то, что, приняв решение, она последовательно начала готовиться к его реализации. Так, понимая, что «ввиду устройства общины и необходимости иметь церковь при оной, и так как у меня больших средств не было, то мы придумали соорудить эту, нашу будущую Церковь по возможности собственноручно. В Ницце же преподавались очень хорошие уроки скульптуры по дереву; вот мы и употребили свое свободное время учиться вырезать. Нам эта работа удалась и, когда пришло время, то мы сами вырезали свой иконостас для церкви из орехового дерева» ⁶. Так рафинированная фрейлина в Ницце училась резьбе по дереву, замышляя «собственноручно» построить церковь.

К практической реализации своей идеи Фредерикс и Сабинина приступили осенью 1866 года. Толчком к началу «практической работы» послужила женитьба наследника-цесаревича великого князя Александра Александровича на датской принцессе Дагмар в октябре 1866 года. Обычно автором идеи создания Красного Креста в России считают лейб-медика Ф.Я. Карелля. В записке на имя императрицы Марии

Александровны, лейб-медик писал: «Мысль организовать такое Общество у нас по примеру Запада, занимала меня давно; она не оставляла меня в течение лета 1866 г., во время Австро-Прусской войны. Сознывая, что труд этого Общества есть труд любви и, что этим даром в высокой степени обладает женщина, я считал необходимым, прежде всего, обратиться к женскому участию, и мне пришлось на мысль заинтересовать моей идеей двух придворных дам: баронессу Марию Петровну Фредерикс и Марфу Степановну Сабинину. Что выбор этот был счастливый, заслуживший благословение свыше, доказала живая деятельность этих лиц в войнах последних 12 лет»⁷.

Следует добавить, что, по сведениям, отложившимся в личном архиве М.П. Фредерикс, летом 1866 г. лейб-медик Ф.Я. Карельс предлагал устроить в честь приезда датчанки «поликлинику с новейшими усовершенствованиями “по образцу берлинских”»⁸. В ходе обсуждения этого предложения с Фредерикс и Сабининой, последние, вероятно, аккуратно «навели» врача на новую идею, связанную с созданием «Общества попечения о раненых и больных воинах». Естественно, вторым шагом предполагалось создание общин милосердия под «крышей» создаваемого Общества. И, видимо, Карельс искренне поверил в то, что идея создания Красного Креста в России принадлежит ему. В этом эпизоде явно проявилась «квалификация» придворных дам в области интриг. Все приличия были соблюдены: врач является автором медицинской идеи, дамы идею поддержали, слегка ее подкорректировав. То, что эта идея не была родной для Карелья говорит и то, что лейб-медик через несколько лет вышел из руководящих структур Красного Креста, а Фредерикс и Сабинина работали в Обществе вплоть до середины 1880-х гг. и до конца жизни оставались его почетными членами. Таким образом, можно утверждать, что Красный Крест в России был создан именно по инициативе двух придворных дам.

Об организационных талантах Фредерикс и Сабининой свидетельствуют темпы создания Общества. К декабрю 1866 г. сформировался круг заинтересованных лиц. К этому времени из-за границы была выписана и проработана литература, связанная с деятельностью структур Красного Креста в Европе. 14 декабря 1866 г. состоялось первое организационное совещание будущего Общества на квартире баронессы Фредерикс в Зимнем дворце, в котором приняли участие лейб-медик Карельс, фрейлина Фредерикс, помощница воспитательницы дочери Александра II — Сабинина и еще несколько приглашенных лиц⁹. На этом совещании определили цель будущего Общества — «облегчение участи раненых и больных воинов на поле сражения» и обязанность — «заготавливать мирным временем весь тот материал, о котором не время уже будет думать во время войны». Было определено, что доступ в Общество открыт для всех. Под «всеми» имелись в виду, конечно, женщины. На совещании было принято решение обратиться за высочайшим покровительством к императрице Марии Александровне. 15 декабря 1866 г. фрейлина Фредерикс и Сабинина доложили императрице о желании основать Общество. Императрица Мария Александровна одобрила эту инициативу и согласилась принять над Обществом высочайшее покровительство.

Следует подчеркнуть, что статус «высочайшего покровительства» для вновь образуемого общества было получить совсем не просто, однако Фредерикс и Сабинина, «используя свои служебные связи», решили этот вопрос с легкостью. Более того, как следует из записок Сабининой императрица «согласилась с радостью». 16 декабря 1866 г. во время утреннего визита лейб-медик Карельс доложил о предполагаемом создании Общества императору Александру II. Царь уже был извещен об этой инициативе императрицей Марией Александровной, выразил согласие на создание Общества и «приказал писать устав». При этом он пожелал узнать у министра иностранных дел князя Горчакова «подробности наших трактатов со Швейцарией»¹⁰. В тот же день на квартире кн. А.В. Голицыной¹¹ состоялось собрание, на котором был составлен проект действий распорядительного комитета по организации Общества, в состав которого вошли упомянутые выше члены-учредители. Таким образом, вопрос об образовании «Общества попечения о раненых и больных воинах» был решен буквально в два дня, а его учредителям был дан карт-бланш на использование «административного ресурса» при создании указанного Общества.

На протяжении января 1867 г. шла активная выработка устава Общества. Проектов было подготовлено несколько. Первый вариант текста устава, состоявшего всего из 19 параграфов, был разработан Фредерикс и Сабининой¹². Этот проект, в осно-

ву которого были положены уставы аналогичных западных обществ, был рассмотрен на заседании 14 февраля 1867 года. В числе прочего, в этом проекте было сформулировано название — «Русское общество попечения о раненых и больных **воинах**».

Так или иначе, при обсуждении многочисленных редакций Устава старались учесть национально-религиозные особенности империи, политическую ситуацию и приняли за принцип, что Общество основано «на началах доверия и свободы, и по возможности свободно от формализма». Финансовые средства Общества должны были складываться в основном из ежегодных членских взносов. Основой местных структур Общества были местные комитеты, в которые принимались лица обоего пола. Все руководство делами Общества сосредотачивалось в его Центральном комитете. После обсуждения проекта Устава он был передан Сабининой на юридическую экспертизу К.П. Победоносцеву¹³.

Следующее совещание организационного комитета состоялось 28 февраля 1867 года. К этому времени к первоначальным учредителям (10 чел. на конец декабря 1866 г.) присоединилось еще 37 чел. и в конце февраля 1867 г. состав учредителей Общества состоял из 53 человек. На этом заседании было принято решение пригласить к участию в делах формирующегося Общества жителей Москвы. Выполняя это решение, в этот же день, граф Э.И. Тотлебен выехал в Москву. В результате число членов-учредителей к концу апреля увеличилось до 218 человек¹⁴.

Среди членов-учредителей Общества, записавшихся в Петербурге, были весьма влиятельные лица. Например, под № 1 в списке значился лейб-медик Ф.Я. Карелль. Под № 2 и № 3 — баронесса М.П. Фредерикс и М.С. Сабинина. Генерал-губернатор С.-Петербурга Ф.Ф. Трепов шел в списке Общества под № 17 (записался 28 декабря 1866 г.). П.А. Шувалов, начальник штаба Отдельного корпуса жандармов и руководитель III Отделения СЕИВК, которого называли «Петром Четвертым», значился под № 37 (записался 14 февраля 1867 г.). Классик отечественной медицины Н.И. Пирогов записался в Общество 16 февраля под № 47. Были в списке учредителей и другие врачи, преимущественно имевшие «выход» на придворные сферы. Среди них был лечащий врач наследника-цесаревича Г.И. Гириш (№ 58) и набиравший влияние в столичном медицинском сообществе С.П. Боткин (№ 66). Лейб-медик и профессор Медико-хирургической академии Н.Ф. Здекауер значился под № 81. Будущий министр Императорского двора и председатель Красного Креста в 1904—05 гг. кн. И.И. Воронцов-Дашков стал 73-м членом-учредителем Общества. Министр иностранных дел, канцлер, князь А.И. Горчаков записался под № 75. Ближайшая наперсница императрицы Марии Александровны фрейлина А.Н. Мальцова значилась под № 90¹⁵.

Список московских членов-учредителей Общества под № 1 открывал влиятельнейший митрополит Московский и Коломенский Филарет. Под № 4 значился известный литератор-славянофил И.С. Аксаков. Хозяин Москвы князь В.А. Долгоруков был только под № 22, литератор М.Н. Катков (№ 28), близкий друг и корреспондент влиятельного К.П. Победоносцева Е.Ф. Тютчева значилась под № 70. Были и представители богатейших купеческих фамилий Москвы, такие как сыновья Ивана Хлудова.

Говоря об увеличении числа учредителей Общества, следует иметь в виду, что императрица Мария Александровна принимала самое деятельное участие в их отборе. Фрейлина Фредерикс подчас получала по нескольку записок в день от императрицы по поводу тех или иных лиц, которых следовало бы пригласить в учредители Общества. Все отчетливо понимали, что уровень благосостояния Общества на начальном этапе его развития будет всецело зависеть от щедрости членов-учредителей. Так в одной из записок императрица писала Фредерикс о кандидатуре А.К. Карамзиной: «Мне кажется, что Аврора Казимировна была бы прекрасным приобретением для вашего комитета. Русское имя, богата и очень благотворительна. Я уже говорила ей об Обществе мимоходом»¹⁶.

С начала марта 1867 г. началась выработка окончательной редакции Устава Общества. Как следует из материалов архива Сабининой «Комитеты почти ежедневно заседали у М.П. Фредерикс»¹⁷. Несколько позже, для составления окончательной редакции Устава Общества был образован Особый комитет из 8 чел., куда вошли Фредерикс и Сабинина. Это был очень сложный процесс, требовавший многочисленных согласований.

Острые разногласия между Москвой и Петербургом возникли по поводу организационных форм участия женщин в деятельности Общества. Так, митрополит

Московский и Коломенский Филарет категорически возражал против совместной деятельности женщин и мужчин в структурах местных комитетов Общества. Он категорически настаивал на создании отдельных и организационно самостоятельных Дамских комитетов. В письме (10 марта 1867 г.) генерал Тотлебен писал фрейлине Фредерикс: «Высокопреосвященный не допускает, чтобы дамы заседали вместе с мужчинами в управлениях». Генерал подчеркивал, что в этом вопросе Филарет не пойдет на уступки. Фредерикс была возмущена позицией митрополита «по поводу изоляции дам», однако она прекрасно понимала всю степень его влияния на самые различные социальные слои общества, поэтому, написанное ею ответное письмо было предельно корректным. Более того, она завизировала текст письма у императрицы Марии Александровны, которая написала на черновике письма: «Мне кажется, что так будет хорошо». В этом письме Фредерикс писала, что «государыня с сожалением усматривает из приложения к письму Вашему, что высокопреосвященный Филарет видит залог успеха Общества в резком отделении дам от мужчин в заседаниях». 22 марта 1867 г. генерал Тотлебен, вернувшись в Петербург, был принят Александром II и императрицей Марией Александровной, где доложил мнение Филарета. Более того, он передал монархам слова Филарета, что тот не останется членом Общества и не напишет для него воззвания, «если Общество образуется, не отделив от него дам от мужчин. Так как Филарет была сила, которому противодействовать было опасно, то пришлось сделать ему уступку»¹⁸.

В результате баронесса Фредерикс, несмотря на свое категорическое несогласие с позицией Филарета, сообщала председателю Общества А.А. Зеленому: «По поручению Государыни Императрицы имею честь передать Вам, что вопроса о дамах Ея Величество не берет на себя решить, а поручает это комиссии. Что же касается до Московских дам, то Ея Величество изволила сказать, что они могут устраиваться по их собственному усмотрению»¹⁹.

Надо заметить, что не одна Фредерикс была болезненно задета позицией митрополита Филарета. Наперсница баронессы Марфа Сабинина даже всерьез рассматривала вариант организации «отдельного Общества», назвав его «Русским Женевским обществом». Однако от этой идеи дамы вскоре отказались.

Поскольку дело начинало затягиваться, грозя потонуть в дискуссиях, свое веское слово сказала императрица Мария Александровна. Она назначила аудиенцию одному из учредителей Общества — министру государственных имуществ Зеленому, которого видела руководителем Общества, и прямо выразила желание, чтобы к 17 апреля 1867 г., то есть дню рождения Александра II, «все было кончено». В результате 13 апреля 1867 г. Устав Общества был единогласно принят учредителями. Окончательная редакция Устава Общества была представлена на рассмотрение Государственного совета. Докладчиком, по воле императрицы Марии Александровны²⁰, был назначен генерал-адъютант А.А. Зеленой²¹. «Тяжелая артиллерия» в лице близкого к Императорскому двору министра государственных имуществ и личная заинтересованность императрицы Марии Александровны сделали свое дело. На заседании Государственного совета 28 апреля 1867 г. Устав Общества был принят без всяких изменений.

Примечательно, что именно с Фредерикс императрица Мария Александровна решала вопрос о выборе эмблемы Общества. Собственно дискуссий по этому вопросу не было, поскольку международная эмблема Красного Креста уже была хорошо известна. До нас дошел текст записки императрицы Марии Александровны, адресованный Фредерикс по этому вопросу: «Полагаю, что Красный Крест, как в Женеве, потому что мы примкнули к Конвенции. Я уже писала м-м Мальцевой. М.»²². 3 мая 1867 г. Устав Общества был высочайше утвержден Александром II. С этого дня²³ начался отсчет официальной истории Красного Креста в России.

Во второй половине 1867 г. начали открываться первые Дамские комитеты. С учетом того, что инициатива организации Общества исходила от фрейлины Фредерикс и Сабининой, состав Дамских комитетов (по крайней мере, в столицах) напоминал собой аристократический дамский клуб. Так, Санкт-Петербургский Дамский комитет возглавила камер-фрейлина императрицы Марии Александровны Е.Ф. Тизенгаузен, а вице-председателем была избрана ее подруга и «коллега по работе» фрейлина Фредерикс.

При Петербургском Дамском комитете, который часто называли «Главным» был образован склад «для сбора материальных пожертвований». Уже в декабре 1867 г. на

базе склада был создан первый в России Музей образцовых санитарных предметов. Этот склад находился под особым покровительством императрицы Марии Александровны. Примечательно, что территориально склад размещался в помещениях министерства Государственных имуществ.

Занимаясь организацией деятельности Общества, Фредерикс и Сабинина помнили о своем намерении оставить Императорский двор и образовать собственную Общину сестер милосердия. После того, как весной 1868 г. закончился 8-летний контракт на работу при Дворе М.С. Сабининой, обе дамы вышли в отставку. Фредерикс упоминает, что они уехали из Петербурга «вскоре после рождения Николая II», то есть в мае-июне 1868 года²⁴. Подруги направились в Крым, где жили в имении Фредерикс «Джемиет».

В 1870 г. Фредерикс и Сабинина, по желанию императрицы Марии Александровны, были отправлены на франко-прусскую войну. Императрица Мария Александровна хотела иметь на этой войне «свои глаза», поэтому она вызвала из Крыма людей, мнению которых доверяла безусловно. Главной задачей Фредерикс и Сабининой был сбор информации о деятельности европейских структур Красного Креста. Поскольку у Фредерикс были огромные связи при прусском дворе и она была знакома с О. Бисмарком, то поездка удалась. Они посетили двор королевы Вюртембергской Ольги Николаевны, дочери Николая I, с которой Фредерикс была знакома с раннего детства. Обе русские сестры милосердия, как они себя называли, Мария и Марфа, были удостоены вюртембергского ордена Ольги. Они добросовестно выполнили поручение императрицы. Впоследствии Фредерикс и Сабинина опубликовали «Всеподаннейшие письма о посещении военно-санитарных учреждений Германии»²⁵. Надо заметить, что опубликованные 19 писем к императрице по своей информативности напоминают грамотный отчет хорошо подготовленного офицера Генерального штаба о военном потенциале противника²⁶. За добросовестную работу императрица Мария Александровна пожаловала Фредерикс и Сабининой почетные знаки отличия — броши с изображением Красного Креста.

Полученная информация была немедленно использована. После возвращения Фредерикс и Сабининой из Германии и последовавшего доклада императрице, высочайшей покровительницей Общества была дана команда немедленно приступить к строительству лазаретных барakov «по германскому образцу». Курировалось строительство лазаретов Красного Креста на самом высоком уровне. Была образована дочерняя структура — «Санкт-Петербургский Дамский лазаретный комитет». В этом комитете решающую роль играли фрейлига императрицы Мальцева, Фредерикс, Сабинина и известный доктор Бертенсон. В апреле 1871 г. состоялась закладка первого «Мариинского барака», названного в честь императрицы Марии Александровны.

После того, как «проект» императрицы был успешно завершён, Фредерикс и Сабинина получили возможность в 1872 г. вернуться в Крым и заняться своим проектом. Поскольку создание Общины требовало значительных средств, подруги сначала начали приводить в порядок запущенное имение «Джемиет». Им удалось наладить производство и сбыт собственных мускатов и токаев и сделать имение прибыльным²⁷.

В результате в Крыму в имении Фредерикс «Джемиет» была открыта Благовещенская община сестер милосердия, которой покровительствовала императрица Мария Александровна. Официально Община была открыта в 1875 году. Благовещенская община находилась поблизости от императорской резиденции Ливадия, до Ялты от имения было 5,5 верст, а до моря 3,5 версты.

Благодаря покровительству и материальной поддержке императрицы при Общине были построены церковь, два жилых дома, барак для больных, часовня и кладбище. Императрица лично присутствовала на освящении церкви Общины в мае 1876 года. Примечательно, что иконостас для церкви был вырезан из дерева собственными руками баронессы Фредерикс и четырех сестер Сабининых, которые к этому времени переехали в Крым и поселились поблизости от «Джемиета». Так, навыки, полученные в Ницце в 1864 г., пригодились на практике. Настоятельницей Благовещенской общины сестер милосердия стала Сабинина. Поскольку Фредерикс и Сабинина сохраняли свои связи при Императорском дворе, многие материальные и кадровые проблемы общины успешно решались.

Тогда же, в 1875 г., был решен вопрос о возможности руководства женщинами местными управлениями Красного Креста. В 1875 г. глава Красного Креста генерал А.К.

Баумгартен писал Фредерикс: «В новом уставе уже допущены в состав местных управлений и дамы, и в самом непродолжительном времени будет сделано представление, чтобы в местных управлениях могли быть председатели или председателиницы по желанию»²⁸. Со второй половины 1870-х гг. женщины заняли видное положение в Обществе, возглавляя не только местные комитеты и управления, но и окружные структуры.

В 1876 г. отряд сестер милосердия Благовещенской общины (10 чел.) во главе со своей настоятельницей Сабининой отправился на сербско-турецкую войну. Перед отъездом в Сербию архиепископ Гурий возложил на нес настоятельский крест. В качестве сестер милосердия на войну отправилась и Фредерикс, а также их новая подруга С.В. Дараган²⁹. Они везли в Сербию все необходимое для лазарета на 100 коек. В Сербии отряд Сабининой проработал с 15 августа по 18 ноября 1876 года. За свою работу Фредерикс и Сабинина были удостоены Командорского креста сербского ордена Такова и сербского ордена Красного Креста. Следует отметить, что всего Красным Крестом в Сербию были направлены 115 врачей, 4 провизора, 118 сестер милосердия, 41 студент, 78 фельдшеров с лазаретом на 200 кроватей³⁰.

После начала русско-турецкой войны (1877—1878 гг.) в апреле 1877 г. императрица назначила Сабинину заведовать уходом за ранеными на санитарных поездах в Румынии. В ее отряд входили Фредерикс и Дараган. Санитарные поезда впервые использовались для эвакуации раненых и дамам пришлось проявить недюжинный организаторский талант для решения многочисленных проблем, возникавших в ходе войны. Несколькими позже Сабинина с сестрами милосердия работала в Русуцком отряде, который возглавлял великий князь Александр Александрович, с отрядом в составе 131 сестры милосердия³¹. Анна Корба³², ставшая сестрой Благовещенской общины, вспоминала: «По приезде в Бухарест я представилась двум солидных лет дамам: Сабининой и баронессе Фредерикс, стоявшим во главе Благовещенской общины. Ответственной начальницей собственно была Марфа Степановна Сабинина. ... Она отнеслась ко мне благосклонно, однако сказала, что комплект сестер у нее полный, но для меня она делает исключение ввиду того, что я приехала издалека. ... В начале моей службы меня назначили на поезд, где старшей сестрой была Сабинина, для того чтобы я усвоила себе во всей строгости обиход путешествия поезда из Бухареста в Рени и обратно». Именно усилиями Сабининой и Фредерикс удалось наладить эвакуацию раненых по Дунаю. За период 1878—1879 гг. было вывезено баржами 2143 человека³³. За эту работу Сабинина была удостоена бронзовой медали за русско-турецкую войну 1877—1878 гг.; знака Красного Креста 1877—1878 гг. и румынского ордена Елисаветы.

После возвращения в Крым осенью 1878 г. Фредерикс и Сабинина продолжили деятельность в «Джмиесте». Главной целью Благовещенской общины стало оказание бесплатной медицинской помощи людям, не имевшим средств на лечение. Тяжелобольных помещали в созданных своими силами госпиталь при церкви Святого Благовещенья. Тем, кто мог ходить, предоставлялись необходимые лекарства и постоянное наблюдение врачей и фельдшеров.

Лето 1880 г. Фредерикс и Сабинина проводили в Ялте на даче у Дараган. К этому времени (май 1880 г.) умерла императрица Мария Александровна. На даче Дараган в августе 1880 г. их посетил цесаревич Александр Александрович с женой — цесаревной Марией Федоровной. Как вспоминала Фредерикс, «наследник сейчас же узнал нашу третью подругу г-жу Дараган, виденную им сестрой милосердия во время последней войны, а Ее Высочеству она была представлена мной. Цесаревна объявила, что она берет Общину под свое покровительство, т.к. Высочайшей Покровительницы не стало. Они у нас долго оставались». Таким образом, высочайшее покровительство над Благовещенской общиной сестер милосердия сохранилось в полном объеме, поскольку уже в марте 1881 г. Мария Федоровна стала императрицей. Однако тогда в августе 1880 г., когда Александр II покидал Ливадию, «Марфа Степановна Сабинина и я ездилы прощаться с Его Величеством. Он нас милостиво и ласково принял, мы обнялись и поцеловались, как всегда»³⁴.

В 1882 г. Сабинина пережила страшную трагедию. В ночь с 8 на 9 июля 1882 г. в поселке Магарач близ Благовещенской общины сторел каменный дом, в котором жили ее родные. В огне погибла ее престарелая мать и четыре сестры. Следствие установило, что это было убийство, и погибших перед смертью пытали, а затем зарубили топором. По подозрению в убийстве было арестовано несколько человек, одна-

ко суд присяжных оправдал двоих из убийц, при этом определение суда вызвало «громкие аплодисменты присутствующей публики».

Эта трагедия буквально подкосила подруг. Сначала Фредерикс и Сабинина вновь переехали на дачу Дараган в Ялту, а затем уехали в имение «Кастрополь», которое принадлежало подруге Фредерикс баронессе Толль. Там они пытались возродить привычные занятия. В имении была сооружена деревянная переносная церковь, поскольку в ближайшей округе храмов не было. Уезжая из «Каргополя», они передали церковь на Феодосийское подворье Топловского монастыря. В соответствии с волей Фредерикс и Сабининой эту церковь из имения «Кастрополь» перевезли на Феодосийское подворье и 6 августа 1891 г. совершили ее закладку.

В это последнее десятилетие Фредерикс и Сабинина писали воспоминания, музицировали, занимались живописью и гуляли. К общественной деятельности, прерванной трагическими событиями 1882 г., они так и не вернулись. В 1891 г. Сабинина перенесла апоплексический удар. Фредерикс писала: «Почти год она не могла играть. Теперь она поправляется и может опять заниматься живописью и музыкой»³⁵. Однако улучшения оказались кратковременными и 14 декабря 1892 г. Марфа Сабинина умерла в возрасте 61 года. Ее похоронили в Ялте на Поликуровском кладбище.

После смерти подруги Фредерикс прожила еще 10 лет. Она по-прежнему оставалась в Крыму, но в «Джемиет» уже не вернулась и жила в Ялте на даче Дараган. Там она увидела изданными первую часть своих воспоминаний, а также воспоминания своей подруги Марфы Сабининой. Мария Фредерикс позволила работать с материалами своего архива, результатом чего стало издание к 25-летию Красного Креста брошюры, посвященной организации Красного Креста в России. Фредерикс поддерживала связи с членами семьи Александра III и навещала их, когда те приезжали в Ливадию. В 1894 г. она пережила тяжелые дни, будучи свидетельницей безвременной смерти Александра III. Любопытно, что Марию Фредерикс представили будущей императрице Александре Федоровне на второй день после ее приезда в Ливадию в октябре 1894 года. Это представление было связано с тем, что Мария Фредерикс в дни своей молодости бывала в Дармштадте и дружила с матерью Александры Федоровны принцессой Алисой³⁶.

Тогда же в 1894 г. Фредерикс и Дараган основали дневной детский приют «Ясли Заречья». Этот приют существовал «на случайные пожертвования» и был прообразом современных детских садов. Туда водили детей в возрасте от 1,5 до 8 лет. Детский сад вмещал 28—30 детей, которые находились в нем «весь рабочий день»³⁷. Попечительницей приюта была София Владимировна Дараган. Примечательно, что в списке постоянных жертвователей были и состоятельные ялтинцы и приезжие «дачники» из Петербурга, которых много лет знала Фредерикс. Например, в 1894 г. будущая императрица Александра Федоровна пожертвовала «на ясли» 500 рублей.

В 1902 г. имение «Джемиет» было продано Министерству Императорского двора, при этом Благовещенской общине сестер милосердия были оставлены те здания и земля, которые они занимали с 1875 года. Благовещенская община продолжала работать вплоть до установления советской власти в Крыму. После гражданской войны пришедшие в ветхость строения общины были снесены, и на их месте заложена плантация винограда.

Скончалась Мария Петровна Фредерикс в Ялте 20 ноября 1903 года. Незадолго до смерти она написала письмо Николаю II: «Дорогой мой Царь! Мне плохо, я ухожу. ... молю вас не оставляйте мою подругу Софию Владимировну Дараган...». Император выполнил предсмертную просьбу старой фрейлины. Все ее долги были уплачены, похороны прошли за счет министерства Императорского двора, а для Дараган было назначено «ежегодное негласное пособие из Кабинета Его Императорского Величества по 1200 руб. в год»³⁸.

Трудно переоценить вклад Фредерикс и Сабининой в историю отечественного здравоохранения. Созданное по их инициативе Российское общество Красного Креста стало мощной и востребованной структурой, активно работавшей как до, так и после 1917 года.

Примечания

1. ФРЕДЕРИКС М.П. Из воспоминаний баронессы М.П. Фредерикс. — Исторический вестник. 1898, № 1, с. 52.

2. Штатные фрейлины получали жалование за свою работу и жили в Зимнем дворце. Их число было ограничено. Просто фрейлин было более сотни. Это было почетное звание девиц, которое предполагало периодическое участие в дворцовых церемониях и не оплачивалось.
3. ФРЕДЕРИКС М.П. Ук. соч. — Исторический вестник. 1898, № 4, с. 56
4. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), ф. 432, д. 16, ч. 3, л. 14.
5. Там же, л. 101.
6. Там же.
7. Основание Российского общества Красного Креста и развитие его деятельности в период 1867—1875 гг. Систематический сборник материалов. Т. 1. СПб. 1881, с. 4.
8. АЛМАЗОВА Н. К двадцатипятилетию Российского общества Красного Креста. М. 1892, с. 3.
9. Среди приглашенных был сын П.А. Нарановича — А.П. Наранович, сопровождавший отца в 1864 г. в Шлезвиг-Гольштейн, очевидец сражения при Киссингене и деятельности там санитарного общества.
10. АЛМАЗОВА Н. Ук. соч., с. 3, 5.
11. Той самой Голицыной, которая была осведомлена о работе М.П. Фредерикс в Крестовоздвиженской общине с начала 1860-х годов.
12. Устав, написанный карандашом, был подписан «Marthe et Marie».
13. В 1865 г. К.П. Победоносцев был назначен членом консультации Министерства юстиции, в 1868 г. — сенатором, в 1872 г. — членом Государственного совета, а в 1880 г. — обер-прокурором Святейшего синода.
14. В Москве в состав учредителей вошли 84 человека. В Петербурге к 53 членам-учредителям прибавилось в марте еще 50 чел., а в апреле — 31. Ко времени утверждения устава «Общества» число учредителей в двух столицах достигло 218 человек. См.: Основание Российского общества Красного Креста и развитие его деятельности в период 1867—1875 гг. Систематический сборник материалов. Т. 1. СПб. 1881, с. 3—4.
15. Основание Российского общества Красного Креста..., т. 1. Приложения, с. 10.
16. АЛМАЗОВА Н. Ук. соч., с. 6.
17. Там же.
18. Там же, с. 11, 15.
19. Там же, с. 17.
20. В письме Фредерикс к князю Трубецкому в Москву упоминается, что «Ея Величество ... остановила свое внимание на министре государственных имуществ А.А. Зеленом, избранию которого сочувствует большинство Общества». См.: АЛМАЗОВА Н. Ук. соч., с. 15.
21. Зеленой Александр Алексеевич (1819—1880) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии, министр государственных имуществ, член Государственного совета, член Комитета министров и Кавказского, Сибирского и Остзейского комитетов.
22. АЛМАЗОВА Н. Ук. соч., с. 17.
23. Фредерикс считала днем основания Российского общества Красного Креста 14 декабря, то есть тот день, когда на ее квартире во Фрейлинском коридоре Зимнего дворца состоялось первое заседание учредителей будущего Общества.
24. ОР РНБ, ф. 432, д. 16, ч. 3, л. 94.
25. ФРЕДЕРИКС М.П., САБИНИНА М.С. Всеподданнейшие письма о посещении военно-санитарных учреждений Германии. — Вестник Общества. 1870, № 10, № 11; 1871, № 2.
26. Путевые заметки двух сестер Красного Креста во время поездки за границу осенью 1870 г. СПб. 1871.
27. Это подтверждается тем, что в отчете, составленном после продажи в 1902 г. имения «Джеммет», упоминается о табачной плантации и винограднике, занимавшем почти 4 десятины. В 1902 г. виноградники были уже в «плохом состоянии в возрасте 40-50 лет». Упоминаются и сорта винограда: Рислинг, Бордо, Токай, Мускат. РГИА, ф. 515, оп. 45, д. 561, л. 3.
28. АЛМАЗОВА Н. Ук. соч., с. 19.
29. ОР РНБ, ф. 432, д. 16, ч. 3, л. 66.
30. Российское общество Красного Креста. Исторический обзор деятельности. СПб. 1902, с. 8.
31. Основание Российского общества Красного Креста..., т. 1, с. 147.
32. Следует отметить, что в «привдворной» Общине сестер милосердия подвижничали девушки-дворянки. Так, Анна Корба была дочерью действительного статского советника и женой итженера, швейцарского подданного.
33. Очерк деятельности Красного Креста при оккупационных русских войсках в княжестве Болгарском и Восточной Румелии. 1878—1879 год. Князь С.В. Шаховской. СПб. 1880, с. 51.
34. ОР РНБ, ф. 432, д. 16, ч. 3, л. 95, 97.
35. Там же, л. 26.
36. Там же, л. 113об.
37. Отчет дневного детского приюта «Ясли Заречья» с 1 января 1904 г. по 1 января 1905 г. Ялта. 1905.
38. РГИА, ф. 472, оп. 40(194)2682), д. 13, л. 21, 27об.

Арзамас: от провинциального города к уездному центру

М.Б. Щавелёва

Историческое развитие Арзамаса и его уезда в 1779—1860 гг. является актуальной исследовательской проблемой по ряду причин. Во-первых, данная тема не была еще предметом самостоятельного изучения. Во-вторых, участие Арзамаса в событиях общероссийской истории последней четверти XVIII — первой половине XIX в. зачастую недооценивалось или не получило всестороннего освещения. В-третьих, в истории провинциального города существует масса «белых» пятен: нет точной даты основания Арзамаса, до сих пор ведутся споры по поводу толкования названия города. На протяжении десятилетий изучение истории провинциальных городов, сел, посадов и деревень занимало незаслуженно скромное место в исторической науке, являясь, главным образом, уделом местных краеведов. Между тем, осмысление событий так называемой региональной истории дает ключ к пониманию закономерностей истории общероссийской.

Круг источников, в которых нашло отражение социально-экономическое и культурное развитие Арзамаса и его уезда в 1779—1860 гг., достаточно широк: неопубликованные документы (материалы фондов Центрального архива Нижегородской области), законодательные акты, опубликованные документы, статистические источники, периодические издания, воспоминания, дневники, записки российских государственных деятелей, ученых, современников.

В дореволюционной литературе освещались лишь отдельные аспекты данной проблематики. В 1857 г. об Арзамасе и его памятниках писал архимандрит Макарий¹. Большой вклад в изучение истории России XVIII в. внес профессор Ю.В. Готье². Среди исследователей арзамасской истории необходимо назвать Н.М. Шеголькова³, И.С. Ремезова⁴. Некоторые исторические сведения содержатся в работах С.И. Архангельского, Я.Е. Водарского, А.И. Парусова, П.А. Хромова, Н.Л. Рубинштейна⁵.

Анализ источников и литературы показывает, что начало глубоких изменений в развитии Арзамасского края относится к 1779 г. и связано с утверждением Арзамаса в качестве уездного центра в составе Нижегородского наместничества. Новый статус города обусловил появление новых органов власти и управления, изменение административного и социально-сословного состава населения. Расположенный на пересечении многих транспортных путей России государственной важности, Арзамас получил в последней четверти XVIII в. мощный импульс для экономического, социального и культурного развития. В 1796 г. Нижегородское наместничество было ликвидировано. 31 декабря 1796 г. был издан «Штат Нижегородской губернии», в состав которой вошел и Арзамасский уезд.

Щавелёва Марина Борисовна — кандидат исторических наук, доцент Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

До середины XVIII в. Арзамас, как и другие города Среднего Поволжья, сохранял средневековую планировку: пожары были большим бедствием в условиях запутанной сети извилистых улиц и, большей частью, деревянной застройки города.

С учреждением в 1779 г. Нижегородского наместничества в штате его правления впервые появилась должность губернского архитектора, которую занял Я.А. Ананьин. Под его непосредственным руководством осуществлялось градостроительное преобразование и застройка городов наместничества, в том числе и Арзамаса.

С марта 1781 г. Арзамас получил регулярный геометрический план застройки⁶. В качестве основы нового плана была предложена прямоугольная сетка улиц, распространяемая на всю территорию города. Деление города на большой и малый остроги отменялось. Но автор первого плана учитывал исторические традиции города, поэтому на местах старых верхнего и нижнего торгов запроектировал две большие центральные площади.

Губернаторы имели право несколько корректировать городские планы. Такой корректировке был подвергнут и арзамасский план в 1782—1784 годах. Сохранились чертежи тех лет, на которых проектная сетка в ряде существенных деталей отличается от плана 1781 г. и полностью отвечает осуществленному в натуре⁷. Основная причина корректировки заключалась в неточности топографической основы, сделанной для плана 1781 г., и несоответствии ее существующему рельефу местности.

Нагорная часть на территории бывшей крепости формировалась как административный и жилой район. В центре ее находилась Соборная площадь, предназначенная для базаров. Улицы нижней части города, которая носила преимущественно деловой и ремесленный характер, сходились к Владимирской церкви. Церкви и колокольни Арзамаса были расположены по большой дуге, начинавшейся от женской Алексеевской общины на берегу реки Тёши до построек Спасского монастыря и церкви верхней части города. Малые главы сохранившегося до наших дней Спасскопреображенского собора стоят с XVII в., центральная световая глава была в 1732 г. разбита молнией, после чего ее и поддерживающие своды пришлось в 1742 г. переложить. В 1767—1786 гг. был уничтожен западный притвор, на месте которого сооружена трапезная, а также переделаны наличники окон⁸.

Ильинская церковь, построенная в 1746 г., когда в столичной архитектуре господствовали формы европейского барокко, украшена деталями, в которых нашло развитие декоративное убранство конца XVII века. Ее верхние ярусы и колокольня не существуют, сохранились лишь ~~нижний четвертик~~ трапезная и алтарь.

Для магистратов, введенных Петром I ~~органов~~ городского самоуправления, требовались особые здания — ратуши или магистратские покои «для исправления текущих дел подьячим и старостам, для советов арзамасского купечества и заседаний суда по гражданским делам»⁹. Здание арзамасского магистрата открылось на Соборной площади, вероятно, в 1746 году. Нижний этаж каменной двухэтажной постройки для облегчения городского бюджета сдавался внаем. Это едва ли не единственное в России перестроенное сооружение того времени и подобного назначения.

Важную роль, с точки зрения градостроительного преобразования, играла перестройка Благовещенской церкви в 1784 г., расположенной рядом со Спасским монастырем, ставшей третьей доминантой, определявшей характер городской панорамы наряду с городским и монастырским соборами.

На протяжении веков арзамасцев хоронили на погостах приходских церквей, в том числе и во время массовых заболеваний. Расположенные в пределах городской черты кладбища нередко служили причиной вспышек эпидемий, а также препятствовали градостроительным преобразованиям. Указом от 17 ноября 1771 г. было запрещено впредь хоронить умерших внутри городов и предписывалось создание кладбищ за пределами городской черты. Для двух построенных в Арзамасе погостов были возведены в последней четверти XVIII в. храмы: на Тихвинском — Тихвинская церковь (1786 г.), на Всесвятском — церковь Всех Святых (1796—1797 гг.). Свое кладбище с церковью во имя Сергия Радонежского (1795 г.) имело село Выездная слобода.

В ходе градостроительных преобразований Арзамаса, начавшихся в последней четверти XVIII в., каждый горожанин получал участок земли (зафиксированный особым указом), который наносился на план. К нему прилагался «владенный указ». Один экземпляр всех документов выдавался на руки хозяину земли, второй хранился на

случай тяжб в верхней или нижней палате суда, третий сдавался коменданту города для надзора за своевременностью и правильностью застройки ¹⁰.

В 1795 г. в Нижегородское наместническое правление с прошением обратился арзамасский соборный протоиерей Степан Петров: «...Желание имею я...в городе Арзамасе застроить пустопорожнее место, состоящее идучи от собора линиею в Крестовоздвиженской церкви на левой стороне каким позволено будет строением, но без позволения...правления приступить к оному сам собою смелости не имею...» С. Петров просил наместническое правление «...на означенное пустопорожнее место для вечного и потомственного оным владения дать план и владенный указ» ¹¹. В решении данного дела участвовали арзамасский городничий Юрлов и уездный землемер капитан Грачёв.

Рядовыми постройками Арзамаса были деревянные дома, строившиеся обычно в два этажа с мезонином и бельэтажем. Более состоятельные граждане имели дома в 4—5, другие — в 7 окон. Известны имена плотников, рубивших в XVIII — первой половине XIX в. дома с «пригожими фасадами»: С. Демиковский, Д. Еремеев, А. Ломакин, Д. Вандышев, Г. Бодягин из артели плотников. Многим горожанам угодили в украшении домов резчики Тюфилин и Вазьянкин ¹². Из Арзамаса резное украшение домов перешло в пригородные села — Ивановское; Кирилловку, Хватовку, Виригино.

В последней четверти XVIII в. началось строительство каменных зданий. Торгово-промышленное благосостояние города позволило его жителям строить много и добротно. Воздвигались каменные общественные здания и частные особняки. В верхней части города они преобладали на старых улицах, в границах крепости; в нижней каменными домами застраивались, в первую очередь, улицы-дороги в Ардатов, Саранск, Симбирск и Лукоянов. По обеим сторонам Сальниковой улицы (в настоящее время улица Кооперативная), предназначенной для «торговых рядов всякого звания», круто спускались вниз плотно стоящие друг к другу двухэтажные лавки с традиционными арочными проемами в первом этаже.

Очевидно, в последней четверти XVIII в. было построено здание, которое благодаря своему положению в системе торговых рядов (в их начале) получило название «Торговые ряды» или «Биржа». Стены первого этажа двухэтажной постройки украшены рядом арок ¹³.

Быстро богатое арзамасское купечество строило свои особняки по «образцовым проектам» ¹⁴ в стиле классицизм. Это были каменные постройки в 2—3 этажа, увенчанные фронтонами, с мезонином, рустованным ¹⁵ нижним этажом, украшенные пилястрами ¹⁶ или полуколоннами. Примером может служить дом купца С. Белянинова, смету постройки которого разработал в 1800 г. В.А. Смирнов ¹⁷.

Указом от 16 февраля 1804 г. было «дозволено недостаточным обывателям в местах, определенных по подтвержденным планам для каменных зданий, строить деревянные на каменном фундаменте». Иногда из кирпича выкладывали только стены фасадов домов, расположенных на центральных улицах, что значительно удешевляло постройку. В основе обоих домов Будылиных, расположенных на Соборной площади, лежит одна схема «образцового проекта», но внутренняя планировка сильно различается. Из кирпича выложены только два нижних этажа и лицевые стороны уличных фасадов. Боковые стены мезонинов, как и задний фасад одного из домов — деревянные.

И.М. Долгорукий, проезжая через Арзамас в 1813 г., писал: «Не доезжая еще пяти верст, уже люблю на него смотреть. Он довольно обширен, улицы правильные, дома деревянные, украшены пригожими фасадами, и колонны с наружной стороны домов здесь в большой моде. В Нижегородской губернии один Арзамас может считаться порядочным городом» ¹⁸.

Знаменательным событием в жизни Арзамаса стало строительство нового Воскресенского собора (ныне существующего) в память о событиях Отечественной войны 1812 года. Необходимость новой постройки диктовалась еще и тем, что существующий соборный храм Во имя «Воскресения господня за ветхостью его, хотя неоднократно поправляем был, не перестает и ныне угрожать отваливающимися от сводов известью и кирпичами», что может «причинить вред здоровью бывающих в нем» ¹⁹.

В 1813 г. в Арзамасе широко обсуждался вопрос о строительстве нового каменного собора, и в феврале 1814 г. всесословное собрание жителей приняло решение:

«послать того собора церковного старосту купца Василия Ивановича Подсосова к его преосвященству епископу Нижегородскому и Арзамасскому Моисею с ходатайством о разрешении на строительство храма»²⁰. Проект здания разработал архитектор М.П. Коринфский²¹.

18 февраля 1814 г. епископ вынес резолюцию: «Храм великолепный и прекрасный, по приложенному присеем плану и фасаду начать строение благословляем, на что и выдать храмозданную грамоту». Н.М. Щегольков полагает, что первый камень нового собора заложил его настоятель Стефан Пименов. О начале строительства 12 августа 1814 г. А.В. Ступин сообщил в Академию художеств: «В минувшем же ионе по его же, господина Коринфского, академии сей одобренному проекту, заложена в здешнем городе Арзамасе крестообразная...редкая соборная церковь в длину и ширину на 30-ти сажнях, вышиною в 20 с 48-ю колоннами, с 5-ю куполами, из коих больший окружен 16-ю колоннами»²².

Собор строился на средства, собранные жителями города, добровольные пожертвования частных лиц и учреждений. Все пожертвования заносились в специальную книгу, выданную епархиальным начальством. 14 января 1816 г. протоиерей Пименов рапортовал, что в течение двух лет (1814—1815 гг.) собрано по подписным листам 27 076 руб. 12 копеек²³. Из-за недостатка средств строительство часто приостанавливалось и вчерне закончилось в 1840 году. Полностью отделка завершилась к 1842 году. Общая сумма расходов на постройку собора составила 320 тыс. рублей ассигнациями.

Большой вклад в сбор средств, организацию строительства и руководство им внесли старосты собора: В.И. Подсосов, И.С. Загреков (1823—1825 гг.), С.В. Быстров (1825—1834 гг.), П.И. Кирсев (1834—1837 гг.), И.С. Бебешин²⁴.

Интерьеры Воскресенского собора расписаны воспитанниками Художественной школы А.В. Ступина Осипом Семеновичем и его сыном Александром Серебряковым, богатый резной иконостас выполнили братья В.А. и К.А. Ломакины. Позолочены иконостасы мастерами Ф. Алексеевым, П. Соколовым, В. Языковым на средства местного купца А.А. Студенцова, пожертвовавшего около 5 тыс. руб. серебром.

Новое пятиглавое сооружение стало основной композиционной точкой города. Если до его строительства городская панорама была двучетверной (городской и монастырской соборы), то после его возведения картина резко изменилась. Большая Соборная площадь, прежде пустынная, приобрела соразмерную ей доминанту.

Существенные изменения в облике города произошли в 20—30-е гг. XIX века. После пожара 1823 г. обновилась значительная часть городской застройки. Центр стал преимущественно каменным. Граф В.А. Сологуб, проезжая через Арзамас, записал в своем дневнике: «Много видел я в Москве церквей, но в Арзамасе кроме церковей ничего не видел. Кое-какие домишки исчезают там под торжественным давлением куполов, колоколен и башен»²⁵.

Наряду с каменными домами в Арзамасе продолжали возводить жилье традиционного типа: деревянные дома в 3—5 окон на высоких подклетах, составляющие основную массу мешанской застройки. Строили и деревянные дома, имитирующие по своей форме каменные.

В 1828 г. перепланировку главной площади Арзамаса осуществил городской архитектор С.И. Соколов²⁶. Он возвел на этой площади двухэтажный каменный дом уездного землемера П. Дронова (Соборная площадь, 16), а также несколько деревянных домов с портиками, колонны которых были выгесаны из целных стволов лиственницы: ул. Советская, 21, Верхняя набережная, 10, 12, 14²⁷.

«Отечественные записки» (№ 11) в 1839 г. писали об Арзамасе: «Город вообще очень хорошо устроен: улицы вымощены камнем, фонари, стоящие на этих улицах, по ночам зажигаются, ... тротуары также не представляют капканов для ног несчастных пешеходов, мостовая несколько беспокойна, но все лучше никакой»²⁸.

Утверждение Арзамаса в качестве уездного центра в составе Нижегородского наместничества, а с 1796 г. — Нижегородской губернии, таким образом, благотворно сказалось на развитии города. Имсющий средневековую планировку Арзамас получил свой план. Перестройка города на регулярной основе изменила его архитектурный облик.

1. МАКАРИЙ, архимандрит. Памятники церковных древностей. Нижегородская губерния. СПб. 1857.
2. ГОТЬЕ Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 2. М.-Л. 1941.
3. ЩЕГОЛЬКОВ Н.М. Исторические сведения о городе Арзамасе. Арзамас. 1911.
4. РЕМЕЗОВ И.С. Материалы для истории народного просвещения в России. Самоучки. СПб. 1886.
5. АРХАНГЕЛЬСКИЙ С.И. Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области XVII—XIX веков. Горький. 1950; ВОДАРСКИЙ Я.Е. Промышленные селения Центральной России. М. 1972; ПАРУСОВ А.И. Из истории промышленного переворота в России. Ученые записки ГГУ. Т. 41. Горький. 1969; РУБИНШТЕЙН Н.Л. Сельское хозяйство в России во второй половине XVII века. М. 1957; ХРОМОВ П.А. Экономика России периода промышленного капитализма. М. 1963.
6. МЕЛЬНИКОВ П.И. Городские поселения в Российской империи. Т. 2. СПб. 1863, с. 292.
7. ЩЕНКОВА О.П. Градостроительное развитие Арзамаса XVI — первой половины XIX в. Архитектурное наследство. М. 1986, с. 59.
8. Памятники истории и культуры Горьковской области. Горький. 1987, с. 169.
9. Там же, с. 170.
10. ФИЛАТОВ Н.Ф. Нижний Новгород. Архитектура XIV — начала XX в. Нижний Новгород. 1994, с. 65.
11. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО), ф. 4, оп. 1, д. 2191, л. 1.
12. ЕРЕМЕЕВ П.В. Арзамасские мастера. Нижний Новгород. 1992, с. 25—26.
13. Памятники истории и культуры Горьковской области. Горький. 1987, с. 172.
14. Образцовые проекты создаются с начала XVIII в. в Москве и Санкт-Петербурге. В Нижнем Новгороде их разрабатывал губернский архитектор Я.А. Ананьин.
15. Рустованный — от слова рустик — обработанный выпуклыми квадратами, рельеф которых подчеркнут углубленной ленточкой.
16. Пилястр — плоский, прямоугольный выступ стены или столба.
17. Смирнов Василий Андреевич — сменил в должности губернского архитектора Я.А. Ананьина.
18. ДОЛГОРУКИЙ И.М. Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года. М. 1870, с. 47.
19. ЩЕГОЛЬКОВ Н.М. Арзамасский Воскресенский собор. История его и описание. Арзамас. 1909, с. 46.
20. Там же, с. 47.
21. Коринфский Михаил Петрович — ученик зодчего А.Н. Воронихина. В 1825 г. удостоен звания академика за проект собора в Симбирске. Умер в 1851 году.
22. КОРНИЛОВ П. Арзамасская школа живописи первой половины XIX в. М.-Л. 1947, с. 88—89.
23. Городу Арзамасу 400 лет. Арзамас. 1979, с. 72.
24. ЩЕГОЛЬКОВ Н.М. Арзамасский Воскресенский собор. История его и описание. Арзамас. 1909, с. 50—53.
25. СОЛОГУБ В.А. Воспоминания. М.-Л. 1931, с. 219.
26. Соколов С.И. (1802—1868 гг.) — назначен городским архитектором в 1827 году. Закончил Санкт-Петербургскую Академию художеств.
27. ФИЛАТОВ Н.Ф. Ук. соч., с. 121.
28. КОМЯГИН Ю. Полтора века назад. — Арзамасская правда. 15.VII.1989.

Этнотерриториальная сепарация адыгов в позднем средневековье

Ж.В. Кагазежев

Одним из актуальных вопросов кавказоведения является проблема изучения этнотерриториальной сепарации адыгского населения Северо-Западного и Центрального Кавказа позднего средневековья. В отечественной историографии существует теория, согласно которой названия адыгских областей трансформировались в племенные названия вне зависимости от уровня их классового строя.

Первые сведения о названиях адыгских этнических областей содержатся в работах итальянских авторов XV века. Важным источником информации является сообщение жившего в 1434—1452 гг. в г. Тане венецианца Иосафата Барбаро: «Если ехать из Таны вдоль берега упомянутого моря, то через три дня встретится область, называемая Кремук. Правитель ее носит имя Биберды, что значит “богом данный”. Он был сыном Кертисея, что значит “истинный господин”. Под его властью много селений, которые по мере надобности могут выставить две тысячи конников. Там прекрасные степи, много хороших лесов, много рек. Знатные люди этой страны живут так, что разъезжают по степи и грабят, особенно купеческие караваны, время от времени здесь проходящие. Они имеют превосходных лошадей, сами крепки телом, отличаются мужеством и лукавством, лицом схожи с нашими соотечественниками. Хлеба в этой стране много, а также мяса и меда, нет вина. За Кремуком обитают разные народы, в недельном расстоянии один от другого, такие как, кипики, татакозцы, собайцы, кевертейцы и ас или аланы»¹.

Область Кремук, центр которой находился на среднем течении р. Кубань, географически совпадает с известным в XVI—XIX вв. адыгским княжеством Кемиргой (вариант — Темиргой). Название Кемиргой (адыгское — КІэмыргуй), состоит из двух частей КІэмыргу + ей, то есть принадлежащее Кемургу. В русских летописях XVI в. княжество фигурирует как Кумурга или Кумук². Таким образом, наблюдается не только полное совпадение географического положения описываемых областей, но и названий, правда с незначительными искажениями, которые легко объяснить особенностями языков.

Идентификации поддается и название — собай. О собаях упоминал большой аул Собай на р. Схагуаше и жившие в нем первостепенные дворяне Собеапши, что означало — князя собаев³. Е.П. Скрижинская считает, что этническое название «собай» не избежало искажения. По мнению Л.Е. Голубева, собай в XV в. являлись крупным адыгским субэтносом, занимавшим территорию к северу от вершин Главного Кавказского хребта до берегов Кубани в ее нижнем течении⁴. Кевертейцы, о

Кагазежев Жирслан Валерьевич — кандидат исторических наук, Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований. Нальчик.

которых пишет Барбаро, — это несомненно, кабардинцы, занимавшие Центральное Предкавказье. Кабарда как значительное феодальное образование просуществовала до первой четверти XIX вѣка.

В XVI в. география известных черкесских областей расширяется. В русских источниках фигурируют черкесы Жанэ, Бесланей, Кемиргой и Кабарда ⁵. Наиболее полные сведения об адыгах дает известный османский автор первой половины XVII в. Эвлия Челеби. Он выделяет крупные и значимые черкесские области: Шегаке (Хегак), Жанэ, Буждук (Бжедугия), Хатукай, Болотокай (Кемиргой), Бесней (Бесланей) и Кабарду ⁶. На основе названий данных областей в советскую историографию твердо вошло разделение Черкесии на племена. Данная тенденция сохраняется до сих пор. Вместе с тем, все вышеуказанные названия по русским и османским источникам являлись феодальными образованиями. Итальянские источники позволяют сделать вывод о высоком уровне феодального развития Западной Черкесии. Феодальная иерархия адыгов была многостепенной. Джорджи Интериано писал, что у зихов (адыгов) существуют знатные, вассалы, сервы и невольники ⁷. Е.П. Алексеева по данным археологии пришла к выводу о наличии у черкесов позднего средневековья сильной имущественной дифференциации и характеризует их как высокоразвитое феодальное общество ⁸. Высокую степень развития феодализма у адыгов в своих исследованиях отмечают Е.Н. Кушева и Ф.Х. Гутнов ⁹. Черкесские князья фигурируют как владельцы таких достаточно крупных и значимых городов на Северо-Западном Кавказе как Матрега, Копа, Мапа и т.д. ¹⁰

Наиболее показательным феодальным образованием в итальянских источниках является Кемиргой (Кремук). Джорджи Интериано, побывавший в Черкесии в конце XV в., замечал, что «их (адыгов. — Ж.К.) самое большое и лучшее поселение — называемое Кромук, имеющее лучшее местоположение и более других населенно» ¹¹. В.А. Кузнецов связывает с Кремуком (Кемиргоем) расцвет Белореченской курганной культуры. Согласно О.В. Милорадовичу Белореченские курганы, как по устройству гробниц, так и по содержанию, принадлежали к высокоразвитому феодальному обществу ¹². Богатство большинства погребений Белореченских курганов подтверждается находками, включающими предметы ювелирного производства, китайские, иранские, венецианские ткани, венецианскую посуду. Поступление многочисленных и дорогих импортных товаров, по мнению Кузнецова, подразумевало присутствие здесь соответствующей социальной среды потребителей и развитой экономики адыгского княжества ¹³. Жансеевские, Хатукаевские и Бесленеевские князья в первой половине XVI в. выступали активными участниками международных отношений на Кавказе и в сопредельных с ним странах. Кабарда являлась одним из сильнейших княжеств на Кавказе. Известно, что в 1562 г. Иван Грозный заключил брак с дочерью кабардинского князя Темрюка Идарова — Марией, скрепляя тем самым взаимовыгодный военно-политический союз. Данные факты указывают на несправедливость употребления по отношению к черкесским феодальным образованиям исторического термина — племена.

Анализ названий адыгских княжеств позволяет сделать вывод, что за исключением Хегака и Бжедуги все они являлись патронимическими. По сведениям В.А. Потто ¹⁴, К.Ф. Сталя ¹⁵ и А.И. Абдокова ¹⁶, основателями черкесских княжеств были сыновья князя Инала: Кемруг, Жанэ, Кабард (Табула) и Беслан. Необходимо пояснить, что встречающееся у Сталя имя Кабард вместо Табулы — результат отождествления географического названия с его владельцем. Ведь владениями Табулы (наследством от Инала) стали земли Восточной Черкесии — Кабарды. С Иналом связывается объединение адыгских земель в первой четверти XV в. в единое феодальное образование, куда вошли и этнически близкородственные адыгам абазины ¹⁷. Согласно родовым кабардинских князей, составленным А.М. Пушкиным и А.М. Лобановым-Ростовским ¹⁸ в XVII в., Инал являлся прапрадедом тестя Ивана Грозного, известного кабардинского князя Темрюка Идарова.

Исследование вопроса о потомках князя Инала является важным аспектом для дальнейшего рассмотрения истории Черкесии и образования удельных княжеств. Владениями потомков князя Инала стали земли Северо-Западной и Восточной Черкесии. Кемруг, старший сын Инала, сохранил титул князь-князей адыгского народа, то есть Великий князь Черкесии. Впоследствии этот титул перешел к его старшему

сыну Болотоко¹⁹. Видимо, отсюда берется у адыгов традиция, просуществовавшая вплоть до XIX в., называть Болотоковых князем из князей Черкесии. Владения Кемруга простирались с запада на восток от побережья Черного моря до р. Лабы. Впоследствии эти земли были разделены между сыновьями Кемруга: Болотоко и Хатико. Потомки Хатико разделились на две группы, образовав княжества Хатукай и Хегак. Болотоко остался на месте пребывания отца Кемруга и сохранил за своими владениями старое название Кемиргой. Княжество во главе с князьями Болотоковыми занимало земли между Кубанью, Лабой и Схагуаше (Белая)²⁰.

Младший брат Болотоко — Хатико стал основателем Хатукаевского княжества, куда вошли земли западнее р. Схагуаше (Белая) до побережья Черного моря. Впоследствии, в результате отделения хегаков, а также переселения бжедуггов, непосредственно территорией Хатукай стали земли между р. Схагуаше (Белая) и Адзипс. В состав хатукаевцев вошло и более древнее адыгское территориальное объединение — собаи. На наш взгляд, собаи составили основу княжества Хатукай, сменив свое название в пользу потомков Инала, происходивших от Хатико. Собаишчи — князья собаев — были низведены до ранга первостепенных дворян. Любопытно, что и само селение Собаи во всех источниках XVII—XIX вв. упоминается как резиденция хатукаевских князей²¹. От южных районов Черкесии до устья р. Кубань на севере, вдоль побережья Черного моря раскинулись земли отделившегося от Хатукай Хегакского княжества. Само слово хегаки-хэгэкIэ по-адыгски означает «отколовшиеся, отделившиеся». Хегаки управлялись князьями Бгаженоко и Шамоко²².

Сын Инала Жанэ (вариант — Зан) стал основателем могущественного черкесского княжества Жанэ, расположенного в северных районах Таманского полуострова и юго-восточной части побережья Азовского моря. Жанэ было одним из крупных адыгских княжеств и делилось на две части — Большое и Малос. Им правили потомки Жанэ, князья Жаноко (Заноко), которые позже разделились на два дома — Камео и Бечкан²³.

Земли адыгов восточнее Лабы вплоть до низовьев Терека попали под власть Табулы и Беслана. Восточная Черкесия, составлявшая при Инале наместничество Кабарды Тамбисва, была названа в честь него Кабардой. Впоследствии эти земли разделились на два княжества: собственно Кабарду и Бесланей. Территория Кабарды на западе начиналась у р. Уруп, практически занимая весь Центральный Кавказ и примыкая на востоке в низовьях р. Терек к Каспийскому морю. Северная граница проходила вдоль Кумо-Маньчской низменности, южная — по главному Кавказскому хребту²⁴. Можно с полной уверенностью сказать, что со второй половины XV — начала XVI в. Кабарда представляла собой одно из сильнейших государственных образований Кавказа.

Отделение бесленеевцев от кабардинцев и образование княжества произошло при сыне Беслана — Каноко во второй половине XV века. Княжество Бесланей занимало земли между Лабой и Урупом. Данная территория управлялась князьями Каноко, которые в свою очередь разделились на два феодальных дома — Шолох и Бекмурза. Бесленеевцы в полной мере ощущали этнополитическое единство с кабардинцами и часто согласовывали с ними свои действия. Князья Бесланей участвовали почти во всех походах, предпринимаемых кабардинскими князьями и совместно брали дань с соседних подвластных племен²⁵. Таким образом, деятельность потомков Инала в течение XV в. на территории Северо-Западной и Восточной Черкесии привела к образованию следующих княжеств: Хегак, Жанэ, Хатукай, Кемиргой, Бесланей и Кабарда.

Известным черкесским княжеством в рассматриваемый период являлось бжедугское княжество. В предании о его происхождении, предлагаемом А.Н. Дьячковым-Тарасовым, говорится: «По местным преданиям, записанным мною со слов известного всей Кубанской области бжедугского князя Кемгуи Ахеджакова — преклонных лет старца, жившего на покое в Бжедуг-хабле, племя бжедуггов перешло на северный склон под предводительством князя Хамыша, а раньше оно обитало в ущельях р. Бзыбь...»²⁶. В XV в. бжедуги жили на северных склонах Кавказских гор в верховьях р. Туапсе. По преданию, которое приводит Л.И. Лавров, переселение хамышевцев на территорию Кемиргой произошло после длительной и кровопролитной войны с кемиргоевцами²⁷. Выше приведенные предания ложатся в основу теории происхождения бжедуггов из Джигетии, занимавшей южные районы Черкесии. Там адыгское

население подвергалось периодическому смещению с переселенцами из Абхазии, в результате чего образовалась особая субэтническая группа — джигеты. Вероятно, субэтнос бжедугов был образован в результате слияния джигетов-хамышевцев с частью населения Кермиргоя. По сведениям Хан-Гирея, хамышевцев возглавляли четыре брата: Черчан, Хмыш, Бахгарсоко и Бастеко²⁸. Они стали основателями княжеств: Черченей, Хмышей, Махosh и Вепсн. Бжедуги были достаточно сильны и находились в родственных связях с князьями — потомками Инала, что еще больше упрочивало их положение.

Важное значение для определения этнической сепарации адыгов имеют данные лингвистики. Изучение черкесских диалектов связано с продвижением Российской империи на Кавказ в XIX веке. По мнению Хан-Гирея²⁹, черкесский язык делится на два основных наречия. Первое — на котором говорят кабардинцы и бесланевцы. Второе — наречие пизовых (западных) адыгов. Л. Люлье делит адыгский язык на три наречия: кабардинское, бесланевское и общеадыгское³⁰. В классификации диалектов адыгского языка с Люлье согласны Л.Г. Лопатинский³¹ и Н.Ф. Яковлев³², рассматривающие бесланевский диалект как промежуточный между кабардинским и западноадыгским языками. Другого мнения придерживаются Г.Ф. Турчапинов³³ и М.А. Кумахов³⁴, которые считают, что бесланевский язык является наречием кабардинского языка. По нашему мнению, бесланевский язык — действительно наречие кабардинского языка, возникшее в результате сепарации восточноадыгского населения в XV века. Вместе с тем бесланевцы и кабардинцы составляли единый субэтнос — восточные адыги. Обращает на себя внимание тот факт, что вышесуказанные лингвисты игнорируют джигетов, живших в южных районах Черкесии, у которых наиболее ярко проявились черты субэтнической группы. Если западные и восточные адыги образовались в результате внутриэтнической сепарации, то джигеты появились при смещении двух народов, языков и культур, правда, при полном доминировании адыгского этноса над абазинами.

Наиболее правомерным можно считать деление адыгов на три основные субэтнические группы: западные адыги — хегаки, жансеевцы, хатукаевцы, кермиргоевцы; южные — джигеты, представлявшие собой смещение абазин с адыгами в т.ч. бжедуги; восточные адыги — кабардинцы и бесланевцы. При этом, субэтнoсы западных и восточных адыгов образовались в результате сепарации единого адыгского этноса, начавшегося еще в древности и оформившегося в XV веке. Позже, в XVII—XVIII вв., в результате смещения адыгов с абазинами на юге Черкесии — в Джигетии — образовались новые субэтнoсы, крупнейшими и наиболее известными из которых являлись шапсуги и абадзехи.

Примечания

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. (АБККЕА). Нальчик. 1974, с. 42.
2. Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. Документы и материалы: (КРО). Т. I. М. 1957, с. 623.
3. ЛАВРОВ Л.И. Исчезнувшее адыгское племя собаи. Из истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь. 1970, с. 451.
4. ХАН-ГИРЕЙ. Записки о Черкесии. Нальчик. 1973, с. 185—190.
5. КРО, т. 1.
6. ЧЕЛЕБИ ЭВЛИЯ. Книга путешествий. М. 1979, с. 28.
7. АБККЕА, с. 48.
8. АЛЕКСЕЕВА Е.П. Очерки по истории черкесов XIV—XV вв. Черкесск. 1959, с. 49.
9. ГУТНОВ Ф.Х. Горский феодализм. Владикавказ. 2007.
10. ЗЕВАКИН Е.С., ПЕНЧКО Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний. Исторический вестник. Т. V. Нальчик. 2007, с. 51.
11. АБККЕА, с. 47.
12. МИЛОРАДОВИЧ О.В. Кабардинские курганы XIV—XVI вв. — Советская архитектура, 1954, вып. XX, с. 351.
13. КУЗНЕЦОВ В.А. Забытый Кремух. — Сб. Русского исторического общества. М. 2002, № 4, с. 210.
14. ПОТГО В.А. Кавказская война. Т. II. Ставрополь. 1994, с. 318.

15. СТАЛЬ К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа. Кавказский сборник. Тифлис. 1900, с. 66—67.
16. АБДОКОВ А.И. Откуда пошло название «Кабарда»? Нальчик. 1990, с. 143.
17. АБКИБЕА, с. 215—218, 227—232, 258—260; БЛАРАМБЕРГ И.Ф. Кавказская рукопись. Ставрополь. 1992, с. 116—118; ЛЮЛЬЕ Л.Я. Черкесия. Историко-этнографический сборник. Киев. 1991, с. 14—15; МОНПЕРЕ Ф.Д. Путешествие вокруг Кавказа, у черкесов и абхазов в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму. Т. 1. Сухуми. 1937, с. 101—103; БРОНЕВСКИЙ С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 2. М. 1823, с. 42, 45, 74; БУТКОВ П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. СПб. 1869, с. 406—409; СТАЛЬ К.Ф. Ук. соч., с. 66—67. НОГМОВ Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1982, с. 75—76; ХАН-ГИРЕЙ. Ук. соч., с. 154; КАЛАМБИЙ (КЕШЕВ А.-Г.). Записки черкеса. Нальчик. 1968, с. 251—252; КУДАШЕВ В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев. 1913, с. 8—15.
18. КРО, т. 1, с. 4.
19. СТАЛЬ К.Ф. Ук. соч., с. 66—67.
20. ХАН-ГИРЕЙ. Ук. соч., с. 180—196.
21. Там же.
22. Там же, с. 185—190.
23. Там же.
24. БГАЖНОКОВ Б.Х. К вопросу о возникновении и рубежных территориях Черкесии. Исторический вестник. Вып. 3. Нальчик. 2006, с. 133—135.
25. ХАН-ГИРЕЙ. Ук. соч., с. 170—171.
26. ДЬЯЧКОВ-ТАРАСОВ А.Н. Абадзехи. Тифлис. 1902, кн.22, вып.4, с. 11—12.
27. ЛАВРОВ Л.И. Этнография Кавказа. Ленинград. 1982, с. 54—56.
28. ХАН-ГИРЕЙ. Ук. соч., с. 86.
29. Там же, с. 94.
30. ЛЮЛЬЕ Л.Я. Словарь русско-черкесский или адыгский, с краткою грамматикою сего последнего. Одесса. 1846, с. 30.
31. ЛОПАТИНСКИЙ Л.Г. Краткая кабардинская грамматика. Тифлис. 1891, с. 1—3.
32. ЯКОВЛЕВ Н.Ф. Краткий обзор черкесских (адыгейских) наречий и языков. Записки Северо-Кавказского краевого научно-исследовательского института. Т. 1. Ростов-на-Дону. 1928, с. 124.
33. ТУРЧАНИНОВ Г.Ф. Язык, письменность, печать. Нальчик. 1946.
34. КУМАХОВ М.А. К вопросу классификации адыгских диалектов. УЗ КБГУ. Нальчик. 1957.

Представление о воинском долге в Австро-Венгрии в 1914—1918 гг.

В.В. Миронов

Процесс формирования западноевропейских наций, развернувшийся в конце XVIII — начале XIX в., сопровождался введением всеобщей воинской повинности. В казармы шагнула успешно апробированная в годы Великой французской революции концепция «солдата — гражданина». Гражданско-правовой статус личности предусматривал не только гарантированную ей свободу, но и широкий круг обязанностей. К их числу, наряду с уплатой налогов, относилась служба в вооруженных силах ¹.

На протяжении XIX в. мужественность осмыслялась под знаком постепенно входивших в повседневный обиход воинских добродетелей, а медицинское освидетельствование служило при этом своего рода обрядом инициации подрастающего поколения. Признанных годными к несению воинской службы юношей повсюду чествовали с музыкой и угощениями ². С помощью унификации идеала подготовленного к воинской службе мужчины в вооруженных силах Австро-Венгрии осуществлялась политика «культурного империализма». Подчеркивалась цивилизаторская миссия армейских структур по отношению к происходившим из экономически отсталых восточных и юго-восточных окраин монархии призывникам ³.

Воинская присяга обязывала поставленных под ружье подданных австрийского императора проявлять в бою максимальную самоотдачу и готовность безропотно принять смерть в знак своей беззаветной преданности ему. Страх за свою жизнь, неказание врагу требуемого долгом вооруженного сопротивления, предпринятая военнотрусоватая попытка бегства с поля боя и посеянная им паника, ставили на нем несмыслимое клеймо труса. Данное преступление могло быть совершено только в военное время или в ходе подавления внутренних беспорядков. Непосредственный контроль над осуществлением карательных функций возлагался на офицеров, которые в рамках так называемого права военной самообороны были компетентны собственноручно предавать казни обвинявшихся в трусости военнотрусоватых или отдавать соответствующие приказы подчиненным ⁴. Перечень ситуаций, требовавших от офицеров такого рода решительных действий, приводился в кодексе, текстах воинского устава и присяги. В целях устрашения расстрелу без суда и следствия на виду у личного состава воинской части подлежал тот, «кто в решающий момент вел робкие речи, бросал оружие и амуницию, отказывался повиноваться, пытался самовольно покинуть поле боя или мародерствовать...» ⁵. В условиях осажденной врагом крепости командиру поручалась скорая расправа над заводившими разговоры о капитуля-

Миронов Владимир Валерьевич — кандидат исторических наук, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина.

ции подчиненными. За проявленную мягкотелость в обоих случаях командиру грозило от шести месяцев до пяти лет лишения свободы общего режима ⁶.

Крайне сурово каралась трусость, проявляемая комендантами крепостей, капитанами военных судов и командирами воинских частей. Всем им угрожала смертная казнь через расстрел ⁷. При этом учитывалось мнение военных специалистов, дававших экспертную оценку поведению командования, сдавшего противнику вверенные ему объекты или отдавшего неоправданный приказ об отступлении. Так, правомерность решения о капитуляции крепости не вызывала никаких сомнений только тогда, когда были исчерпаны все средства для ее обороны, и отсутствовала возможность прорыва блокирующего кольца ⁸. Наряду с командным звеном несли уголовную ответственность подчиненные ему офицеры, не предпринявшие попытки предотвратить его действия. Воинским подразделениям, обвинявшимся в трусости, выносился смертный приговор в полном составе, но приведение его в исполнение ограничивалось всеми виновными офицерами и каждым десятым рядовым ⁹.

Вместе с тем анализ статистики военно-полевого судопроизводства в австро-венгерской армии в годы первой мировой войны ¹⁰ порождает множество неспрошенных до конца вопросов к источниковому материалу. Они связаны главным образом с тем, почему вопреки образцово суровым санкциям количество понесших уголовное наказание за проявленную трусость военнослужащих относительно невелико?

Первая попытка логически объяснить возникшее противоречие была сделана спустя десятилетие с момента окончания первой мировой войны. Бывший военный судья в чине полковника-аудитора Г. Лелевер усматривал в относительно небольшом числе «трусов» убедительное свидетельство эффективности военной машины Габсбургской монархии. Заметно идеализируя храбрость австрийских воинов, Лелевер, хорошо знакомый с «кухней» военных трибуналов, не забыл упомянуть о том, что вершившие правосудие аудиторы зачастую склонялись к мягким судебным решениям, поскольку были глубоко осведомлены о периодически возникавших у военнослужащих стрессовых ситуациях ¹¹.

Ключом для понимания психологии проявивших трусость военнослужащих служит по наблюдениям современных исследователей состояние паники, размывавшее чувство индивидуальной ответственности. В толпе себе подобных даже психологически устойчивый человек начинал подчиняться ее законам. Первые месяцы военной кампании 1914 г. были наполнены периодически возникавшими случаями хаоса и неразберихи среди австрийских воинов из-за отсутствия четко отлаженной системы управления войсками и распространения панических слухов. В августе 1914 г. фельдфебель 35-го полка ландвера С. Янкович, служивший в обозе на восточном фронте, обратился в беспорядочное бегство вместе с двумя подчиненными под влиянием ложных известий о стремительно приближающихся частях противника. По обвинению в трусости командир был приговорен к 6-ти месяцам тюремного заключения. При назначении наказания Янковичу военно-судебный орган учел социально-психологический компонент позорящего честь вооруженных сил поведения подсудимого, допустив возможность наступления паники в настоящей боевой ситуации ¹².

Военнослужащие часто не могли совладать со своими нервами, преждевременно покидая боевой пост в минуту опасности. Разумеется, способность человеческого организма переносить психические перегрузки зависела от его индивидуальных качеств. Иными словами, степень опасности, угрожавшей жизни военнослужащих субъективно оценивалась ими. Социал-демократ А. Тотцауер, вспоминая о прятавшемся при каждом разрыве снарядов капитане, хотя они падали далеко в стороне от офицерского блиндажа. И, напротив, реакция находившихся поблизости солдат, в числе которых был автор воспоминаний, носила более сдержанный характер, поскольку, по его мнению, натренированное ухо настоящего фронтовика уже по звуку снаряда могло достаточно точно определить место его падения ¹³.

Сапер А. Стефан, отвечавший за техническое обслуживание подвесной канатной дороги в качестве моториста, в ночь на 18 августа 1917 г. самовольно покинул военный лагерь Пологар во время итальянского артобстрела. Из-за этого в работе дороги возник трехчасовой простой. Установить каким было судебное решение не представляется возможным, поскольку уголовное дело было передано в компетенцию другого военного трибунала ¹⁴.

В обращении карательных органов с представителями командного и унтер-офицерского состава царил дух солидарности. Поручик Л. фон Саликс, страдавший частыми приступами **рвоты**, в июне 1915 г. самовольно оставил передовую по этой причине. Начатое **против** него следствие было прекращено, а офицер отделался дисциплинарным наказанием¹⁵. Взводный 1-го венского полка ополчения А. Фишер, командовавший приписанным к своей части артиллерийским отделением, обвинялся в умышленном оставлении боевых позиций вместе с вверенным ему воинским подразделением без полученного на то разрешения. 6 января 1918 г. артиллерийский расчет под командованием обвиняемого занял боевые позиции во дворе жилого дома, расположенного поблизости от переднего края. Вскоре итальянская артиллерия приступила к систематическому обстрелу служившего прекрасным ориентиром дома. Под впечатлением прямого попадания, целиком разрушившего жилое помещение, Фишер отдал приказ об отходе с наступлением темноты. Распушенные взводным артиллеристы **были** остановлены другим командиром и возвращены на исходные позиции. На следствии Фишер оправдывался плохим расположением духа и измотанным состоянием нервной системы из-за тяжелых семейных обстоятельств. Выяснилось, что подозреваемый не мог душевно оправиться от потери недавно скончавшегося ребенка и был крайне подавлен известием об умирающей матери. Подсудимый был оправдан на состоявшемся 20 марта 1918 г. судебном процессе с учетом смягчающих обстоятельств¹⁶.

Служба в некоторых родах войск предъявляла повышенные требования к морально-психологическому состоянию фронтовиков. К ним относилась авиация. Пилоты, управлявшие технически несовершенными машинами над вражеской территорией, шли на двойной риск. Обеими военными партиями широко практиковались бомбардировки населенных пунктов. Так, в феврале 1918 г. австрийцы бомбили Венецию, а союзническая авиация Инсбрук. С весны 1918 г. на итальянском фронте установилось англо-французское господство в воздухе, и каждый боевой вылет мог стоить австрийским пилотам жизни¹⁷. Судя по материалам уголовного дела, поручик 26-го пехотного полка Ф. Касандар, прошедший летную подготовку, с июня 1918 г. систематически уклонялся от совершения боевых вылетов. Он обратился к Верховному командованию с ходатайством исключить его из списка императорских пилотов, но оно не было удовлетворено. Потеряв надежду на освобождение от воинской службы, Касандар заявил о своей болезни, поступив на лечение в госпиталь¹⁸.

Как проявление трусости могло быть истолковано любое неосторожное высказывание военнослужащих. Ефрейтор 23-го стрелкового полка И. Плажанич в ночь на 22 января 1918 г. нес вахту как инспектирующий окопы унтер-офицер. Встретив во время ночного обхода позиций своего коллегу из 87-го пехотного полка Й. Блазановича, обвиняемый спросил у него о довольствии, выдаваемом солдатам, заметив, что у стрелков оно совсем плохое, и они не могут дальше нести службу. Плажанич завершил разговор тем замечанием, что «если бы р. Пьяве не была такой глубокой, то мы давно бы через нее переправились». Слушавший 24 февраля 1918 г. уголовное дело трибунал оправдал подсудимого, одновременно распорядившись о наложении на него дисциплинарного наказания¹⁹.

Таким образом, приведенные примеры свидетельствуют о трансформации в сторону снижения индивидуальной ответственности военнослужащих Габсбургской империи за проявление трусости в годы первой мировой войны. Основная причина этого заключается в существенном отличии данной войны от предыдущих военных конфликтов.

Примечания

1. FREVERT U. Gesellschaft und Militär im 19 und 20 Jahrhundert: Sozial-, kultur- und geschlechtergeschichtliche Annäherungen. — Militär und Gesellschaft im 19 und 20 Jahrhundert. Stuttgart. 1997, S. 10.
2. HANISCH E. Männlichkeiten: eine andere Geschichte des 20 Jahrhunderts. Wien. 2005, S. 20.
3. HÄMMERLE C. Zur Relevanz des Connell'schen Konzepts hegemonialer Männlichkeit für «Militär und Männlichkeit/en in der Habsburgermonarchie (1868 — 1914/18)». In: Männer-Macht-Körper. Hegemoniale Männlichkeiten vom Mittelalter bis heute. Frankfurt a/m — N.Y. 2005, S. 108.

4. Erläuterungen zum Allerhöchsten Verbote der aussergerichtlicher Justifizierungen. In: Das Militärstrafverfahren im Felde. Nach Gesetzen, Verordnungen und Erlässen als Hilfsbuch zusammengestellt von A. Schager und L. Kadecka. Nachtrag III. Wien. 1918, S. 229—230.
5. Цит. по: OBERKOFER G., RABOFSKY E. Hans Kelsen im Kriegseinsatz der k.u.k. Wehrmacht. Eine kritische Würdigung seiner militärtheoretischen Angebote. Frankfurt a/M – Bern. 1988, S. 39.
6. Erläuterungen..., S. 230.
7. Das Militärstrafgesetz über Verbrechen und Vergehen vom 15 Jänner 1855 samt den einschlägigen und ergänzenden Gesetzen und Verordnungen. 3 Aufl. Wien. 1914, S. 162—163.
8. GOLLOWITSCH M. Die Entwicklung des österreichischen Militärstraf- und Disziplinarrechtes. Linz. 2004, S. 31.
9. Das Militärstrafgesetz..., S. 164.
10. PLATZER K. Standrechtliche Todesurteile im Ersten Weltkrieg. Graz. 2004, Tabelle 3, S. 75. Из 1468 смертных приговоров, исполненных в рамках военно-полевого судопроизводства в годы первой мировой войны, на долю трусости приходится 29, что составляет 2%.
11. HANISCH E. Die Männlichkeit des Kriegers. Das österreichische Militärstrafrecht im I Weltkrieg. In: Geschichte und Recht. Festschrift für Gerald Stourz zum 70. Geburtstag. Wien. 1999, S. 333.
12. Ibid., S. 334.
13. TOTZAUER A. Erlebnisse im Weltkrieg. Bilder aus dem Kriegsleben und Gefangenschaft. Reichenberg. 1927, S. 89—90.
14. Österreichisches Staatsarchiv (Wien) (ÖStA) — Kriegsarchiv (KA) — Militärgerichtsarchiv (MGA), Karton 642—643/18, Feldkriegsgericht der 6. Armeekommando (Quartiermeisterabteilung), Strafakt K 2601/1918, Adolf Stefan.
15. HANISCH E. Die Männlichkeit des Kriegers., S. 335.
16. ÖStA-KA-MGA, Karton 2607/18, Gericht der 23. KDO, Strafakt K 135/1918, August Fischer.
17. CORNWALL M. The Undermining of Austria-Hungary: the battle for hearts and minds. Basingstoke — London — N. Y. 2000, p. 102.
18. ÖStA-KA-MGA, Karton 2598/18, Feldkriegsgericht der 6. Armeekommando (Quartiermeisterabteilung), Strafakt K 15282/18, Franz Kaszandar.
19. Ibid., Karton 2944/18, Gericht der 58. Infanterietruppendivision, Strafakt K 139/1918, Johann Plazanic.

Осмысление русской эмиграцией исторического опыта гражданской войны

И.С. Бакланова

Для участников белого движения, анализировавших в эмиграции причины своего поражения, вопрос о взаимоотношениях с союзниками по Антанте являлся одним из самых болезненных и дискуссионных в проблематике гражданской войны.

В литературе русского зарубежья имеются многочисленные свидетельства того, что поддержка со стороны ведущих западных держав была белому делу жизненно необходима. Историк С.П. Мельгунов, соглашаясь в этом с генералом Н.Н. Головиным, писал, что «без помощи со стороны бывших союзников России техническим снабжением белых армий, последнее, несмотря на весь их героизм, стояли бы перед неминуемой гибелью». Также и Г.К. Гинс в числе главных условий, от которых зависел успех белого дела, назвал помощь стран Антанты. Вообще, по его мнению, взаимоотношения с союзниками являлись «одним из основных факторов трагической истории адмирала Колчака»¹.

Многие деятели эмиграции были убеждены, что государства Антанты не только могли, но и должны были оказывать белому движению поддержку. У немцев можно было просить, считал П.Н. Краснов, но союзники, являвшиеся должниками перед Россией и белым Доном, были «обязаны вернуть свой долг и с них нужно требовать»². На взгляд Головина, в годы первой мировой войны российское командование «проявляло по отношению к своим союзникам такую высокую степень жертвенности, которая переходила границы национальных интересов», так что поддержка белых являлась платой за прошлые заслуги России, но Головин рассматривал ее и как реализацию долга союзников перед белой армией ввиду убеждения о неразрывном единстве большевизма и Германии («запломбированный вагон», «деньги германского генерального штаба»). Борьбу с большевизмом в белой эмиграции понимали не как гражданскую войну, а как «продолжение большой войны». Для офицерства, составлявшего костяк белого движения, поражение в мировой войне, как указывал Головин, вело к потере Россией великодержавия³. В представлении некоторых эмигрантских авторов, и адмирал А.В. Колчак, «и почти вся русская антибольшевистская общественность» придерживались союзнической ориентации, «рассматривая борьбу с большевиками как продолжение германской войны»⁴. На взгляд П.Н. Милюкова, «антибольшевики» полагали, что державы Антанты тоже «продолжают считать себя союзниками по отношению к люляной России», то есть к белому движению⁵.

В чем же конкретно должна была состоять помощь Антанты? В литературе русского зарубежья, в отличие от советской историографии, подчеркивался патриотизм белого движения. Начертав на своих знаменах слова «Великая, Единая и Неделимая Россия», белогвардейцы тем самым брали на себя роль борцов за восстановление государственного могущества, за очищение страны от боль-

Бакланова Ирина Семеновна — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного технического университета гражданской авиации.

шевизма. По мнению генерала А.С. Лукомского, являвшегося в годы гражданской войны сначала начальником штаба у Л.Г. Корнилова, затем начальником военного управления, помощником А.И. Деникина, а с июля 1919 по январь 1920 г. председателем Особого совещания (правительства), командование Добровольческой армии исходит из положения о том, что освобождать Россию от советской власти следует «русскими руками»; равно и в будущем речь могла идти лишь о содействии великих держав⁶. Как выразил эту мысль один из военачальников белых на Востоке генерал К.В. Сахаров, «восстановление своего разрушенного дома мы должны делать сами, своими руками; преступно рассчитывать, что кто-то может выполнить это за нас»⁷.

Соответственно, содействие белым со стороны союзников, на которое указывал Лукомский, должно было выражаться прежде всего в материально-техническом снабжении. Практически все эмигрантские авторы писали об острой нужде белых в вооружении и боеприпасах. Головин привел перечень военных заводов, из которого следовало, что абсолютное их большинство находилось на территории, постоянно контролируемой «ленинским правительством». При низком техническом уровне обеспечения военных действий в гражданской войне запасов сырья, имевшегося на заводах, советской власти вполне хватало; большевикам попали в руки, кроме того, запасы военного снабжения демобилизованной российской армии⁸. Добровольческая же армия доставала все необходимое, только «вырывая» оружие и патроны у своего противника, — писал издатель и редактор «Белого дела» генерал А.А. фон Лампе. Лукомский отмечал, что были периоды, когда на складах не было ни одного патрона, ни одного снаряда. В подобных случаях командование Добровольческой армии приказывало продвигаться вперед, чтобы «пополнять недостающее из запасов противника»⁹. После возвращения из первого кубанского («Ледяного») похода у добровольцев появился и еще один источник снабжения — немцы. На оккупированной ими Украине имелись склады бывшего Юго-Западного фронта, оттуда и получал оружие Краснов. Часть военного имущества он передавал командованию Добровольческой армии¹⁰.

Донской атаман указывал, что его отношения с германским командованием определялись исключительно прагматическими нуждами. Благодаря добрососедским отношениям с немцами вся западная граница Войска Донского протяженностью в 500 верст была абсолютно безопасна. Там не надо было держать никаких воинских частей. В товарообмене был установлен курс германской марки по отношению к донской валюте, сделана расценка винтовки при обмене на русский хлеб, заключен контракт на поставку аэропланов. В случае совместных боевых действий добыча делилась пополам¹¹.

Но политику Краснова подвергал критике ряд участников белого движения, в том числе Деникин. Он признавал, что в создавшейся ситуации иного выхода, кроме сотрудничества с немцами, у Краснова не было. Однако стремление наладить со всеми политическими лагерями отношения (заявления немцам о преданности им, призывы к добровольцам о совместном походе на север на соединение с чехословаками, уверения казаков, что за пределы войска они не пойдут и, наконец, письмо большевикам о мире) Деникин называл «или слишком хитрой, или слишком беспринципной» политикой¹². Его Добровольческая армия придерживалась исключительно союзнической ориентации, враждебной к Германии. Деникин писал, что «в наших глазах» идея сотрудничества с германцами, как «насадителями большевизма и творцами Брест-Литовского мира», была неприемлема¹³. Да и Лукомский в беседе с гетманом П.П. Скоропадским заявлял, что он «ни при каких условиях» не согласится сотрудничать с немцами, которые «подлыми предательскими приемами погубили нашу армию и предали Россию в руки большевиков»¹⁴. В то же время, как отмечал Головин, политика Германии была «противобольшевистской» и немецкое командование всегда с симпатией относилось к белому движению, видя в нем средство «для сохранения центральных держав от большевистской заразы». Головин доказывал это тем, что для столь значительной вооруженной силы не представляло никакого труда покончить «с этой горстью русских героев». Но немцы спокойно относились даже к передаче Красновым вооружения добровольцам. Как свидетельствовал и Лукомский, до июня 1918 г., при немцах, в Киеве совершенно свободно действовали пункты записки в белую армию¹⁵. Деникин признавал, что немецкое командование на Юге России относилось с уважением к Добровольческой армии¹⁶. Тем не менее отношение к сотрудничеству Дона с германским командованием в среде добровольцев было по меньшей мере неприязненным.

В ходе полемики, стремясь бросить тень на бескомпромиссную верность добровольцев союзнической ориентации, Краснов с сарказмом писал: «Добровольческая армия чиста и непогрешима. Но

ведь это я, донской атаман, своими грязными руками беру немецкие снаряды и патроны, отмываю их в водах Тихого Дона и чистыми передаю Добровольческой армии! Весь позор этого дела лежит на мне!». Лукомский с этим не соглашался и утверждал, что командование Добровольческой армии никогда не вступало ни в какие переговоры с германским штабом, а получение вооружения через Дон отнюдь не означало измену союзнической ориентации, поскольку немцы не могли предъявить добровольцам никаких требований или условий¹⁷.

В конце концов, верность союзнической ориентации не только Деникина, но и остальных руководителей белых правительств — А.В. Колчака, Е.К. Миллера и Н.Н. Юденича — стала приносить свои плоды. Начались поставки вооружения белой армии. Что касается качества, количества и соблюдения сроков поставок, то в литературе русского зарубежья существуют разные мнения. По данным Иностранцева, белые на Востоке все необходимое получали «богато» и «хорошего качества». Гинс подтверждал, что Англия и Франция доставляли Колчаку все, что могли, учитывая состояние их послевоенной экономики. По Милюкову, выбор в качестве «основного стержня» белого движения Колчака, Сибири, был продиктован тем, что туда «раньше всего и в наибольшем размере притекала помощь союзников». Лукомский же признавал, что и на Юге военные представители Англии «делали все от них зависящее» для снабжения белых, союзники поставляли им даже танки. П.Н. Врангель отмечал, что не только появление их на позициях, но даже слух о подходе танков вызывал отход противника. Это наблюдалось в конце августа 1919 г., во время реализации «Московской» директивы Деникина¹⁸.

Но известны и другие суждения, причем относящиеся ко всем белым фронтам. Генерал А.П. Родзянко указывал на срыв сроков английских поставок вооружения Северо-Западной армии. Полученное с опозданием почти на два месяца военное имущество оказалось, по существу, «неликвидами»: артиллерийские орудия без замков, разрозненные, неполные комплекты обмундирования, непригодные к боевой работе танки¹⁹. Неоказание своевременной помощи Юденичу привело к негативным последствиям, о чем свидетельствовали и другие авторы. Гинс, анализируя причины поражения белых на Северо-западе, писал, что «медлительность союзников оказалась роковой». Да и на Востоке страны, по его мнению, оказанная ими помощь хотя и была «очень существенной и значительной», но все же «бессистемной» и нерешительной, что сводило ее роль на нет. К тому же, как отмечал генерал А.П. Будберг, занимавший некоторое время посты главного начальника снабжений при ставке Колчака и управляющего Военным министерством, иностранцы часто присылали «дрянь и гниль», оплачивать которую приходилось золотым рублем. Японцы вместо сукна поставили суррогат — «разные отбросы, накатанные на бумажную основу» — «расползающийся» через три недели носки. По наблюдениям подполучника конной артиллерии В. Матасова, поставки военного снаряжения Добровольческой армии также не отличались щедростью. Просьбы Деникина отдать ему оружие и снаряды, оставленные русскими частями в Румынии, союзники не приняли во внимание. «Скудную помощь» снарядами предоставили только англичане. Франция больше заботилась об армии Польши, которая была «с головы до ног» одета в голубую и колониально-защитную французскую форму²⁰.

Кроме поставок вооружения, белые надеялись и на поддержку правительств Антанты в других областях. Лукомскому представлялась необходимой отправка войск союзников «для обеспечения порядка и образования плацдарма в районе Малороссии», а также «действенная помощь по восстановлению экономической жизни в освобождаемых от большевиков районах», предоставление кредита. Для Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) серьезной помощью оказалось бы просто удержание союзниками Одесского района и Крыма²¹, иными словами, союзники должны были обеспечить тыл антибольшевистского движения, помогая наладить в нем экономические отношения и удовлетворяя финансовые потребности белого правительства. При этом, отмечал Милюков, у белых считали, что Брестский мир заключили враги России — большевики, поэтому помощь союзников не рассматривалась как интервенция²².

Действительно, страны Антанты направили контингенты своих войск на территорию России. Британские части высадились в Закавказье и на Севере — в Мурманске, затем в Архангельске (там же находились небольшие французский и американский отряды), был послан английский отряд в Хоросан (Средняя Азия), французы заняли Одесский район. Американские и японские части охраняли дальневосточные линии железной дороги. Всего, по данным Милюкова на 15 сентября 1919 г., японцы ввели в Сибирь 60 тыс. солдат, американцы — 8477, британцы — 1422, итальянцы — 1400, французы — 1076²³.

Однако полностью надежды участников белого движения на союзников не оправдались. Как писал Лукомский, весной 1919 г. последовала «спешная, не отвечающая обстановке» эвакуация французов из Одессы и Крыма²⁴. (Миллюков объяснил ее выступлением в конце марта 1919 г. французских парламентариев против усиленных кредитов на содержание оккупационного корпуса в Одессе)²⁵. Ни одному из белых правительств так и не было оказано серьезной экономической помощи по устройству тыла. США даже не выдали Омскому правительству банкноты, заказанные еще Керенским. Ни одно из союзнических правительств также не предоставило Сибири денежного кредита. Это объяснялось, как считал Гинс, тем, что страны Антанты не решились официально признать правительство верховного правителя. Поэтому Колчак терял свой престиж²⁶. (Только Франция признала 31 июля/13 августа 1920 г. правительство Юга России — Врангеля. Однако этот шаг сильно запоздал и существенно повлиять на исход борьбы уже не мог.)

Каковы же причины столь противоречивой, на взгляд участников белого движения, политики стран Антанты во время гражданской войны? Деникин писал, что союзники «руководствовались исключительно собственной выгодой; до несчастья русского народа им не было никакого дела. Они могли идти с украинцами и против украинцев, с большевиками и против большевиков, могли воссоединять и расчленять Россию, лишь бы эти действия соответствовали их национальным интересам»²⁷. Так же рассуждали обычно и другие эмигрантские авторы.

«Национальный интерес» правительства стран Антанты видели прежде всего в использовании России для продолжения войны с Центральными державами. По этому поводу Будберг еще 4 ноября 1917 г. писал с сарказмом в своем дневнике: «Мы должны существовать столько, сколько им (союзникам. — И.Б.) нужно для замены нас американцами; мы за это время можем гнить и разваливаться, сколько угодно, но только выполнять свою роль горчичника на немецком затылке. Когда же мавр сделает свое дело, то ему предоставляется право окончательно развалиться, ибо после предвещаемого — но ни в чем еще не гарантированного — уничтожения Германии [это] будет для союзников и не безвыгодно, так как одновременно с немецким крокодиллом будет сброшен со счетов и русский медведь, очень нужный во время войны, но совсем лишний, когда придется кушать плоды победы»²⁸. Подобные мысли высказывал и Миллюков. Россия для союзников «являлась не целью, а лишь средством — и притом средством временным, даже кратковременным». И далее: «Союзники хотели только утилизировать Россию для продолжения борьбы с Германией, но вовсе не имели намерения вмешиваться в борьбу между русскими "фракциями"»²⁹. То, что правительства Антанты преследовали только свои собственные интересы и им была безразлична внутренняя российская ситуация, подтверждалось их попытками использовать против Германии даже большевиков³⁰. Миллюков напомнил им и недостаточную, несвоевременную помощь на начальном периоде антибольшевистского движения, когда победу над большевиками, по его мнению, можно было одержать легче даже при пассивности народных масс, и «существенное уклонение» от южного направления, на котором борьба с красными в 1918 г. могла принести «наибольший успех»³¹.

Первоначально, как писал Генерального штаба полковник А.А. Зайцов, правительства Антанты озаботились решением трех проблем: недопущения переброски германских дивизий с Восточного фронта на Западный и использования против союзников находившихся в России военнопленных и обеспечения безопасности баз в Мурманске, Архангельске и Владивостоке, где за годы войны скопились доставленные союзниками военные грузы³². В дальнейшем, как указывал, в частности, Лукомский, передвижение в Сибирь чехословацкого корпуса и начавшиеся там антибольшевистские выступления привели союзников к мысли о возможности создания на Востоке антигерманского фронта. По данным Миллюкова, подобные планы возникли в апреле—мае 1918 года³³. С этой целью чехословаки были повернуты на Запад³⁴. Генерал Миллер рассказывал в воспоминаниях о встрече в Лондоне с начальником английского генерального штаба генералом Х. Уилсоном. Тот назвал три задачи высадки английских войск на Севере: 1) овладеть портами Архангельска и Мурманска, чтобы их не могли использовать немцы в качестве баз для своих подводных лодок; 2) захватить снаряжение, доставленное туда Америкой и Англией и не использованное царской армией; 3) содействовать воссозданию русских воинских частей для образования нового фронта³⁵.

В отличие от советской историографии, литература русского зарубежья отрицала такой мотив участия стран Антанты в гражданской войне, как стремление уничтожить первое в мире социалистическое государство. По мнению Зайцова, «неизбежность борьбы капиталистического мира с ком-

мунизмом» даже в 1934 г. (время выхода в свет его книги) «не осознана Европой и Америкой». Лукомский же полагал, что в годы гражданской войны угрозу распространения большевизма увидела прежде всего Франция и то политическое течение в Англии, к которому относился У. Черчилль. Однако сторонники премьер-министра Ллойд Джорджа считали, что советское правительство можно заставить эволюционировать и, в дальнейшем, обеспечивать интересы не только российского населения, но и западных держав³⁶.

Кроме необходимости продолжения мировой войны, Англия и Франция стремились еще и обеспечить в России свои экономические интересы. Лукомский ссылался на соглашение, заключенное Англией и Францией, о разделе зон действий, куда и были введены контингенты союзных войск. При этом Великобритания надеялась получить возможность беспрепятственно вывозить нефть из Баку через Батум³⁷.

Менее активно, на взгляд эмигрантских авторов, участвовали в интервенции США. Милюков писал, что изначально американское правительство было принципиально против всякой интервенции. Главной целью посылки американских войск, писал Головин, являлось оказание помощи чехословацкому корпусу против нападавших на него германских и австрийских военнопленных. Так же и министр иностранных дел правительства Колчака И.И. Сукин отмечал, что неприятие в США идеи интервенции в «значительной мере удалось сломить» только из-за «невозможности допустить гибель чешской армии»³⁸. Милюков считал, что США в качестве основного принципа своей политики провозгласили невмешательство во внутренние дела России³⁹. Нежелание американцев участвовать в российских событиях на стороне белых порождало у участников белого движения серьезные претензии к США. По мнению Гинса, американские экспедиционные войска вели себя на Дальнем Востоке таким образом, что в белом лагере создалось впечатление о заинтересованности США в поражении антибольшевистских сил⁴⁰. На взгляд Милюкова, уклонение американских отрядов от вооруженных столкновений фактически являлось помощью большевикам. Лукомский объяснял такое их поведение набором в войска экспедиционного корпуса лиц, знающих русский язык. В основном это были евреи, «проникнутые социалистическими идеями» и, соответственно, смотревшие на белых как на реакционеров и черносотенцев. (При этом и Милюков и Гинс считали, что дело было не в позиции отдельных лиц, а в государственной политике. Ибо не кто иной, как президент Вильсон в свое время обращался к «московским комиссарам» с приветствием.) В целом, по оценке Лукомского, участие США в гражданской войне ограничилось лишь присылкой снаряжения, заказанного еще царским правительством, охраной американскими войсковыми частями участков КВЖД да благотворительной деятельностью Young men Christian association⁴¹. В то же время, как указывал А.П. Родзянко, американские поставки Северо-Западной армии, в отличие от английских, выполнялись «с поразительной точностью»⁴². По-иному, в оценке некоторых эмигрантских авторов, вела себя на Дальнем Востоке Япония, стремившаяся реализовать здесь свои экономические интересы⁴³. Но и США не представлялись им такими уж бессребрениками. Гинс отмечал, что американское правительство, как и остальные союзники, прежде всего Япония, было заинтересовано в Сибири в качестве рынка сбыта и источника сырья. Там имело место постоянное соперничество американцев и японцев во всем, даже в мелочах. Лукомский полагал, что такое положение дел имело и свои плюсы, ибо это сдерживало, по выражению Колчака, «политику хищнических захватов» Японии⁴⁴.

Кроме явной недостаточности союзнической помощи, участников белого движения не устраивала сама форма их взаимодействия, выражавшаяся, как писал Милюков, в «пренебрежительном отношении к недавнему союзнику». На взгляд Гинса, история интервенции, как и деятельность на Востоке страны чеха Р. Гайды, прошла несколько стадий: «Хорошее начало, добрые побуждения, затем самоуверенность, вмешательство в чужие дела, игнорирование хозяев, наконец, открытое выступление против власти и окончательный разрыв». Однако, по мнению Лукомского, с самого начала отношения не были равноправными. Не только не обсудив с руководителями антибольшевистского движения вопрос, но и просто не поставив их в известность, союзники разделили юг страны на сферы влияния; они не торопились сообщать о принимаемых решениях; поддерживали «атаманствующие» элементы (в частности Япония — атамана Г.М. Семенова на Востоке) и сепаратистов и, в конце концов, вели себя в России как хозяева. Как считал Гинс, «иностронец не может распоряжаться в России, не создав себе смертельных врагов», своими действиями союзники подрывали моральный авторитет белых, ибо и в Вологде, и в Москве, и в Петрограде прекрасно знали,

как совершался переворот в Архангельске, как союзники «экзаменовали» Колчака и как было «сфабриковано правительство Юденича»⁴⁵. Последний эпизод, поразивший многих, в красках был описан министром правительства Северо-Западной Области В.Л. Горном: о совещании в английской миссии он узнал лишь непосредственно перед ним; генерал Ф. Марш потребовал от собравшихся за сорок пять минут создать новое правительство, по существу же, требовалось лишь утвердить список его членов, составленный в английской миссии⁴⁶.

Несмотря на признание давления со стороны союзников, руководители белого движения, по утверждению ряда эмигрантских авторов, сохраняли полную самостоятельность в принятии важнейших стратегических решений. Деникин, не откликнувшись на призыв союзников двинуть Добровольческую армию на Царицын, начал в июне 1918 г. операцию против Кубани (второй Кубанский поход). Врангель, вопреки ультимативному требованию англичан не выходить за Перекопский перешийек, прекратив борьбу с Красной армией и оставив за собой Крым, занял три северных уезда Таврической губернии. Колчак отверг кандидатуру Антанты — французского генерала Жанена — на пост главнокомандующего союзнорусскими войсками⁴⁷. Вообще, в отличие от советской историографии, эмигрантская литература отрицала то, что белыми силами руководила Антанта. В частности, расценивался как «легенда» факт назначения Колчака на должность верховного правителя по указанию Нокса⁴⁸. Милюков, однако, приписывал союзникам «несомненное влияние» на разработку плана переворота. Лукомский писал и о том, что английский главнокомандующий принимал участие в разработке вспомогательной операции при наступлении Колчака⁴⁹.

Практически все эмигрантские авторы признавали, что в отношениях с союзниками, и без того не идеальных, 11 ноября 1918 г. (Компъенское перемирие) стало роковой датой (по Зайцову — «траурный день русской контрреволюции»): в этот день «значение России для наших врагов и для наших друзей сразу упало почти до нуля», а гражданская война стала «чисто русским внутренним делом»⁵⁰. Союзники в целях окончания вооруженной борьбы даже предложили в январе 1919 г. созвать конференцию на Принцевых островах с участием советских представителей — предложение, которое «было отвергнуто всеми», за исключением большевистского и эстонского правительств⁵¹. Западные страны стали сооружать «санитарный кордон» из лимитрофных государств и устанавливать контроль над областями, которые они хотели сохранить в качестве своей сферы влияния (Грузия, Азербайджан, Дальний Восток). Поддержка же вооруженной борьбы против большевиков сводилась к поставкам «избытка запасов вооружения и снаряжения, оставшихся от мировой войны». После поражения Колчака и Деникина и эта помощь союзников, за исключением Франции, была прекращена⁵².

Уже в ходе гражданской войны у белых нарастали антисоюзнические настроения. Гинс описал заседание Совета министров, на котором Колчак ставил вопрос о возможной смене ориентации, что, впрочем, не получило поддержки⁵³.

Эмигранты видели необходимость исправить политику по отношению к западным государствам в интересах борьбы против Советской власти; ряд авторов, критикуя позицию белых вождей в годы гражданской войны, считал, что в борьбе с красными следовало исходить исключительно из собственных интересов, не учитывая стремления союзников. Как считал генерал Д.В. Филатьев (до 1917 г. экстраординарный профессор Академии Генерального штаба, начальник канцелярии Военного министерства, председатель Военного совета), никаких «союзников» у белого движения со дня подписания Брест-Литовского мира не было. Союз на короткое время возобновился в Сибири, когда был повернут чехословацкий корпус. Окончательно, по его мнению, союзнические отношения завершились 11 ноября 1918 года. Генерал В.И. Гурко конкретизировал это положение. «Донкихотская лояльность», на его взгляд, и не могла принести желаемого результата, то есть бескорыстной помощи. Англия если когда-либо что-то и делала другим нациям, «то лишь во вред им». Поэтому надо было использовать еще сохранившиеся силы Германии «для свержения большевиков или хотя бы для образования при ее содействии мощной военной силы». По мнению Гурко, в условиях приближавшегося военного краха Германии такая политика не представляла реальной опасности для белых. Да и вообще, как считал известный в годы гражданской войны своей «германской ориентацией» Милюков, можно было использовать в своих целях существовавший у немцев, а также в некоторых либеральных и даже социалистических кругах, интерес к воссозданию сильной монархической России как союзницы в будущей борьбе с Англией⁵⁴.

Более решительно высказался Филатов, полагавший, что белые не могли считать себя преемниками ни царского, ни Временного правительства, а должны были думать только о свержении большевиков, «не задаваясь раньше времени великодержавностью». «Вместо ожидания подаяний», следовало поставить союзникам, жаждавшим восстановления русско-германского фронта, определенные требования о помощи, а в случае отказа — объединиться со Скоропадским. Отказываясь от сотрудничества с германским ставленником — украинским гетманом, «будуруя» против Краснова, командования Добровольческой армии «ничего не выиграло перед союзниками». Вместо этого политика добровольцев привела к «более настойчивой» поддержке немцами большевиков и «всяческому» противодействию белым, а затем — и к Сибирскому правительству⁵⁵.

К большей гибкости призывал в своем военно-историческом труде Головин. По его мнению, надо было не портить отношения с союзниками, а по возможности использовать их потенциал. Головину представлялось возможным принять помощь немцев кубанцам против большевиков на Северном Кавказе, а равно и помощь союзников — добровольцам⁵⁶.

Таким образом, в эмигрантской литературе было распространено убеждение в «своекорыстности» политики стран Антанты в отношении белых. Однако выводы из этого положения были сделаны разные. Деникин, как и в годы гражданской войны не считал для себя возможным по морально-этическим соображениям ударить в тыл большевикам, сражавшимся с врагами России — немцами, даже если это и могло принести в дальнейшем значительный стратегический выигрыш⁵⁷. Другие же авторы исходили из признания главным врагом России не немцев, а большевиков. Против них считались приемлемыми все доступные средства, включая и помощь исторических противников России. Это и попытались реализовать в дальнейшем такие бывшие участники белого движения, как генералы П.Н. Краснов, Н.Н. Головин, В.А. Штейфон и А.Г. Шкуро, поддержав во время второй мировой войны агрессию гитлеровской Германии против СССР.

Примечания

1. МЕЛЬГУНОВ С.П. Российская контрреволюция. (Методы и выводы генерала Головина). Доклад в академическом союзе 17 июня 1938 г. Париж. 1938, с. 23; ГИНС Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. 1918—1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Т. 2. Пекин. 1921, с. 4, 3. В том же смысле высказался генерал М.А. Иностранцев: «Не будь у Сибирской армии этого снабжения союзниками, она совершенно не могла бы бороться» (ИНОСТРАНЦЕВ М. История, истина и тенденция. По поводу книги ген.-лейт. К.В. Сахарова «Белая Сибирь». Прага. 1933, с. 32).
2. КРАСНОВ П.Н. Всевеликое Войско Донское. — Архив русской революции, 1922, т. 5, с. 221.
3. ГОЛОВИН Н.Н. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг. Ч. 1. Кн. 1. Париж. [1937], с. 41; ч. 2. Кн. 3, с. 101; ч. 2. Кн. 5, с. 92.
4. КАДЕСНИКОВ Н.З. Краткий очерк белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917—1922 гг. Нью-Йорк. 1965, с. 78.
5. МИЛЮКОВ П.Н. Россия на переломе. Т. 2. Париж. 1927, с. 54.
6. ЛУКОМСКИЙ А.С. Воспоминания. Т. 1. Берлин. 1922, с. 7; т. 2, с. 297, 332.
7. САХАРОВ К. Белая Сибирь. Мюнхен. 1923, с. 4.
8. ГОЛОВИН Н.Н. Ук. соч. Ч. 5. Кн. 12, с. 67—68.
9. ЛАМПЕ А.А. Пути верных. Париж. 1960, с. 32. См. также: ЛУКОМСКИЙ А.С. Ук. соч. Т. 2, с. 259.
10. КРАСНОВ П.Н. Ук. соч., с. 209.
11. Там же, с. 208.
12. ДЕНИКИН А.И. Очерки русской смуты. Т. 3. Париж. 1922, с. 71. Эмигрантские авторы, как правило, признавали целесообразность сотрудничества Краснова с немцами. Тем не менее ставка Донского атамана на победу Германии и, в данной связи, стремление расширить с ее помощью территорию Войска Донского за счет присоединения не принадлежавших ему территорий (части Саратовской и Ставропольской губерний, городов Царицына, Камышина, Воронежа), о чем он ходатайствовал в письме Вильгельму II, — вызывала неприятие у ряда авторов (ЛУКОМСКИЙ А.С. Ук. соч. Т. 2, с. 75; ЗАЙЦОВ А.А. 1918 год. Б.м. 1934, с. 159; и др. В то же время Головин оправдывал территориальные притязания Донского атамана необходимостью собирания сил для дальнейшей борьбы с большевиками. В Луганске находился патронный завод, в Царицыне — пушечный. Кроме того, Царицын имел стратегически важное значение. Что же касается «отношений» с большевиками, то таким образом, по мнению Головина, Краснов хотел получить признание ленинским правительством независимости Дона, а значит, «оградить последний от агрессивности Московских большевиков» (ГОЛОВИН Н.Н. Ук. соч. Ч. 3. Кн. 6, с. 22—23, 19. По мнению П.Н. Врангеля, «генерал Краснов, вовремя учтя падение Германии, умело использовал немцев», создав свою собственную армию (ВРАНГЕЛЬ П.Н. Записки. — Белое дело, 1928, т. 5, с. 100).

13. ДЕНИКИН А.И. Ук. соч. Т. 3, с. 39.
14. ЛУКОМСКИЙ А.С. Ук. соч. Т. 2, с. 57.
15. ГОЛОВИН Н.Н. Ук. соч. Ч. 3. Кн. 6, с. 45, 46, 76, 74; ЛУКОМСКИЙ А.С. Ук. соч. Т. 2, с. 59. Милюков объяснил лояльность командования немецкой армии к белому движению на Юге России тем, что в то время Германия еще не сделала окончательного выбора между большевиками и антибольшевиками (МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч. Т. 2, с. 63).
16. ДЕНИКИН А.И. Ук. соч. Т. 3, с. 114.
17. КРАСНОВ П.Н. Ук. соч., с. 207; ЛУКОМСКИЙ А.С. Ук. соч. Т. 2, с. 258.
18. ИНОСТРАНЦЕВ М. Ук. соч., с. 32; ГИНС Г.К. Ук. соч. Т. 2, с. 61; МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч. Т. 2, с. 123; ЛУКОМСКИЙ А.С. Ук. соч. Т. 2, с. 300; ВРАНГЕЛЬ П.Н. Ук. соч., с. 201
19. РОДЗЯНКО А.П. Воспоминания о Северо-Западной армии. Берлин. 1921, с. 127.
20. ГИНС Г.К. Ук. соч. Т. 2, с. 316, 4, 584; БУДБЕРГ А. Дневник. — Архив русской революции, 1923, т. 12, с. 197; т. 14, с. 281; МАТАСОВ В. Белое движение на Юге России. Монреаль. 1990, с. 105.
21. ЛУКОМСКИЙ А.С. Ук. соч. Т. 2, с. 331—332.
22. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч. Т. 2, с. 55.
23. Там же, с. 304, 267, 274, 37; ГИНС Г.К. Ук. соч. Т. 2, с. 85.
24. ЛУКОМСКИЙ А.С. Ук. соч. Т. 2, с. 243.
25. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч. Т. 2, с. 100.
26. ГИНС Г.К. Ук. соч. Т. 2, с. 390.
27. ДЕНИКИН А.И. Ук. соч. Т. 2, с. 216.
28. БУДБЕРГ А. Ук. соч. Архив русской революции, т. 12, с. 243.
29. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч. Т. 2, с. 18, 54.
30. ГОЛОВИН Н.Н. Ук. соч. Ч. 3. Кн. 7, с. 7; МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч. Т. 2, с. 18.
31. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч. Т. 2, с. 4, 5, 55.
32. ЗАЙЦОВ А.А. Ук. соч., с. 118.
33. ЛУКОМСКИЙ А.С. Ук. соч. Т. 2, с. 247; МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч. Т. 2, с. 18.
34. ГИНС Г.К. Ук. соч. Т. 2, с. 215.
35. Часовой, 1929, № 1-2, с. 12.
36. ЗАЙЦОВ А.А. Ук. соч., с. 19—20; ЛУКОМСКИЙ А.С. Ук. соч. Т. 2, с. 248, 257.
37. ЛУКОМСКИЙ А.С. Ук. соч. Т. 2, с. 264, 293—295, 304.
38. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч. Т. 2, с. 18; ГОЛОВИН Н.Н. Ук. соч. Ч. 4. Кн. 9, с. 82; За спиной Колчака: Документы и материалы. М. 2005, с. 331.
39. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч. Т. 2, с. 35—36.
40. ГИНС Г.К. Ук. соч. Т. 2, с. 178.
41. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч. Т. 2, с. 36, 59; ЛУКОМСКИЙ А.С. Ук. соч. Т. 2, с. 267.
42. РОДЗЯНКО А.П. Ук. соч., с. 127.
43. Записки Ивана Ивановича Сукина о правительстве Колчака. В кн.: За спиной Колчака, с. 389. Активность Японии на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири Милюков объяснил состоянием ее экономики (перенаселение, перепроизводство, вызывающие агрессивную колониальную политику, экономическую экспансию) (МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч. Т. 2, с. 157).
44. ГИНС Г.К. Ук. соч. Т. 2, с. 53, 57; ЛУКОМСКИЙ А.С. Ук. соч. Т. 2, с. 267. Однако, как считали некоторые эмигрантские авторы, политика правительства Колчака по отношению к Японии была недалевидной. Адмирал, по мнению Будберга, был склонен доверять советам людей, которые говорили приятное и в оптимистическом тоне (БУДБЕРГ А. Ук. соч. Т. 14, с. 238, 278, 281). Одним из таких людей в его окружении являлся проамерикански настроенный (его называли «американским мальчишкой») министр иностранных дел И.И. Сукин. На взгляд Филатьева, Сукин «вконец испортил» отношения с Японией (ФИЛАТЬЕВ Д.В. Катастрофа белого движения в Сибири. Paris. 1985, с. 43, 38).
45. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч. Т. 2, с. 18, 91—92; ГИНС Г.К. Ук. соч. Т. 2, с. 525, 15, 43, 455, 524 и др.; ЛУКОМСКИЙ А.С. Ук. соч. Т. 2, с. 265—266, 311, 313, 323, 390.
46. ГОРН В. Гражданская война на Северо-Западе России. Берлин. 1925, с. 108—115.
47. ДЕНИКИН А.И. Ук. соч. Т. 3, с. 87, 148; ЛУКОМСКИЙ А.С. Ук. соч. Т. 2, с. 330, 233; ФИЛАТЬЕВ Д.В. Ук. соч., с. 73.
48. См., например: ГИНС Г.К. Ук. соч. Т. 2, с. 276.
49. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч. Т. 2, с. 49—50; ЛУКОМСКИЙ А.С. Ук. соч. Т. 2, с. 269.
50. ЗАЙЦОВ А.А. Ук. соч., с. 275, 18.
51. ЛУКОМСКИЙ А.С. Ук. соч. Т. 2, с. 249.
52. ЗАЙЦОВ А.А. Ук. соч., с. 18—19; ЛУКОМСКИЙ А.С. Ук. соч. Т. 2, с. 257.
53. САХАРОВ К. Ук. соч., с. 152—153; ГИНС Г.К. Ук. соч. Т. 2, с. 331, 384, 416, 388 и др.
54. ФИЛАТЬЕВ Д.В. Ук. соч., с. 116; ГУРКО В.И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу. — Архив русской революции, т. 15, с. 34; МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч. Т. 2, с. 63.
55. ФИЛАТЬЕВ Д.В. Ук. соч., с. 138.
56. ГОЛОВИН Н.Н. Ук. соч. Ч. 5. Кн. 11, с. 9—10.
57. Там же, ч. 2. Кн. 5, с. 92—93.

В конце 2009 г. вышла в свет монография обозревателя журнала «Вестник РАН», кандидата исторических наук Я.Г. Рокитянского. Этот библиографический труд посвящен выдающемуся историку, общественному и политическому деятелю России XX в. академику Давиду Борисовичу Рязанову (1870—1938), очень много сделавшему для мировой науки, для страны, для того, чтобы сделать ее более человеческой, интеллектуальной, гуманной. Но все его научные достижения, добрые дела, неординарные политические взгляды были преданы забвению после его ареста и расстрела. Его имя не упоминалось в позитивном плане даже после реабилитации, поскольку он долгие годы вел полемику с Лениным и Сталиным и не боялся выступать со своей альтернативной точкой зрения против их взглядов, которые превратились в догмы. Лишь в конце 1980-х гг. появились первые статьи с позитивной оценкой жизненного пути Рязанова. Автор книги стал ведущим «рязановедом». Им опубликовано не менее 30 статей о своем герое, а в 1996 г. он совместно с Р. Мюллером издал книгу «Красный диссидент». Академик Д.Б. Рязанов — оппонент Ленина, жертва Сталина».

Рецензируемая монография представляет собой новый этап исследования жизни и творчества Д.Б. Рязанова. История России изучается главным образом по историческим событиям. Но иногда в этой области знаний можно добиться больших результатов, анализируя жизнь и деятельность отдельных личностей. И чем она масштабнее, тем значительнее достижения в исследовании истории страны. Рязанов является именно такой личностью. Он стоял в эпицентре общественного развития России несколько десятков лет, в том числе и тогда, когда решалась ее судьба. Он принимал активнейшее участие в событиях, которые определили направление развития всей страны. После Октября 1917 г. Рязанов предлагал свою альтернативу тому политическому развитию, которое осуществлялось под руководством Ленина, а затем — Сталина. Наконец, он стоял в эпицентре интеллектуального развития России, стал ученым мирового уровня, крупным организатором науки. Изучая биографию такого человека, можно выйти на понимание многих проблем, которые до сих пор будоражат политиков, историков и научную общественность России.

Книга состоит из 16 глав. В ней хорошо отражен большой научный потенциал автора, который постоянно пытался опереться на научные принципы исторического исследования, рассматривая жизнь Рязанова в контексте событий своего времени, сквозь призму интеллектуального, духовного и политического развития страны.

Первая глава озаглавлена «Рязановедение». В ней рассматриваются статьи и книги о Рязанове, изданные в России и за ее пределами. Что греха таить, наши историки часто игнорируют историографию, демонстрируя тем самым ненаучность своего подхода. Получается, что они едва ли не первыми пишут о чем-то, замалчивая своих предшественников и тем самым вводят в заблуждение читателей. Автору рецензируемого исследования удалось избежать этой болезни и проанализировать рязановедческие труды своих предшественников, четко определить проблематику своей книги. При этом монография построена на огромном архивном и документальном основании, созданном самим автором. Ему удалось выявить в Российском государственном архиве социал-политической истории, Государственном архиве Российской Федерации, Архиве РАН, Российском архиве литературы и искусства, архивах Берлина и Амстердама большое количество архивных материалов о Рязанове. Следует особо упомянуть Центральный архив ФСБ в Москве и его Управление в Саратове, где был обнаружен целый комплекс материалов о Рязанове: два его следственных дела, в том числе материалы, касающиеся его жены Анны Львовны, которая была заключена в лагерь жен «врагов народа». Здесь же оказались сотни писем и других документов о правозащитной деятельности академика, его письменные ходатайства в пользу арестованных лиц и благодарственные письма за спасение невинных людей от расстрелов и незаконных репрессий. Автор записал воспоминания родственников и сотрудников Рязанова, проживавших в Москве, Санкт-Петербурге и Саратове, нашел в библиотеках разных городов страны уникальные издания с его статьями, а также книги и брошюры, о существовании которых ранее не было известно.

Во второй главе книги автор рассказывает о детстве и юности Рязанова, проведенных в Одессе, о его идейной эволюции в сторону марксист-

ма, о заключении в Одесскую тюрьму и в знаменитые «Кресты», о том, как он, находясь в одиночной камере и получив доступ к книгам на исторические, политические, экономические и другие научные темы, стал едва ли не самым образованным социал-демократом в России.

Две следующие главы посвящены его первой эмиграции (1900—1905) и участию в воссоздании РСДРП. Рязанов с самого начала своей политической деятельности был социал-демократом европейского типа, до конца дней своих выступал за цивилизационные формы партийной работы. В книге говорится о его довольно успешной попытке объединить все направления российской социал-демократии и построить партию на демократических принципах по примеру СДПГ.

В начале октября 1901 г. ему удалось довести дело до объединительного съезда, прошедшего в Цюрихе, на котором присутствовали как российские, так и зарубежные социал-демократические группы. В книге показано, как Ленин выступил против такой политики и вынудил возглавляемую им группу «искровцев» покинуть данный съезд. Ленин хотел создать партию нового типа без правых, центристов, колеблющихся, партию единомышленников, способную возглавить борьбу против царизма и эксплуататоров. Автор солидаризируется с Рязановым, считавшим такой подход губительным для РСДРП. В этом принципиальном вопросе трудно согласиться как с Рязановым, так и Рокитянским. Этот вопрос на протяжении десятилетий являлся тем индикатором, который определял коренное различие в понимании целей, задач и методов революционного движения в России. Рязанов и западноевропейские социалисты, по существу, не хотели реальной ликвидации буржуазной эксплуатации. Ленин же стремился к свержению капиталистического строя, не исключая при этом применения насилия. Победить капитализм не могли партии рыхлые, допускавшие наличие различных фракций, групп, течений. Реально повести массы на взятие власти могла только партия дисциплинированная, хорошо организованная, целеустремленная, боеспособная.

Социалисты по-своему оказались правы. Они не раз в XX в. добивались поддержки электората и создавали свои правительства. Но они и не пытались ликвидировать эксплуататорский строй. Партия, опиравшаяся на ленинские принципы, оказалась в 1917 г. единственной, кто был в состоянии взять власть и приступить к осуще-

ствлению всеобщего равенства. Другое дело, что по множеству объективных и субъективных причин строительство социалистического общества в конечном счете закончилось неудачей. В споре Ленина и Рязанова, автор рецензируемой книги, полностью поддерживая последнего, недостаточно учитывает коренное различие исходных позиций их обоих. Большое внимание автор уделил в пятой главе критике Рязановым раннего ленинизма. В брошюрах и книгах Рязанова порицаются элементы сектантства, а также борьба с инакомыслием в партии и игнорирование демократических принципов.

В одном из разделов монографии анализируется выступление Рязанова против проекта программы РСДРП, подготовленной Лениным и Плехановым. Автор сопоставил этот проект с документами западноевропейских партий, в частности, Эрфуртской программой. Как выяснилось, главное разногласие с Лениным проявилось в разном подходе к вопросу о восстании. Рязанов не допускал использование насилия в политических целях, доказательством тому служат следующие слова автора: «Заговорщическая организация социал-демократов — логический абсурд, и там, где социал-демократы говорят о ней, можно быть уверенным, что они употребляют слова, смысл которых им плохо известен. Социал-демократия не устраивает никаких "заговоров", она не готовит восстания, она не делает революции» (с. 147).

По существу, Рокитянский вслед за Рязановым выступал против революции и восстания, являлся сторонником эволюционного развития. Но теоретизирование о возможностях и путях развития — одно, а жизнь, история — другое. Да, эволюция имеет ряд преимуществ, приносит меньше всякого рода потерь. Но история убедительно показывает, что во всех крупных странах происходили революции — масштабные, радикальные, стихийные. Видимо, накапливающееся десятилетиями и столетиями недовольство народных масс неравенством и несправедливостью рано или поздно оборачивается восстаниями, бунтами и народными революциями. Нередко власти путем уступок удовлетворяют народные требования, направляют развитие по эволюционному пути. Так или иначе, но наличие революций, их роль в историческом процессе — факт неоспоримый и непреложный. Любой политик, тем более марксист, призван учитывать возможность эволюционно-реформистского развития, но с еще большей серьезностью готовиться к революции масс.

Автор анализирует проект программы РСДРП, написанный Рязановым в 1903 г., в котором, наряду с демократическими принципами, встречается требование «отмены смертной казни». Эта весьма информативная глава заканчивается рассказом о том, как в 1903 г. «искровцы» подвергли Рязанова резкой критике: его даже не допустили к участию во II съезде РСДРП. В этой кампании травли Рязанова принимали активное участие Плеханов, Мартов и Троцкий.

Шестая глава посвящена политической деятельности Рязанова в период революции 1905—1907 годов. Рязанов, считает автор, был осторожнее Ленина и Мартова, которые выдвигали задачу свержения царизма. Рязанов же полагал, что царизм еще слишком силен, чтобы добиться этой цели. Он предпочел использовать появившиеся возможности для создания российских профсоюзов и парламентской деятельности в качестве консультанта фракции РСДРП.

Совершенно неизвестный до сих пор этап жизни Рязанова: его пребывание в эмиграции в конце 1907 г. — мае 1917 г., представлен в седьмой и восьмой главах. На основе впервые переведенных автором с немецкого языка писем Рязанова к Карлу и Луизе Каутским и других источников говорится о его пребывании в Берлине, Вене, Цюрихе, а также о его интенсивных научных занятиях, прежде всего в области марксоведения, публикации статей, двухтомника собрания сочинений Маркса и Энгельса 1852—1862 гг., а также материалов I Интернационала. Автор убежден, что Рязанов выдвинулся к 1917 г. в число основоположников научного марксоведения и стал выдающимся ученым.

Отношения Рязанова с РСДРП несколько изменились после первой мировой войны. В книге впервые отмечается, что Рязанов в августе 1914 г. способствовал освобождению своего идейного оппонента Ленина. С этой целью он отправился к видному австрийскому социал-демократу В. Адлеру, чтобы с его помощью добиться освобождения Ленина из австрийской тюрьмы. Как следует из писем Ленина, после этого их отношения наладились (с. 245—247). В книге приводится еще один малоизвестный факт. Рязанов оказал помощь Ленину при подготовке брошюры «Государство и революция». Они работали в конце 1916 г. — начале 1917 г. в Цюрихской библиотеке, и Ленин обращался к Рязанову с просьбой предоставить ему различные положения из работ Маркса и Энгельса, которые Ленин хотел использовать в своей работе (с. 248).

В разделе «От мая до октября 1917 г.» отмечается, что являясь почти 15 лет нефракционным социал-демократом, Рязанов не собирался вступать ни в одну из партий и оказался в РСДРП(б) лишь в составе группы «межрайонцев», члены которой пытались навести мосты между меньшевиками и большевиками. Рокитянский считает грубой ошибкой утверждение некоторых историков, что, вступив в партию, Рязанов стал большевиком. Автор утверждает, что это противоречило его политическим взглядам и его собственным словам. На XIII партийной конференции он заявлял: «Я не старый большевик, я — не ленинист». А вот другое его высказывание: «Я не большевик, я не меньшевик и не ленинист, и как марксист, я — коммунист» (с. 261, 262). Большевик Н.Н. Суханов, вспоминая о встрече с Рязановым в мае 1917 г., писал: «Я получил большое удовольствие, познакомившись с одной из интереснейших фигур русской революции... Это будущий большевик, но очень сомнительный большевик, недоброкачественный, маргариновый — хуже меньшевика».

Автор анализирует политические высказывания Рязанова, рассматривает его как диссидента партии, ставшей вскоре правящей, с которой он расходился по основным политическим вопросам. До Октября 1917 г. главное разногласие заключалось в решительном выступлении Рязанова против подготовки вооруженного восстания. Он предсказывал неизбежность восстания из-за антирабочей политики Временного правительства, но полагал, что не следует разжигать пожар, а надо обеспечить демократическое развитие страны и предотвратить гражданскую войну.

Между тем, беспрецедентная радикализация масс, развернувшаяся после Февраля и нараставшая с каждым месяцем, была важнейшим фактором революционного процесса. Агитация политических партий сыграла в этом определенную роль, но главным были действия самого народа. Радикализация масс напоминала речной поток, устремившийся наружу через взорванную плотину.

Эта радикализация, охватившая всю Россию и принимавшая зачастую весьма грубые формы, оттолкнула от революции значительную часть интеллигенции, заставила заколебаться даже большевистское руководство. Радикализация характеризовалась вполне объяснимыми действиями людей, внезапно превратившихся из подданных Его Величества в граждан, которые могут делать все, что захотят. Радикализация

поставила страну на грань анархии, грозила создать полный хаос, смести все и вся. В отличие от большинства политиков Ленин, Троцкий и их соратники верно оценили ситуацию, опираясь на достигшую предела радикальную волну, провозгласили Советскую власть. Рязанов же, выступая против восстания, не был бы понят революционными массами, которые смели бы его вместе с керенскими и милокувыми. Советы, взяв власть и удовлетворив радикальные требования народа — прежде всего мира, земли, рабочего контроля — спасли революцию и Россию.

Определенный интерес представляют приведенные в книге политические высказывания Рязанова в период с ноября 1917 г. по май 1921 года. Тогда он выступал за превращение новой России в демократическое государство с целью восстановления гражданского мира. Рязанов говорил о необходимости создания коалиционного социалистического правительства, восстановления свободы слова, собраний, выступал против запрета партий и разгона Учредительного собрания, а также против заключения Брестского мира, наступления на права профсоюзов и против репрессий. Выступления Рязанова, как считает автор, вызвали критику новых руководителей России. Эти выступления завершились тем, что ЦК запретил Рязанову заниматься профсоюзной деятельностью.

Десятая глава посвящена борьбе Рязанова против сталинизма, которая продолжалась с мая 1921 г. до его ареста в феврале 1931 года. Автор приводит много неизвестных фактов сталинской жестокости по отношению к иннакомыслящим и др. Рязанов делает вывод, что приход Сталина к власти не был случайностью, а отражал политическую близорукость руководителей партии, которые ориентировались с начала 1920-х гг. на закучивание гаек и нашли в Сталине человека, который мог делать это, по их мнению, эффективно. На XIII партконференции Рязанов весьма низко оценил интеллектуальный уровень Сталина и других сменивших Ленина лидеров партии и предсказал их грядущие неудачи. Он, в частности, говорил: «Как, друзья вы не садитесь, все же в Ленины не годитесь. Пойте соло, напевайте дуэт, трио, квартет, но вам не удастся заменить того, что является историческим своеобразием, что является особым моментом в истории партии». «Долой кандидатым в вожди», — добавил он (с. 311).

Важное открытие сделано автором в одиннадцатой главе «Выдающийся правозащитник России (конец 1917 г. — начало 1931 г.)». В ней

читатель впервые узнает о благородных делах человека, который почти 14 лет спасал тысячи людей от репрессий, обрушившихся на представителей разных партий, сословий, представителей интеллигенции, рабочих, священнослужителей, военных, меньшевиков, эсеров, кадетов, которые находились в оппозиции к ВКП(б). Читатель узнает, как Рязанов использовал свое влияние, чтобы помочь людям, как он организовал специальную службу для фиксации арестованных, принимал ходатаев и т.д. В этой же главе приведены благодарственные письма родных и друзей арестованных. Рокитянский рассказывает об истории правозащитного движения в России, которое, по мнению автора, берет начало не в последние десятилетия Советского Союза, а сразу же после Октябрьской революции (с. 323—363).

Две главы автор посвятил вкладу Рязанова в советскую и мировую науку. Здесь говорится и о его роли в спасении российских архивов в 1918—1920 гг., а также о его участии в создании Социалистической академии общественных наук и руководимого им Института К. Маркса и Ф. Энгельса, ставшего всемирным центром обществоведения, издававшим произведения Маркса, Энгельса, их предшественников и последователей. Автор приводит уникальные сведения о просветительской деятельности Рязанова, его избрании в Академию наук СССР (1929 г.), которую он пытался реформировать по европейскому образцу и т.д. Сталин воспрепятствовал претворению в жизнь его идей. Ему нужно было подчинить Академию и вскоре начались увольнения и аресты ее сотрудников. Тринадцатая глава завершается рассказом о том, как широко отмечался в марте 1930 г. 60-летний юбилей академика Рязанова, которого любили многие люди за его порядочность, смелость и демократичность.

В заключение автор рассказывает о том, как было сфабриковано Сталиным в начале 1931 г. дело академика Рязанова, о ссылке последнего в Саратов, а также о втором его аресте в июле 1937 г. и расстреле в 1938 г. по приказу Сталина, подписавшего в декабре 1937 г. расстрельный список, в котором упоминалось имя ученого (с. 433—559). Материалы, связанные с этими событиями, использованы автором в полной мере, в частности, приводятся саратовские письма Рязанова, рукописи его работ, протоколы допросов, воспоминания, тексты доносов на Рязанова и т.д. В результате сложилась впечатляю-

щая книга, она показывает, в каком состоянии Рязаново-Рязанову викаль: его стремление доказать свою невиновность, продолжить научную работу; отказ писать Сталину покаянное письмо, его мужественное поведение во время допросов, способность следователей навязать заключенному версию обвинения, его бесстрашное поведение на суде: «Был заседании, когда он заявил, что «всегда боролся против троцкизма. В своих убеждениях он никогда не искал ни союзников, ни сочувствующих» а поэтому это исключает его участие в правотроцкистской организации» (с. 544).

Рецензируемая книга, несомненно, является достижением исторической науки. Она не только дает представление о выдающемся ученом, общественном деятеле, но и вносит большой вклад в историю России первых десятилетий XX века. Ее можно рассматривать и как значительное литературное произведение, написанное ярко и эмоционально.

В данной рецензии отмечена лишь часть дискуссионных проблем. По существу Рокитянский, идя вслед за Рязановым, пытается опровергнуть значительную часть ленинских постулатов, начиная с самых ранних. Соглашаться или дискутировать с Рокитянским значило бы написать отдельную книгу. В рецензии не затрагиваются антисталинские высказывания автора, поскольку в этом нет предмета для дискуссии. Что же

касается отрицательного отношения Рокитянского к Сталину, то оно совершенно очевидно. Следует тем не менее отметить, что количество критических замечаний в адрес Ленина в этой книге значительно больше, чем в других известных рецензенту работах.

Строгий научный стиль изложения материала, порой, изменяет автору при характеристике Сталина. Выражения вроде «преступник, злодей» (с. 562), «аморальный и кровавый палач», «лицедеиство невежества, теоретической и идеологической беспощадности, всего самого плохого и преступного, что было в человеческой натуре» (с. 562), «один из величайших злодеев человечества» (с. 561), «наглые выходки» (с. 303); эпитеты типа «самый серый, хитрый и наглый» (с. 311), «злой, мстительный» (с. 297), «хамский» (с. 308), использованные автором во множестве, не украшают научный труд.

Книга талантливого ученого, дотошного исследователя, ставящая множество дискуссионных проблем, является убедительным примером плюрализма российской исторической науки. Несомненно, она вызовет серьезные соображения разного рода, позитивные и негативные замечания. Но было бы неправильным оставлять этот серьезный труд незамеченным.

Академик Ю.А. ПОЛЯКОВ